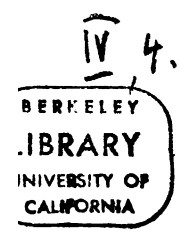

Tornakalna Latw. Palihdsibas Beedribas bibliotekas grahmatu leetoschanas nosazijumi

1) Beedriba isdod grahmatas lasischanai beedreem un nebeedreem.
2) Kà beedris, tà ari katrs nebeedris lasitajs eeleek 50 kap. saloga.
3) Beedri leeto grahmatas par brihwu, nebeedrim jamaksà 100 kap. par gadu.
4) Lasitajs dabu katru reisi lihds 1 — 3 sehjumus.
5) Jaunas grahmatas nedabu neweens, pirms naw jau panemtàs atdewis.
6) Grahmatas war paturet wisilgakais 4 nedelas.
7) Sabojatas, waj pasaudetas grahmatas lasitajam jasamaksà pilnâ wehrtibâ un sabojatu apleekamo papiri ar 3 kap.
8) Bibliotekas grahmatas ir beedribas ihpaschums, tapehz katra lasitaja peenahkums ir grahmatas taupit. Netihràm rokàm nemt grahmatas, pirkstus slapinat lapas schkirstot, lapas eeleekt, rakstit peesihmes us malàm u. t. t. ir stingri aisleegts.
9) Kas nosazijumus neispilda, tam teek atnemtas lasitaja teesibas.

Walde.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

ЯНВАРЬ 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 4-го января 1897 года. С.-Петербургъ.

[illegible]
[illegible]

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

По вопросу о томъ, какія отмѣтки требуются для полученія окончившими курсъ VIII класса женскихъ гимназій свидѣтельствъ на званіе домашней наставницы или учительницы, а также и для избранія воспитанницами VIII класса гимназій спеціальныхъ предметовъ.

Попечитель Московскаго учебнаго округа 30-го минувшаго іюля, за № 14.359, входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ изъяснилъ слѣдующее: вслѣдствіе неясности термина *одобрительный*, употребляемаго въ учебномъ планѣ VIII дополнительнаго класса женскихъ гимназій вмѣсто обычныхъ: *отличный*, *хорошій*, *удовлетворительный*, а также вслѣдствіе сопоставленія нѣкоторыхъ параграфовъ указаннаго учебнаго плана съ требованіями правилъ о спеціальныхъ испытаніяхъ на званіе домашней учительницы *), педагогическіе Совѣты нѣкоторыхъ изъ женскихъ гимназій Московскаго учебнаго округа установили порядокъ, по которому: 1) ученицы, окончившія общій курсъ (семь классовъ) гимназіи и поступившія въ VIII дополнительный классъ, могутъ избирать въ качествѣ спеціальнаго предмета лишь тотъ, по которому въ аттестатѣ, выданномъ имъ объ окончаніи общаго курса, имѣютъ отмѣтку не менѣе четырехъ (4); 2) званія домашней учительницы удостаиваются лишь тѣ лица, которыя, по окончаніи курса VIII класса, имѣютъ въ среднемъ выводѣ отмѣтку не менѣе четырехъ (4) по избранному ими спеціальному предмету. Вслѣдствіе сего лица, исполнившія удовлетворительно всѣ предъявляемыя къ нимъ въ VIII классѣ требованія и сдавшія удовлетворительно испытаніе по окончаніи курса этого класса, но получившія въ среднемъ выводѣ по предмету своей спеціальности отмѣтку менѣе 4 (хотя-бы

*) Въ пунктѣ *а* § 2 Учебнаго плана VIII дополнительнаго класса женскихъ гимназій значится, что въ VIII классъ принимаются безъ испытанія «ученицы женскихъ гимназій, получившія *одобрительный* аттестатъ объ окончаніи общаго курса въ оныхъ». Въ § 8 того-же плана значится, что ученицы, получившія *одобрительный* аттестатъ объ окончаніи общаго курса ученія въ гимназіи и исполнившія всѣ учебныя занятія VIII класса *удовлетворительно*, пользуются правами домашнихъ учительницъ. Правилами для спеціальныхъ испытаній на званіе домашней учительницы установлено, что званія этого удостаиваются лишь лица, оказавшія *отличныя* или *хорошія* познанія въ главныхъ предметахъ и не менѣе, какъ удовлетворительныя въ общихъ и вспомогательныхъ.

даже $3^3/_5$), званія домашней учительницы не удостаиваются, и послѣ удовлетворительныхъ занятій въ VIII классѣ въ теченіе цѣлаго года не пріобрѣтаютъ, стало быть, никакихъ лишнихъ правъ сравнительно съ ученицами, окончившими курсъ лишь семи классовъ гимназіи. Такъ какъ описанный порядокъ служилъ нерѣдко поводомъ для жалобъ родителей тѣхъ дѣвицъ, которыя послѣ *удовлетворительнаго* окончанія курса VIII класса не были удостоены свидѣтельствъ на званіе домашней учительницы, а равно и тѣхъ, которымъ при поступленіи въ VIII классъ было отказываемо педагогическими Совѣтами въ избраніи спеціальнымъ того предмета, по которому въ свидѣтельствѣ объ окончаніи общаго курса онѣ имѣютъ отмѣтку менѣе 4 (четырехъ), то попечитель округа просилъ указаній Министерства Народнаго Просвѣщенія по вопросамъ: 1) слѣдуетъ-ли при избраніи спеціальности лицами, окончившими семь классовъ гимназіи и принятыми въ VIII дополнительный классъ, ставить какія-либо ограниченія въ зависимости отъ отмѣтокъ, выставленныхъ этимъ лицамъ въ аттестатѣ объ окончаніи ими общаго курса гимназіи; 2) возможно-ли удостаивать званія домашней учительницы тѣхъ ученицъ VIII дополнительнаго класса, познанія которыхъ по предмету избранной ими спеціальности аттестованы при окончательной оцѣнкѣ отмѣткою не выше 3 (трехъ).

Въ отвѣтъ на вышеизложенное, Управляющій Министерствомъ, Товарищъ Министра, тайный совѣтникъ Аничковъ, предложеніемъ отъ 16 августа 1896 г., за № 20.238, сообщилъ слѣдующее: «Вслѣдствіе представленія отъ 30-го минувшаго іюля, за № 14.359, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что подъ упоминаемыми въ п. 2 учебнаго плана VIII дополнительнаго класса женскихъ гимназій *одобрительными* аттестатами слѣдуетъ разумѣть вообще аттестаты такихъ воспитанницъ, кои по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса получили *удовлетворительныя* отмѣтки. Равнымъ образомъ и для пріобрѣтенія званія домашней наставницы или учительницы достаточно полученія удовлетворительныхъ отмѣтокъ при окончаніи курса VIII дополнительнаго класса гимназіи». (Цирк. Кавказскаго учебн. окр. 1896 г., № 10).

О нормальномъ періодѣ времени для пріема на службу вольноопредѣляющихся.

(Предложеніе г. Министра Нар. Просв. отъ 3 іюля 1896 г., за № 16.328).

Начальникъ Главнаго Штаба сообщилъ мнѣ, что Государственный Совѣтъ въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ, Государственной Экономіи и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Военнаго Министерства объ измѣненіи статьи 174 Устава о воинской повинности, мнѣніемъ положилъ: въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: «Нормальный періодъ времени для пріема на службу вольноопредѣляющихся полагается съ 15 августа по 1 октября каждаго года. Срокъ службы для принятыхъ до 1 сентября исчисляется съ 1 сентября, а для всѣхъ остальныхъ—съ 1 октября.

Примѣчаніе. Вольноопредѣляющіеся могутъ поступать въ войска и до 15 августа, но и въ этомъ случаѣ срокъ ихъ службы исчисляется съ 1 сентября того года, въ которомъ они приняты въ войска».

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта 6 мая 1896 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. (Цирк. Московск. учебн. окр. 1896 г., №№ 6—7).

Объ участіи чиновъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ составѣ губернскихъ и уѣздныхъ коммиссій для производства первой всеобщей переписи.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что, согласно статьямъ 6, 11 и 13 Высочайше утвержденнаго 5 іюня 1895 г. положенія о первой всеобщей переписи населенія, ему предоставлено право привлекать къ дѣлу переписи и назначать въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ коммиссій чиновъ другихъ, сверхъ упомянутыхъ въ положеніи, вѣдомствъ, по соглашенію съ послѣдними.

На основаніи сего нѣкоторые изъ губернаторовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ имѣются не всѣ должностныя лица, кои по положенію должны входить въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ переписныхъ коммиссій, признали полезнымъ назначить въ составъ губернскихъ коммиссій директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, а въ составъ уѣздныхъ коммиссій — инспекторовъ и учителей городскихъ училищъ. Независимо отъ этого, губернаторы признали полезнымъ, въ случаѣ недостатка лицъ, поименованныхъ въ ст. 27 положенія, приглашать чиновъ Министерства Народнаго Просвѣщенія къ завѣдыванію переписными участками.

Не встрѣчая съ своей стороны препятствій къ назначенію вышеупомянутыхъ лицъ въ губернскія и уѣздныя переписныя коммиссіи, а равно и къ порученію имъ завѣдыванія переписными участками, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія о вышеизложенномъ сообщилъ г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа, для зависящихъ, въ чемъ будутъ слѣдовать, распоряженій. (Цирк. по управл. нар. учил. Кіевскаго уч. окр., 1896 г. № 11).

О разрѣшеніи учителямъ народныхъ училищъ принимать на себя обязанности счетчиковъ при производствѣ первой народной переписи.

При отношеніяхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ губернаторами и начальниками областей по вопросамъ предстоящей всеобщей переписи населенія выяснилось, что они встрѣчаютъ весьма серьезное затрудненіе въ пріисканіи необходимаго числа благонадежныхъ и достаточно образованныхъ лицъ, на которыхъ можно было-бы возложить обязанности счетчиковъ, отъ удачнаго состава коихъ зависитъ весь успѣхъ переписи, почему многіе изъ губернаторовъ обратились къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбою о содѣйствіи къ разрѣшенію возлагать означенныя обязанности на учителей народныхъ училищъ.

Сообщая сіе ходатайство на усмотрѣніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія, сенаторъ Горемыкинъ присовокупилъ, что занятія счетчиковъ по переписи будутъ продолжаться съ 28 декабря текущаго года по 1-е февраля 1897 года.

Вслѣдствіе сего графъ Делянов циркулярнымъ предложеніемъ отъ 22 сентября сего года за № 23.507 увѣдомилъ г. попечителя учебнаго округа, что въ видахъ обезпеченія успѣха столь важнаго государственнаго дѣла, какъ предстоящая перепись, съ его стороны не встрѣчается препятствія къ удовлетворенію изъясненнаго ходатайства гг. губернаторовъ. Объ этомъ г. попечитель объявляетъ по округу для свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій (ib.).

Объ освобожденіи учителей народныхъ училищъ, на которыхъ будутъ возложены обязанности счетчиковъ при переписи, отъ учебныхъ занятій. (25 ноября 1896 г., № 12.344).

Циркулярнымъ предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 22 сентября текущаго года за № 23.507, сообщеннымъ мною по округу въ циркулярномъ предложеніи 23 октября за № 10.817, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено возлагать на учителей народныхъ училищъ обязанности счетчиковъ при предстоящей всеобщей переписи населенія Имперіи.

Нынѣ вице-предсѣдатель главной переписной коммиссіи сообщилъ Министерству, что вслѣдствіе такого разрѣшенія губернаторами возбужденъ вопросъ о томъ, будутъ-ли учители означенныхъ училищъ освобождены на время производства переписи отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Принимая во вниманіе, что исполненіе обязанностей счетчиковъ учителями народныхъ училищъ будетъ возложено только при освобожденіи ихъ отъ учебныхъ занятій приблизительно на 2 недѣли до 1 февраля 1897 года, сенаторъ Семеновъ ходатайствуетъ о таковомъ освобожденіи тѣхъ изъ учителей, на которыхъ будутъ возложены обязанности счетчиковъ, объясняя, что, въ противномъ случаѣ, привлеченіе къ послѣднимъ народныхъ учителей окажется невозможнымъ, а это обстоятельство, за крайнимъ недостаткомъ пригодныхъ для сего лицъ, неминуемо подвергнетъ успѣхъ переписи весьма значительному риску и во многихъ мѣстностяхъ можетъ даже вовсе парализовать его.

Признавая, съ своей стороны, необходимымъ оказать возможное содѣйствіе въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, озабочиваясь, чтобы отвлеченіе народныхъ учителей отъ исполненія прямыхъ ихъ обязанностей не принесло ущерба дѣлу народнаго образованія, г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія находитъ возможнымъ освободить учителей народныхъ училищъ, на которыхъ будутъ возложены обязанности счетчиковъ при переписи, отъ занятій въ школахъ приблизительно за двѣ недѣли до 1 февраля будущаго 1897 г., съ тѣмъ, чтобы обязанности счетчиковъ были поручаемы преимущественно учителямъ тѣхъ народныхъ училищъ, при которыхъ имѣются помощники учителей.

Объ этомъ г. попечитель округа увѣдомляетъ для надлежащаго распоряженія, вслѣдствіе циркулярнаго предложенія Министерства отъ 12 ноября 1896 года за № 28.001 (ib.).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Брошюру: «*Виталій Эйнгорнъ*. Вѣнчаніе русскихъ государей на царство. Съ 20 рисунками. Цѣна 20 коп. М. 1896. Стр. 29+II»— одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Изданіе: «Извѣстія о коронаціонныхъ торжествахъ. Иллюстрированная газета. 1896. №№ 1—20. Редакторъ-издатель *Н. Аскархановъ*. Цѣна для учебныхъ заведеній: безъ доставки съ преміей 80 коп.; съ доставкой и пересылкой съ преміей 1 рубль» — допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ вообще учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Императоръ Николай I, зиждитель русской школы. Историческій очеркъ. Съ тремя портретами. Составилъ *М. С. Лалаевъ*. Спб. 1896. Стр. VI+275. Цѣна 2 рубля»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: «Книга для нѣмецкаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Iugendschatz. Deutsches Lesebuch für Elementarschulen und untere Classen mittlerer Lehranstalten. Herausgegeben von *K. Grube*, *W. Donner*, *Fr. Dohne und N. Friedenberg*. II Theil. Riga. 1896. Стр. 8+204. Цѣна въ переплетѣ 60 коп.»— одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для начальныхъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Изданіе: «Дни Священнаго Коронованія 1896 года. Изданіе товарищества скоропечатни *А. Левенсонъ*. Въ 4 долю. Стр. 266+II. Цѣна 1 рубль». (При выпискѣ 25 экземпляровъ и болѣе будетъ сдѣлана скидка 20% и разсрочка платежа на одинъ годъ. Для училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія будетъ приложено безплатно объявленіе о днѣ Священнаго Коронованія, напечатанное въ 22-хъ краскахъ) — допустить въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ всѣхъ вообще учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Горючія ископаемыя, ихъ происхожденіе, образованіе, поиски и основы раціональной геологіи. Составилъ *Іосифъ Юдыцкій*. 2-е изданіе. Спб. 1895. Цѣна 1 рубль 50 коп. 100 стр. съ 3 таблицами чертежей»—допустить въ фундаментальныя библіотеки реальныхъ училищъ.

— Книгу: «*П. Г. Якушевичъ*. Недуги школьнаго классицизма и мѣры для борьбы съ ними. Дидактическій этюдъ. Витебскъ. 1896. Стр. IV+92. Цѣна 35 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ гимназій.

— Книжку: «Stern Fibel. Leitfaden für den Schreib-Lese-Unterricht. Bearbeitet von *K. A. Hoch*, Oberlehrer der Scheibler'schen Schule zu Lodz. 1896. Стр. 62. Цѣна въ папкѣ 20 коп.»—рекомендовать какъ полезное

*) Журн. Мин. Нар. Просв. 1896 г., № 12.

пособіе при первоначальномъ обученіи нѣмецкому языку во всѣхъ нѣмецкихъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: «*А. Киселевъ*. Систематическій курсъ ариѳметики. Изданіе 9-е, книжнаго магазина В. В. Думнова. М. 1896. Стр. IV+230. Цѣна 75 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства.

— Книгу: «*А. Киселевъ*. Элементарная алгебра. Изданіе 7-е, книжнаго магазина В. В. Думнова. М. 1896. Стр. VII+301. Цѣна 1 руб. 10 коп.» — одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи алгебры въ гимназіяхъ и въ первыхъ шести классахъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора *П. Г. Виноградова*. Удостоена большой преміи императора Петра Великаго. Выпускъ первый. М. 1896. Стр. VII+446. Цѣна 1 руб. 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: «Проф. *М. Н. Петровъ*. Лекціи по всемірной исторіи, изданныя подъ редакціей *В. К. Надлера*. Томъ IV. Исторія новыхъ вѣковъ (отъ Вестфальскаго мира до эпохи національнаго конвента) въ обработкѣ проф. *В. П. Бузескула*. Харьковъ. 1894. Стр. VI+222. Цѣна 1 руб. 75 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: «Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды *Томаса Карлейля*. Переводъ съ англійскаго *В. И. Яковенка*. Съ приложеніемъ статьи переводчика о Карлейлѣ. Изданіе *Ф. Павленкова*. Спб. 1891. Стр. XVI+352. Цѣна 1 руб. 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) «*И. Вавиловъ*. «Который часъ?» Общедоступное руководство къ построенію всевозможныхъ солнечныхъ часовъ и повѣркѣ обыкновенныхъ часовъ по солнцу безъ помощи часовщика. Съ 13 рисунками. Изданіе *Ф. Павленкова*. Спб. 1889. Стр. II+44. Цѣна 30 коп. и 2) «*Э. Госпиталье*. Электричество въ домашнемъ быту. Со многими рисунками. Перевелъ съ французскаго *С. Степановъ*. Изданіе *Ф. Павленкова*. Спб. 1886. Стр. 293. Цъна 2 р.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: «*Г. Тиссандье*. Эйфелева башня. Съ 34 рисунками. Переводъ съ французскаго подъ редакціей инженера *Ю. Н. Эрлиха*. Изданіе *Ф. Павленкова*. Спб. 1890. Стр. 83. Цѣна 50 коп.» — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: «*Боттонъ*. Электрическіе звонки (electric bells), ихъ устройство, установка и обращеніе съ ними. Практическое руководство для любителей. Перевелъ съ англійскаго и дополнилъ инженеръ-механикъ

Д. Головъ. Изданіе *Ф. Павленкова.* Спб. Стр. VI+224»—допустить въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: «Лабиринтъ міра и Рай сердца. *I. А. Коменскаго.* Съ чешскаго языка перевелъ членъ Нижегородской ученой архивной коммиссіи *Ѳ. В. Ржига.* Нижній-Новгородъ. 1896. Стр. 158. Цѣна не обозначена»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Приключенія двухъ кораблей, или разсказы о царствѣ вѣчнаго холода. Составилъ *Н. А. Рубакинъ.* Съ 34 рисунками въ текстѣ. Изданіе *О. Н. Поповой.* Спб. 1896. Стр. 112. Цѣна не обозначена»—рекомендовать для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ городскихъ начальныхъ школъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: «Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимощенкова.* Съ предисловіемъ *А. М. Скабичевскаго.* Изданіе *Ф. Павленкова.* Спб. 1888. Цѣна 1 р. Стр. 230» — одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: «*М. И. Михельсонъ.* Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній). Второе, пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе. Спб. 1896. Стр. X+598. Цѣна 5 руб.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а равно и для раздачи ученикамъ старшихъ классовъ означенныхъ заведеній въ видѣ награды.

— Книгу: «Иллюстрированные романы Вальтера Скотта. Вэверлей, или 60 лѣтъ тому назадъ. Полный переводъ. Съ двумя картинами и 50 политипажами въ текстѣ. Изданіе второе, книжнаго магазина *П. В. Луковникова.* Спб. 1896. Цѣна 1 р. 50 коп. Стр. LX+515»—одобрить для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для учительскихъ библіотекъ народныхъ школъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Нижеслѣдующіе выпуски «Педагогической Библіотеки, издаваемой *К. Тихомировымъ* и *А. Адольфомъ*»: 1) выпускъ VII. *Иммануилъ Кантъ.* О педагогикѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *С. Любомудрова.* Съ портретомъ Канта и краткой его біографіей. М. 1896. Стр. 92. Цѣна 75 к.— 2) Выпускъ VIII. *Жанъ-Жакъ Руссо.* Эмиль, или о воспитаніи. Переводъ съ французскаго *П. Первова.* Съ портретомъ Руссо и статьей о жизни его и произведеніяхъ. М. 1896. Стр. XLVIII+651. Цѣна 3 р. 50 к.— 3) Выпускъ IX. *Джонъ Локкъ.* Мысли о воспитаніи. Переводъ съ англійскаго *А. Басистова.* Съ портретомъ Локка и очеркомъ его жизни и дѣятельности. М. 1896. Стр. XVI+241. Цѣна 1 р. 50 к.—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «*Е. Конради.* Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей. Изданіе *Ф. Павленкова.* Спб. 1895. Стр. 272. Цѣна 2 руб.»—одобрить для ученическихъ, средняго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Задушевные разсказы. *П. В. Засодимскаго.* Въ 2 томахъ. Съ рисунками художника *М. Малышева.* Изданіе 2-е, *Ф. Павленкова.* Спб. 1891. Стр. VI+287 и 264. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.»— допустить въ безплатныя читальни.

— Брошюру: «Объ утомленіи глаза. Д-ра медицины *Р. Каца.* Работа глазъ. Сущность и условія его утомленія. Предохраненіе глаза отъ переутомленія при работѣ. Съ 2 рисунками въ текстѣ. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1896. Стр. 17. Цѣна 20 к.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы слѣдующее изданіе брошюры, буде таковое понадобится, было напечатано болѣе крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

— Стѣнную таблицу, подъ заглавіемъ: «Главныя формы земной поверхности. Издалъ *Н. Киммель.* Рига. Цѣна 2 р.»—одобрить для пріобрѣтенія средними учебными заведеніями, на средства сихъ заведеній, въ качествѣ класснаго учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой таблицы на ней былъ указанъ подлинникъ, съ коего она воспроизведена.

— Книгу: «Долой оружіе! (Die Waffen nieder!). Анти-милитарный романъ *Берты Зутнеръ.* Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Н. Линдегренъ.* Съ предисловіемъ къ русскому изданію *Р. И. Сементковскаго.* Изданіе *Ф. Павленкова.* Спб. 1893. Стр. XII+411. Цѣна 80 к.» — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. *Ф. Гольцендорфа.* Переводъ съ нѣмецкаго и редакція *Н. Ѳ. Анненскаго.* Изданіе *Ф. Павленкова.* Спб. 1881. Стр. VIII+139. Цѣна 75 к.»— допустить въ безплатныя читальни.

— Книгу подъ заглавіемъ: «Библіотека для самообразованія, издаваемая подъ редакціей *А. С. Бѣлкина*, проф. *П. Г. Виноградова*, проф. *Н. Я. Грота*, проф. *М. И. Коновалова*, *П. Н. Милюкова*, *В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова.* I. Проф. *Минто.* Дедуктивная и индуктивная логика. Переводъ съ англійскаго *С. А. Котляревскаго.* Подъ редакціей *В. Н. Ивановскаго.* Второе, исправленное и дополненное изданіе. М. 1896. Цѣна 1 р. 75 к. XXIII+540+XIX стр.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Сборникъ алгебраическихъ задачъ, преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Составили *В. Арбузовъ*, *А. Mининъ*, *В. Мининъ*, *Д. Назаровъ*, преподаватели московскихъ гимназій. Изданіе четвертое, книжнаго магазина В. Думнова. М. 1896. Стр. IV+87. Цѣна 50 к.»—одобрить какъ учебное пособіе при прохожденіи алгебры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: «Ариѳметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Никульцевъ*, инспектирующій учитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища. Изданіе четвертое. М. 1897. Стр. IV+271.

Цѣна 70 к.»—допустить въ качествѣ руководства при прохожденіи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе всѣ указанія Ученаго Комитета.

— Книгу: «Книга для экскурсій. Руководство къ набивкѣ чучелъ, собиранію насѣкомыхъ, растеній и вообще къ постановкѣ коллекцій трехъ царствъ природы. Составилъ *Николай Сорокинъ*. По *Карлу Глазелю*. Съ 19-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе четвертое, дополненное. М. 1896. Изданіе *К. И. Тихомирова*. Стр. VI+144. Цѣна 40 к.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: «Lehrbuch der gemeinen Arithmetik. Für den Schulgebrauch bearbeitet von *A. Nathing*, Lehrer an der deutschen Hauptschule zu St. Petri. St.-Petersburg. 1896. Стр. 139. Цѣна не обозначена» — одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи ариѳметики въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: «*Э. Люкасъ*. Математическія развлеченія. Съ 55 фигурами. Перевелъ съ французскаго *В. И. Обреимовъ*. Изданіе *Ф. Павленкова*. Спб. 1883. Стр. IV+204. Цѣна 1 р.» — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Брошюру: «*В. Люстрицкій*. Азбука для начальныхъ училищъ и домашняго обученія. Часть I. Обученіе чтенію. Изд. V. Казань. 1896. Стр. 16. Ц. 6 к.» — допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена согласно указаніямъ Ученаго Комитета.

— Книгу: «Елабужское городское 3-хъ-классное училище (1809—1896). Историческая записка. Составилъ учитель-инспекторъ *Н. Кутше*. Изд. почетнаго смотрителя училища *Пр. Гирбасова*. Казань. 1896. Стр. 262+II. Ц. 1 р. 25 к.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а также учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Изданную книжнымъ магазиномъ *Я. Шермана* брошюру: «Наша старина. *М. Базилевскій*. Іегуда Галеви (Абулгасанъ), его жизнь и дѣятельность. Одесса. 1894. Стр. 43. Ц. 15 к.»—допустить въ библіотеки еврейскихъ училищъ.

— Книжку: «*П. Ершовъ*. Конекъ-Горбунокъ, русская сказка, съ 7 рисунками и портретомъ автора. Изд. 16-е. Спб. 1896. Стр. 128. Ц. 40 к.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при напечатаніи 17-го изданія этой сказки цѣна ея была понижена до 20 коп. и проставлена на обложкѣ печатно.

— Изданіе: «Басни Ивана Андреевича Крылова. 1768 — 1844. Изд. *И. Ѳ. Жиркова*. Книжка I. Для младшаго возраста. М. 1895. Стр. 62. Книжка II. Для средняго возраста. М. 1895. Стр. 63. Книжка III. М.

1895. Стр. 63. Книжка IV. М. 1895. Стр. 79. Цѣна каждой книжечкѣ 5 к.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ (по поводу столѣтія со дня его рожденія). 1794—1869. *А. Сизовой*. М. 1895. Стр. 48. Цѣна 15 к. (Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 678)»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книжку: «Краткая русская грамматика для народныхъ училищъ. *М. Алексѣевъ*. Псковъ. 1896. Стр. 81. Ц. 30 к.»—одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ.

— Книжку: «*А. Ф. Комаровъ*. Простые разсказы о садоводствѣ, огородничествѣ и полеводствѣ. Съ 12 рисунками. Изд. 5-е. М. 1891. Стр. 159. Ц. 30 к.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

— Изданіе: «Богатство отъ земли. Бесѣды объ успѣшномъ выращиваніи полезныхъ растеній. Сочиненіе *Чарльса Барнарда*. Перевелъ *П. Е. Волкенштейнъ*. Обработалъ *К. Низовскій*. Книжка I. М. 1895. Стр. 137. Ц. 30 к. Книжка II. М. 1896. Стр. 223. Ц. 40 к. Книжка III. М. 1896. Стр. 272. Ц. 50 к.» — одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

— Книжку: «Безпріютная въ тепломъ гнѣздышкѣ. Повѣсть изъ американской жизни по роману «Фонарщикъ» м-съ *Комминсъ*. Составила *Е. Б.* М. 1896. Стр. 89. Ц. 6 к.» — допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и низшихъ училищъ и въ народныя читальни.

— Сочиненіе *Д. Горностаева*: «Приготовленіе извести. 1896. Въ 8-ку, 19 стр. текста, съ однимъ листомъ чертежей. Ц. 4 к.» и сочиненіе *Д. Горностаева* и *А. Шкляева*: «Кирпичное производство. 1896. Въ 8-ку, 34 стр. текста, съ двумя листами чертежей. Ц. 6 к.»; обѣ книжки изданы вятскимъ губернскимъ земствомъ—признано возможнымъ допустить въ библіотеки народныхъ училищъ.

ИЛЬЯ ПЕТРОВИЧЪ ДЕРКАЧЕВЪ.

(По поводу 35-лѣтія его общественно-педагогической и литературной дѣятельности, 1861—1896 г.).

Въ прошломъ году московскій библіографическій кружокъ, въ своемъ журналѣ «Книговѣдѣніе», напечаталъ каталогъ книгъ, составленныхъ Ильей Петровичемъ Деркачевымъ, въ теченіе 34 лѣтъ литературно-педагогической дѣятельности его, въ промежутокъ времени съ 1861 по 1895 годъ. Въ этотъ списокъ вошло болѣе *пятидесяти* отдѣльныхъ книгъ этого автора, по вопросамъ дѣтскаго воспитанія и народнаго образованія, а въ примѣчаніи къ каталогу говорилось еще о неполнотѣ этого списка и въ заключеніи особенно подчеркивалось то обстоятельство, что всѣхъ книгъ, составленныхъ Деркачевымъ, разошлось за указанное время около *полутора милліона экземпляровъ*

Если мы къ этому прибавимъ, что, сверхъ того, И. П. Деркачевъ написалъ болѣе 50 статей въ различныхъ изданіяхъ *); что онъ не мало потрудился и на поприщѣ практической педагогіи, въ облати, начальнаго народнаго и средняго образованія; что лучшіе годы его жизни и дѣятельности протекли въ эпоху наибольшаго оживленія общественныхъ силъ; что онъ былъ современникомъ и сотрудникомъ на полѣ народнаго образованія К. Д. Ушинскаго, бар. Н. А. Корфа, гр. Л. Н. Толстого и немногихъ другихъ, то всего этого, намъ кажется, достаточно для того, чтобы очеркъ жизни и дѣятельности такого лица заслуживалъ общественнаго вниманія.

Илья Петровичъ Деркачевъ родился въ 1834 году, въ дорогѣ, въ Новороссійскихъ степяхъ, на пути изъ Малороссіи въ Крымъ, куда переселялись его родители на постоянное жительство, со всѣми чадами, домочадцами и даже стадами.

*) «Московскихъ Вѣдомостяхъ», ред. Корша, «Рѣчи», изд. Павловымъ, «Новороссійскомъ Телеграфѣ», «Сельскомъ Хозяинѣ», «Учителѣ», «Педагогическомъ Сборникѣ», «Педагогическомъ Музеѣ», «Народной Школѣ», «Новостяхъ» и др.

Родители И. П. поселились въ Симферополѣ, и здѣсь онъ учился сначала въ приходскомъ и уѣздномъ училищахъ, а затѣмъ поступилъ въ гимназію. Время ученія его было тяжелымъ временемъ, когда парили розги и розги, да, говоря словами Диккенса, «ручное обученіе». Оставивъ гимназію, Деркачевъ опредѣлился на службу въ таврическую палату гражданскаго суда, но продолжалъ заниматься латинскимъ языкомъ, имѣя намѣреніе поступить въ университетъ. Оставивъ службу, безъ всякихъ средствъ, разсчитывая только на свои молодыя силы, онъ отправляется въ Харьковъ, гдѣ въ 1855 году, по экзамену, и поступаетъ въ университетъ на медицинскій факультетъ. Въ университетѣ И. П. пробылъ менѣе года, такъ какъ былъ уволенъ за невзносъ платы. Тогда онъ поступаетъ учителемъ дѣтей въ домъ одного полтавскаго помѣщика. Здѣсь ему въ первый разъ пришлось познакомиться съ порядками тогдашняго крѣпостного права: онъ не выдержалъ, сбѣжалъ изъ дому и отправился искать счастья въ Москву. До первопрестольной онъ добрался почти безъ денегъ и поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ. Пробиваясь уроками и корректурой, И. П. пробылъ въ университетѣ $2^1/_2$ года, до такъ-называемой «Варнековской исторіи», вслѣдствіе которой, въ декабрѣ 1858 года, въ числѣ другихъ десяти студентовъ университета, прозванныхъ впослѣдствіи товарищами въ шутку «декабристами», онъ добровольно подалъ прошеніе объ увольненіи изъ университета.

Здѣсь мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе въ область воспоминаній И. П , которыми онъ подѣлился съ нами объ этомъ знаменательномъ моментѣ въ его жизни.

«Я, — писалъ онъ, — принадлежу къ числу тѣхъ недоучившихся студентовъ Московскаго университета, о которыхъ разсказывается на страницахъ историческихъ журналовъ, въ воспоминаніяхъ. Не знаю, задумывался-ли кто-нибудь серьезно надъ происхожденіемъ у насъ въ шестидесятыхъ годахъ множества недоучившихся студентовъ и надъ дальнѣйшею ихъ судьбою. Неужели-же молодая жизнь такихъ ех-студентовъ прошла безслѣдно для развитія русской общественной жизни? Развѣ они не трудились, не боролись, хотя-бы изъ-за своего существованія? А имъ, не вооруженнымъ спасительными университетскими дипломами, такая борьба, среди чиновнаго люда, должна была быть особенно чувствительною!..

«Я-бы могъ разсказать вамъ нѣсколько эпизодовъ изъ жизни такихъ ех-студентовъ, которые, умирая, не покладали, какъ говорится, своего оружія—боролись со зломъ до конца... Эти маленькіе и забытые (а, пожалуй, и забитые) дѣятели, проработавъ всю свою жизнь не для себя, а ради общественнаго блага, сошли въ могилу скромно,

тихо, не сказавъ даже никому—«вотъ какъ надо нести свой крестъ»... Они работали съ увлеченіемъ, но не для славы, а для дѣла. Они были, такъ сказать, заражены духомъ шестидесятыхъ годовъ и умерли отъ этой заразы. Намъ не мѣшало-бы заглядывать почаще въ *это* прошлое, которое все дальше и дальше уходитъ отъ насъ, и многое въ немъ становится уже почти непонятнымъ для современнаго поколѣнія, больше того — многое изъ прошлаго кажется иногда даже нелѣпымъ!.. Изъ-за чего, напр., въ шестидесятыхъ годахъ студенты толпами увольнялись изъ университетовъ? Изъ-за чего обрекали себя на страдальческую жизнь въ странѣ, гдѣ чинъ, дипломъ, званіе стоятъ на первомъ планѣ?!.. Къ чему было оставлять университетъ, чтобъ идти учить дѣтей грамотѣ по селамъ и деревнямъ? Такъ можетъ думать современное поколѣніе, и будетъ, разумѣется, право по своему. Теперь нѣтъ надобности студентамъ идти въ народные учителя, когда такого рода учителей наготовлено уже столько, что и мѣстъ для нихъ недостаетъ въ сельскихъ школахъ. Но тогда было совсѣмъ иное дѣло! Тогда учить дѣтей было некому. Тогда брались за это дѣло всѣ, графы и бароны, мѣщане и дворяне. Припомнимъ, сколько студентовъ увольнялось изъ Московскаго университета, чтобы уйти учить грамотѣ крестьянскихъ дѣтей совмѣстно съ графомъ Л. Н. Толстымъ, въ его «Ясной Полянѣ». Тогда для этого не требовалось спеціальныхъ свидѣтельствъ на право обученія, никому не воспрещалось открывать воскресныя школы, и такихъ школъ было открыто многое множество въ самой Москвѣ, чуть не въ каждомъ домѣ, гдѣ квартировали студенты. Но книгъ для чтенія въ воскресныхъ школахъ не было, — приходилось ихъ еще составлять и издавать. Вотъ въ это-то время и была составлена мною «Книга для школъ», и издана на средства разныхъ бѣдняковъ-студентовъ, занимавшихся безплатно обученіемъ въ воскресныхъ школахъ города Москвы. А «малороссійскій кружокъ» студентовъ Московскаго-же университета издалъ еще мою «Украінску Грамôтку», для украинскихъ школъ. Они полагали, что для малороссіянъ будетъ легче начинать свое обученіе грамотѣ на своемъ нарѣчіи. На «грамоткѣ» былъ выставленъ, впрочемъ, по желанію издателей, эпиграфъ изъ Т. Гр. Шевченка:

«Не цурайтесь того слова,
Що маты співала,—
Якъ малаго сповывала
Зъ малымъ размовляла».

«Потребность въ молодыхъ силахъ была велика; ихъ самопожертвованіемъ дорожили, а молодежь была крайне отзывчива на добрыя дѣла. Ради нихъ оставляла и университеты. Да, то было время сильно возбужденное, горячешное, болѣзненное! Видно, человѣчеству

суждено въ болѣзняхъ родить новый строй жизни. Тогда въ студенческихъ головахъ еще не являлись несоотвѣтствующія ихъ положенію стремленія; напротивъ, студенты занимались *самобичеваніемъ*. Изобличеніе пороковъ молодости также входило въ область увлеченій. Для этого у студентовъ былъ свой органъ. Это былъ рукописный сборникъ, въ которомъ помѣщались разные случаи изъ университеской жизни вообще и изъ студенческой въ особенности.

«Рукописный журналъ назывался «Изобличитель», и выходилъ въ зеленой обложкѣ (цвѣтъ надежды), на которой красовалась крупная латинская надпись: Dum spiro—spero (пока дышу, надѣюсь, т.-е. на исправленіе студентовъ). «Изобличитель» переписывался во множествѣ экземпляровъ и читался студентами нарасхватъ. Въ студенческомъ журналѣ помѣщались также и промахи профессоровъ, сдѣланные ими на лекціяхъ. Дряхлые ученые авторитеты стали падать!.. Полемика «Байбороды» (псевдонимъ проф. Леонтьева) съ извѣстнымъ краснобаемъ и даровитымъ профессоромъ римскаго права Никитою Крыловымъ много подливала масла въ студенческій журналъ. Невѣжество обличалось, а старость спѣшила оставить каѳедру...

«Даже «благоразумные» студенты историко-филологическаго факультета Московскаго университета не миновали увлеченій! Въ «Изобличителѣ» была разсказана исторія, которую учинили студенты-филологи молодому профессору Майкову (автору «Исторіи Сербіи») на пробной лекціи. Очень картинно было разсказано, какъ студенты, одинъ за другимъ, гуськомъ, выходили изъ аудиторіи, топая каблуками, «какъ въ мазуркѣ». Коноводомъ въ этой исторіи былъ студентъ четвертаго курса, теперь профессоръ и извѣстный московскій дѣятель по устройству высшихъ женскихъ курсовъ. Этихъ шалуновъ не исключили тогда изъ университета, и молодые люди, остепенившись, сдѣлались учеными мужами и видными общественными дѣятелями... Но, конечно, не всегда такъ благополучно кончались студенческія недоразумѣнія, чему примѣромъ можетъ служить исторія съ профессоромъ медицинскаго факультета Варнекомъ. За неделикатныя рѣчи проф. Варнека, сказанныя только на медицинскомъ факультетѣ, оскорбился весь университетъ: заговорили о поголовномъ выходѣ, для чего и стали собирать подписи студентовъ, желающихъ оставить университетъ. Много было дано рукописныхъ утвержденій на этотъ счетъ, но когда пришлось исполнить обѣщаніе на дѣлѣ, то сдержавшихъ свое слово оказалось только *десять человѣкъ*... Въ числѣ этихъ десяти студентовъ находится и вашъ покорнѣйшій слуга... Нѣкоторые изъ моихъ товарищей по добровольному увольненію поступили потомъ въ Петербургскій университетъ и окончили курсъ. Я же

Илья Петровичъ Деркачевъ.

увлекся педагогической дѣятельностью, также борьбою за существованіе, и въ университетъ уже не возвращался...

«Въ томъ студенческомъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ и вашъ покорнѣйшій слуга, числились юноши, крайне увлекающіеся всякимъ дѣломъ. Нарушать данное слово считалось преступленіемъ. Поступать противъ убѣжденій—этого ни въ коемъ случаѣ не допускалось. Одинъ изъ членовъ этого кружка, Маккавеевъ, будучи уже на пятомъ курсѣ медицинскаго факультета, вышелъ изъ университета послѣ одной блистательной рѣчи молодого тогда профессора З. Сей-профессоръ, теперь первостатейный московскій тузъ медицины и даже всероссійская извѣстность, возвратясь изъ Берлина, громилъ на своихъ лекціяхъ современное состояніе медицины, а практикующихъ медиковъ называлъ просто шарлатанами.—«Я не желаю быть шарлатаномъ»,—сказалъ просто Маккавѣевъ, и вышелъ изъ университета. Отецъ его, провинціальный врачъ, умиралъ въ это время въ бѣдности и оставлялъ свою жену и дочерей въ полнѣйшей нищетѣ; надежда на сына, кончавшаго тогда курсъ на медицинскомъ факультетѣ, рушилась! Но отецъ, умирая, благословилъ своего сына, сказавъ: «Я не поступалъ никогда противъ своихъ убѣжденій, и тебя не насилую»... И достойный сынъ достойнаго отца въ университетъ не возвратился, не смотря на уговоры самого З... Вотъ на бывшаго однокурсника Маккавѣева И. блистательная лекція проф. З. не подѣйствовала! Изъ него вышелъ богатѣйшій изъ московскихъ врачей и конкуррентъ проф. З.

«Странная, очень странная была въ то время молодежь! Три студента, сидя за кружкой пива, *поклялись* другъ передъ другомъ, что они *никогда* не женятся. Мнѣ, вотъ, теперь 56 лѣтъ (писано въ 1890 году), а я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ женатъ: они всѣ еще живы, и я вѣрю, что они не женились лишь потому, что были связаны *«честнымъ словомъ честной молодежи»*. Я видѣлся съ однимъ изъ такихъ чудаковъ, малороссомъ. Старикомъ уже возвращался онъ съ далекаго сѣвера на свою родину. Жалуясь на то, какъ ему было трудно жить одному безъ жены, онъ, ухмыляясь, говорилъ: «А все-таки не обжинивси; не хай и ті живутъ бізъ жінокъ»... Это былъ упрямый хохолъ, но сердечный человѣкъ! Все свое состояніе онъ израсходовалъ на помощь студентамъ-бѣднякамъ и прочей бѣднотѣ. Объ этой личности, тоже недоучившемся студентѣ, можно было-бы написать цѣлую повѣсть. Въ «Журналѣ Министерства Нар. Просв.» помѣщались его статьи, этнографическіе очерки нашего сѣвернаго края. Можно съ полнымъ правомъ сказать словами поэта: «Да, были люди въ наше время»... Не смотря на свою молодость, были крѣпки въ своемъ словѣ. Но много еще

было и такихъ, что не отличались доброю нравственностью. Вотъ противъ такихъ-то студентовъ и велась война въ «Изобличителѣ». Въ исключительныхъ случаяхъ изобличительныя замѣтки вели за собой студенческій самосудъ. Даже самому не вѣрится, чтобы *«такое»* происходило въ стѣнахъ Московскаго университета! А, между тѣмъ, я очень хорошо помню судъ, происходившій въ большой юридической аудиторіи надъ студентомъ-ростовщикомъ. Это не былъ судъ въ томъ смыслѣ слова, какъ мы, обыкновенно, его понимаемъ. Это было просто разбирательство дѣла, провѣрка фактовъ и выслушиваніе объясненій съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ, студенты расходились, составляя о дѣлѣ то или другое мнѣніе. Обвиняемый, въ силу сознанія своей вины, часто самъ увольнялся изъ университета, не желая исправиться или снова и снова подчиняться товарищескому суду! Но изъ такихъ личностей никогда потомъ не выходили честные общественные или государственные дѣятели».

Объясняя такого рода нравственное движеніе среди тогдашней учащейся молодежи, И. П. говоритъ:

«Московскіе студенты того времени, казалось, чувствовали живую потребность открывать свои больныя мѣста, чтобы сдѣлать ихъ болѣе доступными уврачеванію. Они желали, прежде вступленія на поле общественной дѣятельности, освободиться отъ дурныхъ инстинктовъ, унаслѣдованныхъ ими со временъ кулачнаго права»...

«Вотъ сколько написалъ вамъ разной разности,—говоритъ въ заключеніе И. П.,—писалъ на скорую руку, безъ всякой послѣдовательности,—что пришло первое на мысль. Время не терпитъ, а мнѣ хотѣлось сообщить вамъ только нѣсколько фактовъ изъ прошлой студенческой жизни, чтобы дать вамъ понятіе о томъ *котлѣ*, въ которомъ кипятились наши молодыя силы»...

По выходѣ изъ университета, И. П. предстояло заняться частнымъ трудомъ, и онъ избралъ литературно-педагогическую дѣятельность. Онъ начинаетъ сотрудничать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи Корша и въ «Рѣчи». Но, увлекаемый общимъ потокомъ тогдашняго времени, И. П. скоро начинаетъ принимать горячее участіе въ устройствѣ и преподаваніи въ воскресныхъ школахъ Москвы, а въ началѣ 1861 года издаетъ первый свой сборникъ для этихъ училищъ подъ заглавіемъ «Книга для школъ», въ концѣ того-же года—«Украінску грамотку», о которыхъ говорилось въ вышеприведенныхъ воспоминаніяхъ.

Чтобы лучше и правильнѣе понять и оцѣнить значеніе этихъ первыхъ литературно-педагогическихъ опытовъ И. П., необходимо вспомнить, что это было за время, когда они появились въ свѣтъ.

Это было время, когда, по словамъ одной изъ характеристикъ *) этой эпохи, мы пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что безъ народа, безъ этой громадной, спавшей въ рабствѣ и невѣжествѣ массы, невозможно полное развитіе русской цивилизаціи. Чтобы развитіе наше было полное, мы должны были слить свои интересы съ его интересами, а между тѣмъ, то, что вошло въ нашу плоть и кровь, народу было почти недоступно. Мы постоянно отдаляли себя отъ народа и съ пренебреженіемъ смотрѣли на эту неразвитую массу. Пути наши были совершенно противоположны. Народъ жилъ прошлымъ, оставался вѣренъ прожитому, каково-бы оно тамъ ни было, иногда даже твердо стоялъ за него. У него были свои преданія, свои вѣрованія. Это движеніе и выразилось появленіемъ повременныхъ изданій и книгъ, частью написанныхъ исключительно для народа, частью составленныхъ изъ давно извѣстныхъ произведеній русской литературы; появились журнальныя статьи, толкующія о народѣ и народности, доказывая тѣмъ, что мысль о необходимости образованія нашего народа вошла, если не въ общее, то, по крайней мѣрѣ, въ сознаніе образованнаго меньшинства...

Въ ряды этого образованнаго меньшинства и сталъ И. П., одушевленный самымъ искреннимъ желаніемъ послужить, въ мѣру своихъ силъ, на пользу народа и пріобщенія его просвѣщенію. Его «Книжка для школъ» и является первымъ опытомъ на новомъ поприщѣ практическаго служенія дѣлу народнаго просвѣщенія, и опытомъ, для тогдашняго времени весьма замѣчательнымъ, обратившимъ сейчасъ-же на себя вниманіе тогдашней печати, наиболѣе чуткой къ интересамъ народнаго образованія.

Такъ, одинъ изъ тогдашнихъ литературныхъ обозрѣвателей **) говоритъ о «Книжкѣ для школъ» нижеслѣдующее: «Одинаково съ книгами для народа, чувствуется нужда въ книгахъ для первоначальнаго чтенія. Преподаватели воскресныхъ школъ болѣе другихъ могли вполнѣ оцѣнить этотъ недостатокъ: имъ часто приходилось брать для чтенія такія книги, которыя требовали многихъ поясненій и были не совсѣмъ доступны читающимъ. Г. Деркачевъ поднялся помочь этой бѣдѣ, издавъ свою «*Книгу для школъ*». Въ этой книгѣ собраны разсказы, доступные пониманію всѣхъ простолюдиновъ и интересные для читателей не одного младшаго возраста. Выборъ сдѣланъ довольно удачно, и мы встрѣчаемъ здѣсь произведенія Крылова, Даля, Хемницера, Полевого, Кокорева, Некрасова, Кольцова, Полежаева, Тургенева, Вовчка, Жуковскаго, Лермонтова и Пушкина.

*) «Русская Рѣчь», № 6, 1861.

**) Фельетонъ «Литературная Лѣтопись», «Спб. Вѣд.», № 137, 1861 г.

Замѣтно, что за дѣло взялся человѣкъ знающій, не шарлатанъ и не спекуляторъ»... А какъ широко уже и тогда смотрѣлъ И. П. на дѣло начальнаго образованія, можно судить по слѣдующему. Помѣстивъ въ книгѣ пословицы, онъ по поводу ихъ говоритъ: «Пословицы помѣщены въ изданіи съ цѣлью извлечь изъ преподаванія пользу для науки. Учитель, читая пословицу, спрашиваетъ ученика, не слыхалъ-ли онъ изреченія въ этомъ родѣ, и проситъ его, если ученикъ услышитъ такое изреченіе дома, записать и сообщить ему. Конечно, это должно дѣлаться не безсознательно, и учитель объяснитъ, какое значеніе имѣютъ пословицы вообще». «Предложеніе г. Деркачева,— замѣчаетъ отъ себя обозрѣватель,—вполнѣ заслуживаетъ одобренія, и нѣтъ сомнѣнія, что преподаватели имѣютъ возможность собрать весьма интересные и богатые матеріалы народной словесной литературы. Тѣмъ-же способомъ, какъ будутъ собираться пословицы, можно будетъ дополнять существующія собранія легендъ, сказокъ. Собранные такимъ образомъ разсказы должни быть прочитаны, а нѣкоторые изъ нихъ и объяснены по возможности. Тутъ представляется та выгода, говоритъ справедливо г. Деркачевъ, что «отъ дѣтей гораздо легче вывѣдывать народные предразсудки, которые легко могутъ быть искореняемы въ самомъ ихъ зародышѣ»... Въ *краткой замѣткѣ* которой начинается книга, издатель полагаетъ совершенно безполезнымъ распространяться объ употребленіи этихъ разсказовъ въ воскресныхъ школахъ. «Хорошій учитель,—говоритъ онъ,—съумѣетъ развить въ дѣтяхъ чувство прекраснаго, любовь и самоотверженіе, Онъ, основываясь на прочитанныхъ разсказахъ, съумѣетъ показать, какъ должно жертвовать собою и своимъ счастьемъ для правды и добра». Замѣтка заканчивается указаніемъ, что цѣна книги назначена умѣренная, мы-же можемъ прибавить, что, сверхъ того, издатели (а это были бѣдные студенты) дѣлали учебнымъ заведеніямъ еще уступку въ 20 проц...

Что-же касается до «Украінской грамотки», то это совсѣмъ маленькая книжечка, и есть не что иное, какъ малороссійскій букварь, составленный по звуковому способу, съ коротенькими повѣствовательными статейками. Книжка начинается методическими указаніями для учителя и дѣлится на 10 уроковъ, въ которые, по увѣренію автора, возможно научиться простой грамотѣ. Каждому уроку предшествуютъ краткія руководящія замѣтки для учителя, какъ вести дѣло обученія по данному уроку. Къ книжкѣ приложенъ перечень главнѣйшихъ руководствъ по обученію малороссійской грамотѣ, «за для дітворы и що—до читання»; подпись: «скомпанувавъ Илья Деркачъ». Книжка была издана въ количествѣ 10 тыс. экземпл. и разослана безплатно по народнымъ школамъ Южной Россіи.

Существуя частными уроками, а остальное время посвящая занятіямъ въ воскресныхъ школахъ, И. П. прожилъ въ Москвѣ до конца 1862 года, когда онъ былъ приглашенъ въ домъ, теперь покойнаго, графа А. П. Бобринскаго, бывшаго министра путей сообщенія въ царствованіе Императора Александра II,—для занятій съ сестрами и братьями его жены (урожденной Писаревой). Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Тульской губерніи, въ родовомъ имѣніи Бобринскихъ, «Богородицкѣ», И. П. въ 1863 году, вмѣстѣ съ этимъ семействомъ, въ первый разъ поѣхалъ за-границу. Здѣсь у него просыпается жажда дальнѣйшаго образованія, и онъ оставляетъ домъ Бобринскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпеченное положеніе, и съ небольшимъ сбереженіемъ ѣдетъ въ Гейдельбергъ, чтобы тамъ послушать знаменитаго криминалиста Митермейера и др. корифеевъ науки, которыми гремѣлъ тогда Гейдельбергскій университетъ. Здѣсь онъ остается недолго, и по причинѣ болѣзни и по совѣту извѣстнаго клинициста, проф. Фридерейха, долженъ былъ вернуться на родину, въ Крымъ, и тамъ лѣчиться. Поселясь въ Севастополѣ, И. П., хотя и больной, для поддержанія своего существованія, возвращается къ общественной, педагогической дѣятельности; онъ принялъ частнымъ образомъ, по найму, мѣсто преподавателя русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ и въ женской школѣ. Горячо увлекаясь дѣломъ, къ которому у него, несомнѣнно, было призваніе, И. П. принялся, съ рвеніемъ молодости и искренней любви къ дѣтямъ, за преподаваніе своего предмета. При этомъ онъ начинаетъ отстаивать интересы дѣтей передъ ретроградными товарищами по занятіямъ, и этотъ образъ дѣйствій его вскорѣ нажилъ ему въ ихъ средѣ непримиримыхъ враговъ. Ихъ жалобы и интриги дошли до попечителя Одесскаго учебнаго округа Арцимовича, который командировалъ въ Севастополь для разбора дѣла сперва одного своего окружного инспектора, князя Дабижу, а затѣмъ и другого, бывшаго профессора Варенцова. Оба эти лица нашли дѣйствія И. П. вполнѣ благонамѣренными и доброжелательными, и устройство имъ при уѣздномъ училищѣ библіотеки для чтенія школьниковъ было даже поставлено ими въ особую заслугу, такъ какъ эта библіотека была устроена И. П. на частныя средства, собранныя среди мѣстныхъ гражданъ.

Несмотря на непріятности, поддерживаемый и ободряемый сочувствіемъ немногихъ лучшихъ мѣстныхъ жителей, И. П. проработалъ въ Севастополѣ два года и оставилъ по себѣ среди мѣстныхъ жителей настолько добрую память, что, когда, болѣе двадцати лѣтъ спустя, онъ снова, по болѣзни, попалъ въ этотъ городъ, то былъ встрѣченъ съ особеннымъ радушіемъ его бывшими учениками, а теперь уже людьми почтенными...

Въ Севастополѣ здоровье И. П. поправилось, а въ это время изъ Одессы пришло лестное предложеніе занять мѣсто учителя русскаго языка въ Херсонской мужской классической гимназіи, гдѣ директоромъ былъ тогда Коленко, а затѣмъ извѣстный педагогъ Бѣлый, инспекторомъ, при директорѣ Бѣломъ, нынѣ извѣстный писатель П. Н. Полевой. И. П. принялъ предложеніе, переѣхалъ въ Херсонъ и энергично взялся за преподаваніе своего любимаго предмета. Тутъ у него явилась мысль составить для чтенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ хрестоматію, въ которыхъ тогда чувствовался большой недостатокъ. Онъ выполнилъ свой трудъ и въ рукописи представилъ его на разсмотрѣніе тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія, гр. Д. А. Толстого, который былъ въ Херсонѣ на ревизіи, былъ у И. П. на урокѣ и, очевидно, вынесъ настолько хорошее впечатлѣніе, что пожелалъ ближе познакомиться съ И. П., для чего пригласилъ его къ себѣ на завтракъ. За завтракомъ, въ присутствіи фонъ-Брадке (тогдашняго директора Департамента народнаго просвѣщенія) и попечителя Одесскаго учебнаго округа, Голубцова, И. П. долженъ былъ изложить Министру свою программу занятій русскимъ языкомъ и свои мысли по предмету воспитанія и образованія вообще. По окончаніи завтрака, Министръ написалъ въ Петербургъ письмо члену Ученаго Комитета Галахову, прося его сдѣлать разборъ письменнаго труда И. П. и донести ему по возвращеніи въ Петербургъ. Сверхъ того, гр. Толстой просилъ попечителя Голубцова перевести И. П. въ Одессу, на такое-же мѣсто учителя русскаго языка въ гимназіи. При этомъ министръ сказалъ: «Тамъ вы найдете для себя и для своихъ работъ лучшія средства».

Подавъ прошеніе попечителю Голубцову о переводѣ, по его указанію, во вторую Одесскую гимназію, И. П. уѣхалъ на каникулы въ Ялту. Здѣсь, нѣсколько недѣль спустя, онъ встрѣтился съ попечителемъ и узналъ отъ него, что мѣсто, предназначавшееся ему, уже занято сыномъ директора этой гимназіи, но что, связанный словомъ Министра, онъ, попечитель, постарается пристроить И. П. на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, въ Одессѣ-же. Эта неожиданная неудача сильно разстроила И. П.; онъ не выдержалъ, рѣзко объяснился съ Голубцевымъ... и въ результатѣ остался безъ мѣста.

Съ наступленіемъ осени и началомъ учебныхъ занятій И. П. отправился въ Симферополь искать для себя подходящей работы. Здѣсь онъ скоро нашелъ себѣ дѣло, и два года, проведенные имъ затѣмъ въ этомъ городѣ, онъ считаетъ одними изъ лучшихъ по результатамъ своей дѣятельности въ общественно-педагогической области.

Директоромъ Симферопольской гимназіи въ то время былъ и тогда уже достаточно извѣстный писатель Евг. Львъ. Марковъ. Къ нему-то

И. П. и обратился съ просьбой о занятіяхъ, но при гимназіи никакого мѣста не оказалось. Тогда у него явилась мысль занять мѣсто учителя въ приготовительномъ классѣ, устроенномъ Ев. Марковымъ при гимназіи. У Деркачева явилось сильное желаніе поучить малолѣтковъ въ той гимназіи, въ которой онъ самъ когда-то учился, но поучить не по старому, а по новому. Директоръ изъявилъ согласіе на предложеніе И. П., но только затруднялся въ денежныхъ средствахъ, чтобы оплачивать труды И. П., такъ какъ классъ содержался на деньги, получаемые съ учениковъ за ученіе (по сорока рублей въ годъ), а въ классѣ къ новому академическому году оставался всего *одинъ* ученикъ; отсутствіе учениковъ объяснялось обременительной платой за ученье.

И. П. взялся за классъ на свой страхъ и рискъ, не требуя для себя никакого вознагражденія отъ дирекціи училищъ и прося лишь дать помѣщеніе и обстановку. Директоръ Марковъ оказалъ И. П. просимое содѣйствіе, и въ такомъ видѣ дѣло стало сразу на довольно твердую почву и классъ быстро наполнился учениками. Невольно является вопросъ, что-же такъ рѣзко перемѣнило къ нему отношенія? Несомнѣнно, талантъ преподавателя и, особенно, новый раціональный методъ преподаванія. Занятія въ классѣ И. П. велъ по способу нагляднаго обученія (такъ гласила и вывѣска). Но что особенно расположило мѣстное общество въ пользу класса и что было совершенной новостью и притомъ пріятной, такъ это то, что классъ былъ всегда открытъ для всякаго желавшаго посѣтить его. Сначала въ классѣ преподавалъ одинъ И. П., но вскорѣ составъ учащихся въ немъ настолько увеличился, что потребовался второй учитель, и тѣ-же родители, платя прежніе 40 руб., теперь не жаловались на высокую плату.

Вскорѣ приготовительнымъ классомъ живо заинтересовалось и мѣстное земство. Для послѣдняго была настоятельная необходимость поддержать и сохранить классъ, гдѣ преподавалось по наглядному способу, потому что въ этотъ классъ можно было во всякое время посылать народныхъ учителей для того, чтобы они присматривались къ лучшимъ способамъ преподаванія и знакомились съ тѣми пособіями, какія употребляются при наглядномъ обученіи. Впослѣдствіи Е. Марковъ далъ подробное описаніе этого приготовительнаго класса въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ *), въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: что «классъ, устроенный по способу нагляднаго обученія, былъ организованъ вполнѣ правильно: этотъ классъ *могъ сдѣлаться для края* разсадникомъ новыхъ педагогическихъ силъ», и это предположеніе г. Маркова впослѣдствіи оправдалось.

*) «Бесѣда», № 3, 1872 г.

Такъ, очевидно, смотрѣло на него и таврическое земство, а потому и рѣшило устроить при классѣ учительскій съѣздъ, каковыхъ и было два въ началѣ лѣта 1869 и 1870 годовъ, по программамъ, утвержденнымъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа; руководителемъ обоихъ этихъ съѣздовъ и былъ И. П., и о первомъ изъ нихъ онъ напечаталъ въ свое время отчетъ въ наиболѣе распространенномъ тогдашнемъ педагогическомъ журналѣ [1]), а другой, вслѣдствіе прекращенія журнала, въ мѣстномъ періодическомъ органѣ [2]). Изъ этого отчета видно, какъ онъ велъ преподаваніе въ приготовительномъ классѣ и занятія на первомъ съѣздѣ; между прочимъ, видно, что руководящею мыслью его было убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что *дѣтей слѣдуетъ не только учить, но и развивать*. Въ итогѣ семидневныхъ занятій съѣзда задача, возложенная земствомъ на И. П., была имъ выполнена весьма удовлетворительно [3]), какъ это видно изъ «Отчета о начальныхъ народныхъ училищахъ въ Таврической губ.», члена губ. училищнаго Совѣта А. Филиберта.

На этомъ первомъ съѣздѣ И. П. была выработана «Азбука» по звуковому способу, которая и была издана губернской земской управой, въ количествѣ 10 тыс. экз., для безплатной разсылки по школамъ уѣзда.

Занятія второго съѣзда, происходили въ томъ-же приготовительномъ классѣ и также подъ руководствомъ Деркачева. Разница лишь въ томъ, что этотъ съѣздъ носилъ уже оффиціальный характеръ: онъ былъ открытъ директоромъ народныхъ училищъ и состоялъ подъ его наблюденіемъ. Этотъ второй съѣздъ, между прочимъ, посѣщалъ и извѣстный педагогъ К. Д. Ушинскій. Вотъ что говорилъ И. П. объ этомъ знаменательномъ для него знакомствѣ въ статьяхъ: «Добрая встрѣча съ К. Ушинскимъ» [4]), напечатанной сейчасъ-же по полученіи вѣсти о его смерти, и позднѣе въ другой статьѣ «О книгахъ для сельскихъ школъ» [5]), интересныхъ, кромѣ того, по нѣкоторымъ косвеннымъ объясненіямъ послѣдующихъ событій въ жизни И. П.

«Съ Ушинскимъ я познакомился въ Симферополѣ во время второго съѣзда народныхъ учителей Таврической губерніи, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 г. Это знакомство я отношу къ самымъ отраднымъ минутамъ моей жизни. Среди самыхъ неблагопріятныхъ условій при-

---

1) «Учитель», №№ 17, 19, 1869 г.

2) «Новор. Тел.», 1870 г., № 148.

3) См. «Отчетъ о начальныхъ народныхъ училищахъ въ Таврической губ.» А. Филиберта.

4) «Новор. Телегр.», № 11, 1871 г.

5) «Новости», № 243, 1887 г.

шлось мнѣ руководить вторымъ съѣздомъ народныхъ учителей. Я терялся, осуждалъ себя и свои занятія—я былъ одинъ и не у кого было спросить совѣта и разумныхъ указаній. Наконецъ, я отказался отъ руководства. Съ пріѣздомъ Ушинскаго я снова взялся за дѣло, я зналъ, что встрѣчу въ немъ не судъ и осужденіе, а снисхожденіе и полезные уроки. И я не ошибся: всѣ свободные часы онъ охотно посвящалъ на бесѣды со мною»... Ушинскій крайне интересовался школой, устроенной «по способу нагляднаго обученія» (т.-е. классомъ И. П.), еще болѣе онъ интересовался занятіями народныхъ учителей въ этой школѣ.

«Видѣлъ я много разъ съѣзды германскихъ учителей,—говорилъ Ушинскій,—но съѣздъ русскихъ народныхъ учителей пришлось увидѣть въ первый разъ...» И, несмотря на крайне плохое состояніе здоровья, Ушинскій цѣлые часы просиживалъ въ классѣ: спрашивалъ дѣтей, спорилъ съ учителями и никто не чувствовалъ на себѣ подавляющаго духа, какимъ иногда вѣетъ отъ авторитетныхъ лицъ... «Слабы были силы нашего педагога,—говоритъ И. П.,—но духъ его былъ бодръ».

«Совсѣмъ было болѣзнь меня изнурила, но вы, господа, возбудили меня»,—говорилъ Ушинскій учителямъ, и на другой-же день пошелъ на экзаменъ въ приготовительный классъ женской гимназіи и просидѣлъ съ 9-ти до 3-хъ часовъ». И. П. прибавляетъ, что Ушинскій хотѣлъ было поселиться въ Симферополѣ и помѣстить своихъ дѣтей въ гимназію; но, услышавъ о введеніи въ курсъ греческаго языка, перемѣнилъ свое намѣреніе.

«Вотъ тотъ городъ, въ которомъ ужъ другой разъ пробую пріютиться—и не успѣваю,—говорилъ Ушинскій И. П.—Въ началѣ моей педагогической дѣятельности я просился въ этотъ городъ учителемъ уѣзднаго училища, но не получилъ разрѣшенія...»

Уѣзжая, К. Д. Ушинскій подарилъ И. П. свои сочиненія съ надписью: «Въ знакъ глубокаго моего уваженія къ вашимъ трудамъ по съѣзду народныхъ учителей».

Описываемый второй съѣздъ учителей закончился весьма знаменательнымъ для И. П. событіемъ. Участники съѣзда, учителя-бѣдняки, движимые признательностью къ И. П., сложились и поднесли ему на память золотые часы съ очень трогательнымъ адресомъ. На второмъ-же съѣздѣ былъ и попечитель Одесскаго учебнаго округа, Голубцовъ, имѣвшій основаніе быть особенно недовольнымъ И. П. потому, что онъ какъ разъ въ это время, увлекаясь дѣломъ народнаго образованія, отклонилъ его лестное предложеніе, переданное по телеграфу, занять мѣсто преподавателя русскаго языка на Одесскихъ педагогическихъ курсахъ».

Отчетъ о съѣздѣ учителей привелъ И. П. къ перепискѣ съ другимъ извѣстнымъ педагогомъ-современникомъ Н. А. Корфомъ. Знакомство завязалъ самъ баронъ Корфъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, Илья Петровичъ! Познакомившись съ вами изъ статьи вашей о первомъ симферопольскомъ съѣздѣ учителей, помѣщенной въ «Учителѣ» этого года,—пишетъ онъ,—я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что вы найдете естественнымъ то, что я позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ этими строками, несмотря на то, что я не имѣю удовольствія знать васъ лично; я рѣшаюсь на это дѣло тѣмъ охотнѣе, что изъ статьи вашей вижу, что имя мое, какъ автора руководства «къ обученію грамотѣ», вамъ извѣстно.

«Прилагая при семъ отчетъ мой объ училищахъ за 1868 — 1869 уч. годъ, я позволяю себѣ покорнѣйше просить васъ, въ интересѣ дѣла, равно намъ дорогого, сообщить мнѣ свои замѣчанія, по прочтеніи отчета; отчета за 1867—1868 уч. годъ я, къ сожалѣнію, выслать не могу, потому что его не осталось ни одного экземпляра. Не сомнѣваюсь въ томъ, что, при оцѣнкѣ достигаемыхъ нами результатовъ, вы примете въ разсчетъ огромное различіе, существующее между *городскимъ* училищемъ, вамъ ввѣреннымъ, и *сельскою* школою, борющеюся съ нуждою, тѣснотою и плохою подготовкою учителей; задача наша состоитъ въ томъ, чтобы среди *самыхъ неблагопріятныхъ* обстоятельствъ, *по возможности*, не измѣнить требованіямъ науки и создать такую школу, которая своими результатами привлекала-бы населеніе; если не ошибаюсь, то эта задача рѣшена, но очень буду признателенъ за указаніе болѣе удобныхъ способовъ рѣшенія ея. Продавъ около 15.000 экземпляровъ моего «руководства», мы готовимъ третье изданіе и потому покорнѣйше прошу васъ сообщить ваше мнѣніе о немъ, для того, чтобы я могъ имѣть въ виду вашъ взглядъ на дѣло, при исправленіи 2-го изданія. Будьте столь добры выслать мнѣ: а) вашу азбуку и б) ваше руководство къ геометріи, для начальныхъ училищъ. Покорнѣйше прошу васъ также, милостивый государь, сообщить мнѣ вашъ точный адресъ, для того, чтобы, отъ времени до времени, мы могли обмѣниваться мыслями по вопросамъ дидактики *народной* школы. Вы, вѣроятно, согласитесь со мною въ томъ, что дидактика *народной* школы можетъ появиться лишь тамъ, гдѣ есть народная школа; поэтому могла-ли, до сихъ поръ, существовать дидактика, *примѣнимая* къ нашему сельскому быту? Конечно, нѣтъ! А создать ее могутъ только практики, которые, для этого, должны подать другъ другу руку. Покорнѣйше прося почтить меня отвѣтомъ, въ возможной скорости, остаюсь искренно уважающій васъ вашъ покорный слуга бар. Н. Корфъ».

Во время полученія И. П. письма отъ бар. Корфа положеніе его было очень затруднительнымъ. Директоръ Марковъ, поддерживавшій И. П., оставилъ гимназію, а новый начальникъ заведенія не одобрялъ «затѣй» И. П. и требовалъ измѣненія характера преподаванія въ приготовительномъ классѣ. Поэтому И. П. былъ глубоко обрадованъ новой и неожиданной нравственной поддержкой въ своемъ тяжеломъ положеніи и тотчасъ-же отвѣтилъ бар. Корфу горячимъ

письмомъ *), и между ними завязалась интересная переписка, послужившая началомъ ихъ заочнаго знакомства.

Во время пребыванія въ Симферополѣ, И. П. дѣятельно занимался распространеніемъ книгъ для чтенія среди мѣстнаго сельскаго населенія, чрезъ посредство сельскихъ учителей. Въ этомъ дѣлѣ ему помогали нѣкоторые петербургскіе литераторы, какъ, напр., А. М. Скабичевскій, П. Н. Полевой и др. Съ оставленіемъ Симферополя, И. П. долженъ былъ пракратить и дѣятельность по распространенію книгъ въ народѣ.

Съ уходомъ директора Маркова И. П. лишился послѣдней поддержки, и сознавая, что одинъ въ полѣ не воинъ, и не желая подчиняться новымъ требованіямъ и измѣнять своимъ взглядамъ, долженъ былъ оставить Симферопольскую гимназію и свой приготовительный классъ. Онъ передалъ его въ полномъ составѣ новому директору съ чрезвычайно богатыми коллекціями для предметнаго обученія.

Педагогъ Паульсонъ, печатая отчетъ о съѣздѣ въ издававшемся тогда имъ журналѣ «Учитель», сдѣлалъ примѣчаніе, что онъ рѣдко видѣлъ даже за-границей классъ, такъ богато обставленный учебными коллекціями, какъ былъ обставленъ приготовительный классъ при Симферопольской гимназіи. А между тѣмъ, пріобрѣтеніе этихъ богатыхъ коллекцій было сдѣлано Деркачевымъ совершенно случайно, если хотите такъ думать. Давая частные уроки по словесности двумъ взрослымъ дочерямъ управляющаго Палатой госуд. имуществъ, И. П. съумѣлъ выговорить въ подарокъ классу все то, что осталось въ Палатѣ госуд. имуществъ отъ различныхъ выставокъ, происходившихъ въ городахъ Таврической губерніи. Такимъ образомъ, въ подарокъ классу поступили: 1) богатыя и разнообразныя модели земледѣльческихъ орудій, исполненныя тонко и изящно воспитанниками нѣмецкихъ колоній; 2) образцы древесныхъ породъ Таврической губ.; 3) разнообразныя каменныя породы южнаго берега Крыма; 4) чучелы птицъ Крымскаго полуострова и птичьи яица; 5) образцы птичьихъ гнѣздъ; 6) въ многочисленныхъ мѣшкахъ различнаго рода сѣмена; 7) модели лодокъ и уснащенныхъ парусами кораблей, и многое другое, интересное и полезное. Всѣми такого рода коллекціями И. П. пользовался при своихъ занятіяхъ; но онъ предпочиталъ живыхъ птицъ и звѣрей чучеламъ, а потому во дворѣ, при классѣ, содержались живые экземпляры и приносились въ классъ на уроки или дѣти ходили сами къ клѣткамъ, въ которыхъ содержались жи-

*) «Русская Старина», № 8, 1884 г., и книга М. Песковскаго: «Баронъ А. Н. Корфъ въ письмахъ къ нему его современниковъ», 1895 г.

вотные и кормили ихъ, и наблюдали въ свободное время за образомъ жизни этихъ животныхъ. Для ознакомленія дѣтей съ растеніями или ископаемыми И. П. водилъ своихъ учениковъ на городской бульваръ, называлъ породы деревьевъ, собиралъ по берегу рѣки Салгиръ камни и объяснялъ породы ихъ. Такія экскурсіи учителя съ учениками инымъ не нравились, но дѣти были отъ нихъ въ восторгѣ.

Жаль было И. П. покидать приготовительный классъ, но, оставаясь вѣрнымъ себѣ, онъ долженъ былъ это сдѣлать, онъ сталъ искать новыхъ занятій и, совершенно неожиданно, получаетъ новое предложеніе по учебной части. Дѣло въ томъ, что на второмъ симферопольскомъ съѣздѣ учителей былъ Ѳ. С—ли, филологъ Московскаго университета, принявшій тогда мѣсто директора «Высшаго земскаго реальнаго училища» въ Елисаветградѣ. Съ этимъ С—ли И. П. былъ знакомъ еще по Московскому университету. Они возобновили старыя отношенія и И. П. принялъ теперь его приглашеніе перейти на службу земству, въ Елисаветградъ, учителемъ русскаго языка въ земскомъ реальномъ училищѣ.

Такимъ образомъ, съ 1871 года начинается дѣятельность И. П. въ земствѣ Херсонской губерніи, и послѣдовавшіе затѣмъ двухлѣтніе труды въ реальномъ училищѣ стоили И. П. большой умственной и нравственной энергіи: онъ переживаетъ новую борьбу, защищая свои убѣжденія въ интересахъ дѣла, которому служилъ.

Своимъ возникновеніемъ Елисаветградское земское реальное училище обязано двумъ гласнымъ земства, гг. Дикову и Зеленому (впослѣдствіи редакторъ «Одесскаго Вѣстника»), а мотивомъ къ учрежденію училища послужилъ недостатокъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній и особенно отсутствіе *реальнаго* училища. Первый параграфъ устава училища такъ и объяснялъ его открытіе, «потребностью юношества учиться», но были, конечно, и другія причины. Такъ, напр., имѣлось въ виду, что училище принесетъ непосредственную пользу мѣстнымъ сельскимъ сословіямъ, приготовляя для нихъ хорошихъ учителей и хорошо образованныхъ гласныхъ; другіе называли высшую земскую школу новымъ свѣтлымъ явленіемъ, эрою въ развитіи нашего педагогическаго дѣла, потому что оно является продуктомъ самодѣятельности, и поздравляли общество и отцовъ, что они взяли, наконецъ, дѣло воспитанія своихъ дѣтей въ собственныя руки и пр. И дѣйствительно, какъ много елисаветградское земство надѣялось и разсчитывало на превосходство своего управленія передъ казеннымъ, видно изъ того, что оно рѣшило даже отложить ходатайство о привилегіяхъ для учащихъ и учащихся, обусловленныхъ, по закону, подчиненіемъ училища Министерству Нар. Просв. Согласно проекту устава, управленіе училищемъ ввѣрялось педагогическому Совѣту, въ

составъ котораго должны были войти также 4 члена отъ земства; никакого другого административнаго учрежденія въ училищѣ не полагалось, не упоминалось также и о власти директора. Составленный планъ давалъ полный просторъ самостоятельному развитію заведенія, поручая веденіе дѣла самимъ дѣятелямъ, какъ спеціалистамъ и наиболѣе заинтересованнымъ лицамъ; земцы-же, помѣщенные въ Совѣтѣ, должны были играть роль общественнаго контроля. Этотъ проектъ устава былъ, однако, измѣненъ, согласно указаніямъ Ученаго Комитета Министерства Нар. Просв., причемъ вѣдѣніе учебной части было предоставлено педагогическому Совѣту, а административная и хозяйственная часть ввѣрена особому правленію, состоящему изъ 4 членовъ, выбранныхъ отъ земства, директора и его помощника, избираемаго педагогическимъ Совѣтомъ изъ учителей. Къ сожалѣнію, Ученый Комитетъ придалъ правленію значеніе высшей инстанціи въ рѣшеніи педагогическихъ вопросовъ; такъ точно и директоръ, согласно этимъ измѣненіямъ, получилъ, вмѣстѣ съ званіемъ начальника заведенія и предсѣдателя педагогическаго Совѣта, исключительное право останавливать своимъ veto опредѣленіе большинства въ Совѣтѣ и переносить такое опредѣленіе на благоусмотрѣніе правленія.

Эти параграфы устава не замедлили сдѣлаться источникомъ многихъ недоразумѣній между педагогическимъ Совѣтомъ училища, съ одной стороны, и правленіемъ и директоромъ, какъ представителемъ власти—съ другой. Желая положить конецъ этимъ недоразумѣніямъ, земство избрало особую ревизіонную коммиссію, которая постановила правило о безспорномъ повиновеніи учителей директору, и это правило получило санкцію ближайшаго очередного земскаго собранія. Но, вопреки ожиданіямъ, новыя правила привели къ еще большимъ недоразумѣніямъ и разнаго рода столкновеніямъ. Вотъ тутъ-то, съ обличеніями противъ установившихся въ училищѣ порядковъ и на защиту интересовъ дѣла, и выступилъ И. П. въ рядѣ статей подъ общимъ заглавіемъ «Письма къ елисаветградскому обществу» и «Письма къ елисаветградскому земству», напечатанныхъ въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ»; послѣднія вышли затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ и вызвали горячую полемику въ періодической печати. Въ этихъ письмахъ И. П. вооружился противъ многихъ вредныхъ, для дѣла реальнаго образованія, въ училищѣ распоряженій директора и предсѣдателя правленія Дикова *). Загорѣлась полемика, посыпались въ страшномъ изобиліи обличенія и корреспонденціи. Въ защиту

*) Это было засвидѣтельствовано газетою «Голосъ и «Спб. Вѣд.» № 108, 1872 г.

дѣйствій правленія выступилъ въ печати предсѣдатель Диковъ, съ которымъ И. П. также вступилъ въ открытую полемику.

Въ своихъ статьяхъ И. П. прямо указывалъ на слабыя стороны дѣла, требовалъ огражденія личности преподавателей отъ произвола, требовалъ ограниченія власти директора только исполненіемъ постановленій Совѣта, которому одному должна быть подчинена учебная часть; онъ требовалъ избранія директора на опредѣленный срокъ самими преподавателями изъ своей среды—условіе, которое и Н. И. Пироговъ считалъ необходимымъ для правильнаго хода дѣла. Правленіе-же, состоящее изъ земцевъ, лицъ не компетентныхъ въ педагогическихъ вопросахъ, должно было, по мнѣнію И. П., завѣдывать только хозяйственною частью; для рѣшенія-же административныхъ вопросовъ и, какъ высшая инстанція для педагогическихъ, должно быть учреждено соединенное засѣданіе Совѣта и правленія. Наконецъ, И. П. требовалъ, чтобы дѣятельность училища подлежала полному и гласному обсужденію.

Эта полемика, конечно, не могла нравиться г. Дикову, какъ предсѣдателю правленія, особенно-же онъ былъ недоволенъ небольшой корреспонденціей въ одномъ изъ вліятельныхъ тогдашнихъ періодическихъ органовъ и, желая избавиться отъ такого безпокойнаго члена педагогическаго состава училища, онъ настоялъ на томъ, что правленіе, въ концѣ второго года службы И. П., постановило, ничѣмъ не мотивируя, не приглашать его на слѣдующій годъ. Но, конечно, не весь составъ правленія былъ такого мнѣнія, и меньшинство въ лицѣ уже извѣстнаго намъ Зеленаго и другого члена, Близнина, въ особомъ представленіи земскому собранію, заявило *), что «считаетъ Деркачева лучшимъ учителемъ и что онъ удаленъ за свою литературную полемику». Впослѣдствіи г. Диковъ оправдывался, возводя на И. П. голословныя или явно несправедливыя обвиненія, въ родѣ того, что И. П., по свидѣтельству директора, дурной учитель, тогда какъ, замѣчаетъ по этому поводу одинъ журналъ **), сколько намъ извѣстно, въ гимназіи было только два или три преподавателя, выходившихъ изъ ряда,—именно гг. Деркачевъ и Дувинъ, заявившіе себя своею общественною дѣятельностью; къ нимъ-то правленіе и водило на уроки гг. ревизоровъ, которымъ надо было показать казовый конецъ... Два такихъ преподавателя подавали другимъ примѣръ сердечнаго отношенія къ дѣлу, не давая имъ погрузиться въ умственный сонъ, могли-бы собственными силами поднять уровень всего педагогическаго состава... «Г. Деркачевъ,—продолжаетъ журналъ,—личность положи-

*) См. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища», П. Зеленаго, стр. 32.

**) «Недѣля», № 35—36, 1873 г.

тельно выдающаяся; кто не можетъ составить себѣ о немъ понятіе по его прекраснымъ педагогическимъ статьямъ—оцѣнитъ его вѣрный взглядъ на свое дѣло, его желаніе знакомить общество съ своею дѣятельностью, тотъ можетъ повѣрить отзывамъ о немъ педагогическихъ авторитетовъ—Маркова (объ устроенной г. Деркачевымъ въ Симферополѣ начальной реальной школѣ), Ушинскаго, Паульсона, бар. Н. Корфа и др. Наконецъ, что-же нибудь да значатъ всѣ эти восторги посѣтителей, которыхъ водили къ Деркачеву на уроки? Когда въ концѣ перваго года г. Деркачевъ просилъ или обуздать произволъ директора, или дать ему, г. Деркачеву, отставку, то правленіе руководствовалось-же чѣмъ-нибудь, прося его остаться на службѣ и даже назначило ему прибавку къ жалованью безъ всякой его просьбы и не въ примѣръ прочимъ?..»

Въ подтвержденіе этой оцѣнки И. П., мы приведемъ еще коллективное заявленіе преподавателей реальнаго училища по поводу его отставки.

«Освѣдомившись, что правленіе въ послѣднемъ своемъ засѣданіи приняло рѣшеніе—не приглашать на будущій годъ преподавателя И. П. Деркачева, мы, съ своей стороны, долгомъ считаемъ выразить наше глубокое сожалѣніе о томъ, что училище въ лицѣ И. П. Деркачева теряетъ опытнаго преподавателя, принесшаго значительную пользу земской школѣ, установленіемъ правильнаго метода преподаванія русскаго языка—что считается вообще очень труднымъ дѣломъ, особенно въ низшихъ классахъ гимназіи».

По поводу отставки И. П. и, особенно, причинъ ея одна изъ вліятельнѣйшихъ тогдашнихъ столичныхъ газетъ *) въ своей передовой статьѣ высказала ему свое сочувствіе.

Добавимъ, въ заключеніе, что вслѣдъ за И. П. одновременно оставили высшее реальное земское училище еще шесть преподавателей, т.-е. почти весь наличный педагогическій составъ, а два мѣсяца спустя послѣ ухода И. П. земство отказало и директору С—ли.

Во время пребыванія въ Елисаветградѣ И. П. былъ написанъ и напечатанъ въ журналѣ «Учитель» «Русскій синтаксисъ въ пословицахъ и поговоркахъ» и отдѣльнымъ изданіемъ «Руководящія замѣтки для занятій по «Родному Слову» Ушинскаго. Послѣдній трудъ былъ отпечатанъ на средства елисаветградскаго земства и разосланъ учителямъ народныхъ школъ уѣзда.

Н. Арепьевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

---

*) «Спб. Вѣд.», № 222, 1872 г.

Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи.

I.

Бѣглый взглядъ на судьбы образованія въ Англіи.

Одно изъ самыхъ крупныхъ явленій переживаемаго нами времени есть, несомнѣнно, происходящее повсемѣстно расширеніе функцій правительственной власти. Это явленіе наблюдается и въ американской демократіи *), и въ конституціонныхъ монархіяхъ Западной Европы. Можно даже сказать, что тамъ, гдѣ наиболѣе дѣятельно общественное мнѣніе и гдѣ наиболѣе дѣйствителенъ его контроль, тамъ-же наиболѣе настоятельно раздаются голоса въ пользу дальнѣйшаго вмѣшательства государственной власти въ самыя различныя области общественной жизни.

Ограничивая примѣры сферою народнаго образованія, мы можемъ указать на совершившуюся въ теченіе XIX столѣтія, при самомъ дѣятельномъ участіи правительственной власти, организацію начальнаго дарового и обязательнаго образованія почти во всей Западной Европѣ. Почти вслѣдъ за этимъ было приступлено къ организаціи дополнительныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ рабочій людъ, продолжая отчасти свое общее образованіе, могъ-бы въ то-же время усвоить себѣ по преимуществу такія знанія, которыя могутъ оказаться особенно полезными въ жизни для людей, занимающихся физическимъ трудомъ. Таковы французскія écoles primaires supérieures, англійскія science and arts' schools, evening continuation schools, нѣмецкія Fortbildungschulen и т. д.

Громадный прогрессъ начальнаго образованія въ теченіе этого столѣтія объясняется многими причинами. Какъ на одну изъ главныхъ, можно указать на совершившуюся почти повсемѣстно демократизацію политическихъ учрежденій, вслѣдствіе чего народъ получилъ возмож-

*) Д. Брайсъ, «Американская Республика». Москва 1889—1890, т. III, гл. 92.

ность высказывать свои потребности и настаивать на ихъ удовлетвореніи. Впрочемъ, къ мысли о необходимости возможно широкаго развитія нар. образованія общественное мнѣніе наиболѣе передовыхъ странъ Европы и Америки было приведено и совершенно иного рода соображеніями *). Первая всемірная выставка, происходившая въ Лондонѣ въ 1851 году, показала ясно англичанамъ, какъ опередили ихъ нѣкоторыя государства континентальной Европы въ широкомъ распространеніи среди народа элементарныхъ техническихъ знаній и извѣстнаго художественнаго чутья **). Англичане забили тревогу, явилось сознаніе возможности появленія опасныхъ конкуррентовъ по части мануфактурныхъ издѣлій на всемірномъ рынкѣ, до тѣхъ поръ находившемся, главнымъ образомъ, въ рукахъ англичанъ. Результатомъ такого сознанія явилась организація Department of Science ***) and Art и цѣлаго ряда science and arts classes, т.-е. школъ, гдѣ обучаютъ естественнымъ и физико-математическимъ наукамъ, рисованію, черченію, ваянію, и т. п. ****). Вмѣстѣ съ тѣмъ, шли непрерывныя улучшенія въ дѣлѣ организаціи начальнаго народнаго образованія, особенно въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ; вѣнцомъ этихъ улучшеній можно считать законъ 1891 г. о даровомъ начальномъ обученіи, изданный въ «консервативное» министерство лорда Сольсбёри. Въ настоящее время въ Англіи дѣти между 5 и 14 годами обязаны посѣщать школу, и за правильнымъ посѣщеніемъ дѣтьми школы существуетъ самый бдительный и строгій контроль.

Подобное законодательство о начальномъ образованіи было создано въ теченіе настоящаго столѣтія и въ большинствѣ другихъ

---

*) «*Простой разсчетъ*,—говоритъ наиболѣе знаменитый изъ современныхъ экономистовъ Англіи, проф. Маршалль,—долженъ-бы побудить насъ давать простому народу гораздо лучшія образовательныя средства, нежели тѣ, какія доступны ему теперь. Экономическое значеніе одного человѣка съ изобрѣтательнымъ геніемъ съ избыткомъ покрываетъ издержки воспитанія цѣлаго города, потому что одна идея, какъ, напр., главное изобрѣтеніе Бессемера, прибавляетъ къ богатству Англіи столько-же, сколько прибавила-бы работа 100.000 взрослыхъ рабочихъ» (A. Marshall, «Principles of Econ.», London, 1891, vol. 1, 276).

**) «Sonnenshein's Cyclopaedia of Education». London, 1889; статья «Tecnic a Education». См. также главу «Educational problem of today» въ сочиненіи «Studies in secondary education». London, 1892.

***) Надо замѣтить, что въ англійскомъ языкѣ слово science *по преимуществу* обозначаетъ науки физико-математическія и естественныя. Такой именно смыслъ имѣетъ это слово въ названіи Department of Science and Art, какъ читатель убѣдится самъ, ознакомясь ниже болѣе полно съ характеромъ дѣятельности этого учрежденія.

****) См. ежегодно издаваемый «Calendar, history and general summary of regulations of Department of Science and Art», см. также Sonnenshein's «Cycl. of Education», статья «Science and Arts' Department».

передовыхъ странъ Европы, но, надо думать, ни въ одной странѣ въ мірѣ, не исключая даже Франціи, начальное образованіе, въ особенности за послѣднее время, не сдѣлало такихъ по истинѣ гигантскихъ шаговъ, какъ въ Англіи въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ *).

Весьма значительны, хотя и не въ такой, конечно, степени, были въ Англіи въ теченіе второй половины истекающаго столѣтія успѣхи *высшаго* образованія. Не говоря уже о быстромъ въ послѣднія десятилѣтія увеличеніи числа слушателей въ двухъ старыхъ знаменитыхъ университетахъ Оксфорда и Кэмбриджа, особенно замѣчательнымъ по своимъ послѣдствіямъ является фактъ открытія многихъ новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній съ университетскимъ характеромъ преподаванія, такъ-называемыхъ «university colleges» или, какъ ихъ называютъ иногда, «provincial colleges». Такіе университетскіе колледжи существуютъ въ настоящее время въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Лидсѣ, Бирмингамѣ, Бристолѣ, Ноттингамѣ, Шеффильдѣ, Ньюкэстлѣ, три такихъ колледжа находятся въ княжествѣ Валлійскомъ, въ Лондонѣ ихъ два **). Эти университетскіе колледжи, самое существованіе которыхъ немногіе подозрѣваютъ въ Россіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ *полный составъ факультетовъ*, и въ этомъ случаѣ только тѣмъ отличаются отъ университетовъ, что имъ не предоставлено право выдавать ученыя степени ***). Въ 1880 г. три такихъ колледжа, находящихся въ разныхъ городахъ (Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Лидсѣ) были объединены въ одинъ федеративный «Victoria University». Такимъ-же образомъ, къ Дургамскому (Durham University въ Дургамѣ) былъ причисленъ колледжъ въ Ньюкэстлѣ.

Вспомнимъ далѣе о безпримѣрной въ мірѣ пропагандѣ университетскихъ знаній путемъ организаціи систематическихъ лекцій по самымъ различнымъ областямъ знанія даже въ уединенныхъ закоулкахъ Соединеннаго Королевства. Это такъ называемые university Extension

*) Таково, напр., мнѣніе американскаго педагога Шарплесса I. Sharpless. «English education in the elementary and secondary schools». New-York. 1892 (International Education Series, vol. XXII).

**) См. объ нихъ въ «Sonnenshein's Cyclopaedia of Education», статья «Provincial Colleges», также «Minerva, Jahrbuch der gelehrten Welt», Strassbourg, 3 Jahrgang, 1893—1894.

***) Лица, окончившія курсъ въ такихъ колледжахъ, для полученія ученой степени держатъ экзаменъ обыкновенно въ такъ называемомъ «Лондонскомъ университетѣ»—весьма оригинальномъ учрежденіи, представляющемъ постоянную коммиссію ученыхъ, экзаменующихъ на всевозможныя ученыя степени всѣхъ желающихъ безъ различія пола, возраста и національности. См. тотъ-же ежегодникъ «Minerva».

Movement, вызвавшіе удивленіе всего міра и подражаніе въ Америкѣ, Франціи, Бельгіи и Австріи *).

Не таковы, однако, судьбы средняго образованія. Неумолимая рука времени сравнительно меньше коснулась среднихъ учебныхъ заведеній Англіи; до сихъ поръ эти учебныя заведенія въ большей степени, нежели учебныя заведенія другихъ разрядовъ, сохраняютъ традиціи эпохи возрожденія наукъ и искусствъ. Этотъ фактъ объясняется нѣкоторыми совершенно исключительными условіями развитія англійской средней школы и англійской общественной жизни вообще. Впрочемъ, то-же самое справедливо еще въ болѣе значительной степени относительно современной организаціи средняго образованія въ остальной Европѣ **). Итакъ, XIX вѣкъ ознаменовался, главнымъ образомъ, *созданіемъ* начальнаго народнаго образованія, поставленнаго въ Германіи, Англіи и Франціи почти на такую высоту, о какой мечтали лишь самые горячіе энтузіасты XVIII вѣка. Велика также метаморфоза, совершившаяся въ теченіе того-же XIX в. какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ въ *методахъ* университетскаго образованія, въ его *задачахъ* (не говоря уже объ увеличеніи абсолютнаго и относительнаго числа лицъ, получающихъ высшее образованіе). Германіи принадлежитъ честь руководящей роли въ этомъ послѣднемъ движеніи, какъ это признано въ настоящее время и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ ***).

Тщетно мы искали бы гдѣ-либо примѣровъ столь-же громадныхъ перемѣнъ въ дѣлѣ организаціи среднихъ учебныхъ заведеній- Только въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки мы можемъ видѣть, какъ растетъ и постепенно распространяется совершенно *новый типъ средняго учебнаго заведенія,* находящагося въ такой-же тѣсной связи съ начальной школой, какъ и съ университетомъ, своимъ-же курсомъ пытающаяся возможно полнѣе отвѣчать всѣмъ потребностямъ современной жизни ****).

*) См. «Eigteen years of University Extension Movenement by R. Roberts», Cambridge, 1891; см. журналъ «University Extension World, a monthly journal Chicago»; prof. Hausknecht, «Americanisches Bildungswesen». Berlin, 1894; Fleischer (prof. in Wien) «Zur Geschichte der englischen Bildungwesen», 1893.

**) См., между прочимъ, I. Findlag. «Zur Entwickelung des höheren Schulwesens Englands. Neue Jahrbücher für Philologie und Pedagogick», 1894, drittes Heft, стр. 114.

***) См., между прочимъ, Ch. Langlois, «Universitiy in France. Political Science Quarterly, edited by faculty of political science of Columbia College», 1894, September, New-York, См. также Richard Boone, «Education in the United States», глава объ университетскомъ образованіи.

****) См. наши статьи: «Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Америкѣ въ связи съ характеристикой американской школы вообще»,

*

Только въ Америкѣ дѣти поступаютъ въ *среднее* учебное заведеніе лишь послѣ 6—8-лѣтняго обученія въ *начальныхъ* народныхъ школахъ, лишь тамъ-же *средняя* школа дѣйствительно стоитъ по *срединѣ* между начальной школой и высшими учебными заведеніями.

Не таково положеніе дѣлъ въ Европѣ вообще, не таково оно и въ Англіи. Не только низшія и среднія школы не приведены въ опредѣленную взаимную связь, не только однимъ изъ наиболѣе существенныхъ различій между этими двумя разрядами школъ надо признать общественное положеніе учащихся, но даже между самыми средними учебными заведеніями замѣчается извѣстная градація *): въ однихъ учится преимущественно поземельная и денежная аристократія, въ другихъ — наиболѣе обезпеченная часть средняго класса, въ третьихъ—остальная часть средняго класса и, въ извѣстной мѣрѣ, классы низшіе. Замѣчательно при этомъ, что весь этотъ порядокъ вещей въ Англіи установился самой жизнью, безъ участія правительства. Правительство Англіи,—и въ этомъ отношеніи Англія представляетъ собою единственную страну въ мірѣ,—до самаго послѣдняго времени почти вовсе не вмѣшивалось въ дѣло средняго образованія **). Какъ это ни кажется страннымъ континентальному читателю, не подлежитъ, однако, сомнѣнію тотъ фактъ, что вплоть до нашихъ дней англійское общество было предоставлено *почти исключительно собственной иниціативѣ* относительно организаціи среднихъ учебныхъ заведеній. Всякій воленъ открывать всякаго рода школы въ Англіи—и отдѣльныя лица, и акціонерныя компаніи, и города, и различныя корпораціи: профессіональныя, ученыя и т. д., и т. д. ***). Главный, часто даже единственный контроль такихъ

«Русская Школа», 1894. См. также крайне интересный «Report of the Committee on secondary school studiės apointed by National Education Association». Waschington, 1893.

*) Надо, впрочемъ, прибавить, что въ быстро несущемся потокѣ современной англійской жизни всѣ эти градаціи быстро стираются и, надо думать, скоро перейдутъ въ область исторіи.

**) См., между прочимъ, «Eighth annual report of Comm. of Labour Industrial Education», Waschington, 1893, гл. «Industrial Education in Great Britain», 278—281. Среднія школы, основанныя въ разное время на жертвованія частныхъ лицъ и получившія во время основанія хартіи, которыми утверждалась *воля жертвователя* относительно общей организаціи школы,—вотъ единственная категорія *среднихъ учебныхъ заведеній*, которыхъ съ начала семидесятыхъ годовъ, какъ мы это увидимъ ниже, коснулся контроль правительственной власти. До вмѣшательства центральнаго правительства въ судьбу *этихъ учебныхъ заведеній* можно было утверждать съ буквальной точностью, что въ Англіи судьбы средняго образованія находятся *внѣ сферы вѣдѣнія* правительственной власти.

***) См. интересную статью о народномъ образованіи въ Англіи въ «Zeitschrift für die Gesammte Staatswissenschaft», 1893.

учебныхъ заведеній—бдительное общественное мнѣніе, контроль родителей, контроль всевидящей, всезнающей, всемогущей англійской печати *).

Каково-же происхожденіе столь оригинальнаго положенія средней школы въ Англіи и къ какимъ оно привело результатамъ? Объясненію *происхожденія* указаннаго положенія мы посвятимъ двѣ слѣдующихъ главы; что-же касается *до результатовъ*, то, казалось-бы, взглядъ на громадное культурное значеніе англійскаго народа, далеко не соотвѣтствующее ни пространству занимаемой имъ въ Европѣ территоріи, ни его численности, не оставляетъ сомнѣнія въ отвѣтѣ. Въ 1889 году Парижская свободная высшая школа политическихъ наукъ **), послѣ конкурса, предложила одному изъ своихъ бывшихъ слушателей, извѣстному французскому публицисту М. Леклерку, изучить систему воспитанія и образованія среднихъ и высшихъ классовъ Англіи, формулируя свою задачу такимъ образомъ. «Гдѣ учатся и какъ воспитываются въ Англіи высшіе и средніе классы, кто формируетъ будущихъ парламентскихъ дѣятелей и дипломатовъ, офицеровъ, чиновниковъ, директоровъ крупныхъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій? Какъ можно объяснить появленіе въ англійскомъ народѣ столь глубокихъ и оригинальныхъ дѣятелей въ наукѣ и въ литературѣ? Какія образовательныя средства предоставлены въ распоряженіе этихъ избранниковъ англійскаго общества, которыхъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ крупныхъ дѣятелей во всѣхъ сферахъ жизни и во всѣхъ концахъ міра? Какое значеніе въ объясненіи этого факта играетъ семья, школа, общественное мнѣніе, правительство?» ***). Отвѣтъ на этотъ вопросъ занялъ цѣлую книгу въ 360 страницъ ****), матеріалъ для которой былъ собранъ въ значительной мѣрѣ путемъ личныхъ наблюденій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что лишь *откровенное признаніе* великихъ результатовъ англійскаго воспитанія, именно, громаднаго культурнаго значенія Англіи, являющагося въ значительной степени результатомъ превосходства среднихъ и высшихъ классовъ этой страны

---

*) См. любопытную главу объ англійской прессѣ и ея значительномъ превосходствѣ сравнительно съ континентальной въ сочинен. Leclerc, «L'éducation en Angleterre». Paris, 1894.

**) M. Leclerc, op. c., avant-propos.

***) Ecole Libre der Sciences Politiques—весьма оригинальное учрежденіе, въ числѣ профессоровъ котораго мы находимъ имена не только нѣкоторыхъ выдающихся французскихъ ученыхъ, но и нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ дѣятелей Франціи, бывшихъ министровъ и т. п.

****) «L'education des classes moyennes et dirigeantes en Angliterre» par Max Leclerc. 1894. Значительная часть книги появилась ранѣе въ видѣ отдѣльныхъ статей въ «Revue Politique et littérarie» и въ «Revue des Deux Mondes».

сравнительно съ такими-же классами другихъ великихъ народо Европы—только такое признаніе со стороны ревнивой сосѣдки да поводъ къ упомянутому выше изслѣдованію.

Замѣчательно, что около того-же времени и подъ вліяніемъ поч тѣхъ-же чувствъ и убѣжденій посѣтилъ англійскія школы одинъ и наиболѣе знаменитыхъ итальянскихъ физіологовъ.—Анджело Мос описавшій затѣмъ свои впечатлѣнія въ одномъ изъ наиболѣе авт ритетныхъ итальянскихъ журналовъ «Nuova Antologia» *). Съ ве кимъ увлеченіемъ разсказываетъ итальянскій ученый объ англ скихъ школахъ, останавливаясь, какъ физіологъ, почти исключ тельно на заботахъ англичанъ о физическомъ образованіи дѣтей указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, какое вліяніе имѣютъ эти заботы развитіе ума и въ особенности на развитіе характера въ подр стающемъ поколѣніи.

Наконецъ, около того-же времени, и опять-таки руководимый п добными-же побужденіями, изучилъ англійскую элементарную и сре нюю школу ректоръ Haverford College, въ Пенсильваніи, Исаакъ Ша плессъ, изложившій, затѣмъ, свои наблюденія въ весьма замѣчател номъ сочиненіи **), вошедшемъ въ «International Education Series» издаваемую подъ редакціей завѣдующаго народнымъ образованіем въ Соединенныхъ Штатахъ В. Харриса (W. T. Harris). Мы могли-бы продолжить перечень сочиненій, вышедшихъ въ короткій срокъ межд 1891—1894 гг. и посвященныхъ частью или вполнѣ среднему обра зованію въ Англіи ***), но и указанныхъ уже, кажется, достаточн чтобы судить, какой живой интересъ возбуждаетъ повсемѣстно ан глійская школа. Въ виду столь общаго интереса къ англійской школ и признанія ея крупныхъ достоинствъ, въ виду крупной роли Англі на аренѣ современной міровой исторіи, мы могли-бы ожидать, что сами англичане смотрятъ съ самодовольствомъ на свою школу и въ особенности на свою среднюю школу, гдѣ получаютъ воспитаніе и образованіе «правящіе» классы. Не то, однако, мы видѣли на дѣлѣ ****).

---

*) «Nuova Antologia. Rivista di science, letterre ed arti. 16 Dicembre 1891. Rome. L'Educazione fisica e i giuochi nelle scuole».

**) Is. Sharpless. «English education in the elementary and secondary schools» New-York, 1892. См. его-же статью «Relation of state to education in England and America. Annals of American Academy of Political and Social Science». May. 1893. Philadelphia.

***) Крайне интересно, напр., сочиненіе австралійскаго педагога Catton Grasby, «Teaching in three continents. Personal notes of the educational systems of the wold». (London and Melbourne. 1891).

****) Такъ, напр., одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ въ мірѣ критическихъ журналовъ — англійскій «The Athenaeum» (29 Sept. 1894) находитъ, что въ сочиненіи Леклерка англійская школа изображена лучшею, нежели

Почти въ то самое время, когда изучили англійскую школу французъ Максъ Леклеркъ и американецъ Шарплессъ, когда посѣтилъ нѣкоторыя англійскія школы итальянецъ Моссо, въ то-же почти время англійская «Національная Ассоціація для распространенія техническаго средняго образованія» *) рѣшила сдѣлать общій обзоръ состоянія средняго образованія въ Англіи, съ тѣмъ, чтобы показать необходимость существенныхъ реформъ. Трудъ этотъ, полный безпощадной критики современной англійской средней школы, полный также глубокихъ и плодотворныхъ идей по вопросамъ средняго образованія, представляетъ, вѣроятно, самую поучительную книгу, которая когда-либо была написана о средней школѣ и о ея нуждахъ **). Предисловіе къ книгѣ составлено однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей нашего времени—Джэмсомъ Брайсомъ. Въ составленіи книги участвовало шесть лицъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны Артуръ Акландъ (Ath. Acland), одинъ изъ тѣхъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей, которыми можетъ гордиться вся Англія и имена которыхъ займутъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ общей исторіи народнаго просвѣщенія въ Англіи ***). Акланду принадлежитъ глава объ опытѣ организаціи средняго образованія въ княжествѣ Валлійскомъ,—опытѣ, какъ увидимъ ниже, имѣющемъ крупное принципіальное значеніе для всей Англіи. Другой сотрудникъ этого изданія, имѣющій національную извѣстность, секретарь упомянутой выше «Ассоціаціи для распространенія техническаго и средняго образованія» и завѣдующій техническимъ образованіемъ школъ города Лондона—Смитъ (Llewellyn Smith) ****), которому принадлежитъ нѣсколько главъ книги. Изъ дру-

---

она есть въ дѣйствительности. На недовольство англичанъ своими школами указывалъ въ свое время и авторъ классическаго сочинанія объ англійскомъ воспитаніи Wiese, «Deutsche Briefe über englische Erziechung». Это сочиненіе было переведено на русскій языкъ и затѣмъ издано отдѣльно въ 1858 г. «Библіотекой для Чтенія» подъ названіемъ «Письма о воспитаніи въ Англіи».

*) National Association for the Promoting of Technical and Secondary Education. См. свѣдѣнія объ Ассоціаціи въ приложеніи къ книгѣ «Studies in secondary education». Ассоціація была основана знаменитымъ химикомъ Роско и нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія Акландомъ.

**) «Studies in secondary education», edited by A. H. D. Acland and Llewellyn Smith with an introduction by James Bryce. London, 1892.

***) Акланду принадлежитъ честь организаціи вечернихъ дополнительныхъ классовъ или, вѣрнѣе, изданія весьма замѣчательнаго законодательства, опредѣлившаго условія, при которыхъ правительство впредь обѣщало субсидію вечернимъ дополнительнымъ школамъ, организуемымъ мѣстными властями.

****) Съ 1893 г. Llewellyn Smith состоитъ секретаремъ департамента работъ въ министерствѣ торговли, См. интересную статью «Die Arbeits Abtheilung des englischen Handels ministerium», von Stephen Fax, «Archiv für sociale Gesetzgebung and Statistik», Berlin, 1894, VII Band, 1—2 Heft.

гихъ участниковъ труда отмѣтимъ пока одну женщину—Клару Коллетъ (Clara Collet), кстати сказать, имѣющую степень магистра (M. A., т.-е. Master of Arts) и извѣстную тѣмъ, что она была одною изъ первыхъ назначенныхъ въ число фабричныхъ инспекторовъ *).

Какъ читатель видитъ, мы собрали достаточно данныхъ, называя лишь самыя важныя, и данныхъ, достаточно авторитетныхъ для того, чтобы по нимъ можно было составить картину средняго образованія въ Англіи. Мы должны, однако, начать съ историческаго очерка развитія современной системы англійскихъ среднихъ школъ, такъ какъ безъ такого историческаго введенія никакъ не можетъ быть понятъ совершенно своеобразный характеръ англійскаго воспитанія, рѣзко отличающійся отъ всего того, что мы можемъ видѣть на континентѣ Европы. Мы должны прибавить при этомъ, что наше описаніе касается лишь собственно Англіи и княжества Валлійскаго.

Намъ, русскимъ, да и не только намъ, но и остальнымъ континентальнымъ жителямъ необыкновенно трудно понять, до какой степени децентрализована правительственная и административная власть въ Англіи. Какъ начальное, такъ и среднее и высшее образованіе совершенно своеобразно организованы въ каждой изъ частей Соединеннаго Королевства. Даже въ предѣлахъ каждой изъ этихъ частей организація учебныхъ заведеній, *каждаго* изъ *трехъ главныхъ разрядовъ* учебныхъ заведеній, весьма далека отъ единообразія. Вотъ почему мы должны отказаться отъ всякой попытки соединить въ одномъ изложеніи характеристику средняго образованія въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи и ограничиться лишь собственной Англіей и Валлисомъ.

II.

Судьбы средняго образованія до второй половины XIX в. и перемѣны во взаимномъ отношеніи среднихъ и низшихъ школъ.

«До реформаціи въ Англіи весьма мало было сдѣлано для распространенія образованія въ народѣ; люди ученые находили себѣ убѣжище въ монастыряхъ, и монахи часто занимались обученіемъ юношества. Эпоха реформаціи ознаменовалась общимъ оживленіемъ не только религіозныхъ вопросовъ, но и вопросовъ школьныхъ. Къ тому-же, стремленіе читать библію, хотя-бы даже въ переводѣ на свой родной языкъ, очень содѣйствовало возбужденію рвенія къ ученію. Въ обще-

*) Miss Clara Collet состоитъ корреспондентомъ Labour Department (департамента работъ) и недавно, по порученію департамента, издала замѣчательный трудъ о положеніи женскаго труда въ Англіи. См. ту-же статью въ «Braun's Archiv für sociale Gesetzgebung».

ствѣ нашлись богатые и проникнутые глубокимъ сочувствіемъ къ народу люди, готовые дѣлать посильныя пожертвованія на основаніе учебныхъ заведеній. Въ то-же время общество надѣялось, что громадныя богатства, перешедшія въ руки англійскаго правительства послѣ секуляризаціи монастырской собственности, будутъ обращены на нужды народнаго просвѣщенія. Оказалось, къ сожалѣнію, что значительная часть этихъ богатствъ была расхищена придворной аристократіей и дворянствомъ. Какъ-бы то ни было, частью благодаря щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ, частью-же благодаря упомянутой секуляризаціи монастырской собственности, въ теченіе XVI вѣка въ Англіи было основано много такъ-называемыхъ «грамматическихъ школъ» (grammar schools): 60 въ царствованіе Генриха VIII, 50 въ короткое царствованіе Эдуарда, 138 — въ царствованіе Елизаветы. Такое-же просвѣтительное движеніе продолжалось и въ первой половинѣ XVII вѣка. Въ грамматическихъ школахъ учили въ то время латинскому и греческому языкамъ, и почти ничему другому. Ученіе было даровое какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ, ибо каждой школѣ были дарованы имѣнія или капиталы, обезпечивающіе ея существованіе. Приходскій священникъ всегда имѣлъ болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ школѣ своего прихода. Наиболѣе способные юноши часто переходили затѣмъ въ университеты, при которыхъ ревнители просвѣщенія, которыхъ было такъ много въ то время, учреждали стипендіи для бѣдныхъ студентовъ» *).

Мечта энтузіастовъ этой достопамятной исторической эпохи заключалась въ томъ, чтобы при каждомъ приходѣ была школа, гдѣ молодые люди могли-бы положить прочное начало своему образованію, которое затѣмъ можно было-бы завершать въ университетѣ. Эти мечты получили осуществленіе въ нѣкоторой мѣрѣ въ Шотландіи **); въ Англіи-же имъ не суждено было осуществиться вслѣдствіе послѣдовавшаго въ теченіе XVII вѣка торжества новыхъ вѣяній во всемъ общественномъ строѣ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ указываемое нами умственное движеніе, которому былъ данъ толчокъ реформою религіозныхъ вѣрованій, распространилось и на другія сферы жизни. Явились представители крайнихъ демократическихъ и даже республиканскихъ тенденцій, находившіе опору для своихъ ученій въ той-же усердно изучаемой библіи. Весь общественный строй Англіи былъ потрясенъ въ своихъ основахъ, движеніе достигло своего апогея въ періодъ протектората Кромвеля. Затѣмъ послѣдовала реакція, ко-

---

*) Sharpless op. c., стр. 83—84.

**) H. Crock, «The state in its relation to education».

торую можно считать окончательно упрочившеюся съ призваніемъ на царство Вильгельма Оранскаго — избранника придворной и поземельной аристократіи *). Феодализмъ въ видѣ конституціонной монархіи снова вступилъ въ свои права и выдержалъ даже натискъ принциповъ великой французской революціи. Однако просвѣтительное движеніе, охватившее всю Европу въ XVIII вѣкѣ, коснулось, конечно, и Англіи, но въ то время уже совершенно измѣнилось отношеніе господствующихъ классовъ къ задачамъ народнаго образованія.

Грамматическія школы не считались болѣе подходящими для простого народа **); школы, которыя по мысли благородныхъ основателей ихъ въ эпоху реформаціи, предназначались для всѣхъ и преимущественно для бѣдныхъ, фактически стали служить для образованія дѣтей сравнительно обезпеченныхъ классовъ. Духовенство господствующей церкви (англиканской) захватило въ свои руки большинство грамматическихъ школъ и преградило доступъ въ нихъ всѣмъ такъ-называемымъ диссидентамъ (иновѣрцамъ). Самое изученіе древнихъ языковъ, въ которомъ прежде люди видѣли лишь *средство* къ лучшему и самостоятельному изученію основъ христіанскаго вѣроученія и къ ознакомленію съ великими произведеніями древности, теперь, при упадкѣ религіозныхъ интересовъ и съ утратой прежняго энтузіазма къ классической древности, обратилось въ простую механическую долбню.

Для народа въ это время, частью при церквахъ, частью на средства частныхъ жертвователей, основываются особыя школы. «Въ высшей степени характеристичнымъ для пониманія отношенія обезпеченныхъ классовъ къ задачамъ образованія вообще и въ особенности къ задачамъ образованія для бѣдныхъ людей служитъ уже тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ XVI вѣкѣ жертвователи основывали для народа даровыя *грамматическія* школы, теперь пожертвованія поступали на устройство такъ называемыхъ Charity schools, т.-е. «школъ для бѣдныхъ» (собственно благотворительныхъ школъ). Такія школы постоянно возростали въ числѣ въ продолженіе всего XVIII и даже начала XIX вѣка... Дѣтей учили въ этихъ школахъ катихизису, чтенію, письму, первымъ 4 правиламъ ариѳметики и въ то-же время тщательно удерживали ихъ отъ всякихъ попытокъ выучиться чему-нибудь большему. Далѣе, ученики такихъ школъ (бывшихъ нерѣдко закрытыми заведеніями) должны были носить извѣстную форму, чтобы всегда помнить, что они составляютъ предметъ

*) См. «Political Science und Comparative Constitutional Law» by J. Burgess, professor in Columbia College; Boston, 1893, vol. I, p. 93—94.

**) См. «Chambers's Encyclopaedia», vol. IV, статья Education принадлежащая одному изъ наиболѣе выдающихся англійскихъ педагоговъ—Фичу (Fitch).

общественной благотворительности и не забывать своего низкаго происхожденія.

Такъ описываетъ отношеніе обезпеченныхъ классовъ Англіи къ образовательнымъ нуждамъ народной массы въ теченіе XVIII вѣка одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ современныхъ англійскихъ педагоговъ Д. Фичъ *). Наступаетъ XIX вѣкъ и картина состоянія *начальныхъ народныхъ* школъ постепенно измѣняется. Три крупныхъ избирательныхъ реформы 1832, 1867 и 1884 годовъ совершенно преображаютъ общественный строй Англіи, въ настоящее время обратившейся de facto въ республику, хотя съ сохраненіемъ всего декорума конституціонной монархіи **). Первая *избирательная реформа* (1832) и *первое ассигнованіе* парламентомъ денегъ изъ государственнаго казначейства на нужды начальнаго народнаго образованія (1833 г.) почти совпали по времени; лучшее доказательство того, что легко бросающіяся въ глаза политическія перемѣны были лишь внѣшнимъ выраженіемъ крупныхъ внутреннихъ перемѣнъ въ самомъ соціальномъ организмѣ. Затѣмъ общественный интересъ къ начальному народному образованію возросталъ все болѣе и болѣе. Въ теченіе настоящаго столѣтія рядъ такъ называемыхъ королевскихъ коммиссій представилъ монументальные труды съ полнымъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ положенія *начальнаго* образованія, находившагося (и въ значительной степени находящагося до сихъ поръ) въ рукахъ религіозныхъ обществъ, частныхъ лицъ, частныхъ

*) Такимъ образомъ, въ теченіе XVIII вѣка произошло рѣзкое дѣленіе школъ на такія, которыя назначены собственно для народа и въ которыхъ ученіе ограничивалось самымъ жалкимъ уровнемъ познаній, и на такія, которыя назначены для высшихъ и частью для среднихъ классовъ, гдѣ изучались, главнымъ образомъ, древніе языки и откуда молодые люди переходили въ университетъ. Оба указанные рода школъ отличались, очевидно, во-первыхъ, по общественному положенію лицъ, для которыхъ онѣ были предназначены. Это отличіе вело за собой, какъ прямое слѣдствіе, *второе* существенное отличіе этихъ школъ и въ тѣхъ задачахъ, которыя преслѣдовались организаціей учебной и воспитательной части въ тѣхъ и другихъ. Вотъ *происхожденіе* сохранившагося до нашего времени дѣленія школъ на среднія и низшія,—дѣленія, которое въ Англіи, благодаря феноменальному прогрессу начальной школы, все болѣе и болѣе теряетъ свой смыслъ и значеніе со стороны учебной, какъ въ этомъ убѣдится ниже читатель. Съ быстрой демократизаціей общественнаго строя Англія все болѣе сглаживается когда-то рѣзкая разница въ *общественномъ положеніи семей*, посылающихъ дѣтей въ начальныя и среднія школы, такъ какъ все болѣе и болѣе возрастаетъ число учениковъ начальныхъ школъ, переходящихъ затѣмъ въ школу среднюю.

**) См. главу «The Constitution of Great Britain» въ цитированномъ сочиненіи Burgess «Political Science and Constitutional Law», vol. I. См. также B. Kidd «Social Evolution», London, 1894.

обществъ для содѣйствія народному просвѣщію и т. п. *) Работы коммиссій какъ нельзя яснѣе доказали, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ начальное **) народное образованіе, государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ усилій отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ распространять просвѣщеніе въ народѣ, какъ-бы ни было велико усердіе этихъ лицъ и обществъ, какъ-бы ни были велики ихъ средства, какъ-бы ни была широка свобода частной иниціативы. Англійское общественное мнѣніе и его вѣрный выразитель—англійскій парламентъ—наконецъ, признали, что въ данномъ случаѣ надо поступиться когда-то дорогимъ для всѣхъ англичанъ принципомъ возможнаго ограниченія сферы вмѣшательства правительственной власти, такъ называемымъ принципомъ laisser faire ***).

Слѣдуя указаніямъ королевскихъ коммиссій, правительство, однако, не впало и въ другую крайность: принимая все болѣе и болѣе активное участіе въ дѣлѣ распространенія начальнаго народнаго образованія, правительство никогда не пыталось какъ-либо стѣснять дѣятельность частныхъ лицъ или народо-образовательныхъ обществъ. Сперва оно ограничилось тѣмъ, что *предложило* (впослѣдствіи—обязало) *мѣстнымъ* (выборнымъ) властямъ озаботиться устройствомъ достаточнаго числа народныхъ школъ въ томъ случаѣ, если *частныя* школы не могли удовлетворять нуждамъ населенія въ образованіи. Въ то-же самое время правительство обѣщало субсидію изъ государственнаго казначейства всѣмъ, безъ различія, школамъ въ томъ случаѣ, если онѣ согласились-бы подчиняться *контролю* правительственныхъ инспекторовъ; на послѣднихъ была возложена обязанность засвидѣтельствовать *результаты* (не методы) преподаванія и количество учащихся: отъ этого уже зависѣлъ и самый *размѣръ* субсидіи отъ правительства. Характеризуя отношеніе центральной правительственной власти къ дѣлу *начальнаго* народнаго образованія, престарѣлый англійскій педагогъ, бывшій главный инспекторъ женскихъ учительскихъ семинарій Фичъ выражается слѣдующимъ образомъ: «департаментъ (department) народнаго просвѣщенія въ Англіи существуетъ для того, чтобы деньгами и всѣми другими способами оказывать содѣйствіе всякому добросовѣстному труду, направленному на дѣло народнаго образованія, а не для того, чтобы навязывать націи

*) «Sonnenshein's Cyclopaedia of Education», статья о Royal Commisions.

**) Ниже мы увидимъ, что то-же самое подтвердили и коммиссіи, изучавшія положеніе средняго образованія.

***) См. Herbert Spencer «The man versus the state» и многочисленная литература по этому вопросу и, между прочимъ, сочиненіе D. Ritchie «The principles of state interference» (London 1892).

свои педагогическія теоріи и указывать, кого и какъ слѣдуетъ учить» *).

Мы считали крайне важнымъ отмѣтить этотъ фактъ, хотя онъ и касается начальнаго образованія, такъ какъ имъ объясняется многое въ послѣдующемъ изложеніи и такъ какъ онъ представляется намъ крайне характернымъ не для одного департамента народнаго просвѣщенія, но и для всей англійской общественной жизни вообще. Въ самомъ дѣлѣ, тщетно искали-бы мы гдѣ-либо на континентѣ примѣръ *такой-же дружной совмѣстной работы на одномъ* поприщѣ *центральной власти*, *мѣстныхъ выборныхъ* властей, частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ **). Впрочемъ, этотъ фактъ имѣетъ также и болѣе тѣсное отношеніе къ занимающему насъ вопросу о среднемъ образованіи; онъ показываетъ намъ тотъ путь, по какому уже начали слѣдовать и по какому въ особенности будетъ впредь слѣдовать англійское правительство при предстоящей реформѣ средняго образованія.

Въ то время, какъ *начальное* образованіе занимало общественное мнѣніе Англіи *непрерывно* въ теченіе всего столѣтія и потому непрерывно прогрессировало, и въ настоящее время достигло гигантскихъ успѣховъ, вызывая удивленіе всего міра ***), въ это самое время средняя школа далеко не привлекала въ той-же мѣрѣ общественнаго вниманія и потому оставалась въ состояніи сравнительнаго застоя. До сихъ поръ въ организаціи среднихъ учебныхъ заведеній,—по крайней мѣрѣ, въ значительной части ихъ,—все еще сохраняются традиціи XVI вѣка. Правда, въ теченіе десятилѣтія, между 1860 и 1870 гг., двѣ спеціальныхъ королевскихъ коммиссіи всесторонне изслѣдовали положеніе *средняго* образованія въ Англіи и предложили цѣлый рядъ коренныхъ реформъ. Но въ сохраненіи прежнихъ школьныхъ порядковъ было заинтересовано столько лицъ, англичане такъ неохотно производятъ ломку въ существующихъ учрежденіяхъ ****), въ особенности, если при этомъ нельзя надѣяться на сочувствіе наиболѣе заинтересованныхъ лицъ, *самое-же главное* то, что правительству нужно было затратить *такую бездну труда и энергіи*, чтобы выработать и провести черезъ обѣ палаты знаменитый форстеровскій актъ (1870), положившій твердое начало всеобщему начальному обученію, что во-

*) См. статью «Education» въ «Chamler's Encyclopaedia» vol IV. Въ теченіе настоящаго изложенія читатель не разъ убѣдится въ справедливости этого обобщенія Фича.

**) См. введеніе въ «Report of the Committee Education». 1892—1893.

***) См. предисловіе къ книгѣ Sharpless «English education».

****) «Report of United States Commissioner of Education for the year 1888—1889». Washington, 1891, статья Educational system of England, XXIX—XXX.

просъ о среднемъ образованіи отошелъ сравнительно на второй планъ. Впрочемъ, причины сравнительнаго застоя средней школы кроются также въ значительной мѣрѣ въ самомъ характерѣ организаціи средняго образованія, такъ какъ среднія учебныя заведенія состоятъ или изъ частныхъ школъ, не подлежащихъ въ Англіи правительственному контролю, или-же представляютъ собой учрежденія, существующія на основаніи особыхъ хартій, а потому до сравнительно недавняго времени пользовавшихся полной автономіей, пока не было нарушенія хартіи со стороны администрація школы. Надо сказать однако, что, хотя до сихъ поръ усилія правительства были направлены, главнымъ образомъ, на организацію начальнаго образованія, далеко не пропали даромъ и труды коммиссій, изучавшихъ состояніе среднихъ школъ. Отчетъ второй королевской коммиссіи, изучавшей состояніе средняго образованія въ Англіи, считается нѣкоторыми весьма компетентными лицами «самымъ замѣчательнымъ изъ правительственныхъ изданій, когда-либо напечатанныхъ въ Англіи» *), и занимаетъ болѣе 20 томовъ. Уже по одному этому факту читатель можетъ судить, съ какой изумительной осторожностью англійское правительство выступаетъ на поприще практическихъ реформъ въ столь важной отрасли общественной жизни, какою надо считать образованіе, съ какою поразительною основательностью изучается дѣйствительное положеніе **) дѣлъ предъ введеніемъ какихъ-нибудь существенныхъ реформъ.

Мы считаемъ нужнымъ ознакомить читателя съ этимъ важнымъ документомъ, такъ какъ работы коммиссіи по среднему образованію, въ особенности-же второй изъ нихъ, послужили точкой опоры для первыхъ попытокъ правительственнаго вмѣшательства въ дѣло средняго образованія, и такъ какъ, далѣе, многіе существенные факты и соображенія, указанныя коммиссіями въ 60-хъ годахъ, въ значительной мѣрѣ справедливы и до сихъ поръ. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ ними, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, безусловно необходимо для пониманія того направленія, какое приняло въ послѣднее время среднее образованіе въ Англіи. Одинъ ужъ составъ членовъ коммиссіи ручается за крайній интересъ ея работъ: среди членовъ мы встрѣчаемъ знакомыя намъ имена Акланда, Форстера, Брайса, Фича, извѣстнаго англійскаго философа и общественнаго дѣятеля Томаса Грина, извѣстнаго писателя Арнольда ***) и нѣко-

---

*) «Stadies in secondary education», part 1. chapter III, 23.

**) См. характеристику дѣйствій королевской коммиссіи, занимавшейся недавно изслѣдованіемъ положенія рабочихъ въ Англіи. «Русское Богатство», 1895, январь.

***) Объ Арнольдѣ см. въ сочиненіи Леклерка «L'éducation en Angleterre».

торыхъ другихъ весьма замѣчательныхъ дѣятелей Англіи, которые если и неизвѣстны въ Россіи, то лишь потому, что вообще знакомство русскаго общества съ англійской жизнью и учрежденіями крайне ограничено.

Имѣя въ виду крайнюю *оригинальность* администраціи учебнаго дѣла въ Англіи и *необходимость* хотя-бы нѣкотораго *знакомства съ* нею для правильнаго пониманія приводимыхъ ниже свѣдѣній о развитіи среднихъ школъ, мы находимъ нужнымъ, прежде чѣмъ переходить къ дальнѣйшему изложенію, представить нижеслѣдующія данныя о формѣ администраціи начальнаго народнаго образованія въ Англіи въ томъ видѣ, какъ она установлена закономъ 1870 г. и послѣдующимъ законодательствомъ. Такое отступленіе тѣмъ болѣе умѣстно, что, какъ читатель убѣдится ниже, въ основу организаціи начальнаго народнаго образованія въ Англіи положены нѣкоторые принципы, *осуществленіе которыхъ въ области средняго образованія* желали и коммиссіи, изучавшія нужды средняго образованія, рекомендуя парламенту рядъ законодательныхъ мѣропріятій.

Народнымъ образованіемъ въ Англіи завѣдуетъ такъ-называемый «Комитетъ тайнаго Совѣта *) по народному образованію» (Committee of Privy Council on Education). Во главѣ этого Комитета стоитъ вице-президентъ тайнаго Совѣта, который, хотя de jure подчиненъ президенту тайнаго Совѣта, de facto-же пользуется вполнѣ независимою властью и несетъ передъ парламентомъ отвѣтственность за ходъ народнаго образованія. Должность вице-президента тайнаго Совѣта болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ роли министра народнаго просвѣщенія въ другихъ европейскихъ странахъ, а вице-президентъ иногда (Форстеръ, Акландъ) входитъ въ составъ такъ-называемаго кабинета министровъ **).

Комитетъ по народному образованію состоитъ изъ двухъ департаментовъ: департаментъ народнаго просвѣщенія (Education Department) и департаментъ наукъ и искусствъ. Какъ это ни странно

*) Тайный Совѣтъ есть одно изъ высшихъ государственныхъ учрежденій Англіи съ весьма сложными и разнообразными обязанностями частью административнаго, частью судебнаго характера. Отъ краткой характеристики сферы его дѣятельности отказываются даже сами англичане. См. Trail. «Central Government». London (XX).

**) Въ составъ кабинета входятъ лица, стоящія во главѣ разныхъ отраслей государственнаго управленія и принимающія наиболѣе близкое участіе въ направленіи внѣшней и внутренней политики страны. *Отъ усмотрѣнія перваго министра* въ извѣстныхъ предѣлахъ зависитъ составъ членовъ кабинета (въ который, напр., не всегда входитъ министръ почтъ и телеграфовъ—Postmaster General, министръ торговли—President of the Board of Trade и нѣкоторыя другія лица).

представить себѣ русскому читателю, каждый изъ этихъ департаментовъ дѣйствуетъ согласно совершенно самостоятельному законодательству и единство дѣйствій между обоими достигается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что во главѣ обоихъ стоитъ одно лицо—вице-президентъ тайнаго Совѣта.

Департаментъ народнаго просвѣщенія состоитъ, главнымъ образомъ, изъ инспекторовъ начальныхъ школъ, подчиняющихся контролю департамента, и опредѣляетъ права этихъ школъ на субсидіи центральнаго правительства въ зависимости отъ числа учащихся и ихъ успѣховъ.

Самыя начальныя школы находятся или въ ближайшемъ вѣдѣніи мѣстныхъ выборныхъ властей, такъ-называемыхъ школьныхъ комитетовъ, или-же въ рукахъ частныхъ обществъ, имѣющихъ задачей распространеніе въ народѣ образованія, т.-е., главнымъ образомъ, въ рукахъ духовенства разныхъ исповѣданій. Тѣ и другія школы получаютъ субсидіи отъ *центральнаго правительства* согласно *совершенно одинаковымъ условіямъ*, которыя опредѣляются департаментомъ народнаго просвѣщенія въ особомъ законодательствѣ (Education Code). Школьные комитеты, обязательно выбираемые мѣстнымъ населеніемъ во всѣхъ мѣстностяхъ, *гдѣ потребности населенія въ начальномъ образованіи не обезпечены одной частной инициативой*, субсидіи центральнаго правительства дополняютъ взиманіемъ школьнаго налога въ такомъ размѣрѣ, какой вызывается потребностями содержимыхъ ими школъ. Духовенство (т.-е. названныя общества) лишено этого послѣдняго рессурса и для дополненія правительственныхъ субсидій обращается къ щедрости ревнителей конфессіональныхъ *) школъ, такъ какъ въ настоящее время (съ 1891 г.) правительство выдаетъ субсидіи только даровымъ начальнымъ школамъ **). Въ послѣднее время духовенство собираетъ въ качествѣ добровольныхъ пожертвованій на свои школы болѣе 8.000.000 р, въ годъ. Субсидіи центральнаго правительства всѣмъ народнымъ школамъ расли съ феноменальной быстротой со времени форстерова акта (1870 г.), и

*) Надо, впрочемъ, сказать, что школы, находящіяся въ ближайшемъ вѣдѣнія духовенства, только потому могутъ быть названы конфессіональными, что законъ *допускаетъ* въ нихъ преподаваніе *катихизиса* или вообще изученіе догматовъ того или другого исповѣданія *для желающихъ*. Въ школахъ, содержимыхъ школьными комитетами, законъ допускаетъ лишь чтеніе Библіи, безъ всякихъ догматическихъ толкованій, и то лишь для желающихъ.

**) Вотъ какимъ образомъ это было сдѣлано. Правительство обѣщало, что впредь ‹ но всѣмъ начальнымъ школамъ, подчиняющимся контролю департамента народнаго просвѣщенія, будетъ впредь выдавать дополнительную субсидію по числу учениковъ, съ тѣмъ, чтобы школы освободили учениковъ отъ платы.

въ настоящее время достигаютъ 70.000.000 руб. (только для Англіи и Валлиса, т.-е. для населенія нѣсколько болѣе 30.000.000).

Итакъ, департаментъ народнаго просвѣщенія *не содержитъ самъ ни одной начальной школы*; *ему не принадлежитъ право назначенія ни на одну учительскую вакансію*. Затрачивая громадныя суммы *на субсидіи* начальнымъ школамъ, департаментъ обезпечиваетъ себѣ взамѣнъ этого лишь *право контроля*: опредѣленіе условій,—правда, весьма подробныхъ и весьма строгихъ условій,—на какихъ онъ выдаетъ субсидіи начальнымъ школамъ. Этотъ контроль касается всѣхъ сторонъ школьнаго дѣла (кромѣ, однако, вопроса о религіозномъ образованіи); онъ въ высшей степени дѣйствительный, но вовсе не мелочный. Непосредственное веденіе школьнаго дѣла остается все-таки въ рукахъ самого общества: школьныхъ комитетовъ, подлежащихъ переизбранію каждые три года, и частнымъ обществамъ, организуемымъ *по преимуществу* духовенствомъ разныхъ исповѣданій и, слѣдовательно, ищущимъ успѣха въ привлеченіи къ своему дѣлу не только сочувствія того-же общества, но даже, какъ мы видѣли выше, и матеріальной поддержки.

Все это, конечно, крайне трудно представить себѣ и переварить русскому читателю, но здѣсь мы не можемъ позволить себѣ дальнѣйшихъ поясненій *).

Департаментъ наукъ и искусствъ такимъ-же образомъ существуетъ лишь для того, чтобы субсидіями поощрять мѣстное населеніе къ организаціи школъ и курсовъ (classes) и въ особенности вечернихъ школъ и курсовъ, въ которыхъ велось-бы, преимущественно для рабочихъ и наименѣе обезпеченной части среднихъ классовъ, обученіе физико-математическимъ и естественнымъ наукамъ, равно какъ и разнымъ искусствамъ.

Департаментъ обезпечиваетъ себѣ право контроля надъ учебными заведеніями, получающими отъ него субсидіи; впрочемъ, этотъ контроль касается лишь той части учебнаго дѣла, за которую выдается субсидія. Вообще говоря, департаментъ имѣетъ цѣлью содѣйствовать удешевленію стоимости продолженія образованія для лицъ, окончившихъ курсъ нач. школы и, такъ какъ самое существованіе департамента вызвано сознаніемъ необходимости распространенія образованія для обезпеченія успѣшнаго развитія англійской промышленности и торговли, то и субсидіи департамента направлены, главнымъ образомъ, на распространеніе того, что у насъ называется «реальнымъ образованіемъ», и на развитіе художественнаго вкуса среди населенія.

---

*) Болѣе подробно организація начальнаго образованія въ Англіи была изложена нами въ «Русской Школѣ» за прошлый годъ.

шинство этихъ школъ коммиссія, руководясь дѣйствительнымъ положеніемъ въ нихъ учебнаго дѣла и образовательныхъ средствъ, отнесла къ числу *начальныхъ школъ*.

Изъ 3.000 «endowed schools» коммиссія нашла возможнымъ признать за дѣйствительно среднія учебныя заведенія лишь около 800. Болѣе четвертой части этихъ послѣднихъ были школы классическія, еще около четверти всего числа были школы полуклассическія, т.-е. съ однимъ латинскимъ языкомъ; въ остальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не учили ни латинскому, ни греческому языкамъ.

Итакъ, школъ среднихъ между «endowed schools» было лишь около 800 (782), причемъ это число состояло изъ такъ-называемыхъ «грамматическихъ школъ» въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, т.-е. школъ, гдѣ ведется обученіе одному латинскому языку или-же обоимъ древнимъ языкамъ, и изъ остальнoго числа школъ, гдѣ можно было получить образованіе выше элементарнаго. (Сюда-же, для болѣе полной картины средняго образованія, слѣдовало-бы включить и 9 великихъ общественныхъ школъ, которыя составили предметъ изученія предшествующей коммиссіи).

Надо сказать, что королевская коммиссія должна была не только изучить положеніе средняго образованія, но и указать на основаніи таковаго изученія рядъ необходимыхъ реформъ въ школьномъ дѣлѣ. Однако реформаторская дѣятельность правительства въ дѣлѣ средняго образованія могла коснуться только указанныхъ 800 школъ, и то лишь на томъ основаніи, что англійскому народу (или, что все равно, его представителю—англійскому парламенту), на благо котораго основаны разными лицами въ разное время школы, должно принадлежать право съ теченіемъ времени уклоняться отъ буквальнаго выполненія воли завѣщателя и пересматривать уставы школъ, основанныхъ на пожертвованія, если эти уставы оказываются не соотвѣтствующими нуждамъ слѣдующихъ поколѣній. Впрочемъ, по этому вопросу предстояло выразить свое мнѣніе коммиссіи. Коммиссія изучила, насколько это оказалось возможнымъ, и частныя школы, но лишь для болѣе полнаго выясненія положенія средняго образованія въ странѣ, такъ какъ ни тогда, ни теперь англійское правительство не считало себя вправѣ прямо вмѣшиваться въ организацію частныхъ школъ.

Капиталы и имѣнія, принадлежащія указаннымъ 3.000 школамъ, давали въ суммѣ ежегоднаго дохода до 2.000.000 руб., ю распре-

---

устава, дѣйствія администраціи могли быть обжалованы въ судѣ, какъ и всякое вообще нарушеніе закона въ Англіи, когда-бы и кѣмъ-бы оно ни было произведено—частнымъ лицомъ, корпораціей, администраціей, правительствомъ. Получая такіе уставы или хартіи, школы пріобрѣтали публичный характеръ, такъ какъ неприкосновенность хартій охранялось судебной властью.

дѣлялись весьма неравномѣрно: на долю одного учрежденія (Christ Hospital) приходилось до 400.000 руб., нѣкоторыя-же школы имѣли въ годъ дохода съ пожертвованныхъ капиталовъ 100 и даже менѣе рублей *). Такая-же неравномѣрность существовала и въ территоріальномъ распредѣленіи школъ, основанныхъ на пожертвованія; около половины всѣхъ (228 изъ 532) городовъ и мѣстечекъ съ населеніемъ въ 2.000 и болѣе *вовсе не располагали* никакими пожертвованіями на нужды средняго образованія. Въ такихъ мѣстностяхъ заботы объ удовлетвореніи потребности населенія въ среднемъ образованіи были предоставлены исключительно инииціативѣ частныхъ лицъ, т.-е. частнымъ школамъ. Надо сказать, что англичане раздѣляли тогда и раздѣляютъ до сихъ поръ частныя школы на двѣ категоріи: во-первыхъ, частныя школы (private schools), составляющія собственность директора школы, преслѣдующаго при веденіи дѣла свои матеріальные интересы. Такія школы между частными учебными заведеніями составляли громадное большинство. Для коммиссіи невозможно было опредѣлить совершенно точно число учащихся въ этихъ школахъ, находившихся въ исключительномъ и безконтрольномъ владѣніи отдѣльныхъ личностей; число самыхъ школъ доходило до громадной цыфры 10.000. Такимъ образомъ, громадное большинство англичанъ получало свое среднее образованіе въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Слѣдующая категорія частныхъ школъ носитъ особое названіе: «proprietary schools» **), т.-е., буквально, компанейскія школы: такъ называются школы, основанныя по подпискѣ на средства какого-нибудь общества или компаніи частныхъ лицъ. Иногда эти общества составляются изъ людей, принадлежащихъ одной профессіи (напр., священниковъ, коммерсантовъ, фермеровъ), иногда это бываетъ акціонерная компанія, акціи которой разбираются по подпискѣ лицами, сочувствующими цѣлямъ, которыя преслѣдуются при открытіи тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія акціонерныя компаніи составляются, главнымъ образомъ, изъ мѣстныхъ-же жителей и имѣютъ въ виду удовлетвореніе чисто мѣстныхъ нуждъ; иногда, наконецъ, такія компаніи составляются изъ лицъ, разсѣянныхъ по всей Англіи, и осно-

---

*) Очевидно, слѣдовательно, что, вслѣдствіе одного уже недостатка средствъ, такія школы могли быть только начальными учебными заведеніями. Послѣ организаціи начальнаго народнаго образованія такія школы были формально отнесены къ числу начальныхъ народныхъ школъ, стали получать субсидіи отъ департамента народнаго просвѣщенія наравнѣ съ другими начальными школами и подлежать контролю инспекторовъ (начальнаго) народнаго образованія.

**) Англійское слово proprietary значитъ «собственникъ» и «совокупность собственниковъ». См. «Webster's Complete Dictionary of the English language».

ваемыя ими школы преслѣдуютъ цѣли, имѣющія большое національное значеніе [1]). Такія компаніи иногда ограничиваютъ извѣстнымъ максимумомъ размѣръ дивиденда; во всякомъ случаѣ, онѣ не преслѣдуютъ только коммерческихъ цѣлей [2]). Въ такихъ proprietary schools [3]) во время занятій коммиссіи училось около 15.000 мальчиковъ. Въ школахъ, основанныхъ на пожертвованія (endowed schools), училось 37.000 мальчиковъ.

Коммиссіи было крайне трудно дать общую характеристику школъ всѣхъ трехъ категорій: въ каждой изъ нихъ были школы самаго различнаго достоинства—отъ самыхъ плохихъ до сравнительно безукоризненныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Относительно школъ первой (endowed schools) категоріи коммиссія замѣчала, во-первыхъ, что между ними слишкомъ много классическихъ [4]) школъ, тогда какъ большинство населенія нуждалось, конечно, по преимуществу въ болѣе важныхъ для практической жизни знаніяхъ. Къ тому-же, самое преподаваніе классическихъ языковъ было найдено неудовлетворительнымъ, но и это плохое преподаваніе древнихъ языковъ давало возможность школьному начальству оправдываться въ небреженіи къ другимъ отдѣламъ знанія [5]). Даже въ то время, когда англійскія народныя (начальныя) школы далеко не достигли своего теперешняго относительно блестящаго состоянія, даже въ то время дѣти соотвѣтствующаго возраста *въ народныхъ школахъ были*, по мнѣнію коммиссіи, *лучше обучаемы нѣкоторымъ элементарнымъ предметамъ* [6]), какъ, напр., ариѳметикѣ, отечественному языку и т. п., чѣмъ ихъ сверстники въ большинствѣ сред-

---

[1]) Такія общества стали особенно часто возникать съ начала *70-хъ годовъ*, когда общество стало яснѣе понимать недостатки существующихъ среднихъ школъ, правительство-же, вслѣдствіе нѣкоторыхъ указанныхъ ниже неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могло энергично заняться организаціей средняго образованія на тѣхъ началахъ, которыя были рекомендованы королевскими коммиссіями. Между такими «акціонерными» предпріятіями особенно замѣчательно основанное въ 1879 г. «Girls' Public Day School Company», т.-е. Общество для основанія женскихъ (среднихъ) учебныхъ заведеній для приходящихъ; въ настоящее время это Общество одного жалованья учительницамъ, служащихъ въ его школахъ, уплачиваетъ болѣе 500.000 руб. См. статью «Education of Girls» въ «Sonnenshein's Cyclopaedia of Education».

[2]) «Studies in secondary education», 58.

[3]) Какъ сказано выше, такія школы только-что стали возникать передъ началомъ трудовъ коммиссіи. Выясненіе коммиссіей дѣйствительнаго положенія средняго образованія много содѣйствовало появленію подобныхъ школъ съ начала 70-хъ годовъ.

[4]) «Studies in secondary education», 42.

[5]) «Studies» etc., 43.

[6]) «Studies» etc., 44.

нихъ учебныхъ заведеній даже изъ категоріи «endowed schools». Не отрицая существованія безукоризненныхъ школъ между тѣми, которыя существуютъ на завѣщанные капиталы и имѣнія (endowed schools), члены коммиссіи однако находили, что въ общемъ «преподаваніе въ этихъ школахъ далеко не соотвѣтствовало ни первоначальнымъ цѣлямъ жертвователей, ни тѣмъ требованіямъ, которое совершенно основательно можетъ предъявлять такимъ школамъ общественное мнѣніе»...

«Едва-ли, впрочемъ, результатъ могъ быть иной, если принять во вниманіе отсутствіе педагогической подготовки у учителей, плохіе методы обученія, отсутствіе всякаго контроля надъ преподаваніемъ, отсутствіе какихъ-либо поощреній для учителей за добросовѣстную работу, сохраненіе въ силѣ старыхъ уставовъ школъ или недостаточно существенныя измѣненія въ нихъ, полное отсутствіе какой-нибудь связи, какого-нибудь единенія между этими школы» *)...

«Только весьма немногія пожертвованія,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ коммиссія,—дѣйствительно содѣйствуютъ распространенію хорошаго средняго образованія, многія изъ пожертвованій приносятъ весьма мало пользы, нѣкоторыя-же приносятъ положительный вредъ.. Школа, располагающая независимыми средствами, продолжаетъ свое существованіе, когда ея безполезность стала очевидной; та-же школа приноситъ положительный вредъ, препятствуя (въ силу конкурренціи) возникновенію въ той-же мѣстности хорошей частной школы» **).

Здѣсь мы должны сказать, что слишкомъ большое число классическихъ (209) и полуклассическихъ школъ (183), между школами, основанными на пожертвованія, такъ-же какъ и сохраненіе въ силѣ отжившихъ свое время школьныхъ уставовъ объясняется величайшимъ вниманіемъ, которое всегда оказывала англійская государственная власть волѣ частныхъ лицъ, а также какимъ-то почти суевѣрнымъ уваженіемъ англичанъ ко всему, что носитъ отпечатокъ древности, сѣдой старины; ниже мы увидимъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ того и другого явленія.

Англійская государственная власть въ лицѣ судей, которымъ до конца 60-хъ годовъ принадлежало окончательное рѣшеніе по такого рода дѣламъ (объ учрежденіяхъ, существующихъ на средства, завѣщанныя частными жертвователями, и функціонирующихъ согласно волѣ жертвователей, зарегистрованныхъ въ хартіяхъ этихъ учрежденій) настаивали на точномъ исполненіи воли жертвователей, жившихъ 2, 3 вѣка тому назадъ. Между тѣмъ эти жертвователи,

---

*) «Studies» etc., 45.

**) Ibidem, 45.

конечно, не могли предвидѣть ни нарожденія новыхъ областей знанія, притомъ наиболѣе цѣнныхъ для главной массы низшихъ и среднихъ классовъ, ни тѣмъ болѣе тѣхъ громадныхъ метаморфозъ, которыя претерпѣло населеніе Англіи и въ распредѣленіи по занятіямъ, и въ особенности въ распредѣленіи по самой территоріи страны [1]). Между тѣмъ всѣ эти измѣненія должны войти самымъ существеннымъ элементомъ въ современныя сужденія о степени пригодности для общества тѣхъ знаній, которыя даются извѣстнымъ учебнымъ заведеніямъ, въ особенности-же о степени пригодности ихъ для того населенія, которому та или другая школа должна служить уже просто въ силу своего положенія въ извѣстной мѣстности.

Русскому читателю трудно представить себѣ, до чего доходило, въ сравнительно недавнее время, стремленіе англійскаго правительства, въ особенности правительства центральнаго, соблюдать, по возможности, принципъ laisser faire въ школьномъ дѣлѣ. Особенно упорно правительство держалось такой политики, когда дѣло шло объ интересахъ среднихъ классовъ. Считалось внѣ сомнѣнія, что эти классы сами съумѣютъ позаботиться о должномъ воспитаніи своихъ дѣтей: надо только ничѣмъ не стѣснять свободу родителей [2]).

«Едва-ли есть въ Англіи хотя одна школа,—читаемъ мы въ отчетѣ королевской коммиссіи,—которая была-бы подчинена дѣятельному контролю (замѣтимъ: только контролю) правительства [3]); мы, конечно, не принимаемъ во вниманіе школъ, гдѣ учатся дѣти, составляющія предметъ государственной благотворительности. Немногія школы находятся въ вѣдѣніи городскихъ общественныхъ властей. Всѣ остальныя находятся или въ рукахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, или въ рукахъ ассоціацій частныхъ лицъ (компаній) [4]), благотворительныхъ обществъ, наконецъ, часто въ рукахъ совершенно безконтрольнаго совѣта кураторовъ (trustees) [5]). Нѣтъ

---

[1]) См. любопытныя соображенія по этому поводу въ классическомъ трудѣ Alf. Marshall: «Principles of economies», London, 1891, vol. I, 228—240.

[2]) См. Leclerc, «L'éducation en Angleterre», chap. XXI.

[3]) Замѣтимъ, что въ то время даже начальныя школы были всецѣло въ рукахъ частныхъ обществъ; правда, правительство слѣдило за успѣшностью и преподаванія въ тѣхъ начальныхъ школахъ, которыя желали получать субсидіи, но этотъ контроль былъ далеко не такъ дѣйствителенъ, какъ, напр., теперь. Мѣстныя школьныя власти (школьные комитеты) были созданы лишь закономъ 1870 г. Все это касается однако лишь *начальныхъ* школъ.

[4]) Вышеописанныя proprietary schools.

[5]) Здѣсь разумѣются такъ называемыя «endowed schools», т.-е. школы, основанныя на пожертвованія. Въ уставѣ каждой изъ такихъ школъ указывалось, изъ кого долженъ состоять совѣтъ попечителей (trustees, т.-е. собственно довѣренныхъ лицъ) школы, которому должно принадлежать верховное руководство

такихъ инспекторовъ, на обязанности которыхъ лежало-бы изученіе качества школьнаго обученія, нѣтъ такой общественной власти, на обязанности которой было *помогать* въ затруднительныхъ случаяхъ *совѣтомъ* (to give advice); правительство не располагаетъ никакими средствами для поощренія усовершенствованій въ школьномъ дѣлѣ (исключая, впрочемъ, дѣятельности департамента наукъ и искусствъ), правительство даже не располагаетъ ни одной вакансіей хотя-бы на какое-нибудь учительское мѣсто, *центральное* правительство не тратитъ ни одной копѣйки на нужды средняго образоаанія, никогда не выдаетъ учительскихъ дипломовъ (кромѣ дипломовъ для учителей низшихъ школъ). Такимъ образомъ можно совершенно основательно утверждать, что въ Англіи нѣтъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, назначенныхъ для образованія среднихъ или высшихъ классовъ населенія». «Между тѣмъ правительство могло-бы черезъ посредство своихъ агентовъ—инспекторовъ народнаго образованія—*засвидѣтельствовать успѣшность* преподаванія, *поощрять* полезныя нововведенія, могло-бы *совѣтовать*, могло-бы *награждать*... Ничего этого оно не дѣлаетъ, судьбу-же школъ, обезпеченныхъ болѣе или менѣе пожертвованіями частныхъ лицъ, оно предоставило на волю судей, которые, можетъ быть, совершенно правильно толкуютъ первоначальную волю основателя школы, но которые оказываются совершенно неправы, если имѣть въ виду истинные интересы учебнаго заведенія и того общества, на благо котораго оно было основано» *).

Таково было отношеніе англійскаго правительства къ среднему образованію 30 лѣтъ тому назадъ, таково оно въ значительной мѣрѣ оставалось и до самаго недавняго времени. Лишь въ послѣдніе годы желаніе большаго распространенія въ обществѣ *техническихъ знаній* **) побудило правительство отказаться отъ своей прежней пассивной роли.

Много вреда дѣлу средняго образованія приносило упомянутое выше упорное желаніе придерживаться буквальнаго смысла воли жертвователей. Такъ, напримѣръ, основатели грамматическихъ школъ иногда прямо требовали, чтобы ученье въ школахъ было даровое, между тѣмъ точное соблюденіе этого требованія (въ особенности,

---

школой и наблюденіе за тѣмъ, чтобы воля основателя школы не нарушалась. О составѣ такихъ совѣтовъ, которые также иногда называются административными совѣтами школы (governing body), приведены свѣдѣнія ниже.

*) «Studies in secoudary education», 46.

**) См. «Eighth annual report of the United States Commissioner of Labour. Industrial Education. Chap. VI. Industrial Education in Great Rritain». Washington, 1893.

если пожертвованіе было не въ формѣ поземельной собственности) часто препятствовало вполнѣ хорошей организаціи учебнаго дѣла: не хватало, напр., средствъ нанять вполнѣ компетентныхъ учителей, и нельзя было дополнить средства взиманіемъ хотя-бы незначительной платы. Даровое-же ученье, съ другой стороны, привлекало въ школу такихъ учениковъ, которымъ было-бы полезнѣе продолжать ученье въ начальной школѣ (которая, повторяемъ, въ Англіи сдѣлалась даровой лишь съ 1891 г.). Такимъ образомъ, и начальная школа теряла учениковъ, къ потребностямъ которыхъ былъ приспособленъ ея курсъ, и грамматическая школа должна была заниматься предметами элементарнаго обученія и допускать къ себѣ такихъ учениковъ, которые никакъ не могли извлечь какую-либо пользу изъ изученія классической древности *). Единственнымъ нормальнымъ выходомъ изъ этого положенія коммиссія находила уничтоженіе общаго безплатнаго обученія и ограниченіе его лишь извѣстнымъ числомъ учениковъ сообразно средствамъ заведенія, причемъ право даровогo обученія должно быть пріобрѣтаемо путемъ *состязательнаго испытанія*, а не зависѣть отъ усмотрѣнія начальника заведенія или Совѣта кураторовъ, какъ это практиковалось въ нѣкоторыхъ школахъ. Этотъ принципъ дѣйствительно былъ впослѣдствіи осуществленъ во многихъ школахъ. Первое время это нововведеніе вызвало много неудовольствія, однако вскорѣ оказалось, что такое рѣшеніе вопроса было, во всякомъ случаѣ, несравненно лучше прежняго положенія дѣлъ.

Причины неудовлетворительнаго состоянія «endowed schools» крылись въ значительной степени организаціи Совѣтовъ правленія, Совѣтовъ кураторовъ, которымъ. какъ ближайшимъ наблюдателямъ за точнымъ исполненіемъ воли завѣщателя, принадлежало верховное руководство школой. Эти Совѣты были то слишкомъ многочисленны, то, напротивъ, слишкомъ малочисленны, иногда всѣ члены Совѣта должны были по уставу школы принадлежать къ мѣстнымъ уроженцамъ, притомъ извѣстнаго, очень ограниченнаго района; иногда они должны были принадлежать къ числу мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Часто званіе члена такого Совѣта было пожизненнымъ, и вакансіи замѣщались по выбору остальныхъ членовъ. Такіе Совѣты скоро, конечно, поддавались вліянію тѣхъ или другихъ классовыхъ или корпоративныхъ предубѣжденій. Съ теченіемъ времени они фактически попали въ распоряженіе лицъ изъ извѣстнаго класса или корпораціи (напр.,духовенства), никогда, конечно, не упускавшихъ изъ вида своихъ спеціальныхъ интересовъ. Такъ, напр., скоро почти всѣ такіе Совѣты, въ случаѣ открывшихся вакансій, стали систематично не выбирать

*) «Studies in secondary education», 49—50.

въ свою среду лицъ не англиканскаго исповѣданія. Не принадлежа часто къ тѣмъ слоямъ населенія, дѣти которыхъ учатся *) въ мѣстной школѣ, члены Совѣта въ большинствѣ случаевъ относились къ своимъ обязанностямъ апатично или даже съ пренебреженіемъ **). Трудно, конечно, представить себѣ русскому читателю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ по уставу право быть членами такихъ Совѣтовъ правленій передавалось отъ отца къ сыну по наслѣдству ***).

Между тѣмъ, по существовавшимъ тогда законамъ, никто не могъ принудить такой Совѣтъ измѣнить уставъ школы, какъ-бы онъ ни оказывался устарѣлымъ. Дѣла объ исполненіи завѣщаній подлежали вѣдѣнію такъ-называемаго канцлерскаго суда (Court of Chancery), но онъ могъ заставить Совѣтъ измѣнить свой образъ дѣйствій только въ томъ случаѣ, если эти дѣйствія Совѣта *нарушали волю учредителя заведенія*. Если канцлерскій судъ находилъ справедливымъ требованія тѣхъ или другихъ лицъ о необходимости перемѣнъ въ организаціи школы, такихъ перемѣнъ, которыя *нарушали букву* воли завѣщателя, хотя бы и вызывались необходимостью сообразоваться съ требованіями новаго времени, во всѣхъ этихъ случаяхъ канцлерскій судъ могъ *разрѣшить* необходимыя реформы Совѣту кураторовъ, но не могъ понудить этотъ Совѣтъ осуществить реформы, если Совѣтъ ихъ не желалъ этого. Въ послѣднемъ случаѣ оставалось только добиваться спеціальнаго (для каждаго отдѣльнаго случая) парламентскаго акта, что, конечно, требовало много времени и хлопотъ. Мы увидимъ ниже, къ какой сложной процедурѣ прибѣгли англичане, чтобы устранить такой ненормальный порядокъ вещей.

Что касается до частныхъ школъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ личностямъ, то коммиссія нашла ихъ въ общемъ значительно хуже школъ первой категоріи (endowed schools). Завися всецѣло отъ популярности среди учениковъ и ихъ родителей, частныя школы дѣлали слишкомъ много уступокъ требованіямъ тѣхъ и другихъ: учили слишкомъ многому, ничего не проходя основательно и всегда имѣя въ виду лишь ближайшія требованія практической жизни. Однако между частными школами были и такія, которыя приносили несо-

---

*) Мы уже говорили, что богатые люди опредѣляютъ своихъ дѣтей въ закрытыя учебныя заведенія, такъ-называемыя «общественныя школы».

**) «Studies» etc., 51—53.

***) «Studies» etc., 53. Какъ будетъ полнѣе выяснено ниже, въ числѣ органовъ центральнаго правительства былъ одинъ (Charity Commission), на обязанности котораго лежало слѣдить за правильнымъ исполненіемъ воли жертвователей, основавшихъ разныя учрежденія. De facto, однако, этотъ контроль сводился до послѣдняго времени на ничто, вслѣдствіе чрезвычайно значительнаго числа такихъ учрежденій и незначительнаго состава центральнаго учрежденія.

мнѣнную пользу: въ такихъ школахъ обыкновенно удѣлялось сравнительно много вниманія малоспособнымъ ученикамъ; наконецъ, въ частныхъ-же школахъ свободнѣе всего и чаще всего примѣнялись новые педагогическіе пріемы *) и методы. Послѣдняя характеристика особенно вѣрна, по мнѣнію коммиссіи, относительно упомянутыхъ выше «proprietary schools», т.-е. тѣхъ школъ, которыя мы, стремясь возможно точнѣе передать значеніе этого выраженія, назвали «компанейскими школами». Вообще этотъ послѣдній разрядъ школъ оказался самымъ лучшимъ: тутъ не было слишкомъ большой зависимости отъ учениковъ и ихъ родителей, не было недостатка въ деньгахъ на необходимыя основныя затраты и улучшенія, къ тому-же самое возникновеніе школъ этой категоріи являлось въ отвѣтъ весьма опредѣленнымъ требованіямъ національной жизни вообще или той или другой группы населенія въ частности.

Къ сожалѣнію, это былъ наименѣе многочисленный разрядъ среднихъ учебныхъ заведеній (около 15.000 учащихся мужескаго пола). Надо замѣтить теперь, что хотя жертвователи, оставившіе капиталы и земли для обезпеченія школъ первой категоріи (endowed schools), не указывали, что они имѣютъ въ виду только мальчиковъ, тѣмъ не менѣе почти всѣ **) такія школы de facto были доступны только мальчикамъ. Такимъ образомъ, громадное большинство дѣвушекъ училось въ школахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Такія лица, обыкновенно, болѣе всего имѣли въ виду свои матеріальные интересы и въ то-же время старались попасть въ тонъ тѣмъ требованіямъ, которыя въ «обществѣ» было принято предъявлять такъ называемымъ «образованнымъ» дѣвицамъ. Насъ поэтому не должно удивлять, что изучавшій эти школы по порученію королевской коммиссіи Норриссъ нашелъ, что въ нихъ «учительницы и учителя плохи, ученики не изъ лучшихъ, классныя упражненія представляютъ сухую, не интересную для дѣтей работу, большая часть уроковъ сводится на заучиваніе наизусть, основная-же суть остается часто не выясненной». Сверхъ того, Норрисъ указалъ на существованіе коренныхъ ошибокъ въ относительномъ значеніи, придаваемомъ разнымъ предметамъ преподаванія: «внѣшній эффектъ предпочитается солидному знанію, стремленіе развить и укрѣпить умъ далеко уступаетъ стремленію наполнить голову безполезными знаніями» ***).

Таково было въ самыхъ общихъ чертахъ положеніе средней

*) «Studies» etc., 57—58.

**) Между endowed schools женскихъ учебныхъ заведеній было всего 13.

***) «Studies» etc., 61. Надо замѣтить, что въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ женское образованіе въ Англіи сдѣлало феноменальные успѣхи, и въ настоящее время англичанки уступаютъ въ образованіи развѣ только американкамъ.

школы въ *серединѣ шестидесятыхъ* годовъ, насколько оно выяснено коммиссіей, работавшей нѣсколько лѣтъ и въ числѣ членовъ которой было не мало выдающихся общественныхъ дѣятелей Англіи. Укажемъ теперь, къ какимъ практическимъ выводамъ пришла коммиссія, какія реформы она предложила общественному мнѣнію Англіи и его выразителю—англійскому парламенту. Мы постараемся быть возможно краткими.

Примѣняясь къ нуждамъ учениковъ, посѣщающихъ среднія школы *), коммиссія предлагала раздѣлить эти школы на три категоріи или разряда, смотря по тому, до какого возраста родители полагаютъ продолжать образованіе своихъ дѣтей — до 14, 16 или 19 лѣтъ. Только въ послѣднихъ изъ названныхъ среднихъ школъ, въ перворазрядныхъ школахъ (first grade schools), должно учить греческому языку; въ остальныхъ двухъ разрядахъ среднихъ школъ изъ древнихъ языковъ слѣдуетъ изучать только латинскій **). Латинскій языкъ и новые языки, математика и естествознаніе должны войти въ курсъ каждаго разряда школъ, причемъ не только эти предметы должны имѣть неодинаковое значеніе въ школахъ разныхъ разрядовъ, не слѣдуетъ даже настаивать на единообразіи въ организаціи учебныхъ занятій въ школахъ одного и того-же разряда. Желательно даже не терять изъ вида способностей и наклонностей отдѣльныхъ учениковъ къ тѣмъ или другимъ предметамъ ***).

Школы указанныхъ трехъ разрядовъ не составляютъ продолженія одна другой, но каждая изъ нихъ должна стремиться дать законченное въ извѣстномъ смыслѣ образованіе, ни одной изъ нихъ не слѣдуетъ однако преслѣдовать узко-практическихъ цѣлей: педагогическія соображенія всегда должны брать верхъ надъ соображеніями о ближайшей матеріальной пользѣ. Каковы-бы ни были взаимныя отношенія школъ разныхъ разрядовъ, безусловно важно организовать дѣло такъ, чтобы наиболѣе способныя дѣти изъ школъ низшихъ разрядовъ безъ большихъ неудобствъ для себя могли переходить въ школы высшихъ разрядовъ, для чего должна быть организована система

---

*) Замѣтимъ, что здѣсь рѣчь идетъ только о такъ-называемыхъ «endowed schools», какъ имѣющихъ болѣе или менѣе публичный характеръ.

**) Когда въ Англій или въ Америкѣ раздаются голоса противъ классическаго образованія, то въ этомъ случаѣ имѣется въ виду, главнымъ образомъ, греческій языкъ. Есть много основаній въ пользу такой точки зрѣнія для говорящихъ на англійскомъ языкѣ. (См. «Report of the Committee on secondury school studies», Washington, 1893, и нашу статью «Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Америкѣ». «Р. Шк.» 1894, № 9, 10, 11). Здѣсь замѣтимъ только то, что слова литературнаго англійскаго языка большею частью близко подходятъ по формѣ и значенію къ латинскимъ словамъ.

***) «Studies» etc., 30—31.

выдачи (по экзаменамъ) стипендій для продолженія образованія (scholarships). Для того, чтобы вполнѣ обезпечить потребность населенія въ среднемъ образованіи, коммиссія находила нужнымъ, чтобы въ каждомъ городѣ съ 20.000 населеніемъ была одна перворазрядная школа (въ указанномъ выше смыслѣ этого выраженія), чтобы второразрядныя школы были во всѣхъ городахъ съ населеніемъ въ 5.000 и выше и чтобы во всѣхъ другихъ городскихъ поселеніяхъ были школы третьеразрядныя. Кромѣ этихъ учебныхъ заведеній для приходящихъ, должно быть основано по всей странѣ нѣкоторое количество закрытыхъ учебныхъ заведеній.

Съ крайнимъ сожалѣніемъ воздерживаемся отъ приведенія читателю въ высшей степени замѣчательныхъ сужденій коммиссіи о глубокой важности для всей страны широкаго распространенія *женскаго* образованія. Особенно заслуживаетъ вниманія мнѣніе коммиссіи, что разница въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ должна заключаться *не въ составѣ предметовъ преподаванія* (selections of subjects of study), а въ методахъ преподаванія, сообразно особенностямъ женскаго ума и психической жизни женщинъ *).

Необходимыя реформы средняго образованія, предложенныя коммиссіей, можно свести къ слѣдующимъ шести пунктамъ:

1. Систематически реформировать школы, основанныя на пожертвованія (endowed schools). *Каждая* такая школа должна быть реформирована совершенно *самостоятельно*, т.-е. относительно каждой школы слѣдуетъ принять во вниманіе совокупность всѣхъ особенностей въ мѣстныхъ условіяхъ и уставъ школы примѣнять къ этимъ именно условіямъ. Въ случаѣ незначительности дохода отъ обезпечивающаго школу капитала двѣ школы соединить въ одну или даже вовсе ихъ упразднить, капиталы-же обратить на стипендіи ученикамъ при другихъ школахъ. Общее даровое обученіе въ среднихъ школахъ совершенно уничтожить,—впредь даровое ученіе должно быть наградой, получаемой по состязательному испытанію, что должно облегчить бѣднымъ, но способнымъ ученикамъ продолженіе образованія.

2. Право реформы «endowed schools» должно быть предоставлено Charity Commission **), причемъ для такихъ реформъ не должна быть

---

*) См. «Studies» etc., 33—35.

**) Такъ называется одинъ изъ органовъ центральнаго правительства — коммиссія, завѣдывающая всѣми благотворительными учрежденіями. Коммиссія должна слѣдить за тѣмъ, чтобы капиталы и доходы, оставленные разными лицами въ обезпеченіе основанныхъ ими благотворительныхъ учрежденій, расходовались попечительными Совѣтами этихъ учрежденій (trustees) сообразно волѣ жертвователя. Съ теченіемъ времени уставъ такихъ учрежденій можетъ быть

болѣе необходима иниціатива попечительнаго Совѣта школы или даже согласіе этого Совѣта.

Въ попечительные Совѣты «endowed schools» должны войти представители отъ родителей и отъ разныхъ органовъ мѣстнаго общественнаго управленія или представители плательщиковъ налоговъ.

3. Администрацію школъ (endowed schools), находящихся въ одномъ городѣ, слѣдуетъ объединить; желательно также школы, находящіяся въ одномъ районѣ, подчинить какому-нибудь одному контролирующему учрежденію. Для этого слѣдуетъ организовать въ Англіи окружные учебные комитеты, состоящіе изъ представителей школъ района, представителей мѣстныхъ органовъ общественнаго управленія и представителя центральной власти. Этимъ окружнымъ комитетамъ предоставить право выработывать уставы новыхъ школъ, если учрежденіе таковыхъ будетъ ими найдено нужнымъ, причемъ окончательное утвержденіе такихъ проектируемыхъ уставовъ должно быть предоставлено центральной власти.

4. Предоставить городамъ и сельскимъ обществамъ (въ отдѣльности или въ совокупности съ другими обществами) *право* взиманія спеціальнаго школьнаго налога на предметъ организаціи новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній или на увеличеніе образовательныхъ средствъ уже имѣющихся школъ.

5. Для *наблюденія* за ходомъ учебнаго дѣла въ реорганизованныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учредить Совѣтъ по народному образованію (Educational Council) изъ 12 лицъ, изъ которыхъ половина назначается правительствомъ, другая-же половина выбирается университетами Оксфордскимъ, Кэмбриджскимъ и Лондонскимъ. Въ распоряженіи Совѣта должны находиться инспекторъ для періодическаго (разъ въ годъ) посѣщенія школъ и составленія отчета объ ихъ состояніи. На основаніи отчета инспекторовъ составляется общій годовой отчетъ о состояніи всѣхъ школъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

6. Предоставить частнымъ *) школамъ *право* требовать контроля инспекторовъ Совѣта по народному образованію. Въ послѣднемъ слу-

---

измѣняемъ, но лишь *по иниціативѣ* попечительныхъ Совѣтовъ и *съ одобренія* Charity Commission. Такимъ образомъ, вслѣдствіе оригинальныхъ условій развитія средняго образованія въ Англіи извѣстная часть среднихъ школъ (endowed schools) попала въ юрисдикцію Charity Commission. Мы уже видѣли, что относительно endowed schools, власть надъ которыми принадлежала Charity Commission, принадлежала и такъ называемому канцлерскому суду (Court of Chancery). См. «Studies», 53—55.

*) Какъ тѣмъ, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, такъ и тѣмъ, которыя основаны разными обществами (private and proprietary schools).

чаѣ публиковать отчеты о состояніи такихъ школъ, учениковъ же этихъ школъ допускать къ состязательнымъ испытаніямъ на право полученія существующихъ стипендій для продолженія образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Перейдемъ къ изложенію того, насколько были пока осуществлены желанія коммиссіи. Благодаря упомянутымъ выше условіямъ общественной жизни въ началѣ 70-хъ годовъ, благодаря въ особенности тому, что съ торжествомъ демократіи въ Англіи наиболѣе серьезныя заботы правительства и общества сосредоточились на организаціи низшаго образованія, conditio sine qua non самого существованія демократическаго общества, осуществленіе реформъ, предложенныхъ коммиссіей, встрѣтило много затрудненій и подвигалось весьма медленно. Оканчивая нашъ обзоръ трудовъ королевской коммиссіи, мы не можемъ не обратить вниманія читателя на твердую увѣренность, съ какой коммиссія высказывала, что успѣхъ въ предстоящемъ важномъ дѣлѣ можетъ быть обезпеченъ лишь привлеченіемъ къ нему возможно широкаго круга лицъ и учрежденій, отъ которыхъ есть основаніе ожидать живого интереса къ вопросамъ народнаго просвѣщенія.

Въ этомъ случаѣ въ высшей степени знаменательны слѣдующія слова королевской коммиссіи: «Мы глубоко убѣждены, что въ дѣлѣ народнаго образованія слѣдуетъ всегда опираться на *самодѣятельность гражданъ*. Глубокомысленные педагоги могутъ дать намъ много прекрасныхъ совѣтовъ; парламентъ, согласно съ этими совѣтами, можетъ издать мудрые законодательные акты, однако-же истинная сила, которая одна можетъ одухотворить все движеніе, можетъ исходить только отъ народа. Всякая мѣра, возбуждающая интересъ народа къ школѣ, все, что только можетъ поселить въ народѣ убѣжденіе, что школьное дѣло есть *дѣло всѣхъ* и что для *каждаго* долженъ быть дорогъ всякій видъ участія въ такомъ важномъ и живомъ дѣлѣ, все это *не менѣе важно, чѣмъ самыя раціональныя программы и самая искусная администрація.*

«Для устраненія указываемыхъ ниже недостатковъ въ школьномъ дѣлѣ надо много ума, много искусства, много энергіи; всего этого можно лучше всего достигнуть широкимъ привлеченіемъ общества къ школьному дѣлу и искренней вѣрой въ благотворность такого единенія школы и жизни.

П. Мижуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Педагогическіе матеріалы въ сатирахъ М. Е. Салтыкова.

М. Е. Салтыковъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ беллетристовъ-публицистовъ, произведенія которыхъ вызываются на свѣтъ Божій текущими злобами дня *) и потому служатъ прекрасной иллюстраціей современности. Уже одно это обстоятельство даетъ намъ право искать педагогическихъ матеріаловъ въ сочиненіяхъ нашего сатирика, бывшаго свидѣтелемъ многихъ свѣтлыхъ и мрачныхъ событій въ исторіи нашего просвѣщенія. М. Е. помнилъ и событія, вызванныя, въ концѣ 1840 гг., февральской революціей, когда число студентовъ въ университетахъ было ограничено тремя стами, когда находились люди, предлагавшіе даже совершенное закрытіе этихъ разсадниковъ просвѣщенія **). Салтыковъ пережилъ и эпоху нашего «возрожденія», вызвавшую, въ числѣ другихъ преобразованій, реформы и въ учебномъ вѣдомствѣ. Университетскіе уставы, споръ о реальномъ и классическомъ образованіи, новый уставъ гимназій, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи—все это волновало въ свое время и общество, и литературу и было предметомъ горячихъ дебатовъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ, и въ спеціальныхъ коммиссіяхъ, и въ журнальныхъ статьяхъ. Вопросы эти не могли не затрагивать и Салтыкова, который, по свидѣтельству своего ближайшаго сотрудника, Г. З. Елисѣева, «былъ журналистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова» и отзывался на всѣ животрепещущіе вопросы дня. Положеніе дѣтей въ семьѣ и школѣ, условія умственнаго и нравственнаго развитія молодежи тѣмъ болѣе должны были интересовать нашего сатирика, что его собственныя воспоминанія о своемъ дѣтствѣ и о своей молодости были очень невеселыя. «Я вспоминаю дѣтскіе годы,—говоритъ онъ,—и сердце мое невольно сжимается всякій разъ, какъ я вижу дѣтей» (IX, 59) «Помню я школу,—писалъ

*) «Моя дѣятельность почти исключительно посвящена злобамъ дня» (Салтыковъ, т. VI, с. 357). Цитаты во всей статьѣ сдѣланы по девятитомному изданію 1889—1890 г.г.

**) «Бутурлинъ предлагалъ закрыть университетъ» (Никитенко, «Записки и дневникъ», I, 494).

онъ гораздо раньше,—но какъ то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи» (I, 171). Интересъ къ вопросамъ воспитанія жилъ въ душѣ Салтыкова почти съ самаго начала его литературной дѣятельности, по крайней мѣрѣ, «матеріалы» для его біографіи, собранные К. К. Арсеньевымъ, сообщаютъ, что до ссылки въ Вятку М. Е. помѣщалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» рецензіи новыхъ книгъ, при чемъ ему «приходилось писать, большею частью, объ учебникахъ и книгахъ для дѣтскаго чтенія» (с XXIV). Педагогическія идеи, высказанныя при этомъ молодымъ авторомъ, были настолько зрѣлы, что многія изъ нихъ «не потеряли своей цѣны и въ наше время» (с. XXV). Будущій великій сатирикъ не ограничился разборомъ чужихъ учебниковъ. Въ Вяткѣ онъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ вице-губернатора Болтина и слѣдилъ за воспитаніемъ двухъ дочерей послѣдняго; за неимѣніемъ хорошаго учебника по русской исторіи, онъ самъ составилъ «Краткую исторію Россіи» для молодыхъ дѣвушекъ, одна изъ которыхъ впослѣдствіи стала его женою *). Заботы о воспитаніи собственныхъ дѣтей заставили Салтыкова подъ старость еще болѣе интересоваться педагогіей, особенно, когда его сыну задавались такія ариѳметическія задачи, которыя ставили втупикъ самого отца, а дочь получала изъ гимназіи такія темы для сочиненій, за которыя самъ писатель не могъ получить болѣе тройки. Обратясь къ сатирамъ Щедрина, мы найдемъ въ нихъ не малое количество матеріаловъ, цѣнныхъ какъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи вообще, такъ и для исторіи русской семьи и русской школы въ частности.

Семейное и школьное воспитаніе имѣетъ громадное значеніе для дальнѣйшей судьбы человѣка. Если вліянію воспитанія въ настоящее время и не приписываютъ такого могущественнаго значенія, какъ въ концѣ XVIII вѣка, когда разницу между людьми объясняли различіемъ воспитанія и среды и учили, что талантъ и добродѣтель могутъ быть преподаваемы, то все-таки никто не будетъ отрицать могучаго вліянія воспитанія и на отдѣльныя личности, и на духъ цѣлыхъ націй. Различные индивидуумы въ различной степени подчиняются воздѣйствію своихъ воспитателей; находятся даже такія сильныя натуры, которыя остаются совершенно внѣ ихъ вліянія. Но воспоминанія о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ навсегда сохраняются въ душѣ человѣка, и люди, сохранившіе свою личность неиспорченною неблагопріятными условіями воспитанія, не могутъ забыть своего дѣтства и юношества. Воспоминанія о нихъ всегда являются въ

*) О характерѣ учебника см. «Матеріалы», сс. XLIV—XLVI; ср. также біографическій очеркъ С. Н. Кривенка, сс. 31—32.

умѣ, когда рѣчь заходитъ о дѣтяхъ, о школѣ, о воспитаніи, и въ значительной степени опредѣляютъ сужденія объ этихъ предметахъ.

Если обратимся къ воспитанію Салтыкова, то увидимъ, что дѣтство его прошло въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Объ этихъ условіяхъ можно составить ясное представленіе изъ первыхъ главъ «Пошехонской Старины», которая, по словамъ К. К. Арсеньева, «даетъ вѣрную картину умственнаго и нравственнаго воспитанія Салтыкова» до десятилѣтняго возраста (с. XII). Но такъ какъ самъ авторъ предупредилъ читателей, заявивъ, что въ воспоминаніяхъ Никанора Затрапезнаго «автобіографическаго элемента... очень мало», и что въ нихъ «чужое перемѣшано съ своимъ, а въ то-же время дано мѣсто и вымыслу», то интереснымъ матеріаломъ, находящимся въ этомъ произведеніи, удобнѣе воспользоваться при изображеніи воспитанія въ дореформенныхъ помѣщичьихъ семействахъ. Несмотря на это, «Пошехонская Старина» даетъ и такіе матеріалы, которые имѣютъ значеніе только для біографіи ея творца и вполнѣ согласуются съ его личными воспоминаніями, а потому и были уже утилизированы при составленіи краткой біографіи сатирика.

М. Е. Салтыковъ родился въ помѣщичьей семьѣ; отецъ его былъ дворянинъ, носившій громкую фамилію, мать-же—изъ купеческаго званія. Этотъ неравный бракъ въ воспоминаніяхъ Никанора Затрапезнаго рисуется самыми мрачными красками. Практическая жена забрала въ руки все хозяйство и, ведя его въ отличномъ порядкѣ, съ презрѣніемъ относилась къ мужу, который отплачивалъ ей руганью. Такія отношенія часто вызывали цѣлыя «семейныя баталіи» и «настоящіе погромы», свидѣтелями которыхъ были и дѣти. Загнанный отецъ, мать, всецѣло погруженная въ «процессъ благопріобрѣтенія» и, къ тому-же, «круглая невѣжда», не имѣли времени думать о правильномъ воспитаніи дѣтей: дѣти не знали даже родительской ласки. Ихъ плохо кормили, плохо одѣвали, лишали свѣжаго воздуха и свободныхъ движеній. Послѣдствіемъ такого «нѣжнаго» воспитанія было то, что Салтыковъ «никогда не могъ похвалиться ни хорошимъ здоровьемъ, ни физической силой» *). Главнымъ педагогическимъ пріемомъ при воспитаніи были «тѣлесныя наказанія во всѣхъ видахъ и формахъ», и къ этому цѣлебному средству прибѣгали такъ часто, что первымъ воспоминаніемъ Салтыкова было воспоминаніе о томъ, что его сѣкутъ. «Помню, что меня сѣкутъ,—говорилъ онъ С. Н. Кривенку,—кто именно, не помню, но сѣкутъ, какъ слѣдуетъ, розгою... Было мнѣ тогда, должно быть, *года два*, не больше» **).

*) «Матеріалы», с. LXXXVI.

**) С. Н. Кривенко. Біографическій очеркъ М. Е. Салтыкова, с. 7.

Отъ тѣлесныхъ наказаній не избавился Салтыковъ и въ учебные свои годы. Первымъ его учителемъ былъ живописецъ, вѣрнѣе—иконописецъ Павелъ, крѣпостной человѣкъ. Этотъ импровизованный педагогъ, по воспоминаніямъ «Пошехонской Старины», научилъ мальчика читать по складамъ и на этомъ долженъ былъ остановить свою дѣятельность, потому что писать онъ и самъ не умѣлъ. Дальнѣйшимъ образованіемъ ребенка занялись старшая сестра его, вышедшая изъ института, и священникъ сосѣдняго села. О сестрѣ въ «Пошехонской Старинѣ» сказано, что она «дралась съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто мстила за прежде вытерпѣнные побои», вслѣдствіе чего «во время классовъ раздавались неумолкаемые дѣтскіе стоны» (IX, 21). Воспоминанія Н. Затрапезнаго о священникѣ болѣе благопріятны. Наѣзжая три раза въ недѣлю, отецъ Василій, большею частью, «задавалъ» и «спрашивалъ» и очень рѣдко «объяснялъ»; но за-то онъ не только не дрался, но вступалъ со своимъ ученикомъ въ длинные разговоры о житьѣ-бытьѣ сельскаго духовенства.

О такомъ воспитаніи Салтыковъ имѣлъ полное право сказать: «настоящаго руководителя у меня не было, системы въ усвоеніи знаній—тоже... вмѣсто всякой системы, у меня была программа для поступленія въ пансіонъ» (IX, 55). Лишенный благотворнаго вліянія со стороны родителей и воспитателей, Салтыковъ, кажется, не имѣлъ даже няни, которая познакомила-бы его съ русской народной поэзіей; по крайней мѣрѣ, устами Затрапезнаго онъ говоритъ: «Замѣчательно, что между многочисленными няньками, которыя пѣстовали мое дѣтство, не было ни одной сказочницы». Средствъ для самообразованія у мальчика также не было. Выучась читать, онъ не имѣлъ подъ руками другихъ книгъ, кромѣ учебниковъ, по которымъ учились его братья. «Ни хрестоматіи, ни даже басенъ Крылова не существовало», такъ что будущій сатирикъ до десятилѣтняго возраста «не зналъ ни одного русскаго стиха» (не считая реторическихъ примѣровъ). Животворнымъ лучомъ, пробившимъ умственную и нравственную тьму, опутывавшую вдумчиваго мальчика, было Евангеліе. До знакомства съ этой книгой онъ былъ религіознымъ только съ внѣшней стороны, какъ и всѣ его окружающіе. Онъ крестился, кланялся, становился на колѣни, читалъ молитвы, не вникая въ ихъ смыслъ, и неудивительно поэтому, что онъ «не чувствовалъ себя ни умиленнымъ, ни умиротвореннымъ». Ближайшее знакомство съ Евангеліемъ совершило «полный жизненный переворотъ» въ чуткой душѣ. «Главное, что я почерпнулъ изъ Евангелія,—читаемъ мы въ «Пошехонской Старинѣ»,—заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благо-

даря которому господствующій жизненный складъ уже не такъ легко порабощалъ меня». Нравственное просвѣтленіе дало возможность понять и оцѣнить житейскія отношенія. «Возбужденная мысль, — читаемъ далѣе, — невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности, въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки человѣческихъ существъ». Въ результатѣ оказалось измѣненіе отношеній автора «къ образу раба». «Съ этихъ поръ обращеніе мое съ домашней прислугой глубоко измѣнилось, и... подлая крѣпостная номенклатура, которая дотолѣ оскверняла мой языкъ, исчезла навсегда» *).

Домашнее образованіе Салтыкова кончилось поступленіемъ въ третій классъ Московскаго дворянскаго института, откуда онъ черезъ два года (въ 1838 г.), въ качествѣ *отличнѣйшаго* ученика, былъ переведенъ въ лицей. Воспоминанія М. Е. о школѣ были такія-же непривлекательныя, какъ и о семьѣ **). За писаніе стиховъ, за чтеніе книгъ онъ подвергался преслѣдованіямъ гувернеровъ и учителя русскаго языка. Юный поэтъ пряталъ свои произведенія въ рукава куртки,

*) «Пошехонская Старина», глава V.

**) Въ «Недоконченныхъ бесѣдахъ» сатирикъ такъ говоритъ о своемъ пребываніи въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ: «Публичное воспитаніе я началъ въ Москвѣ, въ спеціально-дворянскомъ заведеніи, задача котораго состояло преимущественно въ подготовленіи «питомцевъ славы». Заведеніе, впрочемъ, имѣло хорошія традиціи и пользовалось отличною репутаціей. Во главѣ его почти всегда стояли ежели не отличнѣйшіе педагоги, то люди, обладавшіе здравымъ смысломъ и человѣчностью... О сѣченіи у насъ не было слышно, хотя оно несомнѣнно практиковалось, какъ и вездѣ въ то время. Но, во-первыхъ, практиковалось только въ крайнихъ случаяхъ и, во-вторыхъ, келейно, не задаваясь при этомъ ни теоріей устрашенія, ни теоріей правды и справедливости, якобы вопіющей объ отмщеніе» (VII, 577—578). Къ сожалѣнію, такіе порядки скоро измѣнились: гуманный директоръ «вынужденъ былъ удалиться», его мѣсто занялъ бывшій инспекторъ, а инспекторомъ сдѣлался молодой человѣкъ, «до тонкости изучившій вопросъ о роли, которую должна играть «средняя часть тѣла» въ дѣлѣ воспитанія юношества. Этотъ молодой человѣкъ почему-то вообразилъ себѣ, что заведеніе, отданное ему въ жертву, представляетъ собой авгіевы конюшни, которыя ему предстоитъ вычистить, и, разъ задавшись этою мыслью, начерталъ для ея выполненія соотвѣтствующую программу» (VII, 578). Программа эта резюмировалась однимъ словомъ — «сѣчь». Сѣченіе производилось по субботамъ, «по выходѣ отъ всенощной», въ рекреаціонномъ залѣ. Воспитанники выстраивались у стѣнъ и въ тяжеломъ молчаніи ждали инспектора. «Многіе припоминали совершенные за недѣлю грѣхи, шептали молитвы и крестились». Являлся инспекторъ, выкликалъ фамиліи учениковъ, называлъ ихъ проступки («за лѣность! за шалость! за буйство! за воровство!») и опредѣлялъ число розогъ (отъ пяти до шестидесяти). Самъ Салтыковъ рѣдко подвергался такимъ экзекуціямъ, но и одного присутствія при такихъ звѣрскихъ сценахъ, когда «раздавались пронзительные крики», было довольно для того, чтобы расшатать нервы и поселить въ душѣ впечатлительнаго человѣка отвращеніе къ розгѣ. Въ лицеѣ не практиковалось такихъ звѣрствъ, тѣмъ не менѣе воспоминанія автора и объ этомъ учебномъ заведеніи такія-же безотрадныя.

въ сапоги, но не могъ скрыть ихъ отъ лицейскихъ аргусовъ. «Неодобрительное» содержаніе стиховъ вмѣстѣ, съ другими школьными преступленіями, какъ-то: разстегнутая пуговица на курткѣ или на мундирѣ, ношеніе треуголки не по формѣ, куреніе табаку и пр.,— отзывались на отмѣткѣ «изъ поведенія», которая никогда не превышала девяти при двѣнадцатибальной системѣ *). Неудовлетворительными отмѣтками дѣло не ограничивалось. Въ «Письмахъ къ тетенькѣ» авторъ вспоминаетъ о карцерѣ, въ которомъ онъ сиживалъ чаще другихъ за стихи. «Въ отрочествѣ,—пишетъ Салтыковъ,—я имѣлъ неудержимую страсть къ стихотворному паренію, а школьное начальство находило эту страсть предосудительною. Сижу, бывало, въ классѣ и ничего не вижу и не слышу, все стихи сочиняю. Отвѣчаю невпопадъ, а когда, бывало, мнѣ скажутъ: «станьте въ уголъ носомъ!»—я, словно сонный, спрашиваю: «а? что?» Долгое время начальство ничего не понимало, а можетъ быть, даже думало, что я обдумываю какую-нибудь крамолу, но наконецъ-таки меня поймали. И съ тѣхъ поръ начали ловить неустанно, тщетно я пряталъ стихи въ рукавъ куртки, въ голенище сапога—вездѣ ихъ находили. Пробовалъ я, въ видѣ смягчающаго обстоятельства, перелагать въ стихи псалмы, но и этого начальство не одобрило. Поймаютъ одинъ разъ — въ уголъ носомъ! поймаютъ въ другой—безъ обѣда! поймаютъ въ третій—въ карцеръ!» Карцеръ-же «представлялъ собою нѣчто вполнѣ омерзительное», несмотря на то, что въ немъ приходилось сидѣть и будущимъ министрамъ, разсадникомъ которыхъ, по словамъ Салтыкова, былъ лицей. Помѣщеніе карцера «занимало темную и крохотную трехъугольную впадину въ капитальной стѣнѣ; на полу этой впадины былъ брошенъ набитый соломой тюфякъ, около котораго была поставлена деревянная табуретка. Двигаться въ этой конурѣ было невозможно, да, повидимому, и не полагалось нужнымъ. Въ обыкновенное время сюда складывались старыя вонючія одѣяла, которыми надѣляли воспитанниковъ на ночь, потому что хорошія одѣяла постилали только днемъ на показъ. Вслѣдствіе этого въ карцерѣ пахло отчасти пòтомъ, отчасти мышами». Въ эту-то «вонючую дыру» сажали преступника, «при чемъ не давали ему свѣчи, а вмѣсто пищи назначали въ день три куска чернаго хлѣба и воды à discrétion» (сколько угодно). Салтыковъ не скупится на выраженія по адресу этого педагогическаго средства, примѣнявшагося для образованія «будущихъ Катоновъ». Карцеръ, по его словамъ, осуждалъ юношу на абсолютную праздность, растлѣвалъ его нравственно, «пробуждая въ немъ низменнаго свойства инстинкты и указывая на лукавство, какъ на единственное средство само-

*) «Матеріалы», с. XIII.

огражденія». Таково было крайнее педагогическое средство, которымъ начальство пугало непокорныхъ питомцевъ («сгною въ карцерѣ!»). Но не лучше было и «покорнымъ». «Тогдашняя педагогика,—пишетъ М. Е.,—была во всѣхъ смыслахъ мрачная: и въ смыслѣ физическомъ, и въ смыслѣ умственномъ. Въ первомъ отношеніи молодыхъ людей питали дурно и недостаточно *), во второмъ—просвѣщали ихъ умы «Пепинымъ свинствомъ». И вдобавокъ требовали, чтобъ школьникъ не понималъ, что свинство есть свинство»... «Пепинымъ свинствомъ» назывались учебники профессора россійской словесности Георгіевскаго, который при своей «удивительной бездарности» все-таки былъ «человѣкъ удивительно добрый» **). Въ числѣ прочихъ «педагоговъ» были «наставники и преподаватели, до того изумительные, что нынче такихъ ужъ на версту къ учебнымъ заведеніямъ не подпускаютъ. Одинъ былъ взятъ изъ придворныхъ пѣвчихъ и опредѣленъ воспитателемъ; другой, нѣмецъ, не имѣлъ носа; третій, французъ, имѣлъ медаль за взятіе въ 1814 году Парижа и, тѣмъ не менѣе, декламировалъ: «à tous les cœurs bien nés que la patrie est chère»; четвертый, тоже французъ, страдалъ какою-то такою болѣзнью, что ему было велѣно спать въ вицмундирѣ, не раздѣваясь». Ироническое отношеніе къ подобнымъ воспитателямъ было вполнѣ естественно, преступленія эти были довольно часты и карались заключеніемъ въ карцеръ; неудивительно, что туда попадали и «будущіе министры». Ученіе такъ надоѣдало юношамъ, что даже самые прилежные изъ нихъ, считавшіеся красою заведенія, сдавъ послѣдній экзаменъ, собирали въ кучу всѣ «свинства» и бросали ихъ въ ретираду ***). Таковы были воспоминанія Салтыкова о своей школѣ, понятно, почему онъ гналъ ихъ отъ себя, когда все хотѣлъ видѣть въ розовомъ свѣтѣ.

«Пепино свинство», пресловутый учебникъ Кайданова и прочія «свинства», конечно, не могли просвѣтить умъ юноши. Къ счастью, воспитанники лицея могли выписывать на свой счетъ журналы. Благодаря этому, Салтыковъ могъ читать «Отечественныя Записки» и зачитываться статьями Бѣлинскаго. Свѣжимъ духомъ вѣяло на него и въ литературныхъ кружкахъ, которые «мрачный лицеистъ» посѣщалъ для того, «чтобы посмотрѣть на литераторовъ» ****). Этими, можетъ быть, путями ознакомился Салтыковъ съ популярной въ то время въ нѣкото-

---

*) На обѣдъ «ненатуральнаго цвѣта говядина съ рыжей подливкой, суконные пироги съ черникой и т. д.»; на завтракъ—ломоть чернаго хлѣба.

**) Ср. отзывъ Никитенка: Георгіевскій «былъ очень добрый человѣкъ, но плохой профессоръ и сильно уронилъ свой предметъ» въ лицеѣ. («Записки и Дневникъ», I, 536).

***) «Письма къ тетенькѣ»—Письмо девятое.

****) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», т. II, с. 371.

рыхъ слояхъ русскаго общества французской литературой. О своемъ увлеченіи Франціей онъ вспоминаетъ много лѣтъ спустя въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. «Въ этихъ двухъ словахъ (Франція и Парижъ),—писалъ онъ,—заключалось нѣчто лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе». «Воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго», М. Е. «естественно примкнулъ къ западникамъ», или, вѣрнѣе, «къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился... къ Франціи.

Хотя подобное настроеніе, по словамъ К. К. Арсеньева, зародилось въ Салтыковѣ еще во время бытности его въ лицеѣ» *), но не школа зародила въ немъ любовь къ униженнымъ и оскорбленнымъ, за сочувствіе къ которымъ, выраженное въ повѣсти «Запутанное дѣло», онъ поплатился ссылкой въ самой ранней молодости. Любовь эта руководила служебною и литературною дѣятельностью М. Е., и С. Н. Кривенко имѣлъ полное право сказать: «все слабое и угнетенное, начиная съ дѣтей... находило въ немъ горячую защиту» **).

Участь дѣтей, всецѣло преданныхъ на произволъ родителей и воспитателей, часто занимала суроваго сатирика, и выводы, къ которымъ онъ приходилъ, были очень невеселаго характера. Салтыковъ тревожно относился къ дѣтскому вопросу не потому, что «съ разрѣшеніемъ его тѣсно связано благополучіе или злополучіе страны», и не потому, что «мы съ школьной скамьи научились провидѣть въ дѣтяхъ устроителей грядущихъ историческихъ судебъ»; ему было жаль дѣтей «ради нихъ самихъ». «Если дать вѣру общепризнанному мнѣнію,—писалъ онъ въ послѣднемъ своемъ произведеніи,—то нѣтъ возраста болѣе счастливаго, нежели дѣтскій. Дѣтство безпечно и не смущается мыслью о будущемъ. Ежели у него есть горе, то это горе дѣтское, слезы—тоже дѣтскія; тревоги мимолетныя, которыя даже формулировать съ полною опредѣлительностью нельзя... Посмотрите, какъ дѣти беззаботно и весело рѣзвятся, всецѣло погруженныя въ свои насущныя радости, и даже не подозрѣвая, что въ окружающемъ ихъ мірѣ гнѣздится какое-то злое начало, которое подтачиваетъ милліоны существованій. Жизнь ихъ течетъ свободная и спокойная, въ однѣхъ и тѣхъ-же рамкахъ, сегодня какъ вчера, но самое однообразіе этихъ рамокъ не утомляетъ, потому что содержаніемъ для нихъ служитъ непрерывное душевное ликованіе. Всѣ дѣйствія дѣтей свидѣтельствуютъ о невозмутимомъ душевномъ равновѣсіи, благодаря

---

*) «Матеріалы», с. XXIII.

**) С. Н. Кривенко, «М. Е. Салтыковъ», стр. 76.

которому они мгновенно забываютъ о чуть замѣтныхъ горестяхъ, встрѣчающихся на ихъ пути. Нужно только слѣдить, чтобы развитіе дѣтей шло правильно: нужно оградить ихъ отъ матеріальныхъ опасностей и зачатковъ нравственныхъ увлеченій, которыя могутъ повредить имъ въ будущемъ. Эту задачу возьметъ на себя разумная педагогика и выполнитъ ее такъ, что дѣти и не почувствуютъ тяготѣющей надъ ними ферулы». Салтыковъ долго придерживался этого общепризнаннаго мнѣнія. «Внѣшность,—говоритъ онъ,—оказывала на меня подкупающее дѣйствіе. Безпечно. рѣзвиться, пребывать въ невѣдѣніи зла, ничего не провидѣть даже въ собственномъ будущемъ, всѣмъ существомъ отдаваться наслажденію насущной минутой—развѣ можно представить себѣ болѣе завидный удѣлъ? О, дѣти, дѣти! Какую благодатную, воспріимчивую почву представляютъ ихъ сердца для руководительства!» «Сомнѣнія!—восклицаетъ авторъ,—развѣ совмѣстима рѣчь о сомнѣніяхъ съ мыслью о вѣчно-ликующихъ дѣтяхъ? Сомнѣнія — вѣдь это отрава человѣческаго существованія... Ничего подобнаго не допустятъ разумные педагоги. Они сохранятъ дѣтскую душу во всемъ ея невѣдѣніи, во всей непочатости и оградятъ ее отъ злыхъ вторженій». Такъ думалъ Салтыковъ вкупѣ съ большинствомъ. «Но чѣмъ больше,—пишетъ онъ,—я углублялся въ дѣтскій вопросъ, чѣмъ чаще припоминалось мнѣ *мое личное прошлое и прошлое моей семьи*, тѣмъ, больше раскрывалась передо мною фальшь моихъ воззрѣній». Въ результатѣ своихъ сомнѣній и наблюденій надъ дѣтьми сатирикъ пришелъ къ тому жестокому выводу, что «изъ всѣхъ жребіевъ, выпавшихъ на долю живыхъ существъ, нѣтъ жребія болѣе злосчастнаго, нежели тотъ, который достался на долю дѣтей. Дѣти,—продолжаетъ авторъ,—ничего не знаютъ о качествахъ экспериментовъ, которые надъ ними совершаются,—такова общая форма дѣтскаго существованія. Они не выработали ничего *своего*, что могло-бы дать отпоръ попыткамъ извратить ихъ природу. Колея, по которой имъ предстоитъ идти, проложена произвольно, и всего чаще представляетъ собой дѣло случая. Не всѣ родители обязательно опытны и разумны; не всѣ педагоги настолько проницательны, чтобы угадать природу ребенка, ввѣреннаго ихъ воспитанію. По большей части въ этомъ дѣлѣ господствуетъ полное смѣшеніе, которое способно извратить даже наиболѣе счастливо одаренную дѣтскую природу. Но, кромѣ случайности, дѣтей преслѣдуетъ еще «система». Система представляетъ собой плодъ временнаго общественнаго настроенія и на все живущее накладываетъ свою тяжелую руку. Что касается общественнаго настроенія, которое отражается и на системахъ воспитанія, то исторія, по словамъ Салтыкова, свидѣтельствуетъ о такихъ мрачныхъ и жестокихъ эпохахъ, «когда

общество, гонимое паникой, перестаетъ вѣрить въ освѣжающую силу знанія и ищетъ спасенія въ невѣжествѣ; когда мысль человѣческая осуждается на бездѣйствіе, а дѣйствительное знаніе замѣняется массою безполезностей, которыя отдаютъ жизнь въ жертву неосмысленности; когда идеалы меркнутъ, а на вѣрованія и убѣжденія налагается безусловный запретъ». Въ такія печальныя эпохи взрослые люди «сохраняютъ за собою право бороться и погибать», дѣти-же «слѣпо слѣдуютъ указаніямъ случайной руки и не знаютъ, что эта рука сдѣлаетъ съ ними». Безсознательность—ихъ удѣлъ: «даже пріобрѣтая знанія нерѣдко цѣною мучительныхъ усилій, они не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, дѣйствительно-ли это знанія, а не безполезности». «Система»-же пользуется невѣдѣніемъ дѣтей, «чтобы довести ихъ умы до ограниченности». Благодаря этому, «дѣтская жизнь подтачивается въ самомъ корнѣ, подтачивается безвозвратно и неисправимо, потому что на помощь системѣ являются мастера своего дѣла—педагоги, которые служатъ ей не только за страхъ, но и за совѣсть. Въ согласность ея (системы) требованіямъ они «ломаютъ природу ребенка» и «погружаютъ его душу въ мракъ». Громадное большинство дѣтей безсильно что-нибудь «противопоставить этимъ попыткамъ искалѣчить ихъ жизнь», и естественно послѣ такого воспитанія, что «нѣтъ у нихъ мѣрила ни для оцѣнки поступковъ, ни для различенія добра отъ зла. Сердца ихъ поражены преждевременною дряблостью, умы не согрѣты стремленіемъ къ добру и человѣчности, понятіе о правѣ отсутствуетъ». Такими дѣти остаются на всю жизнь. «Возмужалые, они продолжаютъ оставаться дѣтьми съ тѣмъ-же невѣдѣніемъ, съ тѣмъ-же отсутствіемъ силы противодѣйствія, которое могло-бы помочь имъ разобраться въ путаницѣ преходящихъ явленій». «Вотъ почему я продолжаю утверждать,—заканчиваетъ Салтыковъ,—что, въ абсолютномъ смыслѣ, нѣтъ возраста болѣе злополучнаго, нежели дѣтскій, и что общепризнанное мнѣніе глубоко заблуждается, поддерживая противное» *).

Случайность и «система» — вотъ что, по мнѣнію Салтыкова, калѣчитъ души дѣтей въ семьѣ и въ школѣ. Въ сочиненіяхъ М. Е. Салтыкова, мы находимъ много прекрасныхъ иллюстрацій къ высказаннымъ положеніямъ; особенно часто онъ останавливается на ненормальныхъ условіяхъ русской дворянской семьи, какъ наиболѣе ему извѣстной и по воспоминаніямъ дѣтства, и по наблюденіямъ въ зрѣломъ возрастѣ. Выросши въ дворянской дореформенной семьѣ, Салтыковъ даетъ превосходное описаніе ея въ «Пошехонской Старинѣ», въ которой онъ желалъ «возстановить характеристическія

*) «Пошехонская Старина», гл. VI.

черты такъ-называемаго добраго стараго времени» *). Поэтому воспоминанія Затрапезнаго могутъ имѣть значеніе болѣе или менѣе общей характеристики дореформеннаго помѣщичьяго житья-бытья.

Первыя главы этой «полу-автобіографической, полу-художественной хроники» **) посвящены описанію воспитанія дѣтей, которое рисуется очень мрачными красками. Уже самое появленіе ребенка на свѣтъ Божій происходило при неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ мать пользовалась уходомъ простой бабушки-повитухи, всѣ родовспомогательные снаряды которой состояли изъ мыльца отъ раки преподобнаго и банки моренковской мази. Кормленіе и первоначальный уходъ за ребенкомъ поручались кормилицѣ и нянькамъ изъ крѣпостныхъ женщинъ, причемъ няньки очень часто перемѣнялись, дабы не зажирѣли на легкой работѣ. Физическое воспитаніе дѣтей было обставлено въ высшей степени ненормально. Для дѣтской отводилась одна изъ худшихъ комнатъ, гдѣ спали всѣ дѣти вмѣстѣ съ своими няньками. Понятно, что въ подобномъ помѣщеніи недоставало чистаго воздуха, не говоря уже о томъ, что оно изобиловало клопами, тараканами и блохами, которые «были какъ-бы домашними друзьями». Закупоренныя въ четырехъ стѣнахъ, дѣти зимою не могли дышать свѣжимъ воздухомъ на улицѣ, потому что родители боялись выпускать ихъ на улицу. Только иногда ихъ возили въ церковь, но въ закрытомъ возкѣ и закутанными до того, что трудно было дышать. Не щеголяли дѣти и костюмомъ. Одежда была плохая, перешитая изъ старья или перешедшая отъ старшихъ; бѣлье перемѣнялось рѣдко; «объ опрятности не было и помину», да и трудно было добиться ея, такъ какъ сама прислуга была облечена «въ какую-то вонючую, заплаченную рвань, распространявшую запахъ». Питаніе дѣтей было скудное даже въ такихъ сравнительно богатыхъ семьяхъ, какъ семья Никанора Затрапезнаго. Послѣ утренняго чаю съ крохотнымъ ломтемъ бѣлаго хлѣба дѣти голодали до самаго обѣда, на которомъ «главную роль играли вчерашніе остатки». Несмотря на это, кушанья раздавались микроскопическими порціями, такъ что и послѣ обѣда дѣти чувствовали голодъ и утоляли его ватрушками и лепешками, изъ сожалѣнія приносимыми дворовыми дѣвушками. Впрочемъ, не всѣмъ дѣтямъ приходилось прибѣгать къ благотворительности крѣпостныхъ: дѣти дѣлились на «любимчиковъ» и на «постылыхъ», и это дѣленіе особенно рѣзко проявлялось за обѣдомъ, когда мать раздавала любимчикамъ самые лучшіе куски, оставляя постылымъ «подожженыя и не имѣющія ни малѣйшей питательности щепки». Неудивительно, что

*) «Пошехонская Старина»—«Введеніе».

**) Скабичевскій, «Исторія новѣйшій русской литературы».

«весь процессъ насыщенія сопровождался заглядываніями въ тарелки любимчиковъ, и очень часто разрѣшался долго сдерживаемыми слезами. А за слезами неизбѣжно слѣдовали шлепки по затылку, приказанія продолжать обѣдъ стоя, лишеніе блюда, и непремѣнно любимаго, и т. д.» Подобная-же неравноправность дѣтей являлась на сцену и тогда, когда дѣтямъ раздавали плоды изъ домашняго сада: «обыкновенно для вида всѣхъ вообще одѣляли поровну, но любимчикамъ клали особо въ потаенное мѣсто двойную порцію фруктовъ и ягодъ, и, конечно, посвѣжѣе, чѣмъ постылымъ». Иногда это предпочтеніе проявлялось въ еще болѣе обидной для постылыхъ формѣ: мать брала любимчиковъ съ собою въ садъ и тамъ давала имъ лакомства прямо съ дерева.

Заканчивая вторую главу своей хроники, Салтыковъ соглашается, что описываемое имъ «похоже на адъ», но продолжаетъ утверждать, что «этотъ адъ не вымышленъ», что «это—«пошехонская старина»—и ничего больше». Описывая въ третьей главѣ «Пошехонской Старины» нравственное воспитаніе дѣтей, авторъ предпосылаетъ общее замѣчаніе, что «весь тонъ воспитательной обстановки былъ необыкновенно суровый и... въ высшей степени низменный», и что «нравственно-педагогическій элементъ былъ даже ниже физическаго». Зависѣло это отъ тѣхъ ненормальныхъ условій, при которыхъ зарождалась сама семья въ помѣщичьемъ быту. Браки заключались, большею частью, по разсчету, а не по сердечной склонности. Дѣвицы, которымъ пришла пора выходить замужъ, выставлялись на показъ, какъ продажный товаръ, и снабжались подробными инструкціями относительно ловли жениховъ. Благопріобрѣтенное, хотя-бы и нечистыми путями, и наслѣдственное имущество жениха и приданое невѣсты обыкновенно только и принималось въ разсчетъ; поэтому возможны были такіе союзы, какъ бракъ Анфисы Порфирьевны, прозванной въ семьѣ за свою злость «Фиской-змѣей»,—съ офицеромъ Савельцевымъ, который увѣчилъ солдатъ изъ любви къ искусству, дебоширствовалъ въ пьяномъ видѣ и воровалъ казенныя деньги. Такіе-же браки, какъ бракъ сестры Никанора Затрапезнаго съ однорукимъ городничимъ, или бракъ шестнадцатилѣтней «тетеньки-Сластены» съ пятидесятилѣтнимъ городничимъ, да еще безъ одной ноги,—считались вполнѣ нормальными и возбуждали даже зависть у чадолюбивыхъ маменекъ и перезрѣвшихъ дочекъ. Съ другой стороны, погоня за богатымъ приданымъ доводила помѣщиковъ до того, что они женились на купеческихъ дочеряхъ, какъ это было, напримѣръ, съ отцомъ Затрапезнаго. Легко вообразить, что подобные «неравные» браки были источникомъ семейныхъ неурядицъ, которыя нерѣдко доходили до настоящихъ звѣрствъ. Такъ, напримѣръ, отношенія упомянутаго Савельцева къ своей женѣ

на первыхъ порахъ было таково, что «ни одного дня не проходило безъ того, чтобы мужъ не билъ ее смертельнымъ боемъ. Случалось даже, что онъ призывалъ деньщика Семена, коренастаго и сильнаго инородца, и приказывалъ бить нагайкой полуобнаженную женщину». «Фиска-змѣя» смирилась, но «въ ея сердцѣ скопилась такая громадная жажда мести, которая, независимо отъ мужниныхъ истязаній, въ конецъ измучила ее». Долго ждала мстительная женщина удобнаго случая излить накопившуюся злобу, не разъ рѣшалась она отравить мужа, и только боязнь каторги сдерживала ее. Наконецъ, она дождалась... Савельцевъ при пріемѣ наслѣдства запоролъ до смерти любовницу отца и за это по суду былъ лишенъ дворянства и разжалованъ въ солдаты. Перспектива солдатства навела на офицера-дантиста паническій страхъ, и онъ, по совѣту жены, сказался мертвымъ. Похоронили двороваго человѣка подъ именемъ барина, а баринъ преобразился въ столяра Потапку. По волѣ жены «вмѣстѣ съ другими онъ выполнялъ барщинную страду, вмѣстѣ съ другими ѣлъ прокислое молоко, мякинный хлѣбъ и пустыя щи». Этимъ дѣло не ограничилось: мстительная жена всячески издѣвалась надъ мужемъ до самой его смерти и даже иногда гоняла его на кордѣ, какъ лошадь, конечно, подстегивая арапникомъ.

Разсказанная драма была явленіемъ экстраординарнымъ даже въ тѣ суровыя времена; тутъ дѣйствовали такія личности, какъ Савельцевъ и Анфиса Порфирьевна, которая, «становясь на молитву, ставила рядомъ съ собою горничную и за каждымъ словомъ щипала ее», а провинившихся дѣвокъ щекотала до пѣны у рта и гоняла на кордѣ, какъ лошадь *). Въ большинствѣ случаевъ семейныя распри не принимали такого звѣрскаго характера и ограничивались только частыми ссорами, какъ это было въ семьѣ Затрапезныхъ, гдѣ жена завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ, устранивъ мужа отъ всякихъ дѣлъ, за что тотъ, въ отплату, при всякомъ случаѣ осыпалъ жену безсильною бранью и укоризнами. Случаи эти представлялись за обѣдомъ или за чаемъ, поэтому свидѣтелями семейныхъ погромовъ всегда были и дѣти. Такія отношенія между родителями да еще постоянныя хлопоты матери по хозяйству, привели къ тому, что «ни отецъ, ни мать не занимались дѣтьми, почти не знали ихъ». Мать являлась между ними только для наказанія по жалобамъ гувернантокъ, и при этомъ не скупилась на колотушки, которыя съ особенною щедростью сыпались на головы и спины постылыхъ. Предпочтеніе, оказываемое любимчикамъ, жестокія наказанія, возведенныя въ систему и примѣнявшіяся при всевозможныхъ случаяхъ и во всевозможныхъ видахъ,

*) «Пошехонская Старина», глава VIII.

ожесточали дѣтскія сердца. Въ результатѣ, «мы,—говоритъ Никаноръ Затрапезный,—только по имени были дѣтьми нашихъ родителей, и сердца наши оставались вполнѣ равнодушными ко всему, что касалось ихъ взаимныхъ отношеній». Не только неприличныя ссоры родителей и ихъ несправедливыя отношенія къ «постылымъ», но и вся обстановка и весь ходъ помѣщичьей жизни дѣйствовали на дѣтей развращающимъ образомъ. Старшіе нисколько не думали сдерживаться въ своихъ разговорахъ присутствіемъ дѣтей даже тогда, когда трактовались самыя неприличныя темы. Не много могли дать дѣтскому уму и сердцу и серьезные разговоры старшихъ, вертѣвшіеся «около средствъ наживы и сопряженныхъ съ нею разнообразнѣйшихъ формъ объегориванія». «Разговоры эти,—говоритъ Салтыковъ,—своимъ пошлымъ содержаніемъ и формой засоряли дѣтскіе мозги едва-ли не хуже, нежели самая жестокая брань». О чемъ говорили старшіе, о томъ старались говорить и дѣти. Любимою темою ихъ интимныхъ разговоровъ было возможное распредѣленіе родительскаго имѣнія сообразно родительской любви къ дѣтямъ. При этомъ оказывалось, что «постылымъ», какъ за обѣдомъ, такъ и при воображаемомъ дѣлежѣ наслѣдства, доставались худшіе куски. Меркантильные интересы такъ глубоко проникали въ дѣтскія сердца, что постылые изыскивали всевозможныя средства для пріобрѣтенія родительскаго благорасположенія. «Иногда Степка-балбесъ,—читаемъ мы въ «Пошехонской Старинѣ»,—поднимался на хитрости. Доставалъ у дворовыхъ ладанки съ безсмысленными заговорами и подолгу носилъ ихъ, въ чаяньи приворожить сердце маменьки. А одинъ разъ поймалъ лягушку, подрѣзалъ ей лапки и еще живую зарылъ въ муравейникъ. И потомъ всѣмъ показывалъ бѣленькую косточку, увѣряя, что она принадлежитъ той самой лягушкѣ, которую объѣли муравьи». Семейныя неурядицы, несправедливое отношеніе къ дѣтямъ, пренебреженіе къ ихъ нравственному развитію въ помѣщичьемъ быту были явленіями обычными, но не всеобщими: по словамъ самого сатирика, «встрѣчалась и... другого рода дѣйствительность, мягкая и даже сочувственная». Но за-то было одно общее неблагопріятное для развитія дѣтей явленіе, дѣйствовавшее на нихъ самымъ развращающимъ образомъ. Это—отношенія господъ къ своимъ крѣпостнымъ,—отношенія, полныя самаго унизительнаго презрѣнія къ человѣку, который даже не признавался въ лицѣ раба. Чтобы «придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію» крѣпостного права, нужно было родиться такою высоко-одаренной натурой, какъ Салтыковъ, или-же подвергнуться особымъ благопріятнымъ воздѣйствіямъ въ дѣтствѣ и юности. Послѣдняго рода воздѣйствія могли-бы оказать религія и воспитатели-иностранцы. Но «религіозный элементъ, — говоритъ «Пошехонская Старина», — сведенъ

былъ на степень простой обрядности. Ходили къ обѣднѣ аккуратно каждое воскресенье, а наканунѣ большихъ праздниковъ служили въ домѣ всенощныя и молебны съ водосвятіемъ, при чемъ строго слѣдили, чтобы дѣти усердно крестились и клали земные поклоны... Но во всемъ этомъ царствовала полная машинальность и не чувствовалось ничего, что напоминало-бы возгласъ: «горѣ имѣимъ сердца!» Колѣни пригибались, лбы стукались объ полъ, но сердца оставались нѣмы». Относительно-же иностранныхъ педагоговъ извѣстно, что если въ высшихъ дворянскихъ кругахъ и встрѣчались достойные воспитатели, то въ среднихъ дворянскихъ семьяхъ, подражавшихъ аристократіи, приходилось довольствоваться такими иностранцами, которые на родинѣ не могли и думать о педагогической дѣятельности. Что это были за люди и какъ они вліяли на дѣтей, показываютъ и воспоминанія Никанора Затрапезнаго. «Припоминается,—говоритъ онъ,—безпрерывный дѣтскій плачъ, раздававшійся за класснымъ столомъ; припоминается цѣлая свита гувернантокъ, слѣдовавшихъ одна за другою и съ непонятною для нынѣшняго времени жестокостью сыпавшихъ колотушками направо и налѣво... Какъ во снѣ проходятъ предо мною и Каролина Карловна, и Генріетта Карловна, и Марья Андреевна, и француженка Даламберша, которая ничему учить не могла, но пила ерофеичъ и ѣздила верхомъ по-мужски. Всѣ онѣ безчеловѣчно дрались, а Марью Андреевну (дочь московскаго нѣмца-сапожника) даже строгая наша мать называла фуріей. Такъ что во все время ея пребыванія уши у дѣтей постоянно бывали покрыты болячками». Отъ такихъ воспитателей немыслимо было ожидать гуманныхъ вліяній на мягкія души дѣтей. Самое лучшее, что они могли сдѣлать, это, вмѣстѣ съ семинаристами и сельскими священниками, приготовить дѣтей къ поступленію въ учебное заведеніе.

Били дѣтей родители, били ихъ и воспитатели, и оправдывали свои звѣрства тѣмъ, что «съ дѣтьми безъ этого нельзя». «Допускалось въ этомъ смыслѣ только одно ограниченіе: какъ-бы не застукать совсѣмъ. Но кто можетъ сказать,—спрашиваетъ авторъ—сколько «не до конца застуканныхъ» безвременно снесено на кладбище? кто можетъ опредѣлить, сколькимъ изъ этихъ юныхъ страстотерпцевъ была застукана и изуродована вся послѣдующая жизнь?» Какъ вредно отзывалось «застукиваніе» на дальнѣйшей судьбѣ дѣтей, Салтыковъ показалъ въ «Господахъ Головлевыхъ», одномъ изъ величайшихъ своихъ произведеній. Семья Головлевыхъ является прототипомъ семьи Затрапезныхъ. Арина Петровна, такъ-же какъ и мать Затрапезнаго, «единолично и безконтрольно управляетъ обширнымъ Головлевскимъ имѣніемъ», потому что мужъ ея человѣкъ легкомысленный и пьяненькій, дѣлами не занимается, а только подражаетъ

пѣнію скворцовъ и пѣтуховъ и сочиняетъ «вольные стихи» во вкусѣ Баркова. Отношенія между супругами были проникнуты ненавистью: «мужъ называлъ жену «вѣдьмою» и «чортомъ», жена называла мужа «вѣтряною мельницей» и «безструнной балалайкой». Всецѣло преданная округленію имѣнія, Арина Петровна считала дѣтей только лишней обузой. Интересы жизнестроительства до того поглощали ее, что дѣти «не затрогивали ни одной струны ея внутренняго существа». Въ «Господахъ Головлевыхъ» мы встрѣчаемъ то-же полуголодное существованіе дѣтей, ту-же категорію «постылыхъ» и такого-же «страстотерпца», какъ и въ «Пошехонской Старинѣ. «Страстотерпцемъ» этимъ былъ Степка - балбесъ, самый даровитый изъ сыновей Арины Петровны. «Онъ очень рано,—говоритъ Салтыковъ,— попалъ въ число «постылыхъ и съ дѣтскихъ лѣтъ игралъ въ домѣ роль не то парія, не то шута». Нелюбовь матери къ «балбесу» увеличилась еще болѣе, когда онъ сдѣлался любимцемъ отца, который, запершись съ сыномъ въ кабинетѣ, читалъ свои стихи и ругалъ жену. Хотя за посѣщеніе отца и за дѣтскія проказы Степка подвергался жестокимъ избіеніямъ, но избіенія эти производились такъ часто и мальчикъ настолько къ нимъ притерпѣлся, что они не удерживали его отъ новыхъ продѣлокъ, несмотря на угрозы матери даже убить «постылаго» сына. «Убить тебя надо, — постоянно твердила ему Арина Петровна,—убью и не отвѣчу! И царь меня не накажетъ за это!» Вслѣдствіе такого «постояннаго приниженія», — говоритъ Салтыковъ,—образовался «характеръ рабскій, повадливый до буфонства, не знающій чувства мѣры и лишенный всякой предусмотрительности». Дальнѣйшая судьба Степки была самая печальная. Когда онъ учился въ университетѣ, богатая мать присылала ему такъ мало денегъ, что сынъ сдѣлался какъ-бы pique-assiett богатенькихъ студентовъ. Благодаря такому положенію, юноша дошелъ до послѣдней степени нравственнаго униженія, хотя и получилъ степень кандидата. Попытки матери пристроить сына на службу оказались вполнѣ неудачными: никакое дѣло не могло занять опустившагося молодого человѣка. Тогда мать рѣшила прервать съ нимъ всякія сношенія и выбросила ему «кусокъ». «Кусокъ» этотъ скоро растаялъ въ рукахъ Степки, не привыкшаго къ самостоятельной жизни. Далѣе мы видимъ его ополченцемъ, потомъ карточнымъ игрокомъ; наконецъ, чтобы не погибнуть съ голода, «онъ принялся ходить по зажиточнымъ крестьянамъ матери, жившимъ въ Москвѣ своимъ хозяйствомъ: у кого обѣдалъ, у кого выпрашивалъ четвертку табаку, у кого по мелочи занималъ». Въ концѣ-концовъ онъ явился къ матери, чтобы умереть отъ чахотки и дать Аринѣ Петровнѣ удобный случай напомнить живымъ сыновьямъ, что «кто семейными узами небрежетъ—всегда долженъ для себя таковаго конца ожидать».

Положеніе Степки-балбеса было слишкомъ безотрадно для того, чтобы его братъ Іудушка рѣшился пренебречь семейными узами и попасть въ разрядъ «постылыхъ». Поведеніе Іудушки было совершенно иное. «Съ младенческихъ лѣтъ,—говоритъ Салтыковъ,—любилъ онъ приласкаться къ милому другу маменькѣ, украдкой поцѣловать ее въ плечико, а иногда и слегда понаушничать». Въ результатѣ, рука матери за обѣдомъ невольно искала лучшаго куска для ласковаго сына. Такимъ-же ласковымъ и почтительнымъ онъ былъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Живя въ Петербургѣ, онъ «каждую недѣлю аккуратно слалъ къ маменькѣ обширное посланіе, въ которомъ пространно увѣдомлялъ ее о всѣхъ подробностяхъ петербургской жизни и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ увѣрялъ въ безкорыстной сыновней преданности». Все это было лицемѣріе, зародившееся среди неблагопріятной семейной обстановки и впослѣдствіи развившееся до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что Іудушку съ полнымъ правомъ можно назвать «виртуозомъ лицемѣрія» *).

Физическое и нравственное воспитаніе въ помѣщичьей семьѣ заставляло желать много лучшаго; то-же самое приходится сказать и о воспитаніи умственномъ. Образовательный уровень помѣщичьей среды былъ очень невысокъ; люди, получившіе не только университетское, но даже сносное домашнее образованіе, встрѣчались среди помѣщиковъ очень рѣдко. Понятно, что въ такой средѣ «печатное дѣло успѣхомъ не пользовалось. Изъ газетъ,—вспоминаетъ Никаноръ Затрапезный,—получались только «Московскія Вѣдомости», да и тѣ не болѣе, какъ въ трехъ или четырехъ домахъ. О книгахъ и рѣчи не было, исключая академическаго календаря, который выписывался почти вездѣ; сверхъ того, попадались пѣсенники и другія дешевыя произведенія рыночной литературы, которыя вымѣнивали у разносчиковъ барышни. Онѣ однѣ любили отъ скуки почитать», и каждая изъ нихъ, кромѣ того, обладала объемистымъ альбомомъ, наполненнымъ различными стихотвореніями, начиная съ оды «Богъ», кончая пьесой, извлеченной изъ послѣдней книжки «Библіотеки для Чтенія». «Лишенная прочной образовательной подготовки, почти непричастная умственному и литературному движенію большихъ центровъ, помѣщичья среда погрязала въ предразсудкахъ и въ полномъ невѣдѣніи природы вещей». «Вопросы внѣшней политики были совсѣмъ неизвѣстны». Географическія и политическія знанія были самыя смутныя; такъ, напр., «Францію считали очагомъ безнравственности и были убѣждены, что французы питаются лягушками; англичанъ на-

*) К. К. Арсеньевъ. «Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова», стр. 192.

зывали купцами и чудаками» и т. д. Не лучше обстояли и вопросы внутренней политики. «Идея объ отечествѣ,—говоритъ авторъ,—едва-ли была достаточна ясна. Никакихъ «критикъ», въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, не допускалось; даже на лихоимство не смотрѣли, какъ на зло, а видѣли въ немъ глухой фактъ, которымъ надлежало умѣючи пользоваться». Невѣжество не ограничивалось вопросами внутренней и внѣшней политики: «довольно часто встрѣчались личности, которыя, очевидно, не понимали истиннаго смысла самыхъ простыхъ молитвъ». «Я помню,—говоритъ Никаноръ Затрапезный,—въ Преображеньевъ день по поводу словъ тропаря: *Показавый ученикомъ своимъ славу Твою, яко-же можаху* — спорили о томъ, что́ такое «жеможаха»? сіяніе, что-ли, особенное? А однажды помѣщица-сосѣдка, изъ самыхъ почетныхъ въ уѣздѣ, интересовалась узнать: «что это за «жезаны» такіе?» и ей нужно было объяснить, что здѣсь три слова: же, за, ны (IX, 23).

Невѣжество и рутина господствовали даже въ такомъ далекомъ отъ всего идеальнаго предметѣ, какъ сельское хозяйство, составлявшее основу помѣщичьяго благосостоянія.

Умственное воспитаніе дѣтей въ семьѣ съ такимъ низкимъ образовательнымъ уровнемъ, конечно, не могло быть удовлетворительнымъ. Ни сами родители, ни выбранные ими воспитатели и воспитательницы не умѣли дать правильнаго развитія дѣтскому уму; да объ этомъ и рѣчи не было: цѣлью домашняго образованія было приготовленіе дѣтей къ поступленію въ казенныя учебныя заведенія, открывавшія доступъ къ военной и гражданской службѣ. Главною побудительною причиною при этомъ являлось желаніе устроить дальнѣйшую судьбу дѣтей, и желаніе это было такъ сильно, что «даже самые бѣдные всѣ усилія напрягали», чтобы дать дѣтямъ порядочное образованіе. «Не доѣдали куска, въ лишнемъ платьѣ домочадцамъ отказывали, хлопотали, кланялись, обивали у сильныхъ міра пороги» и т. д. Къ сожалѣнію, необходимость настоящаго образованія признавалась только для сыновей; что касается дочерей, то «даже и вопроса о сколько-нибудь сносномъ женскомъ образованіи не возникало. Женскихъ гимназій,—говоритъ Салтыковъ,— не существовало, а институтовъ было мало, да и доступъ къ нимъ сопрягался съ немаловажными затрудненіями» *).

Говоря о жертвахъ, приносимыхъ помѣщиками дѣлу образованія дѣтей, нельзя оставить безъ вниманія симпатичный образъ въ лицѣ одной изъ «словущенскихъ дамъ». Марья Маревна Золотухина, схоронивъ мужа, отдала двумъ своимъ мальчикамъ-близнецамъ всю

---

*) «Пошехонская Старина», гл. XXVI.

страстность горячаго материнскаго сердца. Она понимала, хотя и смутно, что дѣтямъ необходимо образованіе, и, не имѣя средствъ для того, чтобы нанять учителей, сама научила дѣтей грамотѣ *). На грамотѣ чадолюбивая вдова не остановилась, хотя дальнѣйшее обученіе ей, дочери священника, знавшей только церковную и гражданскую печать, было не по силамъ. Марья Маревна извернулась и тутъ: она стала разъѣзжать по зажиточнымъ помѣщичьимъ семьямъ, въ которыхъ были дѣти и для обученія ихъ были наняты семинаристы и гувернантки. Здѣсь Золотухина заживалась подолгу, и въ то время, какъ она сама дѣлалась незамѣнимой собесѣдницей и помощницей хозяйки, Мишанка и Мисанка учились вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми. Подобное скитаніе продолжалось два-три года и доставило матери не мало нравственныхъ униженій, хотя она и умѣла держать себя съ рѣдкимъ въ помѣщичьей средѣ тактомъ. За-то дѣти, несмотря на такое «нѣсколько разношерстное» воспитаніе, научились болтать по-французски и по-нѣмецки и усвоили начатки наукъ въ объемѣ, раскрывающемъ двери гимназіи. За содѣйствіемъ для дальнѣйшаго образованія дѣтей Марья Маревна обратилась къ мѣстному богачу-аристократу, и Мишанка на княжескій счетъ былъ опредѣленъ въ Московскій дворянскій институтъ; сама-же мать, чтобы не разлучаться съ любимымъ сыномъ, заняла мѣсто экономки въ княжескомъ домѣ. Другого сына она пристроила въ гимназію, и, умирая, была вполнѣ утѣшена сознаніемъ, что оба сына пристроены: Мишанка былъ уже профессоромъ, а Мисанка—примѣрнымъ столоначальникомъ. Молодые люди достойнымъ образомъ почтили память самоотверженной матери: они отпустили на волю дворовыхъ, отдавъ имъ безвозмездно и усадьбу съ землей, — фактъ, для того времени выходящій изъ ряда **).

С. Ашевскій.

(Окончаніе будетъ).

---

*) При этомъ ей приходилось прибѣгать къ курьезнымъ педагогическимъ пріемамъ. Одинъ изъ мальчиковъ, Масанка, долго не могъ усвоить буквъ: *э*, *ѳ* и *г*. «Какой ты, однако, глупый! — сердилась мать: — ну, помнишь пѣсню! *Эко сердце, эко сердце, эко бѣдное мое? Эко!* чувствуешь: Э...ко? ну, вотъ оно самое и есть! Или: Ѳедора Васильича, предводителя, знаешь? Ѳедоръ... Фё-фё-фё... ѳе-ѳе-ѳе... вотъ эта самая ѳита и есть! Или: А ижицу самъ запомни. Вотъ она! стоитъ растопырей, словно вилы, которыми сѣно на стогъ подаютъ!» — Наглядность подобнаго рода отчасти достигла цѣли, но повела къ другому курьезу. Мисанка долго смѣшивалъ ѳиту и Ѳедора Васильича и однажды, увидѣвъ чрезъ окно проѣзжавшаго по улицѣ Струнникова, закричалъ во все горло: «Мамка! Ѳита ѣдетъ! Ѳита!»

**) «Пошехонская Старина», гл. XXX.

Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели.

Глава I.

Значеніе эпохи освобожденія крестьянъ въ исторіи русской педагогіи.

Новая русская педагогія начинается съ тѣмъ великимъ возрождающимъ, обновительнымъ движеніемъ, которое привело къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и къ другимъ реформамъ, совершеннымъ въ царствованіе Императора Александра II. Эта эпоха вообще можетъ быть названа освободительной, не только въ смыслѣ освобожденія крестьянъ отъ узъ крѣпостничества, но и всѣхъ русскихъ людей отъ разныхъ, долго сковывавшихъ ихъ, путъ. Вслѣдъ за великой коренной реформой намѣчались другія въ томъ-же духѣ — судебная и земская, расширялась гласность, начиналась обличительная литература; искусственныя перегородки между различными слоями общества падали; нарождалась идея гражданственности, общественнаго почина и личной широкой самодѣятельности; словомъ, совершалось возрожденіе всего русскаго общества.

Въ то время, когда, казалось, для всей русской жизни отыскивались новые устои и начала, могло-ли воспитаніе оставаться въ прежнемъ видѣ, неизмѣненнымъ? Очевидно, это было невозможно. За нѣсколько лѣтъ до великой реформы, когда она принимала болѣе или менѣе опредѣленныя очертанія, Пироговъ уже взывалъ къ русскому обществу о необходимости серьезныхъ перемѣнъ въ образованіи и общество начинало все сильнѣе и сильнѣе интересоваться педагогическими вопросами; «Морской Сборникъ» началъ печатать обширныя статьи о воспитаніи, сразу появилось нѣсколько педагогическихъ журналовъ. Общество признало, что педагогическое дѣло касается его близко, что оно не можетъ, по прежнему, оставаться равнодушнымъ и холоднымъ къ педагогическимъ вопросамъ, предоставляя ихъ всецѣло вѣдѣнію правительства. Въ постановкѣ, методахъ и пріемахъ воспитанія дѣтей общество усмотрѣло свои насущные, кровные интересы, которые оно само и должно защищать и

оберегать, само разработывать. Всецѣло отдать образованіе въ чьи-либо другія руки общество признало невозможнымъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости — весьма сложная реформа: экономическая, политическая и гуманитарная. Своими различными сторонами она различно вліяла на жизнь и развитіе общества. Относительно просвѣщенія общества она имѣла двойное вліяніе: количественное и качественное. Она создала необычайный запросъ на образованіе и школы и самому образованію сообщила свободное и гуманное направленіе.

Съ освобожденіемъ крестьянъ возникалъ чрезвычайно важный вопросъ о народномъ образованіи. Пока крестьяне были крѣпостными и находились во владѣніи помѣщиковъ, о народномъ образованіи никто серьезно не заботился. Помѣщики ограничивались извлеченіемъ изъ крестьянъ матеріальной пользы, ихъ просвѣщеніе было несогласно съ помѣщичьею властью и ея интересами; государство также не заботилось о народномъ образованіи, такъ какъ народъ находился въ непосредственной власти помѣщиковъ, былъ порученъ ихъ управленію. Получая въ достаточномъ количествѣ солдатъ и офицеровъ, государство не принимало никакихъ мѣръ къ тому, чтобы солдаты владѣли элементарнымъ образованіемъ; оно довольствовалось, если офицеры были въ нѣкоторой степени подготовлены къ своему дѣлу. Для нихъ и вообще для дѣтей высшихъ сословій государство заводило профессіональныя школы, а солдатъ учили только въ казармахъ и только военной муштрѣ, при помощи всякаго рода тѣлесныхъ наказаній.

Съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, крестьяне становились гражданами государства и, какъ граждане, получали право на образованіе. Оставлять крестьянъ, т.-е. большую часть своихъ гражданъ, въ состояніи прежняго невѣжества государству было невыгодно и даже опасно, такъ какъ совершенно невѣжественные граждане не могли надлежащимъ образомъ исполнять гражданскихъ обязанностей и пользоваться правами, имъ дарованными; притомъ недостатокъ образованія гражданъ чрезвычайно понижалъ силу и вѣсъ государства среди образованныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ возникалъ настоятельный вопросъ о народномъ образованіи, который, къ глубокому вреду всей жизни русскаго народа, не разрѣшенъ серьезно и доселѣ.

Освобожденіе крестьянъ лишало дарового труда помѣщиковъ и вообще весьма значительно понижало матеріальныя средства дворянства. Даровые хлѣба исчезли, нужно было самимъ дворянамъ зарабатывать средства существованія, а для этого нужно было образованіе, ученье въ школѣ. Прежде всякій дворянскій недоросль, каж-

дый благородный Митрофанъ былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи даровымъ трудомъ крѣпостныхъ; съ освобожденіемъ-же крестьянъ всѣмъ дворянскимъ Митрофанамъ приходилось плохо. Безъ образованія можно было насидѣться голодомъ, поэтому спросъ на всякаго рода школы со стороны дворянства чрезвычайно возросъ.

Учить приходилось не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. До освобожденія крестьянъ образованіе дѣвочекъ особенныхъ хлопотъ не доставляло: элементарная грамотность, немножко французскаго языка и музыки—вотъ и все. Дѣло было не въ образованіи, а въ приданомъ, въ душахъ крѣпостныхъ и въ томъ, чтобы онѣ были не заложены, иначе сказать, въ даровыхъ хлѣбахъ. Съ исчезновеніемъ послѣднихъ, дворянству стало трудно выдавать своихъ дочерей замужъ, потребовалось и для нихъ образованіе, да не домашнее, которое мало-помалу потеряло всякій кредитъ и стало приравниваться къ необразованію, а болѣе или менѣе серьезное, школьное, въ гимназіи или институтѣ.

Такимъ образомъ съ освобожденіемъ крестьянъ чрезвычайно усилился запросъ на всякаго рода школы: элементарныя, среднія, высшія, общія, профессіональныя, мужскія, женскія. Можно сказать, что Россія впервые въ это время за все свое существованіе ощутила сильный образовательный голодъ.

Эпоха освобожденія вызвала не только необычайный запросъ на образованіе и школы, но и самому образованію напечатлѣла свой характеръ. Освобожденіе крестьянъ существенно измѣнило все міровоззрѣніе Руси. Времена татарщины и многіе вѣка крѣпостничества привили русскому сознанію элементы рабства, безсмысленнаго трепета, слѣпой покорности предъ всѣмъ, казавшимся властью, имѣвшимъ ея видъ. Въ умахъ многихъ русскихъ крѣпко засѣла мысль, что масса русскаго люда отъ природы совершенно безправна, обречена на вѣчный трудъ въ пользу ничтожнаго меньшинства, которое можетъ ничего не дѣлать. Настоящаго понятія о человѣкѣ не было въ Россіи, а были понятія о дворянинѣ, о крѣпостномъ, о купцѣ, о чиновникѣ, о духовномъ лицѣ; крѣпостничество въ корнѣ подрывало и достоинство человѣка и понятіе о человѣкѣ, оно расщепляло людей на множество сословныхъ группъ, воздвигая между ними твердыя, не легко преодолѣваемыя перегородки и преграды. Истинная гуманность была чужда русскому обществу. Конечно, были состраданіе, жалость, но все нѣсколько свысока, съ сознаніемъ своихъ мнимыхъ естественныхъ преимуществъ. Это далеко отъ истинной гуманности. Истинно гуманный человѣкъ въ своихъ человѣколюбивыхъ чувствахъ не спускается, какъ будто по лѣстницѣ, сверху внизъ, а онъ остается тамъ-же, гдѣ былъ, глубоко проникнутый убѣж-

деніемъ, что люди—братья, имѣющіе по природѣ равныя права и обязанности.

Освобожденіе крестьянъ—реформа глубоко гуманитарная, измѣнявшая въ корнѣ крѣпостническое сознаніе многихъ членовъ русскаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была истинно христіанскимъ дѣломъ, внѣдрявшимъ въ умы русскихъ понятіе о единствѣ и равноправности людей, о достоинствѣ человѣческой личности, о мягкости въ отношеніяхъ къ ней. Насилію полагалась граница, закрѣпощенные освободились отъ многовѣковыхъ путъ. Человѣческая личность свободна, каждый обитатель русской земли есть русскій гражданинъ, имѣющій всѣ гражданскія права и обязанности,—вотъ что внушала русскому обществу великая соціально-гуманитарная реформа. Прежнее начало: ты на меня работай, а я тебя буду кнутомъ подстегивать—окончательно упразднялось. Начинался новый порядокъ вещей, новый періодъ бытія.

Великое освободительное начало мало-по-малу проникало во всѣ стороны жизни русскаго общества, впитывалось во всѣ его слои, наполняло всѣ поры, всюду смягчая людскія отношенія, раскрѣпощало закрѣпощенныхъ, поднимая и облагораживая личность. Въ этомъ направленіи предстояла огромная работа, такъ какъ обществу приходилось перестраивать свои экономическія и правовыя отношенія, а вмѣстѣ обновить и расширить свои понятія, взгляды, идеи. Закрѣпощенными оказывались не только крестьяне помѣщикамъ, но и дѣти родителямъ, женщины мужчинамъ, а умы и чувства старымъ идеямъ и системамъ. Дѣло перестройки понятій и жизни было велико. Естественно, что образованіе и школы не могли остаться въ сторонѣ отъ этого великаго преобразовательнаго движенія, такъ какъ они были скудны, казенны, мертвенны; потокъ жизни и обновленія, разливавшійся по всей русской землѣ, влился и въ школы, захватилъ и образованіе и вызвалъ въ этой области, какъ и въ другихъ, усиленную работу, перестройку стараго и сооруженіе новаго. Основныя начала въ обновленіи образованія остались тѣ-же самыя, которыя преобразовывали и всю русскую жизнь: освобожденіе личности—женской и дѣтской; мягкость въ отношеніяхъ—къ дѣтямъ, предоставленіе имъ возможной свободы: требованія общественной правды и справедливости — какъ высшіе идеалы въ примѣненіи къ нравственному воспитанію.

Преобразовательная эпоха застала русскую педагогію въ крайне слабомъ состояніи, ея почти даже и не было. Были у насъ школы разныхъ наименованій, были учителя, было начальство школьное, но все это было казенное, оффиціальное. Образованіе почти исключительно вѣдалось государствомъ, которое давало ему всему профес-

сіональный характеръ—подготовки служилыхъ людей разныхъ наименованій. Постановка образованія была строго принудительная, регламентированная до мелочей государствомъ: учителя по обязанности учили, начальство награждало и наказывало учениковъ, совершались выпуски окончившихъ школьный курсъ,—вотъ и все. Но педагогическими вопросами почти никто не занимался. Не было ни педагогической литературы, кромѣ весьма скудной литературы учебниковъ и весьма небольшого числа сочиненій по общепедагогическимъ вопросамъ, ни педагогической журналистики. До пятидесятыхъ годовъ у насъ былъ только одинъ «Педагогическій Журналъ», издававшійся Ободовскимъ, Гугелемъ и Гурьевымъ, но и тотъ существовалъ всего лишь два года (1833—1834) и закрылся, за неимѣніемъ подписчиковъ. Время отъ времени въ правительственныхъ и канцелярскихъ сферахъ возникали вопросы о перемѣнѣ системы образованія, напримѣръ, средняго, о введеніи въ тотъ или другой разрядъ школъ новаго устава, новаго предмета; но всѣ эти вопросы разрѣшались правительственно-канцелярскимъ путемъ, помимо обсужденія въ литературѣ и обществѣ. Педагогическіе вопросы не поднимались даже тамъ, гдѣ-бы, казалось, ихъ необходимо было поднимать и обсуждать, каковы педагогическіе Совѣты разныхъ учебныхъ заведеній. Оказывается, что занятія педагогическихъ Совѣтовъ почти исключительно состояли частью въ освидѣтельствованіи суммъ, частью въ назначеніи дней переводныхъ и окончательныхъ экзаменовъ и т. п., и ни одинъ вопросъ, касающійся собственно улучшенія учебной части, не возникалъ въ этихъ совѣщаніяхъ *). Впрочемъ, отъ учителей и не требовалось педагогіи, отъ нихъ требовалось лишь преподаваніе, причемъ учитель не имѣлъ права отступать въ преподаваніи ни на іоту отъ предписаннаго ему учебника, хотя-бы и весьма неудовлетворительнаго, и отъ чрезвычайно подробной программы, составленной примѣнительно къ параграфамъ этого учебника. Такимъ образомъ все преподаваніе было чисто-механическимъ. И позднѣе довольно долгое время замѣчалось такое-же механическое отношеніе учителей къ дѣлу, педагогическіе Совѣты учебныхъ заведеній имѣли, по прежнему, канцелярскій характеръ, были чисто формальными собраніями, для оживленія которыхъ принимались чрезвычайныя мѣры, напримѣръ, составлялись программы общепедагогическихъ и общедидактическихъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію этихъ Совѣтовъ **).

Поэтому нечего изумляться тѣмъ удивительнымъ результатамъ,

---

*) «Журн. Министер. Народн. Просв.» CXI, 4, 108. Изъ циркуляра попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

**) «Учитель», 1864 г., № 6, «Современная педагогическая хроника».

которые получались отъ дореформеннаго обученія, и тому общему положенію, въ которомъ находилось тогда педагогическое дѣло въ Россіи. Одинъ флотскій офицеръ сообщалъ въ «Морскомъ Сборникѣ» [1]), что въ морскомъ корпусѣ онъ и его товарищи обучались 50 наукамъ, искусствамъ и языкамъ. Между науками были: статистика, риторика, психологія, логика, эстетика, теорія поэзіи; между искусствами: живопись, церковное пѣніе, танцованіе, музыка. Результатъ ученія былъ слѣдующій: въ каждомъ выпускѣ мичмановъ немногіе умѣли написать сами, безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, рапортъ о своей болѣзни. Случались такіе, которые подписывались: *мичьманъ* такой-то. Грамматику изучали по курсу, переведенному съ латинскаго языка. Что не подошло подъ правила латинскаго языка, то являлось въ видѣ исключеній. Отъ этого исключеній было гораздо болѣе, чѣмъ правилъ. Но лучшей грамматики не было.

Объ общемъ положеніи педагогическаго дѣла въ Россіи предъ эпохой освобожденія и частью о состояніи педагогики и дидактики мы приведемъ два свидѣтельства. Я. Невѣровъ въ «Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ: «Что нужно для народнаго образованія въ Россіи?» [2]), говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Не смотря на значительные успѣхи, которые сдѣлала въ послѣднее 20-ти-лѣтіе наша ученая литература, подарившая насъ замѣчательными произведеніями почти по всѣмъ отраслямъ знанія, по какому-то странному случаю она не только не разрабатывала вопроса о воспитаніи и обученіи, но даже и не касалась его... Русская литература, кромѣ учебника Ободовскаго [3]), нѣсколькихъ лекцій г. Шевырева и отдѣльныхъ статей, помѣщавшихся время отъ времени въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», не представила ничего по этой части» [4]). Я. К. Гротъ такъ изображалъ состояніе нашей педагогіи [5]): «Наша педагогика еще въ пеленкахъ, наша педагогическая литература—новорожденный младенецъ... У насъ не только нѣтъ руководства къ педагогикѣ, но почти нѣтъ и вовсе никакихъ хорошихъ руководствъ по разнымъ предметамъ общаго образованія.

[1]) 1856 г. № 7, ст. «Прошедшее и будущее въ воспитаніи моряка».

[2]) 1851 г. № 4.

[3]) Разумѣются два, довольно тощіе, учебника, составленные А. Ободовскимъ по Нимейеру: «Руководство къ педагогикѣ или наукѣ воспитанія» (Спб., 1835 г.) и «Руководство къ дидактикѣ или наукѣ преподаванія» (Спб., 1837 г.).

[4]) Г. Невѣровъ ошибается. Кромѣ указанныхъ имъ работъ, были еще и другія, правда, весьма немногочисленныя и не отличавшіяся ни глубиною содержанія, ни самостоятельностью. См. о нѣкоторыхъ изъ нихъ журналъ «Учитель» 1862 г., «Педагогическое обозрѣніе».

[5]) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». XCVIII, 7, 176.

Большинство нашихъ преподавателей не только не слѣдовало до настоящаго времени никакимъ твердо установленнымъ наукою правиламъ преподаванія, но многіе изъ нихъ оказывались и сами не довольны знающими по своей части».

Такимъ образомъ, преобразовательной эпохѣ нужно было почти все создавать заново: школы, учителей, педагогическую журналистику, педагогическую литературу, педагогическую теорію и практику. И все это было создано. Въ послѣднія 40—50 лѣтъ теоретическая и практическая педагогія сдѣлала у насъ такіе огромные успѣхи, какихъ она не сдѣлала въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ столѣтій. Причина успѣха заключается въ томъ, что воспитаніе перестало быть дѣломъ лишь одного государства, но стало и живымъ общественнымъ дѣломъ. До эпохи освобожденія образованіе вѣдалось канцеляріями и государствомъ, а потому было поставлено односторонне, безжизненно и отвлеченно. Съ эпохи освобожденія общество глубоко заинтересовалось имъ и въ участіи общества образованіе почерпнуло великую живительную силу. Общество выставило цѣлый рядъ дѣятелей по образованію, для которыхъ педагогическіе вопросы стали дѣломъ жизни, дѣломъ свободнаго избранія, которые разрабатывали ихъ не по казенной надобности и за жалованье, а въ силу призванія.

Представить очеркъ развитія педагогическихъ идей въ Россіи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ и составляетъ нашу задачу.

Глава II.

Старые идеалы.

Обновлявшаяся русская жизнь не могла всецѣло и разомъ порвать съ царившими прежде порядками; новый міръ идей, новое міровоззрѣніе не могло не сохранить нѣкоторыхъ старыхъ понятій. Въ умахъ многихъ старыя понятія были очень крѣпки. Они такъ долго господствовали, были одобрены властями, признаны оффиціально обязательными для всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ. Было невѣроятно, чтобы такія идеи сразу были оставлены и замѣнены новыми. Въ умахъ многихъ старое еще держалось и къ нему только понемножку присоединялись новыя воззрѣнія, образуя со старымъ довольно любопытную смѣсь. Новыя идеи просачивались всюду, вездѣ вѣяло новымъ духомъ, новыя начала проповѣдывались и въ литературѣ, и въ разговорахъ, семейныхъ и общественныхъ. Уйти отъ новшествъ было невозможно. Но, съ другой стороны, и старая педагогическая вѣра была еще крѣпка. Теоретической педагогики прежде

почти не существовало, но нѣкоторый запасъ понятій, нужныхъ для веденія школъ и для семейнаго воспитанія, былъ. Общія начала, съ остатками разныхъ частныхъ пріемовъ и воззрѣній дореформаціоннаго времени соединились съ новыми идеями, съ новой педагогіей.

До реформаціонной эпохи наше образованіе было строго государственнымъ, и всѣ учебныя заведенія подготовляли служилыхъ людей государству и различныхъ техниковъ. Каждому заведенію назначалась какая-либо спеціальная государственная задача, а семьѣ самая основная—пріученіе къ повиновенію властямъ, откуда и получался идеалъ семейнаго воспитанія, чтобы малютка былъ, выражаясь словами о. Михайловскаго, «угостителенъ и услужливъ» *). Если-же-бы малютка этихъ свойствъ не обнаружилъ, такъ какъ «своеволіе, можно сказать, прирождено дѣтямъ», тогда нужно поставить вопросъ «о переломѣ воли заблуждающейся», о томъ, чтобы «взять дитя въ свои руки» **), т.-е. въ ежовыя рукавицы.

Но въ тѣхъ-же самыхъ книгахъ, въ которыхъ такъ ясны еще слѣды старыхъ понятій, такъ живы идеалы минувшаго времени, нерѣдко встрѣчаются идеи совсѣмъ другого характера,—идеи, навѣянныя Западомъ, болѣе или менѣе научнаго свойства.

Такъ, напримѣръ, о. Владиславлевъ возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній и называетъ ихъ «преступными». Если глава семьи—отецъ представляетъ въ себѣ образъ Христа, если жена отображаетъ въ себѣ церковь Христову, а дѣти суть чада церкви, то какъ можно согласить съ этими понятіями побои дѣтей? Тѣлесныя наказанія обличаютъ недостатокъ въ родителяхъ нравственной силы. Изъ семейныхъ взысканій допускаются слѣдующія: возбужденіе чувствъ раскаянія, выраженіе неудовольствія и гнѣва со стороны родителей, удаленіе дѣтей съ глазъ родителей и, наконецъ, самое тяжкое—лишеніе родительскаго благословенія. Неудобны и награды. Задача христіанской педагогики состоитъ въ томъ, чтобы пріучить ребенка стремиться къ истинно-доброй и полезной дѣятельности не ради внѣшнихъ корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ побужденій, но ради самого добра. Въ той-же книгѣ встрѣчаются замѣчанія о необходимости гигіеничности всей воспитательной обстановки, о свободѣ, простотѣ и естественности, какъ весьма важныхъ условіяхъ правильнаго образованія, и другія подобныя-же здравыя мысли ***). Даже у о. Ми-

---

*) Священникъ Михайловскій, «О религіозномъ воспитаніи дѣтей до школы». Спб., 1875 г.

**) О. Базаровъ, «О христіанскомъ воспитаніи». Карлсруэ. 1860 г.

***) Протоіерей Владиславлевъ, «Уроки по классу христіанской педагогики». Москва. 1875 годъ. §§ 13, 26, 35, 75 и др.

хайловскаго можно найти совершенно правильныя замѣчанія, напримѣръ, о важности нянь, ихъ главнѣйшихъ свойствахъ и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ.

Усвоеніе и распространеніе подобныхъ идей нужно поставить въ прямую заслугу упомянутымъ авторамъ, такъ какъ усвоеніе новыхъ идей западной педагогіи совершалось туго. Нашъ первый «Педагогическій Журналъ» просуществовалъ всего два года и прекратился вслѣдствіе полнаго равнодушія педагоговъ къ такому изданію и вмѣстѣ къ идеямъ, излагавшимся въ журналѣ. А журналъ былъ хорошій, обстоятельно знакомилъ съ западной педагогіей. Педагогическіе журналы, появившіеся въ пятидесятыхъ годахъ, существовали также недолго и отношеніе педагоговъ къ идеямъ, которыя проповѣдывались въ журналахъ, было не всегда благопріятнымъ. Такъ, одинъ изъ педагогическихъ журналовъ 50-хъ годовъ—«Журналъ для Воспитанія» проповѣдывалъ такія новыя истины: способъ преподаванія долженъ быть приноровленъ къ индивидуальности учащагося; не сообщеніе той или другой суммы свѣдѣній есть главное дѣло въ преподаваніи, а вообще умственное и нравственное развитіе ученика, укрѣпленіе и усовершенствованіе его способностей; въ ученіи необходимо предоставить ученику какъ можно болѣе свободы и самостоятельности, чтобы онъ привыкалъ самъ наблюдать и мыслить, потому что всякая сила развивается только отъ упражненія, а отъ бездѣйствія глохнетъ; механическое заучиваніе уроковъ по книжкѣ никуда не годится, потому что убиваетъ мыслительныя силы учащагося, пріучая его относиться къ предмету пассивно и лишая его случая попытать собственныя силы; одно теоретическое ученіе безъ практики никуда не годится, какъ и практика безъ теоріи, а потому всякое свѣдѣніе немедленно должно прилагаться къ практикѣ и т. п. «Вообразите себѣ удивленіе нашихъ педагоговъ,—говоритъ педагогическій обозрѣватель «Учителя» (1864 г., ноябрь),—когда они услышали всѣ эти диковинныя вещи! Они сначала ушамъ своимъ не вѣрили (мы были свидѣтелями многихъ случаевъ, подтверждающихъ эти слова); иные сомнительно покачивали головами и, думая, что все, что ни пишется въ «Журналѣ для Воспитанія», принадлежитъ самому редактору, спрашивали другъ друга: «да ужъ онъ не того-ли»? и при этомъ многозначительно указывали себѣ на лобъ. Какъ-бы то ни было, однакожъ эти неслыханныя вещи, вычитанныя нашими педагогами изъ «Журнала для Воспитанія», возбудили въ ихъ головахъ непривычный для нихъ процессъ мышленія. Мало-по-малу они стали смекать, что и дѣйствительно оно какъ будто-бы лучше дѣлать такъ, какъ совѣтуетъ «Журналъ для Воспитанія»; новыя воз-

зрѣнія готовы были перейти въ дѣйствительность, приложиться къ дѣлу!..

Если такъ относились къ новымъ идеямъ педагоги, то чего-же было ожидать отъ общества, отъ отцовъ и матерей? Очевидно, ихъ воспріятіе научныхъ педагогическихъ идей было еще болѣе затруднительнымъ и тугимъ, всякаго рода предразсудки по отношенію къ воспитанію дѣтей у нихъ были еще болѣе многочисленны и крѣпки. Въ 1843—1845 годахъ докторъ медицины и хирургіи Грумъ издалъ въ трехъ томахъ «Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей». Въ немъ авторъ, между прочимъ, сообщалъ, что совсѣмъ доношенное дитя, или девятимѣсячное, имѣетъ въ длину, приблизительно, отъ 18 до 21 дюйма, вѣсу отъ 5 до 8 фунт. и т. д. Приведя эти данныя изъ книги Грума, педагогическій обозрѣватель «Учителя» (1862 г., октябрь) говоритъ: «вообразите себѣ молодую женщину, готовящуюся стать матерью и мечтающую о томъ, какимъ херувимчикомъ будетъ младенецъ, который у нея подъ сердцемъ. Мужъ даритъ ей книгу г. Грума, съ тѣмъ, чтобы подготовить ее къ ея будущимъ обязанностямъ. Она раскрываетъ отдѣлъ «Новорожденное дитя» и читаетъ выписанныя нами строки. Какъ вы думаете, читатель, будетъ-ли она читать дальше? По нашему мнѣнію, едва-ли. Помилосердуйте! Мѣрить и вѣсить ея херувимчика, какъ кусокъ говядины. Да это покажется ей на первыхъ порахъ чуть-чуть не святотатствомъ... Конечно, отъ руководства нельзя ожидать, чтобы въ немъ принимались въ разсчетъ всѣ причуды материнской любви; но не менѣе того во всякой книгѣ необходимо принять во вниманіе склонности, настроеніе и степень развитія публики, для которой она назначается».

Такимъ образомъ, мысль о томъ, что нужно измѣрять длину новорожденныхъ дѣтей и взвѣшивать ихъ, казалась слишкомъ новой и удивительной не только матерямъ, которыя считали чуть не святотатствомъ производить такія измѣренія и взвѣшиванія ихъ «херувимчиковъ», но и самому обозрѣвателю, такъ какъ онъ считаетъ необходимымъ пощадить матерей отъ такихъ совѣтовъ. Если-бы онъ самъ былъ убѣжденъ въ цѣлесообразности такихъ мѣропріятій, то онъ, конечно, призналъ-бы, что рано или поздно нужно эти мѣропріятія проповѣдывать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и такимъ образомъ столкнуться съ предразсудками матерей. Если-же не оспаривать ложныхъ воззрѣній матерей и не указывать имъ болѣе правильнаго отношенія къ дѣтямъ, то какъ-же и когда исчезнутъ материнскіе предразсудки? Вѣдь нельзя-же было ждать внезапнаго просвѣтленія и озаренія головъ матерей по этому предмету свыше!

Вообще педагогическое двоевѣріе было столь-же необходимо, какъ

въ свое время и религіозное двоевѣріе. Это былъ необходимый моментъ въ развитіи общественнаго педагогическаго сознанія. Притомъ основныя начала прежняго періода—православіе, государственность, народность—встрѣтятся намъ и позднѣе въ видѣ разсужденій о значеніи религіознаго чувства при воспитаніи, о совмѣстномъ вліяніи государства и общества на образованіе и о національномъ воспитаніи. Новыя научныя педагогическія идеи лишь постепенно проникали въ общество и завладѣвали умами, вытѣсняя старыя представленія и тѣмъ осуждая ихъ на забвеніе, лишая ихъ силы въ практикѣ образованія. Посмотримъ теперь, какъ новыя идеи выразились въ большей чистотѣ и послѣдовательности, какіе новые идеалы образованія возникли и укрѣпились.

П. Каптеревъ.

(Продолженіе будетъ).

О нѣкоторыхъ дурныхъ привычкахъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Онихофагія (привычка грызть ногти и проч.) *).

До послѣдняго времени на многія дурныя привычки въ дѣтскомъ возрастѣ педагоги и врачи смотрѣли какъ на чистую случайность и не особенно старались найти корень этихъ привычекъ. Ребенокъ ковыряетъ въ носу, сосетъ свои пальцы, кусаетъ ногти, сосетъ губы или языкъ. Откуда взялись у него эти некрасивыя привычки? Какова ихъ сущность? Какое онѣ имѣютъ вообще значеніе? Нужно-ли ихъ искоренять и какими мѣрами? На эти вопросы не существовало до сихъ поръ болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ этимъ привычкамъ не придавалось особаго значенія; на нихъ смотрѣли какъ на нѣчто случайное, исчезающее со временемъ.

На наблюдательныхъ людей привычки эти не производили, однако, впечатлѣнія случайныхъ или зависящихъ только отъ простого подражанія другимъ дѣтямъ или взрослымъ. Между привычкой громко смѣяться, сильно жестикулировать руками во время разговора, гримасничать и между вышеуказанными замѣтна была всегда разница.

Первыя привычки не отличаются такимъ упорствомъ, автоматичностью и тою особенностью, что онѣ чаще всего появляются почти безъ исключенія у всѣхъ членовъ семьи и нерѣдко встрѣчаются всѣ вмѣстѣ у представителей одной и той-же семьи.

Нѣкоторые наблюдатели въ своихъ подозрѣніяхъ идутъ еще дальше и замѣчаютъ близкую связь дурныхъ привычекъ съ другими, болѣе опасными, напр., съ онанизмомъ. По крайней мѣрѣ, они обращаютъ вниманіе на частое развитіе этого порока у тѣхъ дѣтей, которые съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ все что-нибудь сосать, жевать, кусать, мять въ рукахъ и проч. Съ точки зрѣнія этихъ наблюдателей, такія на видъ невинныя привычки не предвѣщаютъ ничего хорошаго и требуютъ бдительнаго надзора за дѣтьми, имъ подверженными.

---

*) Докладъ, читанный въ IV-й секціи Русскаго Общества народнаго здравія, 15 ноября 1896 г.

Но и тѣ, которые не подмѣчаютъ близкой связи между развитіемъ порока и дурными привычками, съ презрѣніемъ относятся къ послѣднимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ лежитъ, съ нравственной точки зрѣнія, что-то животное, а потому отталкивающее.

Если младенецъ сосетъ свои пальцы и старается запихать въ свой ротъ то, что схватитъ руками, то въ этой картинѣ мы не найдемъ ничего противоестественнаго. Младенецъ это дѣлаетъ на основаніи того-же заложеннаго въ немъ инстинкта, подъ вліяніемъ котораго только-что вылупившійся изъ яица цыпленокъ уже клюетъ зерна и другіе предметы, которые, можетъ быть, и не годятся ему въ пищу. Но если и четырнадцатилѣтній сохраняетъ замашки младенца, то это кажется уже въ высшей степени некрасивымъ, такъ какъ путемъ воспитанія мы стараемся избавить разумное человѣческое существо отъ безцѣльныхъ автоматическихъ дѣйствій, остатковъ его прежняго состоянія, низшаго развитія. Такіе рудименты, совсѣмъ ему ненужные, мы считаемъ некрасивыми, и видъ человѣка, который, какъ медвѣдь, сосетъ свою лапу, насъ отталкиваетъ.

Можетъ быть, привычка ковырять въ носу и ушахъ вовсе не такъ безцѣльна, можетъ быть, привычка многихъ взрослыхъ крутить усы, кусать и нюхать свою бороду не покажется многимъ антиэстетичной, а потому съ этой точки зрѣнія и не заслуживаютъ сильнаго порицанія такія привычки, но если онѣ могутъ причинить вредъ, то къ нимъ уже нельзя относиться безразлично. Такъ думаютъ объ этихъ привычкахъ тѣ, которые на вещи смотрятъ съ точки зрѣнія полезности и вреда, и до тѣхъ поръ не принимаютъ рѣшительныхъ мѣръ противъ чего-либо безразличнаго, пока оно не покажется имъ приносящимъ вредъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что детальное обслѣдованіе вопроса о дурныхъ привычкахъ представляетъ много интереснаго съ разныхъ точекъ зрѣнія, и вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія воспитателей.

На нѣкоторые изъ поставленныхъ вопросовъ мы встрѣчаемъ отвѣтъ въ статьѣ д-ра Берильона въ журналѣ «Revue de l'hypnotisme», который предпринялъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ парижскихъ школахъ съ цѣлью выясненія частоты появленія этихъ привычекъ у дѣтей различныхъ возрастовъ и различнаго пола. Его, какъ невропатолога, особенно интересовала привычка грызть ногти и кусать пальцы,—интересовала со стороны психопатологической его основы и психотерапіи.

Что касается причины онихофагіи (onichophagia—такъ называется въ медицинѣ эта дурная привычка), то, по мнѣнію доктора Берильона, она заключается въ инстинктѣ младенца, подъ вліяніемъ котораго онъ тотчасъ-же послѣ появленія на свѣтъ начинаетъ со-

сать и вообще присасывается къ разнымъ предметамъ, соприкасающимся съ его ртомъ, а позднѣе тащитъ все, что ни попадется подъ руки, въ ротъ. Берильонъ думаетъ, что замѣчаемая у очень многихъ маленькихъ дѣтей привычка сосать свои пальцы есть проявленіе все того-же инстинкта. У болѣе взрослыхъ дѣтей она иногда сохраняется или видоизмѣняется въ привычку грызть ногти и откусывать частички кожи на концѣ пальцевъ. Встрѣчаются, однако, субъекты, у которыхъ эта привычка развивается какъ будто независимо отъ привычки сосанія пальцевъ и возникаетъ въ болѣе позднемъ возрастѣ, сохраняясь иногда до старости. Въ этомъ случаѣ трудно отыскать ея первоисточникъ и можно всегда предположить, что она развилась вслѣдствіе подражанія.

Въ одной семьѣ, состоящей изъ 6 человѣкъ дѣтей, Берильонъ нашелъ эту привычку у всѣхъ 6 дѣтей. Отецъ этихъ дѣтей былъ неисправимый алкоголикъ, всѣ дѣти носили на себѣ слѣды вырожденія; кромѣ того, онъ самъ постоянно грызъ ногти, а потому дѣти могли не только унаслѣдовать эту привычку, но и пріобрѣсти ее черезъ подражаніе.

Особенно интересенъ тотъ фактъ, что *онихофагія*, по наблюденіямъ многихъ, встрѣчается чаще всего у людей съ признаками физическаго и психическаго вырожденія.

Изъ физическихъ признаковъ вырожденія у упорныхъ онихофаговъ наблюдаютъ прежде всего различныя неисправности въ развитіи черепа: микроцефалію, ассиметрію лба, чрезмѣрное развитіе черепныхъ бугровъ и проч. Далѣе, на лицѣ замѣтны слѣдующіе признаки этого вырожденія: ассиметрія обѣихъ половинъ, судорожныя подергиванія лицевыхъ мышцъ, сведеніе и дрожаніе глазъ, неодинаконое расширеніе зрачковъ, неправильности въ развитіи и установкѣ зубовъ, недоразвитіе, расщепленіе и необыкновенная узость твердаго неба, неодинаковая величина и форма ушныхъ раковинъ. При изслѣдованіи органовъ чувствъ часто встрѣчается тугость слуха, ослабленіе остроты зрѣнія и притупленіе кожной чувствительности на разныхъ мѣстахъ тѣла.

У онихофаговъ можно встрѣтить также не мало признаковъ психическаго вырожденія или какихъ-то ненормальностей въ психической сферѣ. Среди нихъ не мало заикъ, людей съ притупленнымъ нравственнымъ чувствомъ, фобомановъ (людей, испытывающихъ различнаго рода страхи), людей, подверженныхъ такъ-называемому лунатизму, ночнымъ страхамъ. Многія дѣти, имѣющія эту дурную привычку грызть ногти, до 14—15 лѣтъ мочатся въ кровати, отличаются вообще нечистоплотностью и чаще другихъ страдаютъ онанизмомъ. По мнѣнію д-ра Берильона, взглянувъ на обгрызанные

ногти привычнаго онихофага, можно съ большою увѣренностью заключить о существованіи у него и другой привычки—къ онаніи. Съ нимъ вполнѣ соглашается д-ръ Вуазенъ (*Jules Voisine*), врачъ изъ больницы Сальпетріеръ въ Парижѣ. Наблюдая постоянно за эпилептиками, идіотами и вообще за отсталыми въ своемъ психическомъ развитіи дѣтьми, онъ отмѣчаетъ необыкновенно тѣсную связь между этими двумя привычками.

Теперь, спрашивается, не приноситъ-ли эта дурная привычка вреда здоровью?

Онихофагія, точно такъ же какъ и сосаніе пальцевъ, представляетъ прежде всего ту опасность для здоровья, что въ ротъ при этомъ легко могутъ попадать различные болѣзнетворные микробы (въ родѣ туберкулозныхъ бациллъ), которые пристаютъ къ ногтямъ и пальцамъ рукъ вслѣдствіе прикосновенія къ нечистымъ предметамъ.

Онихофаги не только отгрызываютъ ногти, но и проглатываютъ маленькія частички ихъ.. Эти частички ногтя состоятъ изъ рогового вещества — кератина, который не поддается дѣйствію желудочнаго сока, вслѣдствіе чего у онихофаговъ весьма нерѣдки разстройства пищеваренія. Проглатываніе вмѣстѣ съ ногтевымъ кератиномъ грязи, приставшей къ пальцамъ, тоже, конечно, не безопасно.

Съ эстетической точки зрѣнія онихофагія представляетъ, конечно, очень дурную привычку уже потому, что пальцы онихофаговъ очень уродуются, а именно, вокругъ обгрызаннаго края ногтей, вслѣдствіе постояннаго раздраженія ногтевого ложа, образуется воспаленный вѣнчикъ краснаго цвѣта и кожа на этомъ мѣстѣ начинаетъ сильно утолщаться, образуя валикъ впереди ногтя. Валикъ этотъ, состоящій изъ утолщеннаго эпидермиса, не содержащаго нервныхъ окончаній, въ значительной степени понижаетъ кожную чувствительность пальцевъ, вслѣдствіе чего всѣ тонкія работы, требующія развитаго чувства осязанія, малодоступны онихофагамъ. На это обстоятельство обращаютъ вниманіе преподаватели различныхъ профессіональныхъ школъ и считаютъ онихофаговъ плохими работниками. Наконецъ, вслѣдствіе постояннаго кусанія ногтей, кожа на концахъ пальцевъ у онихофаговъ часто трескается, воспаляется и даетъ начало нарывамъ и другимъ подобнымъ страданіямъ.

Онихофагія, не смотря на значительное распространеніе свое среди учащихся дѣтей, возбуждала до сихъ поръ очень мало вниманія у педагоговъ и школьныхъ врачей. Возможность распространенія этой дурной привычки путемъ подражанія, казалось, должна была-бы побудить ихъ искать средствъ къ прекращенію этого зла, между тѣмъ ни въ педагогическихъ, ни въ гигіеническихъ сочиненіяхъ почти не встрѣчается даже упоминаній о немъ.

Берильонъ едва-ли не первый произвелъ систематическія изслѣдованія по этому вопросу. Первыя его изслѣдованія были сдѣланы надъ учениками парижскихъ начальныхъ школъ Изъ этихъ изслѣваній видно, что изъ числа 265 мальчиковъ, 65, т.-е почти 1/4 часть, грызла ногти. Подобныя-же свѣдѣнія, собранныя во многихъ классахъ одного изъ парижскихъ лицеевъ, даютъ, приблизительно, тотъже % онихофаговъ, что и въ элементарныхъ школахъ. Не лучшія данныя получаются при изслѣдованіи учениковъ провинціальныхъ школъ (département de l'Yonne), гдѣ онихофаговъ мальчиковъ 20% и дѣвочекъ 52%.

Въ одной городской школѣ (départements de la Seine et Marne), несмотря на довольно значительный возрастъ дѣтей (отъ 12—17 лѣтъ), изъ числа 52, подвергшихся изслѣдованію, 16 представили явные слѣды установившейся дурной привычки.

На основаніи очень тщательныхъ изслѣдованій д-ра Берильона, сдѣланныхъ въ одной низшей школѣ для дѣвочекъ, можно придти къ заключенію, что у послѣднихъ дурныя привычки развиты не меньше, чѣмъ у мальчиковъ, а именно: изъ 217 дѣвицъ въ возрастѣ отъ 10—17 лѣтъ грызли ногти 63 дѣвицы и грызли карандаши, ручки отъ перьевъ и проч. 59 воспитанницъ. Больше всего эта привычка развита въ возрастѣ отъ 10—15 лѣтъ.

Наконецъ, въ самое послѣднее время д-ръ Берильонъ произвелъ изслѣдованіе учениковъ въ 4-хъ классахъ парижскаго городского училища, въ рабочемъ кварталѣ города, и нашелъ, что изъ 187 учениковъ въ возрастѣ отъ 6—11 лѣтъ грызло ногти 57.

Въ этой послѣдней школѣ, по словамъ Берильона, очень недурно во всѣхъ отношеніяхъ обставленной какъ въ гигіеническомъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи, эти дурныя привычки встрѣчаются все-таки не меньше, какъ у 1/4 учениковъ.

Повидимому, и въ другихъ странахъ онихофагія у дѣтей не менѣе распространена, нежели во Франціи. Такъ, въ Англіи, напр., гдѣ «nail biting» считается одною изъ самыхъ скверныхъ и вредныхъ привычекъ, гдѣ зорко слѣдятъ за такими учащимися и даже строго ихъ наказываютъ, въ нѣкоторыхъ школахъ встрѣчается большой процентъ онихофаговъ (изъ 33 учениковъ одной школы, для дѣтей высшаго сословія, 16 человѣкъ находились подъ властью этой привычки).

Онихофагія принадлежитъ къ разряду чисто автоматическихъ привычекъ; только у маленькихъ дѣтей эта привычка можетъ быть имитаціонной; у болѣе взрослыхъ она, по всей вѣроятности, является безсознательно и укореняется прежде, нежели онихофагъ даетъ себѣ въ ней отчетъ. Многіе, сознающіе вредъ и антиэстетичность этой привычки, предаются ей въ то время, когда все вниманіе ихъ чѣмъ-ни-

будь сильно поглощено, напр., во время рѣшенія какихъ-нибудь трудныхъ задачъ, при обдумываніи чего-либо и т. п.

По мнѣнію Берильона, большинство онихофаговъ стоитъ на болѣе низкой степени развитія и выказываетъ нѣсколько притупленное нравственное чувство. Учителя тѣхъ школъ, въ которыхъ этотъ врачъ производилъ свои изслѣдованія, жаловались ему, что замѣченные онихофаги въ большинствѣ случаевъ отличаются слабохарактерностью, недостаткомъ вниманія и по успѣхамъ своимъ стоятъ ниже другихъ учениковъ. Въ одной школѣ за отдѣльными столами сидѣли 6-ть мальчиковъ, хуже другихъ учившіеся и бывшіе вообще на самомъ дурномъ счету во многихъ отношеніяхъ. У всѣхъ ихъ ногти были сильно изгрызаны и пальцы опухли отъ этой привычки.

Чѣмъ-же предупредить развитіе онихофагіи и какъ съ нею бороться?

Въ виду частаго ея появленія у дѣтей, воспитателями испробованы были уже разныя средства: дѣтей наказывали, пробовали натирать пальцы различными горькими веществами, напр., сѣрнокислымъ хининомъ, настойкой квассія, алоё и т. п. Но всѣ эти принудительныя мѣры приносили мало пользы, такъ какъ, по прекращеніи ихъ, дѣти снова возвращались къ своей старой привычкѣ. Поэтому д-ру Берильону пришла въ голову мысль прибѣгнуть къ психическому лѣченію онихофаговъ, а именно къ гипнозу. Онъ упоминаетъ о 14-ти случаяхъ такого лѣченія, давшаго хорошіе результаты. Берильонъ внушалъ дѣтямъ, что они, проснувшись на другой день, совсѣмъ отстанутъ отъ своей дурной привычки и никогда уже больше не будутъ грызть ногти, обкусывать и сосать пальцы.

Представляя интересъ для медиковъ, какъ одинъ изъ важныхъ признаковъ дегенеративнаго типа, онихофагія не менѣе интересна и для педагоговъ. Послѣдніе должны съ большимъ вниманіемъ и большею осторожностью относиться къ дѣтямъ, у которыхъ замѣчаются подобныя автоматическія привычки, помня, съ какимъ трудомъ онѣ искореняются впослѣдствіи.

Съ другой стороны, если Берильонъ правъ, что онихофагія служитъ довольно вѣрнымъ признакомъ людей вырождающагося типа (а въ пользу этого онъ приводитъ много доказательствъ), то на долю воспитателей выпадаетъ обязанность принимать по отношенію къ такимъ подозрительнымъ дѣтямъ всѣ педагогическія и иныя мѣры, рекомендуемыя наукой.

Во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ отвѣта вопросы, предлагаемые Берильономъ, въ интересахъ науки, всѣмъ педагогамъ, живо интересующимся своимъ предметомъ. Вопросы задаются имъ съ цѣлью рѣшенія самаго главнаго: стоятъ-ли дѣти съ разными автоматическими привычками, въ особенности онихофаги, на низшей степени

развитія, или нѣтъ? Затѣмъ, въ какой мѣрѣ эти дурныя привычки распространены въ разныхъ слояхъ народонаселенія и у дѣтей различнаго пола и возрастовъ?

Чтобы получить отвѣтъ на этотъ общій вопросъ, Берильонъ предлагаетъ производить изысканія по слѣдующей программѣ:

Опредѣлить: 1) общее состояніе здоровья ученика, — нѣтъ-ли у него какихъ-нибудь физическихъ пороковъ, слѣдовъ недоразвитія; 2) какова его физическая сила (внѣшній видъ, отмѣтка за физическія упражненія); 3) поведеніе въ школѣ; 4) прилежаніе, вниманіе, память, отмѣтки за успѣхи; 5) его склонности и нравственность; 6) опрятность; 7) ручная умѣлость (письмо, рукодѣліе, ручной трудъ); 8) различныя способности (къ рисованію, къ пѣнію и т. д.); 9) какую роль играетъ подражаніе при распространенности этой привычки среди учениковъ того-же класса; 10) какія употребляются средства для устраненія этихъ дурныхъ привычекъ; 11) съ какимъ успѣхомъ; наконецъ, 12) не имѣется-ли какихъ-нибудь особенныхъ замѣчаній по данному вопросу.

Д-ръ Берильонъ предлагаетъ, кромѣ того, слѣдующую табличку для тѣхъ, кто соблаговолитъ послать ему свой отвѣтъ по адресу: D-r Bérillon, Redacteur de «Revue de l'hypnotisme», Rue de Rivoli. 40. B. Paris.

Возрастъ дѣтей.	Число дѣтей изслѣдованныхъ.	Мальчики или дѣвочки.	Городская или сельская школа.	Средняя или низшая школа.	Онихофагія на обѣихъ рукахъ.	Только на правой рукѣ.	Только на лѣвой.	Число грызущихъ-же перья, карандаши и проч.	Число сосущихъ пальцы, губы и проч.	Нѣтъ-ли другихъ дурн. привычекъ и какія именно.	Число плохо держащихъ мочу.	Замѣчаются-ли слѣды онанизма.
Отъ 6—10 лѣтъ.												
» 10—12 »												
» 12—14 »												
» 14 лѣтъ.												
Общая сумма.												

Д-ръ В. Гориневскій.

Нравственное воспитаніе въ связи съ эволюціонной теоріей.

Воспитаніе должно гармонировать съ требованіями эпохи.

I.

Опредѣленіе сущности и задачъ нравственнаго воспитанія составляетъ только на первый взглядъ легкое дѣло. Кажется, что оно такъ просто: сущность его въ томъ, чтобы сдѣлать изъ ребенка нравственнаго человѣка, а задача или задачи въ томъ, какими средствами этого можно достигнуть.

Однако наша эпоха отличается тѣмъ, что всѣ понятія, всѣ опредѣленія, особенно въ области соціологіи и этики, встрѣчаютъ радикальныя противорѣчія, т.-е. мнѣнія и pro, и contra. И эти противоположныя мнѣнія высказываются самыми выдающимися умами эпохи, высказываются не наобумъ, не въ видѣ умозрѣній, какъ было во времена господства раціонализма и метафизики. Нѣтъ, теперь каждое мнѣніе *доказывается* фактами, научными основаніями.

Въ другомъ мѣстѣ *) я доказывалъ, что это происходитъ отъ стремленія, свойственнаго передовому человѣчеству нашей эпохи «перевести мораль изъ области инстинктивной и безотчетной (irreflectirte), изъ области непосредственнаго чувства, въ область самосознательныхъ, *самоотчетныхъ* чувствованій, провѣренныхъ научной мыслью и критикой». «Основное-же стремленіе, которое скрывается подъ этимъ,—говорю я тамъ-же,—есть, конечно, стремленіе, познавъ себя, управлять собою, своими чувствованіями и желаніями—во имя лучшаго существованія, во имя болѣе совершеннаго и разумно-сознательнаго самосохраненія и развитія. Иначе говоря, мы здѣсь имѣемъ *основной стимулъ жизни—сохранять ее и развивать*» (стр. 534).

При этомъ естественно происходятъ пока крайнія разногласія, такъ какъ сама наука еще не пришла къ окончательной системѣ человѣ-

---

*) «Вопросы философіи и психологіи», книга 30: «Попытка научнаго примиренія моральныхъ разногласій».

ческихъ знаній, т.-е. къ органическому, цѣльному, философскому міропониманію. О такой системѣ мечталъ еще О. Контъ и надѣялся при ея помощи устранить то, что онъ называлъ «анархіей мысли». Этимъ терминомъ онъ называлъ отсутствіе именно такой прочно обоснованной системы, которая-бы обладала *властью* надъ умами въ силу своей логической и особенно научной доказательности.

Система или іерархія наукъ, предложенная самимъ Контомъ, и впослѣдствіи развитая и дополненная Гербертомъ Спенсеромъ, имѣла въ теченіе нѣкотораго времени важное значеніе въ этомъ отношеніи. Насколько было можно, она объединила данныя и гипотезы наукъ и служила критеріемъ для умственныхъ и теоретическихъ разногласій. Но жизнь шла впередъ, отношенія въ средѣ самаго общества развивались и измѣнялись; наростали новые вопросы и сомнѣнія, которыхъ во времена О. Конта нельзя было даже и предвидѣть, и вотъ мы замѣчаемъ теперь, что въ средѣ самихъ послѣдователей позитивнаго, научнаго метода возникли разногласія. Такъ, напр., этика (наука о морали) Спенсера, построенная научно, на началахъ теоріи развитія (эволюціи) не вызвала единенія между учеными, какъ можно было ожидать. Противъ нея, напр., возражаетъ такой выдающійся спеціалистъ въ области психо-физіологіи, какъ Вильгельмъ Вундтъ, не говоря уже о многихъ другихъ ученыхъ, расходящихся съ нею.

Развивать здѣсь подробно тѣ основанія, на которыхъ я нахожу возможнымъ примиреніе современныхъ моральныхъ разногласій, я не буду, отсылая желающихъ познакомиться съ этими основаніями къ вышеупомянутой статьѣ моей въ «Вопросахъ философіи и психологіи». Здѣсь-же постараюсь только сжато резюмироватх нѣкоторыя мои положенія и выводы.

II.

Ученіе о морали въ наше время, необходимо должно опираться на науку, такъ какъ особенность научныхъ доказательствъ въ томъ и состоитъ, что они *всеобщи*, универсальны, потому что опираются на данныя опыта и наблюденія, обязательныя для всякаго нормальнаго человѣка; кромѣ того, данныя эти связываются такими пріемами логики, которые обязательны для всякаго нормальнаго ума.

Мистическія, умозрительныя и метафизическія основанія системы морали объединяли людей только по группамъ ихъ эмоцій и стремленій, но не давали общаго единенія, такъ какъ основывались на внушеніяхъ чувствъ или стремленіяхъ ума отыскать системы идей, объясняющихъ и узаконяющихъ потребности чувства. Но на чувства

нельзя положиться безъ научной критики, Чувства—это своего рода инстинкты, выработанные въ разные періоды общаго процесса соціальной эволюціи и заложенные въ насъ подобно тому, какъ геологическіе слои разныхъ эпохъ заложены въ земной корѣ. Такъ, напр., воинственная эпоха человѣческой исторіи положила въ насъ чувства, которыя были важны для этой эпохи—борьбы націй и племенъ между собою. Между тѣмъ новый типъ обществъ, типъ промышленный, требуетъ для своего развитія и для преуспѣянія въ его средѣ совсѣмъ иныхъ чувствъ личности. Это прекрасно показалъ Гербертъ Спенсеръ. Напримѣръ, въ эпоху хроническихъ войнъ только то общество могло уцѣлѣть, которое являлось *военнымъ* побѣдителемъ другихъ обществъ. Но военныя побѣды могли одерживаться только тѣми обществами, которыя дѣйствовали, какъ одинъ человѣкъ, т.-е. въ полномъ единствѣ при нападеніи или самозащитѣ. Отсюда понятно, что въ воинственныхъ обществахъ должна была развиваться строжайшая дисциплина, способность къ абсолютному, безпрекословному повиновенію, чуждому всякихъ колебаній, разсужденій или сомнѣній. Иными словами, индивидуальность должна была подавляться до наивозможно большей степени. Всякая оригинальность была вредна для единства, натиска или защиты. *Всѣ—какъ одинъ*, вотъ что должно было являться девизомъ воспитанія.

Промышленный типъ обществъ предъявляетъ совсѣмъ противоположныя требованія. Здѣсь все—въ личной иниціативѣ, предпріимчивости, оригинальности, личномъ рискѣ, личной изобрѣтательности. Если общество (или, говоря точнѣе, его члены) не обладаетъ этими качествами, оно никогда не побѣдитъ другихъ въ промышленной борьбѣ и конкурренціи, смѣнившей въ наше время военную борьбу племенъ и націй. Несмотря ни на какія протекціонныя системы (обременяющія только гражданъ собственной страны), государства, не имѣющія въ себѣ высоко-развитой индивидуальной автономіи своихъ членовъ, будутъ побѣждаемы въ промышленномъ развитіи другими обществами. Это ясно, какъ день, и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Я-же велъ это къ тому, чтобы показать, какъ недостаточно слѣдовать—въ опредѣленіяхъ морали и въ частности моральныхъ истинъ, принциповъ, правилъ—одному чувству. Мы обладаемъ многими чувствами, перешедшими къ намъ въ наслѣдство отъ воинственныхъ эпохъ развитія человѣчества. Мало того, самые характеры наши могутъ носить въ себѣ черты, въ высшей степени полезныя для воинственныхъ обществъ, но въ нашемъ современномъ складѣ жизни не только тормазящія развитіе общества или его побѣду надъ другими, но и тормазящія нашъ собственный личный успѣхъ.

Современная итальянская школа антропологовъ-криминалистовъ (Ломброзо, Ферри) идетъ дальше и доказываетъ, что значительная часть современныхъ преступниковъ представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ возвращеніе къ типу воинственныхъ предковъ. Эти люди, не останавливаемые своими болѣе гуманными чувствами отъ убійствъ, грабежей и насилій, были-бы героями, спасителями отечества въ эпохи воинственныя. Тогда имъ устраивали-бы тріумфы, теперь ихъ ссылаютъ въ каторгу, отправляютъ на висѣлицы.

На этомъ примѣрѣ читатель видитъ, что въ морали вообще, а въ моральномъ воспитаніи въ особенности, слѣдовать голосу одного чувства гибельно и для воспитываемыхъ, и для націи, къ которой они принадлежатъ: мы можемъ воспитать или усилить воспитаніемъ такія чувства и инстинкты, которые крайне вредны и для общества, и для личности, живущей въ немъ. А между тѣмъ, по чувству, унаслѣдованному отъ прошлаго, или по традиціи, не провѣренной критически, эти свойства кажутся намъ идеальными, наиболѣе совершенными. Мы некритически беремъ, напр., идеалами совершенства героевъ прошедшихъ эпохъ — грековъ, римлянъ, и указываемъ на нихъ своимъ дѣтямъ, какъ на образцы. Но мы забываемъ, что эти типы героизма были приспособлены къ инымъ условіямъ жизни, къ инымъ требованіямъ торжества обществъ надъ другими обществами. Мы и не подозрѣваемъ, что, указывая на этихъ героевъ, какъ на образцы, мы, быть можетъ, возбуждаемъ и дразнимъ иногда въ душахъ нашихъ дѣтей, вѣрящихъ въ нашъ авторитетъ, такія чувства и инстинкты, которые приведутъ ихъ на скамью подсудимыхъ или каторгу. Между тѣмъ, наоборотъ, то, что необходимо для современнаго характера націй и для жизни въ нихъ, т.-е. оригинальность, изобрѣтательность, предпріимчивость, развитіе личности и ея иниціативы, мы подавляемъ на каждомъ шагу во имя старыхъ чувствъ и идеаловъ дисциплины: «молчи, не смѣй разсуждать, не смѣй возражать, исполняй безпрекословно каждое приказаніе», и т. д. Вотъ что слышатъ дѣти и дома, и въ школѣ на каждомъ шагу. И воспитатели или родители даже не подозрѣваютъ, какой вредъ приносятъ цѣлой странѣ, ея побѣдѣ надъ другими въ промышленной борьбѣ; они не подозрѣваютъ, какой вредъ приносятъ и самимъ дѣтямъ. Вѣдь, успѣхъ въ новомъ обществѣ — совсѣмъ иной успѣхъ чѣмъ въ старомъ, воинственномъ. Если тамъ выдвигался впередъ человѣкъ, наиболѣе способный подчинить свою личность цѣлому, наиболѣе способный обезличиться, сравняться съ окружающими, то въ новомъ обществѣ—наоборотъ.

Я предупреждаю, что этими предварительными разсужденіями я еще вовсе не установляю окончательно принциповъ моральнаго

воспитанія, необходимыхъ въ обществѣ современнаго типа. Нѣтъ такого общественнаго типа, въ которомъ не требовалась-бы *извѣстная* дисциплина, извѣстное подчиненіе, напр., закону или власти, или уставу общественнаго союза (промышленнаго, ученаго), или правиламъ и традиціямъ своей корпораціи, своего класса, своей среды. Наоборотъ. Объ этомъ будетъ дальше. Но въ томъ-то и трудность, крайняя трудность современнаго нравственнаго воспитанія, что жизнь усложнилась чрезвычайно, что слѣдовать въ ней одному прямолинейному принципу невозможно, что приходится примирять и рѣшать совершенно наново противорѣчія между разными принципами. И этого рѣшенія нельзя дѣлать по наглядкѣ, по чувству. Необходимо прибѣгать къ научнымъ критеріямъ. Но и они еще не вполнѣ установлены, еще ихъ приходится устанавливать, приводить въ систему. Хотя, какъ мы видѣли сейчасъ, если что-нибудь теперь и установлено больше всего, такъ это все-же научные критеріи. Едва мы беремся за нихъ, едва мы умѣло примѣняемъ ихъ къ вопросу, и передъ нами раскрываются неожиданные горизонты, новое освѣщеніе, т.-е. наибольшая возможность приблизиться къ правильному рѣшенію. Не нужно только и здѣсь быть одностороннимъ, впадать въ крайности. Наука сама не одностороння: она дастъ матеріалъ для множества рѣшеній, даже для рѣшеній pro и contra. Надо умѣть ихъ примирить, свести къ единству, къ синтезу. Односторонность лежитъ въ нашемъ умѣ, хватающемся за первый выводъ изъ науки, безъ сопоставленія его съ другими, столь-же возможными выводами. Сколько матерей и отцовъ я знаю, которые или мечутся между противоположными выводами изъ науки и восклицаютъ: «чему-же слѣдовать!» А не рѣшивъ, опускаютъ руки; или ведутъ дѣло по рутинѣ; или хватаются за односторонній взглядъ, отрицаютъ, напр., всякую дисциплину въ воспитаніи, создаютъ въ дѣтяхъ абсолютную распущенность мысли, чувствъ, поступковъ. Выходятъ какіе-то головорѣзы, отъ которыхъ никому житья нѣтъ— ни прислугѣ, ни самимъ родителямъ, ни ихъ гостямъ. Въ результатѣ вырабатываются настоящіе негодяи, sans foi et loi, мелкіе преступники въ области подлоговъ, самоуправствъ, хищеній. Даже для сознательнаго крупнаго преступленія они не годны, потому что и оно требуетъ извѣстной выдержки. Но они способны, однако, совершать самыя ужасныя преступленія, неожиданно для самихъ себя, *импульсивно*. Не пріученные сдерживаться, они способны, напр., при малѣйшей ссорѣ или противорѣчіи выстрѣлить въ человѣка, если подъ рукой окажется револьверъ или ружье; броситься на беззащитную дѣвушку или женщину съ самыми позорными цѣлями, если къ тому

представится случай и т. п. (Это было не разъ, напр., въ практикѣ врачей, о чемъ въ свое время писалось).

III.

Вообще, трудно себѣ представить хаосъ большій того, какой царитъ въ наше время въ моральномъ воспитаніи. И въ основѣ его лежитъ, съ одной стороны, отсутствіе системы моральныхъ идей вообще (о чемъ я уже говорилъ въ моей предыдущей статьѣ, въ «Русской Школѣ»), а съ другой—наша привычка хвататься за какой-нибудь односторонній принципъ, безъ опредѣленія его отношенія къ другимъ принципамъ. Въ прошедшей статьѣ я, напр., указывалъ на стремленіе нѣкоторыхъ родителей внушить дѣтямъ, во что-бы то ни стало, правило: «говори всегда правду», и рядомъ съ этимъ тѣ-же родители должны на каждомъ шагу внушать ребенку: «не говори, дѣточка, при гостяхъ того, что слышишь отъ насъ», или: «развѣ можно говорить постороннему то, что ты о немъ думаешь!» Какъ въ бѣдной, маленькой головкѣ ребенка примирятся эти противорѣчія? Слушая ваши требованія говорить всегда правду, онъ думалъ, что поступаетъ прекрасно, говоря гостю: «ахъ, дядя, зачѣмъ ты за столомъ чмокаешь губами? Мама сказала, что это—скверная привычка!» Вы должны твердить ему, что правду надо говорить только отцу и матери. Но и это — ложь; вы этимъ воспитываете въ немъ лгуна относительно всѣхъ, кто не отецъ и не мать. А между тѣмъ нужно только подумать хорошенько, отыскать тотъ высшій моральный принципъ, который опредѣляетъ и самое правило говорить истину, и вы-бы не впали въ противорѣчіе. Но вы объ этомъ никогда не думали, никогда, напр., не слышали не только объ этикѣ Аристотеля, но и не о какой этикѣ. А даже у Аристотеля вы нашли-бы, въ изслѣдованіи о добродѣтеляхъ, указаніе, что добродѣтель—понятіе относительное, что за извѣстнымъ предѣломъ она можетъ переходить въ порокъ: доброта и щедрость становятся расточительностью, храбрость — безразсудной погоней за опасностями, бережливость — скупостью, искренность и правдивость—дерзостью и нахальствомъ. Какъ указать ребенку границы, за которыми добродѣтель становится порокомъ, если этой границы нельзя опредѣлить, не имѣя опять-таки высшаго критерія? А между тѣмъ, если-бы такой высшій критерій и былъ найденъ, то нельзя-же думать, что ребенка можно сдѣлать философомъ, можно *убѣдить* его въ правильности критерія или даже сообщить ему понятіе о немъ!

И это не все. Если-бы даже мы съумѣли все это объяснить ребенку, то развѣ моральные поступки управляются одной мыслью?

Мораль, какъ теорія, не одно и то-же, что мораль, какъ жизненное явленіе, какъ постоянный регуляторъ нашего поведенія. Я только что говорилъ противъ невозможности руководиться въ опредѣленіяхъ морали и моральныхъ принциповъ или правилъ однимъ чувствомъ. Но я не желалъ-бы, чтобы моя мысль была понята въ томъ смыслѣ, что мораль можетъ обойтись безъ чувствъ, безъ инстинктовъ, безъ привычекъ. Въ той-же вышеупомянутой статьѣ моей, въ «Вопросахъ философіи и психологіи», я доказываю, что ошибаются тѣ теоретики, которые полагаютъ, что мораль можетъ быть замѣнена простыми соображеніями по поводу значенія каждаго отдѣльнаго поступка, или простыми дедукціями изъ установленныхъ правилъ. Это—ошибка. И ее отлично понималъ одинъ изъ основателей наиболѣе разсудочной морали, «утилитаріанизма», Джонъ Стюартъ Милль. Онъ, какъ извѣстно, слѣдуя ученію Бентама, ставилъ въ основу морали принципъ «пользы», но не эгоистической, личной пользы, а «наибольшей пользы наибольшаго числа людей». Однако онъ не думалъ, что достаточно людямъ объяснить, что личная польза связана неразрывно съ общей, чтобы они стали поступать по этому принципу. Наоборотъ, онъ прямо говоритъ, что мораль «пользы большинства» будетъ воплощена въ жизнь лишь посредствомъ *воспитанія*, когда (слѣдовательно) она станетъ *чувствомъ*, привычкой людей.

То-же можно и слѣдуетъ сказать не только о разсудочной морали, но и о морали долга (напр., кантовской) или о морали, ставящей во главу всего предписаніе *чувства* («*люби* ближняго твоего, какъ самого себя»). Можно быть глубоко убѣжденнымъ въ великомъ значеніи долга и не исполнять его, увлекаясь побужденіями даннаго момента, влеченія, чувства. Можно глубоко вѣрить въ законъ любви и даже обосновать его научно, и въ то-же время по привычкамъ, по воспитанію постоянно отклоняться отъ закона любви, т.-е. поступать вопреки ей. А наши воспитатели, между тѣмъ, полагаютъ, что, если человѣка заставить *повѣрить* или *убѣдиться* въ извѣстныхъ требованіяхъ морали, то онъ уже станетъ моральнымъ. Вслѣдствіе этого предразсудка и родители, и воспитатели цѣлые дни, мѣсяцы, годы втолковываютъ дѣтямъ моральныя правила, моральныя истины, моральныя теоріи, и ничего изъ этого не выходитъ, потому что *мораль необходимо ввести въ плоть и кровь ребенка, сдѣлать его чувствомъ, его инстинктомъ, волей, привычкой*, и тогда мораль будетъ его руководителемъ. Гюйо,—одинъ изъ геніальнѣйшихъ поэтовъ-философовъ Франціи *),—говоритъ: «Какъ научить ребенка

*) Гюйо уже 20-ти лѣтъ былъ профессоромъ философіи въ лицеѣ Кондорсе, а 19-ти лѣтъ получилъ премію академіи наукъ *по конкурсу* за сочиненіе «объ утилитаріанской морали съ Эпикура и до современной англійской школы». Онъ умеръ 33 лѣтъ отъ роду, восемь лѣтъ тому назадъ.

любить? Не тѣмъ-ли, чтобы онъ *видѣлъ* любовь? Да, только этимъ. Могутъ сказать, что у дѣтей любовь естественна и врожденна, а не есть результатъ воспитанія. Но первыя движенія ребенка не выражаютъ почти ничего, кромѣ его «*я*», кромѣ чувствъ и страстей этого «*я*». Таковы всѣ крики печали или радости, а позднѣе,—съ развитіемъ чувства личности,—и крики гнѣва или досады. Но, видя вокругъ себя проявленія въ самыхъ очевидныхъ знакахъ самой сильной любви, *чувствуя* себя любимымъ и вѣря въ эту любовь окружающихъ, ребенокъ начинаетъ въ концѣ концовъ какъ-бы *желать заслужить* эту любовь: онъ старается бормотать отвѣты на ласковые призывы. Ребенокъ смѣется, когда видитъ, что ему смѣются. Какъ много нужно времени, чтобы онъ проявилъ это первое проявленіе любви! Думаютъ, что это естественно, непроизвольно. А кто знаетъ, сколько накопленныхъ усилій, упорства, воли потребовалось ему для того, чтобы проявить наружу это чудо—смѣхъ, этотъ первый предвѣстникъ безкорыстія».

Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ: «содѣйствовать расширенію этого дѣтскаго «*я*» на другихъ—вотъ истинная и главная цѣль моральнаго воспитанія».

Но какъ-же этому содѣйствовать? И почему развитіе въ ребенкѣ *любви* есть главная цѣль моральнаго воспитанія?

Изъ предъидущаго читатель могъ понять, что я никоимъ образомъ не отрицаю значенія *чувства* въ морали и воспитаніи. Чувство, инстинктъ, привычки имѣютъ въ морали первенствующее значеніе, но *надо знать, какія чувства необходимы, полезны для блага личности и общества въ нашу эпоху*, и какія отжили свое время. А это-то и можетъ сказать намъ наука и, между прочимъ, сказала эволюціонная этика и соціологія. Иными словами критическое отношеніе къ различнаго вида чувствамъ необходимо прежде всего воспитателю, а слѣдовательно и *теоріи воспитанія*, наукѣ о воспитаніи. А въ ребенкѣ уже приходится развивать одни чувства и ослаблять другія не въ видѣ теоріи, а въ видѣ привычекъ и инстинктовъ, въ видѣ настоящихъ *чувствъ* и преобладающихъ настроеній. «Инстинктивныя чувства и побужденія въ области морали,—говорю я въ вышеупомянутой статьѣ моей (стр. 565),—необходимы, какъ необходимы и готовые, заранѣе выработанные принципы (и механизмы въ мозгу и нервной системѣ, добавлю я теперь для педагоговъ). Вѣдь, только при ихъ помощи и благодаря имъ, *дѣйствіе* можетъ совершиться *моментально*, а не потонуть въ лабиринтѣ гамлетовскихъ рефлексій».

Поясню еще больше: главное значеніе морали, какъ особой, самостоятельной силы, выработанной человѣчествомъ для своего блага, въ томъ и состоитъ, что *она можетъ замѣнить мысль*, *разсудокъ*,

разумъ въ тѣхъ случаяхъ, когда думать *нѣтъ времени*, *когда поступить правильно слѣдуетъ моментально*. Конечно, не въ одномъ этомъ заключается значеніе морали: оно еще и въ томъ, что разъ мы ввели въ свои чувства, въ свои привычки—величайшія истины общечеловѣческаго опыта (жизни и науки), мы уже невольно этимъ чувствомъ, этимъ инстинктомъ, этимъ голосомъ *совѣсти* контролируемъ и болѣе широкія выкладки нашего ума, совершаемыя не въ одинъ моментъ: умъ обладаетъ нѣкоторой способностью поступать въ угоду чувствамъ, настроеніямъ, желаніямъ, страсти. И вотъ, часто онъ можетъ насъ обманывать, можетъ временное, сильное желаніе или страсть оправдать въ нашихъ глазахъ. Но тутъ-то и выплываетъ со дна сознанія (въ видѣ совѣсти, въ видѣ особаго, моральнаго чувства или голоса *долга*) то, что привито къ намъ, что внѣдрено въ насъ наслѣдственностью и развито правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ. Для этой цѣли, однако, нравственное воспитаніе должно (снова и снова скажу) строго разбирать, какія изъ наслѣдственныхъ чувствъ развивать въ насъ и какія подавлять. Вѣдь, естественно, что въ голосѣ совѣсти могутъ всплывать и такія чувства, которыя задержатъ мысль добрую, высокую. Поясню примѣромъ. Вы обсуждаете вопросъ о дуэли и готовы придти къ заключенію, что она—зло и должна быть устранена изъ общежитія. Но вотъ вы чувствуете, что изъ глубины вашей совѣсти возникаетъ протестъ; вамъ *чувствуется*, что безъ дуэли что-то останется неудовлетвореннымъ, не смытымъ, не уравновѣшеннымъ. И вы рѣшаете вопросъ въ пользу дуэли. Но что-жъ это выплыло? А ни болѣе, ни менѣе, какъ древнее чувство мести «тальона», чувство «срама» и стыда за обиду, не отмщенную обидчику, не «омытую кровью», etc.

Итакъ, необходимость научныхъ теорій нисколько не исключаетъ необходимости развитія моральныхъ чувствъ, инстинктовъ и привычекъ. Одно идетъ рядомъ съ другимъ. Если вы изучили теорію плаванія или игры на фортепіано, вы еще не станете плавать и не сдѣлаетесь артистомъ. Нужно еще выработать привычку, т.-е. нервные механизмы, управляющіе *безсознательно* движеніемъ пальцевъ или рукъ безъ всякаго участія мысли. Но отсюда очевидно, что искусство воспитанія состоитъ, во-1-хъ, въ *умѣньи* привить къ ребенку, внѣдрить въ его чувства, инстинкты и привычки,—тѣхъ моральныхъ началъ, которыя должны руководить жизнью человѣка данной эпохи въ его соціальной средѣ. Во-2-хъ, привить ихъ такъ, чтобы принципы болѣе основные лежали глубже, дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ принципы второстепенные и соподчиненные первымъ. (При выборѣ между двумя принципами часто также необходимо моментальное рѣшеніе, безъ колебаній и размышленій). Въ-3-хъ, такое

умѣнье должно быть связано у воспитателя неразрывно съ знаніемъ относительнаго значенія различныхъ моральныхъ принциповъ и соотвѣтствующихъ имъ чувствъ въ жизни обществъ данной эпохи. Въ-4-хъ, оно должно быть связано и съ точнымъ опредѣленіемъ *іерархической системы* этихъ *важныхъ* принциповъ, т.-е. яснымъ опредѣленіемъ ихъ взаимной зависимости другъ отъ друга, такъ какъ одинъ высшій принципъ можетъ включать нѣсколько низшихъ.

Попробуемъ теперь намѣтить вкратцѣ основныя схемы этихъ четырехъ требованій. Подробное развитіе ихъ требовало-бы, конечно, обширнаго трактата.

IV.

Начнемъ мы, однако, не съ первыхъ, а съ послѣднихъ требованій, такъ какъ умѣнье или искусство и требованія отъ него видоизмѣняются со свойствами самаго матеріала, подлежащаго дѣйствію искусства.

Начнемъ съ 4-го пункта, съ знанія относительнаго значенія различныхъ моральныхъ принциповъ и соотвѣтствующихъ имъ чувствъ въ жизни обществъ данной эпохи.

Мы уже видѣли, что въ эпохи воинственныя высшимъ требованіемъ, безъ котораго не могли сохраняться общества, было требованіе абсолютнаго подавленія личности, оригинальности, разсужденія,— требованіе абсолютной дисциплины и повиновенія. Мы видѣли затѣмъ, что наша эпоха, эпоха промышленной дѣятельности требуетъ свойствъ противоположныхъ, но, однако, не можетъ исключать и дисциплины, и повиновенія закону, уставу, договору, долгу, даже общественному мнѣнію. Гдѣ-же выходъ или примиреніе, или граница между этими требованіями дисциплины, подчиненія, долга и требованіями оригинальности, творчества, личной предпріимчивости etc.? Какъ развить способность дисциплины и подчиненія, не нарушая способности индивидуальной инціативы и даже развивая ее до наивозможно большихъ предѣловъ?

Задача эта въ высшей степени трудна, но ее нельзя считать неразрѣшимой.

Она требуетъ признанія воспитателемъ совершенно *новаго* понятія *дисциплины* и *подчиненія*. Прежнее понятіе составляло видоизмѣненіе военной дисциплины, т.-е. требовало безусловнаго, не разсуждающаго подчиненія командѣ, приказу, идущему извнѣ.

Въ промышленныхъ обществахъ въ основу *всѣхъ* отношеній ложится все больше и больше *договорное* начало: вступаете-ли вы на какую-нибудь службу, въ общество (союзъ), или, наоборотъ, сами принимаете кого-нибудь на службу къ себѣ,—вы прежде всего узнаете *условія*, на какихъ берете работу или даете ее. Въ установленіи

законовъ, вы, какъ гражданинъ, имѣете большее или меньшее участіе (даже въ государствахъ съ неограниченной властью), напр., законъ позволяетъ печати обсуждать существующія законоположенія, позволяетъ земствамъ и городскимъ органамъ самоуправленія ходатайствовать объ измѣненіи законовъ и изданіи новыхъ въ интересахъ мѣстныхъ пользъ и нуждъ; кромѣ того, сами земства и городскія управленія издаютъ обязательныя постановленія,—своего рода маленькіе законы; далѣе, въ качествѣ чиновника, судьи, администратора, оффиціальнаго педагога вы постоянно должны думать самостоятельно о наилучшемъ примѣненіи закона къ тому или другому частному случаю; часто при этомъ нужно выбирать между законами и правилами или ходатайствовать объ изданіи новыхъ.

Но разъ вы можете такъ или иначе воздѣйствовать на условія жизни, опредѣляемыя закономъ, и на самый законъ, ваше отношеніе къ каждому требованію *отъ васъ* является отчасти (конечно, въ большей или меньшей степени) договорнымъ, т.-е. такимъ, въ установленіи или принятіи котораго вы сами участвовали. Поясню примѣромъ: какое-нибудь земство установило налогъ. Вы имъ недовольны. Но земство состоитъ изъ лицъ выбранныхъ. Допустимъ, что вы лишены избирательнаго права, потому что не имѣете ценза. Но вы не лишены возможности дѣйствовать черезъ печать, вліять на мнѣнія земскихъ выборныхъ и самихъ избирателей. Однимъ словомъ, въ концѣ концовъ, вы, хотя-бы и въ самой минимальной степени, можете и даже должны считать и себя виновнымъ въ стѣснительномъ налогѣ: значитъ, вы были недостаточно дѣятельны, умѣлы и способны, чтобы вліять противъ его установленія. Конечно, чѣмъ больше ваше участіе въ дѣлахъ мѣстности, напр., если вы сами земецъ, или губернаторъ данной мѣстности, или министръ цѣлой страны, или даже одинъ изъ важныхъ чиновниковъ, подготовляющихъ проекты новыхъ законовъ или измѣненія старыхъ (а, вѣдь, моральное воспитаніе, о которомъ говорю я, пропускаетъ черезъ себя всѣхъ), тѣмъ больше должно быть ваше сознаніе, что любое общественное требованіе, обязательное для всѣхъ, отчасти имѣетъ и васъ своимъ виновникомъ—положительнымъ или отрицательнымъ. Стало быть, подчиняясь ему, вы подчиняетесь отчасти своему самоопредѣленію, а ваше нежеланіе подчиняться ему можетъ имѣть исходъ не въ томъ, что вы его не исполнили, а въ томъ, что вы будете употреблять всю свою энергію, умъ, знанія, волю, чтобы достигнуть его отмѣны, если оно вамъ кажется вреднымъ.

И вотъ, сообразно съ новымъ состояніемъ обществъ и ради ихъ процвѣтанія, новая дисциплина должна быть *дисциплиной*, опирающейся на *самоопредѣленіе*.

Отчасти это уже и сознано нашими педагогами: требуя чего-нибудь отъ своихъ воспитанниковъ, они имъ говорятъ: «вы читали правила; поступивъ къ намъ, вы, тѣмъ самымъ, ихъ *приняли*. Поступайте-же согласно съ ними или уходите, какъ нарушители условія, принятаго вами самими».

Это—прекрасно и вполнѣ соотвѣтствуетъ духу эпохи, но это—лишь половина того, что требуется эпохой. Воспитатели сдѣлали только первый шагъ, но они забыли, что современное государство *требуетъ* само отъ земцевъ, чиновниковъ, администраторовъ, избирателей, чтобы они были не только исполнителями, но также и инціаторами правилъ или законовъ. Слѣдовательно, чтобы они не только подчинялись тому, что является какъ status quo, но и постоянно усовершенствовали его, приспособляли къ новымъ условіямъ, *работали*, т.-е. не относились пассивно: бездѣйствіе чиновника даже по закону считается преступленіемъ. Но, какъ мы видѣли, его дѣйствія распадаются (какъ и дѣйствія земца или горожанина) не только на исполненіе, но и на опредѣленіе того, что исполняется.

Итакъ, нужно выполнять и эту вторую часть дисциплины. И это тоже—своего рода *повиновеніе*, потому что такого рода дѣятельность *требуется* закономъ, государствомъ. Объ этомъ-то и забываютъ воспитатели, забываютъ, что они должны воспитывать будущихъ дѣятелей общества, избирателей, земцевъ, думцевъ, *сознательныхъ* чиновниковъ, министровъ etc.

Только въ немногихъ школахъ у насъ дѣлались попытки самоуправленія, какъ средства, воспитывающаго чувство законности. Напр., извѣстный дѣятель Неплюевъ завелъ самоуправленіе, по образцу крестьянскаго, въ своихъ деревенскихъ школахъ: у него есть и сходъ, и старшины, и судьи, такъ что дѣти съ самаго ранняго возраста *пріучаются* не быть пѣшками на сходѣ, или лицепріятными судьями (волостного суда), которыхъ можно купить за ведро водки. А развѣ всѣ эти качества не слѣдуетъ развивать въ ученикахъ всякихъ другихъ школъ? Развѣ всѣ эти дѣти не будутъ современемъ такъ или иначе исполнять какія-либо обязанности, если не земцевъ и управителей городовъ, то нанимателей или нанимаемыхъ, т.-е. лицъ, самоопредѣляющихъ себя своими договорами.

Итакъ, резюмирая эту первую мою мысль, я скажу: ребенокъ долженъ пріучаться къ дисциплинѣ, къ повиновенію, но къ повиновенію тому, въ опредѣленіи чего онъ самъ долженъ непремѣнно участвовать.

Во-2-хъ, самое участіе его въ этихъ опредѣленіяхъ должно также ставиться на первый планъ, развиваться, поощряться, ради выработки въ немъ духа общественности, общественной инціативы и энергіи, стойкости въ достиженіи общественныхъ своихъ стремленій или цѣлей.

Если мы всмотримся въ нашу русскую жизнь, то увидимъ, что этихъ-то свойствъ и недостаетъ русскому человѣку, сравнительно съ иностранцами, и школа могла-бы тутъ быть могучимъ и быстрымъ воспитательнымъ средствомъ.

Далѣе уже читателю легко будетъ понять, какъ возможно примирить дисциплину съ оригинальностью, творчествомъ, предпріимчивостью вообще. Для этого *слѣдуетъ сдѣлать правиломъ самой дисциплины, ея собственнымъ требованіемъ оригинальныя работы, предпріимчивость, творчество.* Требуйте этого сами, а не подавляйте. Пусть каждый можетъ заявить то, что онъ придумалъ *самъ*; не смѣйтесь, если это — нелѣпо, наивно, и только укажите нелѣпость и наивность, укажите причины нелѣпости и наивности, но не карайте за нихъ. Этимъ вы не только разовьете иниціативу, творчество, но и заранѣе направите ихъ на разумный, основательный, цѣлесообразный путь. А это тоже важно: мечтателей, открывающихъ «вѣчное движеніе» и изобрѣтающихъ глупости потому и не мало, что имъ никто никогда не указывалъ разумныхъ путей для новизны или изобрѣтательности. Ихъ стремленія въ этомъ смыслѣ подавлялись, вышучивались, наказывались, запрещались, но не регулировались. Оберните отношеніе къ нимъ наизнанку, и вы получите поразительные результаты для цѣлой страны

Но развитіе этихъ основныхъ свойствъ личности само уже намѣчаетъ и тѣ моральные регуляторы, которые должны направлять какъ эту дѣятельность, такъ и все остальное поведеніе человѣка не къ одной личной цѣли, но и ко благу общества. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, изобрѣтательность, развитая *сама въ себѣ,* безъ ея регулированія высшими принципами, можетъ дать изобрѣтателей не только въ области техники, но и въ области подлоговъ или мошенничества. Однако эти послѣдніе являлись въ достаточномъ числѣ и безъ воспитанія изобрѣтательной способности и именно потому, конечно, что она до сихъ поръ не воспитывалась школой,—элементомъ общественнымъ, способнымъ дать ей и общественное (т.-е. благое для общества и государства) направленіе.

V.

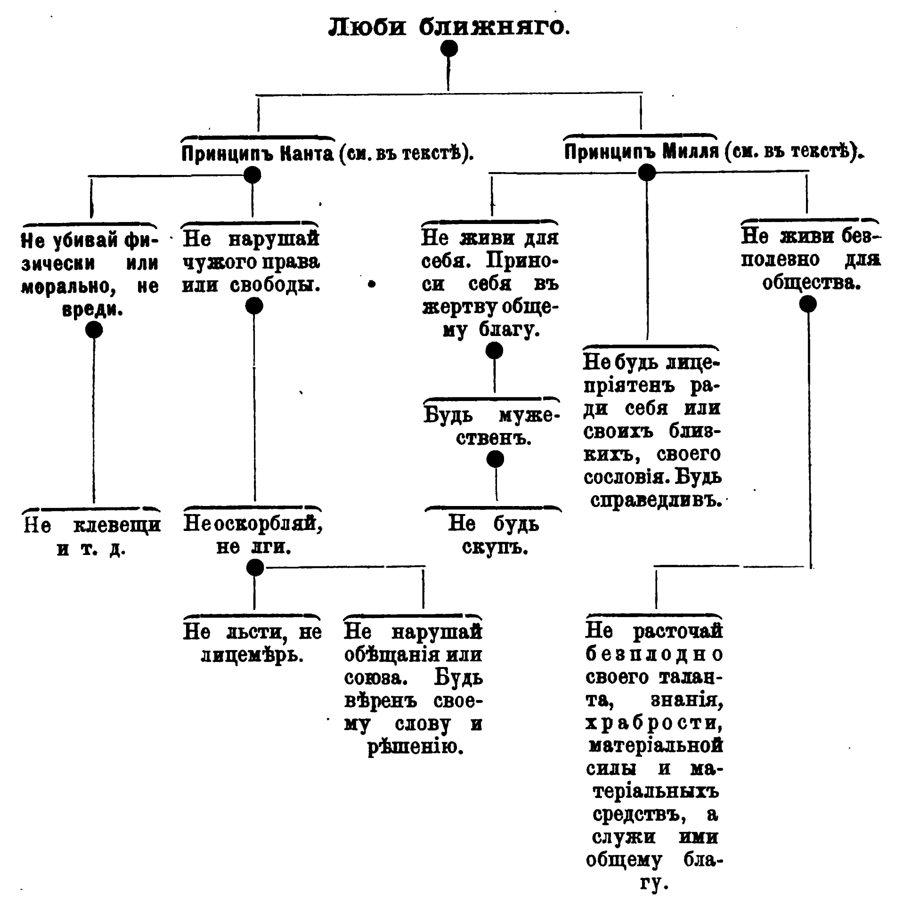
Какіе-же высшіе, регулирующіе принципы могутъ направить всю дѣятельность человѣка на общее благо? Таковъ, конечно, прежде всего принципъ «любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ». Онъ особенно удобенъ потому, что въ дѣтствѣ, когда трудно обосновать для ребенка какіе-бы то ни было принципы на доводахъ раціональныхъ или научныхъ, этотъ принципъ можетъ быть поставленъ на почву религіознаго чувства, какъ величайшая изъ заповѣдей Христа.

Принципъ утилитаріанистовъ—«наибольшее благо наибольшаго числа людей» есть не болѣе, какъ иносказательное выраженіе того-же принципа любви, только поставленное болѣе конкретно и опирающееся на разумныя доказательства *). Поэтому, онъ болѣе пригоденъ въ воспитаніи юношей, т.-е. въ сравнительно болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда доступны раціональныя доказательства и даже необходимы: въ этомъ возрастѣ уже развивается критицизмъ, требующій раціональаго обоснованія своихъ вѣрованій, чувствъ и идей, принятыхъ на вѣру.

Принципъ этики Канта («поступай такъ, чтобы мотивъ твоего поступка ты могъ пожелать сдѣлать всеобщимъ закономъ») есть отвлеченное и формальное выраженіе того-же принципа любви. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы желать осуществленія моего мотива, какъ всеобщаго закона, я долженъ сперва подумать, могу-ли я желать его и *для себя*, и для самыхъ близкихъ мнѣ людей. Значитъ, я косвеннымъ путемъ провѣряю: не дѣлаю-ли я для другихъ чего-нибудь такого, чего не пожелалъ-бы для себя. А это, очевидно, только инословное выраженіе требованія любить ближняго, какъ самого себя. Формула Канта очень полезна въ тѣхъ случаяхъ, когда мы колеблемся, не зная, удовлетворяетъ-ли наше предполагаемое дѣйствіе нравственнымъ требованіямъ и когда не можемъ подыскать моральнаго требованія, которое-бы къ нему подходило. Однако, усвоеніе его полезнѣе въ болѣе зрѣломъ (юношескомъ) возрастѣ. Во всякомъ случаѣ, читатели видятъ, что этихъ трехъ принциповъ, во главѣ которыхъ стоитъ принципъ любви, вполнѣ достаточно для быстраго оріентированія въ каждомъ частномъ вопросѣ поведенія. Надо добавить къ этому, что каждый изъ указанныхъ принциповъ, если его поставить въ отрицательной формѣ, часто еще ближе и конкретнѣе указываетъ на частныя моральныя правила, соподчиненныя ему. Такъ, цѣлыя серіи отрицательныхъ требованій морали подводятся къ принципу *любви*. Изобразимъ это въ видѣ нѣкотораго подобія родословнаго дерева:

---

*) Въ вышеупомянутой статьѣ моей я даю слѣдующее ариѳметическое доказательство этого принципа: если въ обществѣ, состоящемъ изъ x членовъ, каждый дѣйствуетъ только *для себя*, то его сила равна *единицѣ*, а противъ него борятся X единицъ. Если, наоборотъ, каждый, забывая себя, работаетъ для другихъ, то, стало быть, и другіе, работая для каждаго, увеличиваютъ свою и его силу на всю сумму числа членовъ, т.-е. сила каждаго будетъ 1, умноженная на X, минусъ единица или просто X—1. Напр., если въ обществѣ 100 членовъ, то я и каждый, отказываясь отъ работы для себя въ пользу работы для другихъ, увеличитъ свою силу на 100—1, потому что въ моихъ интересахъ работаютъ всѣ 99 остальныхъ членовъ. Конечно, это доказательство тѣмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ большее число членовъ слѣдуетъ принципу утилитаріанизма и тѣмъ полнѣе проникнута имъ ихъ жизнь и дѣятельность.

и т. д., и т. д.

Эта маленькая схема приведена мною только какъ наглядный образецъ при выполненіи того пріема, который я назвалъ «іерархіей нравственныхъ началъ». По этому образцу каждый можетъ составить для себя (ради удобнѣйшаго руководства дѣтьми) іерархическую таблицу всѣхъ нужнѣйшихъ правилъ и принциповъ морали, распространенныхъ въ обществѣ. Поясню лишь нѣкоторые ея пункты. Напр., правила: «не лги, не лицемѣрь, не льсти»—связаны у меня съ болѣе общимъ правиломъ: «не нарушай чужого права или свободы», которое, въ свою очередь, вытекаетъ изъ правила Канта—поступать такъ, что бы я самъ могъ пожелать сдѣлать этотъ поступокъ всеобщимъ закономъ. Но какимъ образомъ изъ уваженія къ чужому праву и свободѣ вытекаетъ требованіе—не лгать, не льстить, не лицемѣрить? Очень просто: ложь, а стало быть и лесть и лицемѣріе заставляютъ меня сообщить умышленно другому то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Этимъ способомъ я заставляю другого поступить

не такъ, какъ онъ поступилъ бы, зная истину. Такимъ образомъ, увѣривъ его въ несуществующемъ, я заставляю его поступать по *моей* волѣ, а его волю, его свободу—устраняю, нарушаю, etc. Или, напр., не расточай безплодно тѣхъ свойствъ или богатствъ, которыя имѣешь, а употребляй ихъ на общее благо, прямо вытекаетъ изъ основного принципа утилитаріанизма, поставленнаго въ отрицательной формѣ, и т. д.

Не имѣя возможности подробнѣе разсмотрѣть эту часть задачи, перехожу къ 3-му пункту требованій отъ моральнаго воспитанія, а именно о необходимости для воспитателя—выяснить себѣ, какіе изъ моральныхъ требованій, правилъ или принциповъ соотвѣтствуютъ ближе нашей средѣ и какіе являются «переживаніемъ» старыхъ періодовъ,—переживаніями, иногда весьма вредными и опасными въ нашей средѣ.

Указать здѣсь *детально*, какіе принципы или правила должны быть отодвинуты назадъ, хотя они еще и обращаются въ современномъ обществѣ, заняло-бы черезчуръ много мѣста. Но каждый, кто попробуетъ составить тщательно и добросовѣстно іерархическую таблицу принциповъ (въ формѣ отрицательной и рядомъ—въ формѣ положительной), тотъ сейчасъ замѣтитъ, что, напр., принципъ «будь мужественъ», связанный у меня съ однимъ изъ требованій утилитаріанской морали (не живи для себя, приноси себя въ жертву общему интересу или благу), можетъ быть формулированъ и такъ: «будь храбръ», или отрицательно: «не бойся опасности». Разъ эти принципы уже поставлены въ связь съ болѣе общимъ, т.-е. съ служеніемъ большинству, то этимъ самымъ они до извѣстной степени уже лишены того вреда, который могли-бы влечь за собою, будя атавистическія стремленія къ безсильной и разрушительной отвагѣ былыхъ временъ. То-же можно сказать о принципѣ «не мсти», «не враждуй», поставленныхъ у меня въ іерархическую зависимость отъ принципа Канта. Я этимъ хочу сказать вотъ что: уже сама іерархическая система, если она построена на высшихъ принципахъ, выработанныхъ нашей болѣе гуманной эпохой, сама собою устраняетъ атавистическіе принципы (напр., мести, насилія, вражды). Однако эта общая система можетъ иногда столкнуться въ душѣ ребенка или юноши съ требованіями другой эпохи, привитыми въ семьѣ; это противорѣчіе будетъ иногда предложено на разрѣшеніе воспитателя юношей или ребенкомъ, напр., въ такой формѣ:

— А у насъ говорятъ дома, что каждое оскорбленіе необходимо смыть такимъ-же оскорбленіемъ и что не смыть его кровью безчестно.

Воспитатель можетъ сообщить воспитаннику происхожденіе самаго чувства мести и того принципа ея, который отжилъ свое время.

Вообще воспитателю необходимо, конечно, хорошо ознакомиться для этого съ эволюціонной этикой, съ эволюціонной психологіей (Герберта Спенсера) и т. п.

Послѣ этихъ общихъ указаній мы можемъ перейти къ самому искусству воспитанія или умѣнья.

VI.

Я намѣтилъ выше два требованія отъ искусства или умѣнья воспитателя въ области морали.

Первое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы воспитатель умѣлъ внѣдрить въ *чувства, инстинкты* и *привычки* воспитанника тѣ моральные принципы, которые впослѣдствіи должны руководить его жизнью въ соціальной средѣ данной эпохи.

Говоря о необходимости внѣдрить въ чувства, инстинкты и привычки, я никоимъ образомъ не устраняю этимъ необходимости внѣдрить моральныя начала и въ *умъ* или *мысль* воспитанника. Я хотѣлъ только подчеркнуть безплодность того воспитанія, которое ограничивается однимъ вдалбливаніемъ моральныхъ правилъ, сопровождаясь выговорами, бранью, наказаніями за ихъ нарушеніе. Уже одно то, что во главѣ моральныхъ принциповъ, какъ самый первый и руководящій принципъ (sine qua non) лежитъ требованіе любви, показываетъ намъ, что недостаточно только внушать этотъ принципъ, а необходимо научить любить, возбудить любовь. Бранью, угрозами, наказаніями, насмѣшками ея не только не возбудишь, но убьешь, т.-е. вызовешь противоположныя чувствованія, эмоціи и афекты. Но такъ какъ и остальные принципы вытекаютъ изъ требованія любви, будучи болѣе или менѣе связаны съ нею, то цѣлесообразнѣе и ихъ развивать такъ, чтобы они естественно вытекали изъ любви, которую мы разовьемъ въ душѣ ребенка. Только этимъ путемъ можно поставить каждый моральный принципъ на почву *чувства* и *инстинкта*. Угрозы, наказанія, насмѣшки могутъ въ лучшемъ случаѣ поставить эти принципы на почву *привычки*, созданной, такъ сказать, насильственно. Но такая привычка, не соединенная съ внутреннимъ стимуломъ,—основаніе не прочное: она всегда можетъ, подъ вліяніемъ иныхъ условій, исчезнуть или замѣниться другой. Но она-же является могучимъ подспорьемъ нравственнаго поведенія, если сливается съ внутреннимъ чувствомъ.

Но какъ-же вызвать и развить любовь? И можно-ли сдѣлать такъ, чтобы ребенокъ или юноша понялъ *чувствомъ*, а не однимъ разсудкомъ—связь остальныхъ принциповъ съ любовью.

Прежде всего: что такое любовь къ ближнему, какъ *чувство?* Нашъ простой народъ предупредилъ многихъ ученыхъ и филосо-

фовъ, отожествивъ любовь съ *жалостью*. Любить значитъ *жалѣть*, т.-е. сострадать и сорадоваться (Шопенгауэръ). Но что такое психологически эта жалость, это страданіе или сочувствіе, или, еще иначе, симпатія? Это—способность, свойственная не только человѣку, но и многимъ животнымъ (Ромэнсъ нашелъ ее даже у слизняковъ-улитокъ), видя чужое страданіе или радость, проникаться ими, чувствовать ихъ. Въ этомъ свойствѣ и заключается сущность любви, если ее анализировать психологически.

Въ моей статьѣ, упомянутой выше, я дѣлаю подробный анализъ этого чувства, указывая его существенное отличіе отъ другого подобнаго-же, носящаго у эволюціонистовъ названіе «альтрюизма» (т.-е. инстинктивной, коренящейся въ устройствѣ нервно-мозговыхъ механизмовъ, дѣятельности для другихъ).

Различіе здѣсь въ томъ, что альтрюизмъ, возникшій эволюціоннымъ путемъ изъ опыта прошлыхъ условій жизни (напр., воинственной), можетъ не быть полезнымъ въ *иныхъ* условіяхъ жизни. Но, кромѣ этого альтрюизма, есть чувство непосредственной *симпатіи*, зависящее отъ одинаковаго нервно-мозговаго устройства. Видя существо, устроенное одинаково съ нами, мы предполагаемъ, что оно и *чувствуетъ* одинаково съ нами, если поставлено въ сходныя условія. Отсюда, достаточно видѣть другое существо въ данномъ положеніи (напр., вызывающимъ физическую боль, страхъ, печаль), чтобы тотчасъ-же почувствовать аналогичное душевное состояніе. Здѣсь,— говоря словами Ромэнса, — живое существо *эпективируетъ* (переноситъ въ другой субъектъ) свои душевныя состоянія, являвшіяся при подобныхъ-же условіяхъ, а потому чувствуетъ съ нимъ одинаково,— *сочувствуетъ*.

Не излагая подробностей, упомяну только результаты: жалость или симпатія у насъ тѣмъ сильнѣе выражены относительно какого-нибудь существа, чѣмъ его внѣшніе признаки больше убѣждаютъ насъ въ его психическомъ тожествѣ съ нами (таково-же мнѣніе и итальянскаго психо-физіолога Ферреро). Такъ, мы больше сочувствуемъ людямъ знакомымъ и близкимъ, людямъ своей расы и племени, своего сословія, чѣмъ лицамъ неизвѣстнымъ или иного племени. Но едва мы узнаемъ, благодаря сближенію или литературѣ, душевныя чувства чуждаго племени или расы, у насъ усиливается и способность сочувствовать имъ. Такъ, романъ Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома» вызвалъ могучее сочувствіе американцевъ къ неграмъ; у насъ, въ Россіи, сочиненія Григоровича, Некрасова, Тургенева («Записки охотника») вызвали энтузіазмъ относительно «народа», который ранѣе считался чѣмъ-то близкимъ къ животному: его можно было не только сѣчь, но и продавать, etc. Это отношеніе

исчезло, когда въ сознаніи общества выяснилось психическое тожество народа и другихъ общественныхъ слоевъ. Изъ окружающихъ людей мы любимъ всегда сильнѣе тѣхъ, чей внутренній міръ считаемъ ближе похожимъ на нашъ собственный, и т. д.

Отсюда я вывожу, что воспитаніе чувства любви къ людямъ (какъ это и было въ исторіи) имѣетъ, между прочимъ, два фактора: 1) уясненіе тожества психики у насъ и у другихъ людей и 2) развитіе эмоціональнаго воображенія, т.-е. способности *воображать* чужое душевное состояніе.

Если оба эти фактора достаточно развиты въ человѣкѣ, въ немъ уже имѣется важная почва для развитія жалости, симпатіи.

Посмотримъ, какъ, напр., любой изъ принциповъ, указанныхъ въ моей примѣрной іерархической таблицѣ, можетъ быть проведенъ въ *чувство* при посредствѣ этой теоріи.

Возьмемъ умышленно самый отдаленный: «будь мужественъ» или «не лги». Если мужество нужно для защиты кого-нибудь, то весьма легко указать ребенку, а тѣмъ болѣе юношѣ, то страданіе, которое почувствуетъ существо, лишенное такой защиты. Это страданіе еще сильнѣе, если такое существо могло разсчитывать на мою защиту или даже простое содѣйствіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ выясняется *для чувства* и другая сторона принципа «не лги», т.-е. исполняй свое обѣщаніе, обязанность Я уже не буду говорить о тѣхъ принципахъ, которые прямо относятся къ избавленію другихъ отъ лишеній и страданій, или къ воздержанію себя самого отъ причиненія страданій (не мсти, не враждуй, не оскорбляй и т. д.).

Итакъ, постоянное упражненіе въ ребенкѣ этой способности—переносить чужое «я» въ свое, воображать какъ можно ярче чужое страданіе, это съ одной стороны, а съ другой—развитіе въ немъ способности видѣть добрыя стороны чужой души, даже такой, которая облечена во внѣшнюю оболочку, кажущуюся чуждой и враждебной,—вотъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ воспитать любовь и перенести на ея почву важнѣйшія моральныя требованія.

Но это не все: полезное дѣйствіе эмоціональнаго воображенія въ частныхъ случаяхъ явится лишь тогда, когда ребенокъ обладаетъ вообще способностью *любви*. До сихъ поръ я бралъ факты такъ, какъ будто-бы любовь врождена душѣ и достаточно только указать внутреннее состояніе другого, чтобы моя душа отвѣтила сходнымъ откликомъ. Но хотя я убѣжденъ въ томъ, что это чувство врожденное, однако различныя настроенія психики могутъ его не только парализировать, но и извращать совершенно. Такъ, эта-же самая способность воображать чужое страданіе приводитъ человѣка, настроеннаго злобно и враждебно, къ изобрѣтенію утонченныхъ мучительствъ.

Такъ, чужая радость въ человѣкѣ добромъ вызываетъ *сорадованіе*, а въ зломъ или настроенномъ враждебно—зависть, досаду, желаніе разрушить чужую радость.

И вотъ почему необходимо развивать въ дѣтяхъ общую основу любви и жалости, такъ-называемую *доброту*. А это возможно однимъ только путемъ, который указалъ Гюйо (см. выше). Ребенокъ долженъ *видѣть*, *чувствовать* любовь вокругъ себя; его душу необходимо *настроить любовно*, какъ мы настраиваемъ инструментъ, если хотимъ, чтобы онъ созвучно откликался на каждый аккордъ или ноту, взятыя на другомъ инструментѣ. Насмѣшки, брань, угрозы, несправедливое наказаніе или вообще такое наказаніе, справедливости котораго ребенокъ понять не въ силахъ, возбуждаютъ въ немъ злобу, негодованіе, досаду, разрушая любовь. Чтобы возбудить любовь въ ребенкѣ, воспитатель долженъ любить самъ, любить и ребенка, и людей, онъ долженъ умѣть отыскивать оправданія для тѣхъ частныхъ случаевъ, когда въ другихъ проявилось зло. Однако эти оправданія должны дѣлаться не въ смыслѣ примиренія или безнравственнаго «непротивленія» злу, а совсѣмъ въ иномъ: воспитатель долженъ, по возможности, уяснить ребенку, что, напр., обида, нанесенная ему кѣмъ-нибудь, зависѣла отъ сложныхъ причинъ, испортившихъ душу обидчика, сдѣлавшихъ ее способной причинять зло; ребенокъ долженъ сознать, что, въ сущности, и въ этой душѣ есть добрые элементы, которые стоитъ любить, за которые стоитъ простить, такъ какъ ихъ можно развить, усилить, и они могутъ перебороть злые элементы *). При такомъ умиротворяющемъ вліяніи воспитателя, негодованіе ребенка за обиду направится не на душу или личность обидѣвшаго, а на тѣ причины или условія, которыя произвели данный порокъ или дефектъ въ душѣ обидчика. А это уже весьма важно. Ненависть къ «злу» не должна быть подавляема. Но должно быть устраняемо враждебное отношеніе къ *личности*, которая чаще всего дѣйствительно не виновата сама по себѣ въ томъ, что явилась носителемъ зла. Виновато дурное воспитаніе, ложныя понятія среды, ненормальныя общественныя отношенія и т. д.

Обращать вниманіе на эти стороны зла полезно не только для того, чтобы въ душѣ ребенка не назрѣвала вражда къ его товарищамъ или вообще къ «личностямъ», но и для того, что этимъ уже подготовляется въ немъ будущій гражданинъ, членъ общества, не равнодушный къ злу и несовершенствамъ, а дѣятельно борящійся съ ними (см. выше).

*) Отсюда очевидно, какъ нелѣпо поступаютъ воспитатели, наказывая на глазахъ ребенка его обидчика, вмѣсто того, чтобы добиться *искренняго* примиренія. Часто няньки идутъ еще дальше: они бьютъ предметъ, о который ушибся ребенокъ.

VII.

Предъидущее изложеніе, я полагаю, достаточно намѣтило въ общихъ чертахъ способъ воздѣйствія на душу ребенка для развитія въ немъ моральныхъ *чувствъ*.

Остается сказать два слова о развитіи моральныхъ привычекъ.

Оно не въ томъ одномъ, что ребенокъ, путемъ упражненія, научится всегда выполнять извѣстный принципъ или правило поведенія. Гораздо важнѣе то, чтобы онъ образовалъ въ себѣ привычку—постоянно стремиться поступать нравственно, т.-е. не безотчетно, не импульсивно, а справляясь съ требованіями моральнаго чувства и моральныхъ принциповъ.

Въ этомъ отношеніи весьма важна своего рода психическая гимнастика, которая служила-бы для выработки такъ называемыхъ «задерживающихъ центровъ» въ головномъ мозгу.

У насъ въ школахъ въ ходу умственная гимнастика, но моральная почти неизвѣстна. Между тѣмъ въ воспитаніи *воли* вообще она должна быть могучимъ средствомъ. Безъ развитой воли, безъ способности подавлять мимолетные импульсы ради высшихъ стремленій, идей и рѣшеній, невозможно солидное моральное воспитаніе. Но развитіе воли есть, въ сущности, развитіе способности задерживать *импульсы*, т.-е. въ концѣ концовъ развитіе задерживающихъ центровъ. Это—не только мое личное мнѣніе, но и взглядъ одного изъ выдающихся психіатровъ Англіи, который высказалъ слѣдующую мысль: быть можетъ, эпоха аскетизма въ средніе вѣка имѣла тотъ смыслъ, что выработала въ европейцахъ задерживающіе рефлексы. Древній человѣкъ, какъ и современные дикари, почти не обладаютъ этой способностью. Они импульсивны, какъ дѣти, которыя кричатъ, плачутъ и приходятъ въ неистовство отъ малѣйшей причины и столь-же быстро успокаиваются отъ дѣйствія другой.

Именно въ моральной-то гимнастикѣ и лежитъ лучшее средство не только обратить въ привычку извѣстныя моральныя соотношенія внѣшняго факта съ чувствомъ и дѣйствіемъ, но и дать большее развитіе однимъ соотношеніямъ сравнительно съ другими.

Но указаніе способовъ и пріемовъ моральной гимнастики требуетъ особаго очерка, къ которому я, быть можетъ, возвращусь современемъ.

Л. Оболенскій.

ШКОЛЬНЫЯ НОРМЫ.

Ко мнѣ обращаются лица, интересующіяся школьнымъ дѣломъ, съ просьбами выслать имъ выработанныя II-мъ съѣздомъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію нормы для начальныхъ школъ. Въ виду этого я, съ согласія предсѣдателя IX сессіи съѣзда, рѣшился напечатать нижеслѣдующія положенія съѣзда, съ тѣмъ, чтобы оттисками, полученными въ замѣнъ авторскаго гонорара, на который я не имѣю права, могли безплатно воспользоваться всѣ лица и учрежденія, желающія ознакомиться съ этою работою. Самую большую часть оттисковъ предположено передать Московскому Обществу грамотности для разсылки.

В. Вахтеровъ.

Положенія *) по установленію наименьшихъ требованій, которымъ должна удовлетворять начальная школа, какъ первая всеобщая ступень обученія.

Коммиссія въ своей работѣ исходила изъ двухъ основныхъ соображеній: 1) курсъ нашей начальной школы долженъ носить до нѣкоторой степени законченный характеръ, такъ какъ эта школа является въ настоящее время единственной; доступной для громаднаго большинства населенія, и такъ какъ для учениковъ ея, за немногими сравнительно исключеніями, вмѣстѣ съ окончаніемъ курса прекращается и всякое школьное обученіе; 2) общій характеръ школы находится въ прямой зависимости отъ бытовыхъ условій населенія, опредѣляющихъ возрастъ учениковъ, продолжительность обученія, составъ учащихъ, матеріальныя средства и внѣшнія условія, въ которыя поставлена школа.

Кромѣ того, въ своей работѣ коммиссія имѣла постоянно въ виду, что задачей ея является установленіе минимальныхъ требованій.

---

*) Положенія эти выработаны на съѣздѣ особою коммиссіею, состоявшею, подъ предсѣдательствомъ В. П. Вахтерова, изъ членовъ: Д. А. Глазова, И. И. Душечкина, М. Д. Ерисова, Ѳ. Ѳ. Ольденбурга, Н. А. Скворцова, Н. А. Феликсова, Н. В. Чехова, кн. Д. И. Шаховскаго и А. А. Штевенъ.

ниже которыхъ не должно спускаться общественное учрежденіе, организующее школы въ извѣстной мѣстности, какъ-бы ни было для него желательно путемъ удешевленія отдѣльной школы получить возможность организовать сразу большее число школъ, можетъ быть, даже достаточное для осуществленія всеобщаго обученія.

1. Начальная школа, какъ первая всеобщая ступень обученія, должна носить исключительно общеобразовательный характеръ.

2. Введеніе въ курсъ такой школы какихъ-нибудь спеціальныхъ профессіональныхъ предметовъ не даетъ ничего цѣннаго и прочнаго населенію въ области техническихъ знаній, а въ то-же время неминуемо отразится вредно на общихъ результатахъ работы школы.

3. Начальная школа, помимо воздѣйствія на нравственное развитіе учащихся, которое входитъ въ ея задачи, какъ и въ задачи всякой другой общеобразовательной школы, должна прежде всего достигнуть двухъ цѣлей: а) сообщивъ ученикамъ навыки сознательной грамотности, подготовить къ самостоятельному чтенію книгъ религіозно-нравственныхъ, художественно-литературныхъ, простѣйшихъ популярно-научныхъ, а также и книгъ практическаго содержанія; б) настолько пробудить нравственные и умственные интересы и запросы дѣтей, чтобы у оканчивающихъ курсъ школы учениковъ имѣлось опредѣленное стремленіе не давать заглохнуть полученнымъ навыкамъ и зачаткамъ развитія.

4. Продолжительность обученія даже для школъ, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятныя условія, должна быть не менѣе трехгодовой. Если лѣтній перерывъ занятій продолжается болѣе 5 мѣсяцевъ, если составъ учащихся неблагопріятенъ, по народности, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, курсъ школы долженъ быть продолженъ до 4 лѣтъ. Точно также въ школахъ, въ которыхъ количество учениковъ требуетъ двухъ учащихъ, необходимо замѣнить трехгодовой курсъ четырехгодовымъ, позволяющимъ вести дѣло обученія при болѣе нормальныхъ условіяхъ, какъ это и дѣлается уже теперь во многихъ мѣстностяхъ.

5. Число учениковъ, приходящихся на одного учащаго, не должно превышать при трехъ отдѣленіяхъ 50, при двухъ—70, измѣняясь въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

6. Обученіе въ школѣ должно быть безплатно; безплатно-же должны быть снабжаемы ученики всѣми необходимыми учебными книгами и принадлежностями.

7. При школѣ должна существовать библіотека съ количествомъ книгъ, необходимымъ, чтобы доставлять постоянное чтеніе учащимся во все продолженіе курса и подготовить ихъ къ болѣе серьезному чтенію по окончаніи курса.

8. Школы должны имѣть возможность снабжать оканчивающихъ въ нихъ курсъ книгами, необходимыми для ихъ дальнѣйшаго образованія.

9. Учащіе должны обладать законченнымъ среднимъ или спеціальнымъ образованіемъ; они должны быть настолько матеріально обезпечены, чтобы имѣть возможность отдавать всѣ свои силы и время работѣ въ школѣ; имъ должна быть предоставлена возможность поддерживать и развивать полученное ими образованіе.

10. Школьныя помѣщенія должны удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ, о которыхъ сказано ниже въ отдѣлѣ о стоимости училищъ.

Объ опредѣленіи числа училищъ, необходимаго для достиженія всеобщаго обученія.

Для опредѣленія необходимаго числа училищъ слѣдуетъ прежде всего установить, какое число дѣтей подлежитъ обученію при данномъ народонаселеніи. Искомое число это зависитъ прямо отъ того или другого пониманія всеобщаго обученія и отъ данныхъ статистики народонаселенія. Если принять за исходную точку дѣйствительно всеобщее обученіе, то-есть, предположить, что въ школахъ будутъ обучаться всѣ мальчики и всѣ дѣвочки; если дѣйствительно продолжительность обученія каждаго ребенка или среднюю продолжительность обученія всѣхъ дѣтей принять равной 3-мъ учебнымъ годамъ; если принять, что возрастъ обучающихся въ школахъ въ общемъ останется тотъ-же, какъ и въ настоящее время, то для опредѣленія числа дѣтей, подлежащихъ обученію, надо узнать, сколько будетъ въ среднемъ дѣтей 9-ти, 10-ти и 11-ти-лѣтняго возраста на извѣстное число жителей. Данныя демографіи показываютъ, что у насъ дѣтей этого возраста приходится въ среднемъ 67 на 1.000 жителей. Число это, разумѣется, колеблется по годамъ для всей страны, по отдѣльнымъ губерніямъ измѣняется не только для даннаго года, но и въ среднемъ за рядъ лѣтъ, приблизительно, въ предѣлахъ отъ 60 до 80. Въ болѣе-же мелкихъ единицахъ колебанія за отдѣльные годы, разумѣется, еще гораздо значительнѣе, но въ среднемъ за болѣе продолжительный періодъ времени и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ число дѣтей означеннаго возраста приближается къ этимъ-же нормамъ и ихъ слѣдуетъ принимать за основаніе при разсчетахъ числа учащихся. Всѣ данныя говорятъ однако за то, что, при отсутствіи закона объ обязательномъ обученіи, сдѣланный на этомъ основаніи разсчетъ вѣроятнаго числа учащихся будетъ не выше дѣйствительнаго только по отношенію къ мальчикамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе стремится къ болѣе продол-

жительному обученію, даже ниже его. По отношенію къ дѣвочкамъ число желающихъ обучаться въ настоящее время далеко еще ниже числа, которое-бы получилось путемъ указаннаго вычисленія, и еще долго съ этимъ числомъ не сравняется. Правда, отнюдь нельзя думать, что теперешнее число учащихся дѣвочекъ выражаетъ собою дѣйствительное число желающихъ учиться; еще менѣе можно разсчитывать, что хотя-бы въ ближайшемъ будущемъ число учащихся въ настоящее время дѣвочекъ останется безъ значительныхъ измѣненій. Вѣскія данныя разнаго рода позволяютъ надѣяться, что число желающихъ учиться дѣвочекъ будетъ расти еще быстрѣе числа учащихся мальчиковъ, такъ что всѣ разсчеты даже о ближайшемъ будущемъ, основанные только на статистическихъ данныхъ настоящаго времени, могутъ оказаться совершенно неправильными. Но при всемъ томъ, даже предполагая, что обученіе дѣвочекъ въ мѣстностяхъ, гдѣ школа будетъ имъ доступна по разстоянію и вмѣстимости, станетъ всеобщимъ, число обучающихся дѣвочекъ все-же будетъ ниже вычисленнаго нами, такъ какъ едва-ли скоро сравняется съ продолжительностью обученія мальчиковъ продолжительность обученія дѣвочекъ, такъ что въ школахъ одновременно будетъ не три годовыхъ возраста дѣвочекъ, а $1^1/_2$, 2 или $2^1/_2$, такъ что на 1.000 лицъ женскаго пола число учащихся будетъ не 67, а еще долго — 20, 30 и, въ лучшемъ случаѣ, 50 дѣвочекъ. Зная число подлежащихъ обученію дѣтей данной мѣстности, казалось-бы легко опредѣлить и необходимое число учащихъ: стоитъ только принять то или другое количество учениковъ на одну школу. Говоря теоретически, наиболѣе удобной и дешево стоющей была-бы школа съ такимъ числомъ учениковъ, при которомъ каждому учителю можно было-бы заниматься съ однимъ отдѣленіемъ, напримѣръ: школа съ 4 отдѣленіями и 4 учителями и съ сотвѣтствующимъ этому количествомъ учениковъ. Вообще, если отбросить крайности, чѣмъ большее число учениковъ можно соединить въ одной школѣ, тѣмъ легче обставить дѣло удовлетворительно въ педагогическомъ отношеніи и тѣмъ дешевле, слѣдовательно, обойдется обученіе одного ученика. Но понятно, что число учениковъ на одно училище зависитъ вовсе не отъ этихъ или иныхъ предположеній устроителей школъ, а и отъ иныхъ условій, не зависимыхъ отъ воли устроителей. Школу могутъ посѣщать лишь тѣ дѣти, которымъ она доступна по разстоянію, и поэтому число учениковъ на одну школу зависитъ прежде всего отъ густоты народонаселенія, отъ того, какъ велико число дѣтей у населенія, живущаго въ районѣ, величина котораго допускаетъ посѣщеніе школы. Предѣльное разстояніе дѣтей отъ школы значительно колеблется въ зависимости отъ условій данной мѣстности, устрой-

ства путей сообщенія, отъ привычекъ населенія; почти вездѣ принимается, что посѣщеніе школы для дѣтей возможно на разстояніи до 3 верстъ. Необходимо оговориться, что тѣ самыя изслѣдованія, на основаніи которыхъ принимается это предѣльное разстояніе, все-же доказываютъ, что уже и на разстояніи 2 верстъ число посѣщающихъ школу значительно падаетъ и притомъ всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о возможности посѣщенія школы за три версты лишь значительною частью мальчиковъ, и разстояніе это придется значительно сократить по отношенію къ дѣвочкамъ. Во всякомъ случаѣ, районъ съ трехверстнымъ радіусомъ — вотъ предѣльная величина площади, съ которой могутъ собираться дѣти въ одно училище при ежедневномъ хожденіи въ школу. И разсчетъ, напримѣръ, 60 учениковъ на одну школу, или на одного учащаго былъ-бы неправиленъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ пришлось-бы открыть школу на меньшее число учащихся, и школъ придется открыть болѣе, чѣмъ вышло-бы по такому разсчету. Можетъ показаться, что число школъ правильнѣе опредѣлять не сообразно съ населеніемъ, а съ площадью данной территоріи, съ приведеннымъ выше разсчетомъ величины школьнаго района. Но какъ, высчитывая число школъ лишь по населенію, мы получаемъ цыфры ниже дѣйствительныхъ, такъ, опредѣляя число школъ только по площади, мы получимъ число училищъ значительно выше дѣйствительно необходимаго, такъ какъ не будетъ никакой возможности при этомъ разсчетѣ выключить всѣ незаселенныя пространства, или-же пространства со столь рѣдкимъ населеніемъ, при которомъ непосильно открытіе въ данной мѣстности училищъ. Поэтому, опредѣлить дѣйствительно необходимое для данной мѣстности число школъ нѣтъ возможности безъ спеціальнаго разсмотрѣнія карты этой мѣстности и нанесенія на нее предполагаемой сѣти школъ. При этомъ, сообразно съ условіями отдѣльныхъ мѣстностей, въ однихъ пунктахъ болѣе удобнымъ окажется устроить училища съ двумя учащими (слѣдовательно, отъ 60—120 учениковъ), въ другихъ съ однимъ учащимъ (отъ 30 до 50 учениковъ), а затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ придется прибѣгнуть къ какой-либо особой организаціи, дозволяющей увеличить предѣльную дальность пользованія школой (общежитія, подводы), разбить школу на нѣсколько отдѣленій болѣе мелкихъ, или-же сдѣлать школу передвижною.

Въ настоящее время по ряду уѣздовъ и по двумъ, по крайней мѣрѣ, цѣлымъ губерніямъ (Московской и Тверской) уже составлены такіе нормальные планы сѣти училищъ, но число произведенныхъ изслѣдованій еще недостаточно для того, чтобы на основаніи ихъ можно было сдѣлать подсчетъ, сколько въ среднемъ училищъ тре-

буется на извѣстное число учениковъ въ мѣстностяхъ съ разнаго рода способами разселенія, съ преобладаніемъ большихъ селеній, мелкихъ поселковъ или-же хуторовъ.

Ясно, впрочемъ, что число учащихъ при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ получится дѣленіемъ числа предполагаемыхъ учащихся на 60, а затѣмъ необходимое число учащихъ на то-же число учениковъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ сокращенія густоты населенія и средней величины населенныхъ мѣстъ. При данныхъ условіяхъ едва-ли возможно открытіе училищъ при числѣ учащихся менѣе 40 на одного учащаго въ среднемъ; такимъ образомъ, среднее число учащихся должно колебаться въ различныхъ уѣздахъ въ предѣлахъ отъ 40 до 50 и въ рѣдкихъ случаяхъ нѣсколько выше на одного учащаго. Число-же собственно училищъ иначе, какъ по картѣ, не можетъ быть опредѣлено, исключая лишь тѣхъ немногихъ уѣздовъ, гдѣ селенія на столько велики, что въ каждомъ изъ нихъ можетъ быть открыта школа, и гдѣ, слѣдовательно, число школъ можетъ быть опредѣлено при помощи одного только списка селеній съ означеніемъ населенія каждаго.

Стоимость школы.

Стоимость школы не можетъ быть одна и та-же для всѣхъ мѣстностей Россіи. Можно указать только нѣкоторыя минимальныя нормы расходовъ по отдѣльнымъ статьямъ, которыя, измѣняясь по мѣстнымъ условіямъ, могли-бы все-таки лечь въ основу вычисленія стоимости всеобщаго обученія въ каждомъ данномъ уѣздѣ.

Минимальный размѣръ текущихъ годовыхъ расходовъ на школу съ однимъ учащимъ при 40—60 ученикахъ по различнымъ мѣстностямъ колеблется отъ 375 до 520 рублей и состоитъ изъ слѣдующихъ статей:

	отъ	до
1. Жалованье законоучителю	30	60
2. Жалованье учащему	240	300
3. Учебныя книги	14	
4. Учебныя пособія	15	
5. Библіотека	10	20
6. Отопленіе	30	50
7. Жалованье сторожу	36	60
	375	519

Вполнѣ зависятъ отъ мѣстныхъ условій и не могутъ быть опредѣлены какою-либо суммою слѣдующія статьи расхода:

1. Ремонтъ школьнаго зданія и классной мебели.
2. Страхованіе.

Наемъ помѣщенія или погашеніе стоимости постройки.

Расходы единовременные.

Школьное помѣщеніе и обстановка оказываютъ значительное вліяніе на результаты школьной работы. Несомнѣнно, что при теперешнихъ условіяхъ неудовлетворительность этой стороны дѣла не только тормазитъ успѣхи преподаванія, но и вредно отражается на здоровьѣ учениковъ и въ особенности учителей и учительницъ. Тѣмъ не менѣе едва-ли возможно устанавливать для всей Россіи какія-нибудь общеобязательныя нормы школьныхъ зданій въ виду крайняго разнообразія мѣстныхъ условій. Въ виду этого и расходъ на школьное помѣщеніе не можетъ быть опредѣленъ никакою суммою.

Какъ желательныя для вновь возводимыхъ зданій, могутъ быть рекомендованы нормы, принятыя съѣздомъ московскихъ врачей. Стоимость зданія, удовлетворяющаго этимъ нормамъ, колеблется отъ 1.500 до 2.000 рублей.

Школа съ самаго начала должна быть въ достаточной мѣрѣ снабжена учебными книгами (на 55 руб.), наглядными пособіями (на 10 руб.) и библіотекою для внѣкласснаго чтенія (отъ 25 р. до 50), что составляетъ отъ 90 р. до 115 р. единовременнаго расхода на обзаведеніе школы.

Текущіе расходы.

Вознагражденіе законоучителя опредѣляется по числу учебныхъ часовъ Закона Божія (отъ 4 до 6 въ недѣлю) и соотвѣтственно вознагражденію учителя. Въ зависимости отъ продолжительности учебнаго года оно можетъ колебаться въ предѣлахъ отъ 30 до 60 р. Вознагражденіе учащему должно быть таково, чтобы оно давало человѣку съ среднимъ или спеціально-педагогическимъ образованіемъ возможность жить въ привычныхъ ему условіяхъ и позволяло-бы въ учебное время всѣ свои силы отдавать школѣ, а каникулярнымъ пользоваться для необходимаго отдыха и пополненія своего образованія.

Для обезпеченія учителя необходимо, чтобы онъ имѣлъ:

1. Квартиру или квартирныя деньги, достаточныя по мѣстнымъ условіямъ для найма ея.

2. Жалованье въ размѣрѣ *minimum* 240 р. при эмеритурѣ, а по мѣстнымъ условіямъ (дороговизна жизни и пр.) до 400 руб. въ годъ.

Примѣчаніе. Коммиссія признала указанный минимумъ въ 240 р. недостаточнымъ, но не могла до нѣкоторой степени не считаться съ установленными въ настоящее время нормами.

Кромѣ того, учителю должно быть обезпечено:

1. Безбѣдное существованіе въ старости или въ случаѣ инвалид-

ности путемъ учрежденія эмеритуры. Въ случаѣ ея отсутствія, минимумъ жалованья долженъ быть повышенъ на 60 руб. (до 300 руб.).

2. Помощь при воспитаніи дѣтей.

3. Періодическое возвышеніе жалованья.

Книги и учебныя пособія.

Текущіе расходы на замѣну пришедшихъ въ ветхость книгъ новыми должны равняться ¼ части ихъ общей стоимости (14 р.) въ виду того, что срокъ службы учебной книги долженъ быть опредѣленъ въ среднемъ 4 года (3 года для младшаго и 5 лѣтъ для старшаго).

Расходъ на учебныя пособія (15 руб.) исчисленъ по самымъ дешевымъ оптовымъ цѣнамъ на этотъ матеріалъ.

Библіотека.

Срокъ службы книги для внѣкласснаго чтенія въ среднемъ можетъ быть продолженъ до 5 лѣтъ. Но въ текущій расходъ на библіотеку необходимо включить сумму не только для замѣны истертыхъ книгъ новыми, но и для расширенія библіотеки (отъ 10 до 20 руб.).

Содержаніе помѣщенія.

1. Расходъ на отопленіе школьнаго помѣщенія колеблется очень значительно. Правда, эти колебанія нѣсколько сглаживаются тѣмъ, что тамъ, гдѣ зима продолжительнѣе, топливо дешевле, и наоборотъ. Въ среднемъ расходъ этотъ можетъ быть опредѣленъ въ 30—50 р. на школу при двухъ печахъ.

2. Должность школьнаго сторожа при церкви или при волостномъ правленіи. По большей части мѣсто это занимаетъ мѣстный житель, отдающій школѣ далеко не все свое время. Въ виду этого минимумъ вознагражденія сторожа можетъ быть опредѣленъ гораздо ниже обыкновеннаго вознагражденія рабочаго (около 36—60 р.).

Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1896 г.

Херсонская губ. Уѣзды: Херсонскій, Александрійскій, Тираспольскій, Ананьевскій, Елисаветградскій. Одесскій. — *Екатеринославская* губ. Уѣздъ Александровскій.—*Таврическая* губ. Уѣздъ Бердянскій.—*Полтавская* губ. Уѣзды: Миргородскій, Лубенскій.—*Харьковская* губ. Уѣздъ Харьковскій.—*Воронежская* губ. Уѣздъ Бобровскій.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, приступая къ ознакомленію читателей съ постановленіями по народному образованію земскихъ собраній 1896 года, я, во-первыхъ, буду брать предпочтительно факты, а во-вторыхъ, для удобства пользованія данными тѣмъ,—буде, конечно, окажутся, — изъ лицъ, которыя пожелаютъ когда-либо просмотрѣть постановленія за нѣсколько лѣтъ, при изложеніи, буду придерживаться прежняго порядка, то - есть, начну свой обзоръ съ дѣятельности южныхъ земствъ, затѣмъ—центральныхъ, поволжскихъ и закончу сѣверными.

За отсутствіемъ въ моментъ составленія статьи свѣдѣній о земствахъ Бессарабской губерніи, начнемъ съ *Херсонской*. Какъ и всегда, земство этой губерніи проявило энергичную дѣятельность и въ 1896 году.

Уже въ началѣ разсматриваемаго года въ *Херсонской* губ. вопросъ объ увеличеніи земскихъ школъ и, вообще, о поднятіи грамотности въ губерніи поставленъ былъ на очередь и служилъ предметомъ обсужденія ближайшихъ сессій всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Изъ данныхъ, собранныхъ для разработки этого вопроса, оказалось, что нужда въ школахъ велика въ Херсонской губерніи. Изъ 2.755 поселеній имѣются школы министерскія, приходскія, земскія, нѣмецкія и еврейскія лишь въ 646 поселеніяхъ. Во всѣхъ школахъ Херсонской губерніи было отказано въ пріемѣ 4.118 дѣтямъ или 7% учащихся. Для всего населенія губерніи,—по принятому Херсонской губернской земской управой разсчету—67 учениковъ на 1.000 душъ,—недостаетъ 968 школъ. Но эту цыфру можно считать безусловно минимальною, въ виду низкаго процента школьнаго

возраста, принятаго Херсонскою губернскою управою. Расходъ по устройству новыхъ 968 школъ такъ великъ, что земство безъ сторонней помощи сразу рѣшительно не въ состояніи удовлетворить насущныхъ потребностей народнаго образованія, въ смыслѣ всеобщаго обученія грамотѣ. Но если сразу нельзя достигнуть этой цѣли, то естественно является мысль о постепенномъ ея осуществленіи. Херсонская земская управа начертала такой планъ дѣйствій: прежде всего озаботиться устройствомъ школъ въ тѣхъ большихъ поселеніяхъ, гдѣ они вовсе отсутствуютъ (въ 45 пунктахъ); затѣмъ, устройствомъ новыхъ школъ и расширеніемъ старыхъ въ тѣхъ большихъ поселеніяхъ, гдѣ онѣ имѣются въ недостаточномъ числѣ и гдѣ онѣ не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ учиться (167 школъ), и, наконецъ, устройствомъ школъ въ мелкихъ поселеніяхъ. По самому минимальному разсчету, одно только устройство школьныхъ зданій вызоветъ расходъ въ одинъ милліонъ руб. Такой суммой земство не располагаетъ, и Херсонская губернская управа считала необходимымъ ходатайствовать передъ правительствомъ о пособіи земству въ этомъ дѣлѣ общегосударственной важности; вслѣдствіе введенія винной монополіи, сел. общества лишатся значительнаго дохода отъ сдачи кабаковъ. Поэтому предполагалось ходатайствовать передъ правительствомъ объ отчисленіи изъ суммъ будущаго питейнаго сбора на улучшеніе народнаго образованія той суммы, которая будетъ потеряна обществами отъ замѣны нынѣшняго порядка отдачи кабаковъ винною монополіею. Необходимо замѣтить, что при введеніи винной монополіи сельскія общества Херсонской губ. потеряютъ около 90 т. р.

Затѣмъ, вопросъ о *введеніи всеобщаго обученія* въ Херсонской губерніи былъ переданъ теперь на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Нужно сказать, что уже не въ первый разъ этотъ вопросъ обсуждался уѣздными земствами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1887 году), по предложенію херсонскаго губернскаго земскаго собранія, уѣздныя земскія управы высказывали уже свое мнѣніе относительно введенія обязательнаго обученія. Херсонская уѣздная земская управа нашла обременительнымъ проектированный школьный налогъ (отъ 1 до 2 руб. съ души со школьнаго возраста), полагая, что онъ не долженъ превышать 25—50 коп. съ души; Александрійская полагала, что стоитъ дать народу хорошія школы, онъ самъ сознаетъ пользу ихъ; Тираспольская нашла обязательное обученіе «навязываніемъ народу безполезнаго дѣла». Одесская уѣздная управа заявила, что ученики и безъ обязательнаго обученія не вмѣщаются въ школы. Въ среднемъ приходится на школу: въ Александровскомъ училищѣ—92,4 уч., въ Елизаветградскомъ—87,6, въ Одесскомъ—

63, въ Ананьевскомъ — 52,4, въ Херсонскомъ — 48,8, Тираспольскомъ—48,4.

Въ концѣ 1896 года очередное херсонское губернское земское собраніе обсуждало, между прочимъ, вопросъ *о всеобщемъ начальномъ обученіи*. Результатомъ продолжительныхъ и оживленныхъ преній и обмѣна мыслей между гласными по этому вопросу были слѣдующія постановленія собранія: 1) признано необходимымъ принять на счетъ губернскаго земства третью часть расходовъ, исчисленныхъ уѣздными земствами на постройку новыхъ и переустройство, равно и ремонтъ старыхъ школьныхъ зданій, на первоначальное обзаведеніе ихъ классною мебелью, учебными пособіями и хозяйственными принадлежностями, на ежегодное содержаніе ихъ (плата учителямъ, законоучителямъ, учебныя пособія и проч.), па пополненіе библіотекъ, устройство садовъ при школахъ и проч. Постановленіе это рѣшено привести въ исполненіе съ 1898 г., послѣ того, какъ уѣздными собраніями разсмотрѣнъ будетъ нижеприводимый второй пунктъ; а на 1897 годъ ассигновать, какъ и въ прошломъ году, по 3.000 р. на уѣздъ, всего 18.000 р. исключительно на сооруженіе новыхъ школьныхъ зданій. 2) Просить уѣздныя собранія пересмотрѣть основанія веденія школьнаго дѣла въ томъ смыслѣ, чтобы починъ открытія и содержанія школъ исходилъ отъ уѣздныхъ земствъ и чтобы при открытіи школъ уѣздныя земства принимали на себя сооруженіе удовлетворяющихъ своему назначенію школьныхъ зданій, ихъ ремонтъ, первоначальное обзаведеніе мебелью, библіотеками, учебными пособіями и хозяйственными принадлежностями. 3) Возбудить ходатайство предъ правительствомъ: объ устройствѣ въ губерніи новыхъ министерскихъ школъ и объ увеличеніи суммы, ассигнуемой на Херсонскую губ., согласно ст. II Высоч. утвержд. 29-го мая 1896 г. мн. Госуд. Совѣта; объ отчисленіи изъ питейнаго дохода казны въ вѣдѣніе земства исключительно на народно-образовательное дѣло тѣхъ суммъ, которыхъ лишились крестьянскія общества со введеніемъ казенной винной монополіи, и, наконецъ, объ обращеніи на то-же дѣло народнаго образованія суммы въ 136.913 р. 23 к., подлежащей возврату земствамъ Херсонской губ. въ возмѣщеніе потери процентнаго въ пользу ихъ сбора съ патентовъ на выдѣлку и продажу питей.

Наконецъ, херсонское губернское земство въ 1896 году возбудило ходатайство о разрѣшеніи устраивать въ селеніяхъ *популярныя медицинскія чтенія* о заразительныхъ болѣзняхъ.

Дѣятельность уѣздныхъ земствъ названной губерніи также, по обыкновенію, была плодотворна.

Такъ, Ананьевская земская управа возбудила передъ начальни-

комъ губерніи ходатайство о разрѣшеніи ей открыть *земскій книжный складъ*. Отвѣтъ на ходатайство послѣдовалъ очень скоро, и складъ открылъ свои дѣйствія, выславъ въ уѣздъ первый транспортъ книжекъ для продажи. Главнымъ контингентомъ сотрудниковъ, списки которыхъ представляются всякій разъ на утвержденіе губернатора, предположено было имѣть учительскій персоналъ земскихъ школъ. Начала, положенныя въ основу постановки дѣла въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ, таковы: ежемѣсячно сотрудниками представляются (земскою почтою) въ центральный складъ, не стѣняясь формою, отчетность о количествѣ по названіямъ проданныхъ книжекъ, съ обозначеніемъ стоимости, опредѣляемой заранѣе центральнымъ складомъ, и вырученныя отъ продажи деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ими сообщаются краткія указанія о наибольшемъ спросѣ покупателей на тѣ или иные отдѣлы литературы, а равно и прочія замѣчанія, такъ или иначе иллюстрирующія потребности и ходъ дѣла. Книги, не пошедшія въ продажу, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со времени ихъ полученія, возвращаются обратно въ складъ, который въ обоихъ случаяхъ снабжаетъ, по возможности, немедленно отдѣленія новыми транспортами книгъ. Кромѣ того, въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ, когда послѣднія находятся въ торговыхъ пунктахъ, подъ наблюденіемъ завѣдующихъ организуется, чрезъ благонадежныхъ лицъ, разносная продажа книжекъ, хотя послѣдній родъ торговли въ селеніяхъ получилъ пока очень еще незначительное развитіе въ зависимости отъ новизны дѣла. Къ 1-му іюня 1895 г. складомъ продано 11.562 экз. книгъ, на сумму 505 р. 99 к. Средній ежемѣсячный оборотъ склада по продажѣ книгъ достигаетъ 84 руб. и слишкомъ 1.900 книжекъ, причемъ онъ почти равномѣрно распредѣляется между городомъ и деревней. Къ этому слѣдуетъ сдѣлать, однако, нѣкоторую поправку, а именно: во-1-хъ, на долю городской продажи должно отнести исполненіе нѣсколькихъ заказовъ земской и городской управъ по составленію школьныхъ библіотекъ, одной больничной библіотеки, крупный единовременный заказъ земской управы въ 42 р. по пріобрѣтенію 300 экземпляровъ евангелія для раздачи дѣтямъ, кончившимъ курсъ въ народныхъ земскихъ училищахъ, исполненіе нѣсколькихъ, хотя и небольшихъ, заказовъ въ уѣзды Херсонскій, Александрійскій, а также сосѣднюю Подольскую губернію; во-вторыхъ, дѣятельнымъ періодомъ продажи какъ для города, такъ въ особенности для уѣздныхъ отдѣленій, слѣдуетъ считать время съ января по мартъ и частью лишь по апрѣль мѣсяцъ; остальное время года до осеннихъ мѣсяцевъ, совпадающее съ полевыми земледѣльческими работами, является вообще мертвымъ сезономъ въ дѣятельности склада, тѣмъ болѣе, что большинство сотрудниковъ въ лицѣ учителей зем-

скихъ школъ, покидаютъ обыкновенно на это время мѣста своего пребыванія. Наибольшій запросъ со стороны народа по родамъ литературы падаетъ на словесность или беллетристическія произведенія, давшія 75,7% всего количества проданныхъ книгъ. Большинство сотрудниковъ склада единогласно утверждаютъ, что цѣна книги имѣетъ огромное вліяніе на ея сбытъ въ деревнѣ. Цѣна въ 5 копѣекъ, по ихъ заключенію, является, въ большинствѣ случаевъ, предѣльной тратой крестьянина на книгу. Замѣтимъ въ заключеніе, что складъ, за всѣми расходами, имѣетъ 8% прибыли на вырученной отъ продажи суммѣ, что составляетъ 16% оборотнаго количества.

Елизаветградское уѣздное земское собраніе въ очередномъ собраніи постановило ходатайствовать *объ учрежденіи* въ уѣздѣ *должности земскаго инспектора народныхъ школъ*, который-бы утверждался изъ кандидатовъ, представленныхъ самимъ земствомъ. Земское собраніе (предложеніе его было внесено П. А. Зеленымъ) основывалось на томъ, что такая важная отрасль земскаго дѣла, какъ народное образованіе, требуетъ спеціалиста, который имѣлъ-бы общее наблюденіе только надъ однимъ своимъ дѣломъ, тогда какъ членъ управы, завѣдующій этой отраслью, во-1-хъ, далеко не всегда бываетъ къ этому подготовленъ, во-2-хъ, часто отвлекается возложенными на него обязанностями отъ своего прямого дѣла. По этимъ соображеніямъ земское собраніе признало необходимымъ учредить должность земскаго инспектора по народному образованію, съ той, однако, оговоркой, что если практика покажетъ неудобство или стѣснительность этой мѣры, то земство можетъ эту должность упразднить. Къ сожалѣнію, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ извѣстило, черезъ губернатора, земскую управу, что это ходатайство не можетъ быть удовлетворено. Нельзя не отмѣтить здѣсь, что елисаветградское земство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оказывало субсидію церковно-приходскимъ школамъ въ размѣрѣ 1.000—1.500 р. ежегодно, вплоть до 1895 года. Земское собраніе прошлогодней сессіи, въ виду непредставленія епархіальнымъ начальствомъ отчетовъ и свѣдѣній о числѣ школъ, состояніи ихъ и расходованіи земскихъ суммъ, въ виду гадательности самаго существованія этихъ школъ въ уѣздѣ, единогласно постановило: въ пособіи церковно-приходскимъ школамъ въ 1896 году отказать.

Съ цѣлью распространенія знаній въ народѣ, херсонское уѣздное земство въ 1896 году открыло при земской управѣ *книжный складъ* съ 10-ю отдѣленіями въ уѣздѣ. На расходы по этому дѣлу ассигновано 3.000 руб. По постановленію земскаго собранія, центральный складъ при управѣ разсылаетъ во всѣ земскія учрежденія уѣзда, по усмотрѣнію управы, какъ книги для чтенія, такъ и письменныя

принадлежности для продажи ихъ на мѣстѣ по номинальной цѣнѣ. Отдѣленія книжнаго склада въ уѣздѣ пріурочены преимущественно къ врачебнымъ амбулаторіямъ. Теперь уже открыты, кромѣ центральнаго склада, отдѣленія при 8-ми врачебныхъ амбулаторіяхъ, а въ скоромъ будущемъ откроются такія-же отдѣленія и при остальныхъ семи изъ имѣющихся 15-ти врачебныхъ амбулаторій. Удобства подобнаго способа распространенія книгъ заключаются въ томъ, что при амбулаторіяхъ бываетъ ежедневное стеченіе народа.

Одесская земская управа приступила къ составленію краткой исторіи народнаго образованія въ уѣздѣ. Исторія эта послужитъ подготовительнымъ матеріаломъ къ вопросу *о всеобщемъ обученіи*.

Переходя къ губерніи *Екатеринославской*, мы отмѣтимъ въ Александровскомъ уѣздѣ весьма интересныя свѣдѣнія объ устроенной земствомъ, при содѣйствіи Вольнаго Экономическаго Общества, *библіотеки-читальни* въ с. Покровскомъ, названнаго уѣзда.

Библіотека-читальня открыта 22-го августа 1895 года, и уже въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ своего существованія представила ощутительныя доказательства того, что сдѣланныя на нее затраты не пропадаютъ даромъ. Съ 22-го августа 1895 года по 1-е января 1896 года завѣдующимъ библіотекой записано 947 человѣкъ, пользовавшихся услугами библіотеки-читальни, въ томъ числѣ было: 458 читателей, бравшихъ книги на домъ, и 489—пользовавшихся ими въ самомъ помѣщеніи библіотеки. Большинство посѣтителей—крестьяне; записано 357 человѣкъ, бравшихъ книги на домъ, и 441—читавшихъ книги въ самой библіотекѣ. Далѣе слѣдуютъ: евреи — всего 68 человѣкъ, пользовавшихся услугами библіотеки-читальни; за ними разночинцы—55 человѣкъ, наконецъ, мѣщане—27 человѣкъ. По возрасту посѣтители распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ 8-ми до 15-ти лѣтъ—113 посѣтителей, отъ 15-ти до 25 ти лѣтъ—240 посѣтителей, отъ 25 до 40 лѣтъ—80 посѣтителей, свыше 40 лѣтъ—25 посѣтителей, такъ что наиболѣе усердными посѣтителями являются дѣти и молодежь. Любопытны нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя завѣдующимъ библіотекой-читальней. На первыхъ порахъ это непривычное сельскому обывателю учрежденіе вызывало нѣкоторое недовѣріе и даже недоумѣніе. Старики покачивали головами, домохозяева побаивались увеличенія податей. Однако скоро за молодежью потянулось въ читальню и старое поколѣніе Осенью и особенно въ ноябрѣ и декабрѣ наплывъ посѣтителей сталъ такъ великъ, что помѣщеніе читальни не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ. Въ читальню шли старъ и младъ, не смотря на грязь и холодъ. Шли даже неграмотные, въ надеждѣ что-нибудь «послушать». Многіе изъ нихъ проводили тамъ по нѣсколько часовъ,

не смотря на то, что чтеніе вслухъ не практиковалось. Состоятельныя лица начали дѣлать, правда, незначительныя пожертвованія: таковыхъ поступило 11 р. 95 коп. и, кромѣ того, 4 фунта керосину и 4 пачки спичекъ. Число посѣтителей постепенно растетъ; къ 21-му іюня 1896 года записано 606 челов. посѣтителей. По собственному почину они изъявили желаніе выразить благодарность земской управѣ за устройство библіотеки и, кромѣ того, просить управу объ устройствѣ вечерней повторительной школы.

Таврическое губернское земство получило довольно странно мотивированный отказъ по извѣстному вопросу *о правѣ земства открывать народныя школы, не испрашивая на то разрѣшенія духовнаго вѣдомства.* Именно, вслѣдствіе ходатайства Таврической губернской земской управы *объ отмѣнѣ порядка открытія сельскихъ училищъ*, установленнаго распоряженіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 14-го августа 1888 г., и о предоставленіи земству права открывать въ селеніяхъ народныя школы, не испрашивая на то согласія духовнаго вѣдомства, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ г. таврическаго губернатора, что на разсмотрѣніи 1-го департамента Правительствующаго Сената находится подобный-же вопросъ, возбужденный новоторжскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и что до разрѣшенія этого вопроса Сенатомъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, Министерство Народнаго Просвѣщенія не признало возможнымъ дать дальнѣйшее движеніе ходатайству таврическаго земства. Дѣло-то въ томъ, что не существуетъ закона, въ силу котораго земству воспрещено открывать свои училища, гдѣ устроены церковно-приходскія школы, а имѣется лишь министерскій циркуляръ.

Симферопольское губернское земское собраніе, между прочимъ, постановило: признать желательнымъ увеличеніе правительственныхъ средствъ на развитіе народнаго образованія съ цѣлью достигнуть *всеобщаго обученія* въ тѣхъ видахъ, что подобныя задачи не по силамъ отдѣльнымъ земствамъ.

Въ виду послѣдовавшаго постановленія губернскаго земскаго собранія объ оказаніи уѣзднымъ земствамъ субсидіи въ размѣрѣ 50 р. на каждую открываемую *школьную библіотеку*, губернская управа запрашивала уѣздныя земства: 1) какими мѣрами возможно осуществить скорѣйшее *открытіе школьныхъ библіотекъ*; 2) какія книги изъ числа разрѣшенныхъ по министерскому каталогу желательно было-бы пріобрѣсти для каждой библіотеки, и 3) какія книги изъ числа не вошедшихъ въ министерскій каталогъ слѣдовало-бы, по мнѣнію уѣздной земской управы, допустить къ чтенію въ школьныхъ библіотекахъ.

Предоставленіе возможности всему мѣстному населенію получать

начальное образованіе составляло одну изъ важнѣйшихъ заботъ бердянскаго земства. Въ этихъ цѣляхъ оно остановились на мысли въ помощь школамъ земскаго типа открывать еще школы съ однолѣтнимъ курсомъ, гдѣ должны обучаться только неграмотные. Основанія, на которыхъ бердянское земство будетъ открывать такія школки, заключаются въ слѣдующемъ.

«Если сельское общество пожелаетъ, чтобы дѣти школьнаго возраста, не поступившія за неимѣніемъ мѣстъ въ нормальную школу, могли обучаться, то въ селѣ открывается особое отдѣленіе на 60 учащихся. Отдѣленіе открывается въ особомъ зданіи и при особомъ учителѣ. Дѣти принимаются туда исключительно неграмотныя. Обучаются тамъ только одинъ годъ и затѣмъ переводятся во второй классъ нормальной земской школы. Особое отдѣленіе, какъ составная часть нормальной школы, будетъ находиться подъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ законоучителя и учителя школы, къ которой оно будетъ приписано, а въ остальномъ—въ томъ-же положеніи, какъ и всѣ начальныя училища. Особаго типа школы отдѣленія не будутъ имѣть. Для открываемаго въ селеніи отдѣленія общество должно дать помѣщеніе или въ крестьянской избѣ, удобной для этого, или въ особомъ зданіи, съ квартирою для учителя, классную мебель, отопленіе, освѣщеніе и сторожа. Земство платитъ по 200 р. въ годъ жалованья учителю, снабжаетъ отдѣленіе книгами и всѣми необходимыми учебными пособіями. Учителями въ отдѣленія будутъ назначаться преимущественно лица не семейныя, чтобы не стѣснять сельское общество наймомъ особой квартиры; для квартиры полагается одна комната. Учитель, прослужившій въ отдѣленіи 2—3 года, смотря по успѣхамъ и усердію къ дѣлу, переводится въ нормальную школу, гдѣ откроется вакансія.

Полтавское губернское земство въ 1896 году было опечалено отказомъ по одному существенно важному ходатайству. Въ Полтавскую губернскую земскую управу пришло извѣщеніе управляющаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ, который не призналъ возможнымъ удовлетворить ходатайство управы *объ открытіи* въ Полтавѣ и Хоролѣ въ настоящемъ году лѣтнихъ *педагогическихъ курсовъ для учителей* и учительницъ сельскихъ школъ Полтавской губерніи. Управляющій сообщилъ, что находитъ необходимымъ отложить открытіе этихъ курсовъ до будущаго года.

Въ *Миргородѣ*, въ память Н. В. Гоголя, на средства, частью собранныя по подпискѣ и частью отпущенныя мѣстнымъ земствомъ, учреждается *художественно-промышленная школа*, уставъ которой уже опубликованъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Школа будетъ состоять въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ и въ ближай-

шемъ завѣдываніи Полтавской губернской земской управы. *Цѣль школы—распространеніе среди мѣстныхъ кустарей художественныхъ предметовъ и занятій въ мастерскихъ*—по представленію Полтавской губернской земской управы, а въ отношеніи предметовъ общеобразовательныхъ—по соглашенію съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Для завѣдыванія хозяйствомъ школы образуется Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя школы, избираемаго полтавскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, изъ двухъ членовъ отъ земствъ полтавскаго губернскаго и миргородскаго уѣзднаго, избираемыхъ подлежащими земскими собраніями на три года, съ утвержденія Министра Финансовъ, директора школы въ качествѣ непремѣннаго члена, одного изъ учителей—по избранію Совѣта, и члена отъ Министерства Финансовъ. По окончаніи курса въ училищѣ и послѣ самостоятельной трехлѣтней практики въ мастерской, ученики получаютъ званіе мастера по гончарному производству. По отношенію къ воинской повинности школа даетъ права, предоставляемыя окончившимъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ третьяго разряда

Какую популярность пріобрѣла земская школа, съ какимъ довѣріемъ къ ней относится населеніе, доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующее интересное ходатайство, поступившее въ 1896 году въ Лубенскую уѣздную земскую управу. Малоселицкое сельское общество, Лубенскаго у., Полтавской губ., составило слѣдующій приговоръ: «1896 г., мая 26-го дня, мы, нижеподписавшіеся, Полтавской губ., Лубенскаго уѣзда, Великоселицкой волости, общество казаковъ села Малой Селицы, состоящее изъ 105 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса участвовать на сходѣ, явились на оный въ числѣ 83 человѣкъ, въ присутствіи нашего сельскаго старосты Василія Торовыха. Собравшись на сходѣ, гдѣ, между прочимъ, имѣли сужденіе о томъ, что *въ нашемъ селѣ болѣе 20 лѣтъ существуетъ церковно-приходская школа, но грамотныхъ въ селѣ все-же нѣтъ*, почему и желая, чтобы дѣти наши были грамотны, что возможно лишь при условіи, если въ нашемъ селѣ будетъ земское народное училище,—постановили просить гдѣ слѣдуетъ объ открытіи въ нашемъ селѣ земскаго народнаго училища; съ своей-же стороны, мы обязываемся предоставить въ полное распоряженіе земства устроенный нами общественный домъ о четырехъ комнатахъ, что на общественномъ выгонѣ, устроить необходимыя къ нему службы, отдѣлить не менѣе полудесятины выгона подъ училищную усадьбу и давать въ достаточномъ количествѣ своевременно отопленіе и освѣщеніе какъ для училища, такъ и для учителя, содержать въ полной исправности училищный домъ и службы, а также давать для училища сторожа».

Приговоръ этотъ былъ представленъ въ уѣздную земскую управу по предварительномъ просмотрѣ земскимъ начальникомъ.

По ходатайству *Харьковской* губернской земской управы, губернаторъ въ 1896 г. разрѣшилъ устройство *книжныхъ складовъ* при Купянской, Волчанской и Сумской уѣздныхъ земскихъ управахъ.

Та-же губернская управа, приступивъ къ разработкѣ вопроса *о возможномъ расширеніи начальнаго обученія*, обратилась въ губернскія управы имперіи съ просьбой доставить всѣ имѣющіяся въ ихъ распоряженіи свѣдѣнія о числѣ школъ и ежегодныхъ расходахъ на народное образованіе, а равно и вообще всѣ имѣющіеся въ ихъ распоряженіи по этому вопросу матеріалы. Разработанныя, на основаніи этого матеріала, предположенія губернскою управою доложены послѣднему очередному губернскому собранію.

Харьковское уѣздное земство постановило въ послѣднюю очередную сессію земскаго собранія просить попечителей народныхъ училищъ, по окончаніи учебныхъ занятій, *сообщать земской управѣ* о *нуждахъ* ввѣренныхъ ихъ попеченію *училищъ*, чтобы имѣть возможность въ продолженіе каникулярнаго времени удовлетворить ихъ. Въ началѣ лѣта 1896 г. земская управа имѣла уже свѣдѣнія о нуждахъ училищъ во всемъ уѣздѣ и приняла необходимыя мѣры къ устраненію ихъ, такъ что къ предстоящему учебному году многія изъ училищъ будутъ обновлены, пополнены учебными пособіями и проч. Съ осени въ нѣсколькихъ селахъ открыть *безплатныя читальни-библіотеки* съ пособіемъ отъ сельскихъ обществъ, причемъ помѣщеніе для читальни-библіотеки предоставляется сельскими обществами въ зданіи волостного правленія: комната, занимаемая обыкновенно волостнымъ судомъ, отводится для помѣщенія шкафовъ, а въ дни, свободные отъ суда, и для помѣщенія читальни.

Въ Воронежской губернской земской управѣ въ началѣ 1896 года состоялось первое засѣданіе коммиссіи — предсѣдателей уѣздныхъ управъ, губернскихъ гласныхъ и губернской управы, выбранной губернскимъ собраніемъ въ декабрѣ 1895 г. для обсужденія вопросовъ по народному образованію въ Воронежской губерніи. Въ числѣ вопросовъ, намѣченныхъ коммиссіею къ обсужденію, значатся: *о всеобщемъ обученіи* въ губерніи, *о выдачѣ ссудъ и безвозвратныхъ пособій сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ зданій*, *о сельскихъ или народныхъ библіотекахъ и читальняхъ*, *объ организаціи народныхъ чтеній*, *о вечернихъ повторительныхъ и воскресныхъ классахъ для подростковъ и взрослаго неграмотнаго населенія* и нѣкоторые другіе. Совѣщаніе было предварительное. Предсѣдатель землянской управы, г. Русановъ, обратилъ вниманіе коммиссіи, что земство изъ года въ годъ прогрессивно увеличиваетъ число школъ, число

учащихся и увеличиваетъ также, вообще, расходы на народное образованіе, и конечный итогъ всего этого—всеобщее обученіе—есть для земства лишь вопросъ времени. Примѣры другихъ губерній только подтверждаютъ это положеніе. Путемъ естественнаго расширенія сѣти школъ нѣкоторыя земства уже достигли всеобщаго обученія, и поэтому слова «всеобщее обученіе» въ смыслѣ увеличенія расходовъ не такъ страшны, какъ это кажется въ началѣ. Теперь вопросъ только сводится къ тому, какимъ путемъ ускорить разрѣшеніе его. По вопросу, какія причины въ настоящее время задерживаютъ народное образованіе, одинъ изъ губернскихъ гласныхъ, г. Чертковъ, подчеркнулъ обстоятельство, что женское крестьянское населеніе имѣющее въ семьѣ воспитательное значеніе, остается до сихъ поръ почти поголовно безграмотнымъ. Далѣе, второю причиною, какъ признали всѣ члены коммиссіи, служитъ то, что крестьянскія общества, желающія завести у себя школу, прежде всего встрѣчаютъ затрудненія въ недостаткѣ средствъ на сооруженія самого зданія. Если-бы крестьянскія общества имѣли средства на постройку зданій, то увеличеніе школъ шло-бы скорѣе, чѣмъ теперь. Обстоятельство это тѣмъ сильнѣе задерживаетъ открытіе новыхъ школъ, что селенія болѣе зажиточныя имѣютъ школы, а безъ школъ теперь остаются селенія наиболѣе бѣдныя, которыя, за отсутствіемъ средствъ, не имѣютъ возможности что-либо предпринять. Такимъ образомъ, коммиссія пришла къ тому заключенію, что со стороны губернскаго земства является нравственная обязанность оказать помощь такимъ селеніямъ въ видѣ безвозвратныхъ пособій. Окончательное разрѣшеніе вопроса коммиссіей постановлено на первую очередь.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1896 года состоялось второе засѣданіе коммиссіи воронежскаго губернскаго земства по народному образованію.

Первое положеніе, которое въ этомъ засѣданіи признала коммиссія, слѣдующее: въ виду настоятельной необходимости во *всеобщемъ обученіи* признать, что *земство должно не медля приступить къ практическимъ мѣропріятіямъ по этому вопросу*, осуществляя его по мѣрѣ возможности; признавая необходимымъ немедленное осуществленіе мѣръ къ введенію всеобщаго обученія, *коммиссія считаетъ принудительное обученіе нежелательнымъ*; *также нежелательнымъ коммиссія признаетъ введеніе всеобщаго обученія пока только для однихъ мальчиковъ*; *напротивъ, по ея мнѣнію, слѣдовало-бы въ дѣлѣ обученія грамоты отдать предпочтеніе дѣвочкамъ*, такъ какъ грамотная женщина будетъ лучшимъ проводникомъ знанія въ крестьянской семьѣ, а потому желательно устроить для желающихъ учиться дѣвочекъ лѣтнія занятія, за что учителю должно быть положено особое вознагражденіе. Затѣмъ *коммиссія нашла желательнымъ*—

выдачу отъ губернскаго земства сельскимъ обществамъ ссуды и безвозвратныхъ пособій на постройку школьныхъ зданій; *устройство послѣобѣденныхъ занятій со старшими группами* при особомъ учителѣ въ школахъ, которыя по тѣснотѣ не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться; взять губернскому земству на себя починъ по устройству *воскресныхъ* и *повторительныхъ классовъ*, хотя не менѣе двухъ школъ того и другого типа въ каждомъ уѣздѣ; ассигновать отъ губернскаго земства по 100 руб. *на библіотеку*, которыхъ въ каждомъ уѣздѣ должно быть двѣ, и потомъ ежегодно въ такомъ-же размѣрѣ увеличивать для уѣзда; *устройство библіотекъ для учителей на губернскій счетъ*, *прогрессивное увеличеніе жалованья учителямъ и учительницамъ* и пр. Рѣшено также возбудить ходатайство объ устройствѣ при учительской семинаріи лѣтнихъ *педагогическихъ курсовъ* и о распространеніи на Воронежскую губ. той льготы, которою пользуется Петербургская губ. относительно *устройства народныхъ чтеній* въ селеніяхъ.

Очередное бобровское уѣздное земское собраніе сдѣлало слѣдующія по народному образованію постановленія: *признать въ принципѣ необходимымъ стремиться къ введенію всеобщаго обученія населенія*; въ селеніяхъ, гдѣ земскія школы переполнены учащимися, открывать филіальныя отдѣленія съ однолѣтнимъ курсомъ, съ тѣмъ, чтобы ученики этихъ отдѣленій переходили черезъ годъ въ коренную земскую школу; вносить ежегодно по 3.000 р. въ смѣту *на выдачу ссудъ сельскимъ обществамъ для постройки школьныхъ помѣщеній*; ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ о выдачѣ ежегодно по 1.000 р. для той-же цѣли безвозвратно; открыть *воскресныя школы* для взрослаго и неграмотнаго населенія при земскихъ школахъ; открыть немедленно разрѣшенныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія при 53 земскихъ школахъ *публичныя библіотеки*, для чего ассигновать по 1.000 р. въ годъ, и ходатайствовать объ открытіи при тѣхъ-же школахъ *книжныхъ складовъ*.

И. Бѣлоконскій.

(*Продолженіе будетъ*).

Чѣмъ люди живы въ нашей провинціи.

(Письмо изъ провинціи).

Wie das Gestirn
Ohne Hast,
Aber ohne Rast
Drehe sich ein jeder
Um die eigene Last *).
Göthe.

Это было въ началѣ 80-хъ годовъ. Какъ-то разъ, подъ вечеръ осени ненастной, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова собрался небольшой кружокъ молодежи и оживленно бесѣдовалъ съ однимъ изъ умнѣйшихъ, гуманнѣйшихъ русскихъ людей—незабвеннымъ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ.

Бесѣды Кавелина съ молодежью представляли собою нѣчто идеальное: ветеранъ русской интеллигенціи, профессоръ нашихъ профессоровъ выказывалъ такое уваженіе къ чужому мнѣнію, такую полную вѣротерпимость, что пропасть, отдѣлявшая насъ, неоперившихся птенцовъ, отъ этого орла, уничтожалась сама собою, рѣчь лилась горячо и свободно, обмѣнъ мыслей былъ самый искренній и задушевный. Ясное, бодрое міровозрѣніе Кавелина, его крѣпкая вѣра въ лучшее будущее невольно сообщались и его собесѣдникамъ, и мы, молодые, расходились по домамъ, ободренные, успокоенные этимъ чуднымъ старцемъ.—«Вамъ не легко, но, вѣрьте, нашему поколѣнію было много труднѣе. Мы не пали духомъ, — не падайте и вы. Не смущайтесь сѣренькою дѣйствительностью, не ищите исполинскаго дѣла; храните свѣтъ въ самихъ себѣ, разливайте его по мѣрѣ силъ и возможности вокругъ и вѣрьте, что единичныя, слабыя и незамѣтныя на первый взглядъ усилія въ состояніи дать въ общей сложности великіе результаты». Такъ резюмировались эти бе-

*) Подобно звѣздѣ, не спѣша, но и не останавливаясь, да вращается каждый вокругъ своего центра тяжести.

сѣды, которыя, думаемъ, не забылъ никто изъ принимавшихъ въ нихъ участіе.

Въ упомянутый выше вечеръ разговоръ вращался, главнымъ образомъ, вокругъ милаго «медвѣжьяго угла» Константина Дмитріевича, его имѣнія Тульской губерніи. Онъ тогда только-что оттуда возвратился и съ блестящими глазами, съ чисто юношескимъ увлеченіемъ разсказывалъ намъ о своей школѣ, своихъ сношеніяхъ съ крестьянами и о кружкѣ мѣстныхъ дѣятелей, въ составъ котораго входили, если не ошибаемся, сельскій священникъ и кое-кто изъ земцевъ. Имена ихъ улетучились изъ нашей памяти, да не въ именахъ и дѣло, а въ огромномъ значеніи, придаваемомъ Кавелинымъ подобнымъ разбросаннымъ по лицу земли русской горсточкамъ людей, которые и «средою не засасываются», и «въ окружающей ихъ тинѣ не грязнутъ», а работаютъ себѣ стойко и бодро, главное-же, работаютъ не въ своихъ только собственныхъ интересахъ, но и на пользу окружающаго ихъ темнаго люда. Такимъ единицамъ, малымъ, если ихъ взять въ отдѣльности, и великимъ, если принять во вниманіе ихъ общую сложность, а не однимъ только центральнымъ учрежденіямъ, сгруппированнымъ въ столицахъ, приписывалъ Кавелинъ выдающуюся роль въ дѣлѣ умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго подъема русскаго народа, ихъ считалъ онъ солью русской земли. Въ лицѣ Константина Дмитріевича наша бѣдная, обезличенная провинція имѣла горячаго друга.

Что такое провинція въ глазахъ большинство столичныхъ интеллигентовъ, какъ не синонимъ простоватаго добродушія, безцвѣтности и непроходимой скуки? Многіе-ли изъ нихъ согласятся промѣнять, по принципу, а не по необходимости, столичную *жизнь* на провинціальное *прозябаніе*? Многіе-ли имѣютъ живое, ясное представленіе о провинціи и ея нуждахъ? Не ограничивается-ли большинство отрывочными свѣдѣніями по наслышкѣ, случайными журнальными статейками да статистическими данными, которыя не только не даютъ живой картины провинціальной жизни, а зачастую приводятъ къ положительно ложнымъ выводамъ и обобщеніямъ, коль скоро нѣтъ точнаго понятія о тѣхъ условіяхъ, той почвѣ, на которой возникли эти данныя? Да и откуда заимствовать столичнымъ интеллигентамъ живыя представленія о провинціальной жизни?.. Изучать ее на мѣстѣ основательно, а не налетомъ, они, повторяемъ, избѣгаютъ; провинціальная печать находится у насъ пока еще въ довольно жалкомъ, зачаточномъ состояніи; крупные-же органы печати, сгруппированные также въ столицахъ, лишь въ видѣ исключенія придерживаются серьезной и послѣдовательной программы относительно провинціи. Входя во всѣ детали столичной жизни, давая точнѣйшіе отчеты о театрахъ, спортѣ

и городскихъ происшествіяхъ, многимъ выдающимся явленіямъ внутренней жизни всей остальной Россіи они отводятъ мѣста не болѣе, чѣмъ событіямъ на островѣ Мадагаскарѣ.

Это ненормальное тяготѣніе всей интеллигентной Россіи къ столицамъ особенно усилилось за послѣднія 20—30 лѣтъ. Въ прежнія времена каждый губернскій городъ являлся своего рода культурно-административнымъ центромъ небольшого района; дворяне, составлявшіе главный контингентъ провинціальной интеллигенціи, коротали вѣкъ въ своихъ родовыхъ гнѣздахъ, не имѣя особаго основанія стремиться въ столицы, и жила тогда провинція несравненно бойче и самостоятельнѣе, чѣмъ въ данный моментъ. Но эмансипація и наступившее вслѣдъ за нею оскудѣніе дворянскаго сословія коренными образомъ видоизмѣнили весь строй провинціальной жизни. Пользуясь новыми путями сообщенія, обѣднѣвшіе и распродавшіе свои имѣнія дворяне потянулись въ столицы, гдѣ легче затеряться въ толпѣ, презрѣвъ неумолимое noblesse oblige, гдѣ удобнѣе также давать образованіе дѣтямъ; такимъ образомъ, провинція утратила свою коренную интеллигенцію. Сословіе служащихъ является въ ней элементомъ пришлымъ, вѣчно мѣняющимся въ своемъ личномъ составѣ. Если среди него и встрѣчаются люди съ энергіей и инипіативой, то, чувствуя себя недолговѣчными гостями того уголка, куда ихъ случайно забросила судьба, они мало интересуются его общественными дѣлами. Учащаяся молодежь также всѣми силами души рвется въ столицы, и ее менѣе, чѣмъ кого-бы то ни было, приходится за это винить: стремиться къ свѣту—неотъемлемое достояніе юношества, а его-ли вина, если у насъ только и свѣта, что въ одномъ окошкѣ? Въ столицахъ сосредоточены почти всѣ высшія учебныя заведенія, всѣ лучшіе музеи, публичныя библіотеки и т. п.; тамъ-же и очагъ книжнаго дѣла. Въ столицахъ несравненно легче выбрать себѣ подходящую среду и плыть по теченію; въ провинціи приходится быть піонеромъ и часто испытывать всю горечь пословицы «одинъ въ полѣ — не воинъ». Что-же мудренаго, если наши молодые люди предпочитаютъ столицы, если, выражаясь словами Апухтина, они

> «Изъ дальнихъ деревень туда везутъ
> Здоровье, молодость и силы молодыя,
> И все оставятъ тамъ...»

Грустно, страшно грустно лишь послѣднее,—то именно, что, кромѣ утраты силъ и здоровья при тяжкихъ для многихъ юношей-провинціаловъ условіяхъ столичной жизни, большинство, и по окончаніи курса, продолжаетъ взирать на столицу, какъ на обѣтованную землю, а на свою родину, какъ на мѣсто ссылки.

Ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ большинствѣ государствъ

Западной Европы: нѣмецкому и англійскому студенту незачѣмъ во что-бы то ни стало стремиться въ столицы, коль скоро существуютъ Гейдельбергъ, Гёттингенъ, Оксфордъ и Кэмбриджъ, вполнѣ удовлетворяющіе всѣмъ требованіямъ учащейся молодежи; центромъ книжнаго дѣла въ Германіи является опять-таки не Берлинъ, а Лейпцигъ, и лишь дружественная намъ Франція въ глазахъ многихъ французовъ дѣлится на Парижъ, гдѣ порядочному человѣку жить можно, и провинцію, гдѣ таковому жить никакъ нельзя. Въ Германіи и Англіи не существуетъ даже терминовъ «столица» и «провинція» въ томъ смыслѣ, какой мы привыкли придавать этимъ словамъ; тамъ есть пруссакъ, саксонецъ, баварецъ, шотландецъ, валліецъ, но нѣтъ аристократа—столичнаго жителя и плебея—провинціала, существуетъ антагонизмъ землячествъ, но не столицъ со всею остальною страною.

Централизація административныхъ, промышленныхъ и культурныхъ интересовъ въ нашихъ столицахъ достигла за послѣднее время своего апогея. Надо надѣяться, что не за горами то время, когда начнется обратное явленіе. Протесты противъ подобной чрезмѣрной централизаціи уже начинаютъ громко раздаваться; интересъ къ тому, что на самомъ дѣлѣ творится въ провинціи, несомнѣнно усиливается. Да и какъ не интересоваться намъ, находящимся въ курсѣ всѣхъ деталей жизни столичныхъ обывателей, этой незначительной горсточки избранныхъ изъ среды многомилліоннаго населенія нашего отечества, тѣмъ, какъ живетъ, думаетъ и работаетъ вся остальная Русь? И вѣрно-ли то, что русскому интеллигенту мыслимо жить только въ столицѣ, въ провинціи-же неминуемо приходится прозябать?

Въ отвѣтъ на это, мы позволяемъ себѣ подѣлиться нашими наблюденіями надъ жизнью интеллигенціи одного изъ уголковъ далекой южной окраины.

I.

Общество попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ.

Въ центральной его части, примыкающей къ городскому саду, на главной улицѣ—Екатерининскомъ проспектѣ—стоитъ деревянный домикъ-особнякъ съ крупною надписью славянскою вязью на фронтонѣ: «Ученье—свѣтъ, неученье—тьма!» и съ вывѣскою «*Безплатная женская школа*».

Если вы очутитесь по сосѣдству съ этимъ домикомъ часа въ три пополудни, то навѣрно попадете въ шумную, оживленную толпу дѣвчурокъ, расходящихся по домамъ.

Повязаны онѣ платочками; книги и тетради у большинства тоже въ платочкахъ; башмаки у весьма многихъ стоптаны и просятъ кушать. Это—несомнѣнно дѣти бѣдняковъ, уличныя дѣти. Но прислу-

шайтесь къ ихъ разговорамъ: уроки, учительницы, разныя происшествія школьной жизни — вотъ вокругъ чего вращаются ихъ интересы; школа, а не улица, является ихъ міркомъ.

Войдемъ въ эту школу. Въ ея шести просторныхъ, свѣтлыхъ классахъ обучается безплатно 244 дѣвочки бѣднѣйшаго городского сословія. Если тамъ бываетъ подчасъ и душно, и тѣсно, то этимъ доказывается, съ одной стороны, только то, что школа вполнѣ достигаетъ своей цѣли, давая образованіе возможно большему числу бѣдняковъ, съ другой-же то, какъ велика потребность въ женскихъ народныхъ школахъ вообще. На большомъ дворѣ, поросшемъ тѣнистыми деревьями,—это часть городского сада, уступленная городомъ въ пользованіе школѣ,—находится еще другое, каменное зданіе, несравненно болѣе внушительныхъ размѣровъ и конструкціи. Въ немъ помѣщается *профессіональная мастерская*, предназначаемая для дѣвочекъ, окончившихъ общеобразовательный курсъ безплатной школы, и *вечерній рисовальный классъ*. Въ мастерской обучаются шитью бѣлья и платьевъ, а также башмачному ремеслу. Рисовальный классъ обставленъ роскошно: тутъ и множество моделей, и высокіе пюпитры амфитеатромъ, и усовершенствованныя лампы съ рефлекторами, однимъ словомъ—все, чего только можно пожелать въ образцовой рисовальной школѣ. Эта богатая обстановка пріобрѣтена на частныя, спеціально на нее сдѣланныя пожертвованія; школа даетъ рисовальному классу только помѣщеніе, находя, что онъ служитъ весьма желательнымъ дополненіемъ профессіональному образованію ея ученицъ.

И всѣ эти постройки, весь этотъ многотысячный инвентарь, создались изъ ничего, горстью женщинъ, *коренныхъ уроженокъ* Екатеринослава, *двадцать шесть лѣтъ* дружно и неутомимо преслѣдующихъ свою благую цѣль. На эти два обстоятельства мы позволяемъ себѣ обратить особое вниманіе читателей. Не мало благихъ начинаній возникаетъ на Руси, но многія-ли изъ нихъ могутъ похвалиться столь многолѣтнимъ существованіемъ подъ руководствомъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя явились ихъ учредителями? Многолѣтнее-же это существованіе несомнѣнно обусловливается тѣмъ, что учредителями даннаго Общества явились коренные мѣстные жители, а не случайные, заѣзжіе дѣятели. Организованное екатеринославскими уроженками «Общество попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ», создавшее женскую безплатную школу, существуетъ съ 1870 года, причемъ большая половина распорядительнаго комитета осталась безъ измѣненія съ основанія попечительства *),—явленіе, настолько незаурядное въ хроникѣ нашей обще-

*) Составъ комитета за 1895 г.: предсѣдательница Е. И. Мессарошъ (состоитъ членомъ Общества съ 1874 г.), казначей Е. А. Грекова (съ основанія),

ственной жизни, что мы позволимъ себѣ распространиться о причинахъ возникновенія и дальнѣйшаго развитія этого Общества.

Кто не знаетъ того грустнаго положенія, въ которомъ находилось въ Россіи женское образованіе до 60-хъ годовъ? Для привиллегированнаго сословія существовали институты и пансіоны; для народа—ровно ничего. Екатеринославъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи общую участь: въ немъ было два «пансіона для благородныхъ дѣвицъ», куда дѣвицы эти являлись въ сопровожденіи крѣпостныхъ горничныхъ и откуда онѣ выходили, по окончаніи полнаго курса наукъ и искусствъ, обучившись съ грѣхомъ пополамъ французскому языку и танцамъ съ шалью. О какихъ-бы то ни было народныхъ женскихъ школахъ въ Екатеринославѣ тогда, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Наступили шестидесятые года. Лихорадочное движеніе въ общественной жизни, подъемъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, стремленіе къ самосознанію захватили своею широкою волною и Екатеринославъ. Вопросъ объ образованіи женщины и народа выступилъ на первый планъ. Результатомъ этого было открытіе въ Екатеринославѣ сначала женскаго училища 2-го разряда для бѣднѣйшаго населенія, а затѣмъ въ 1865 г.—всесословной женской гимназіи.

Женское второразрядное училище процвѣтало до тѣхъ поръ, пока во главѣ его стояла дѣятельная попечительница изъ вліятельнаго мѣстнаго дворянства, А. В. Миклашевская, производившая въ кругу своихъ знакомыхъ обильную жатву въ пользу училища. Но золотыя времена дворянства миновали; обѣднѣвшіе помѣщики разбрелись по своимъ вотчинамъ и столицамъ, и екатеринославское народное женское училище, лишившись главнаго источника доходовъ, принуждено было печально окончить существованіе, причемъ у бѣднѣйшаго населенія Екатеринослава снова отнята была возможность давать элементарное образованіе своимъ дочерямъ.

Это грустное обстоятельство подало мысль нѣсколькимъ лицамъ, стоявшимъ близко къ вопросу о женскомъ образованіи по дѣятельности своей въ женской гимназіи, попытаться создать новую элементарную школу на частныя средства при помощи общественной благотворительности. Иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежала двумъ женщинамъ, вполнѣ подходящимъ къ тому типу «сѣятелей полезнаго, добраго, вѣчнаго», о которыхъ такъ тепло и съ такимъ увлеченіемъ говорилъ К. Д. Кавелинъ. Александра Акимовна Рындовская (Чернова), уроженка Екатеринослава, выбранная мѣстнымъ городскимъ обществомъ на должность начальницы Екатеринославской женской

секретарь А. А. Рындовская-Чернова (съ основанія), члены: С. И. Ковалевская (съ основанія), О. Л. Жигачева (съ основанія), В. И. Штейнъ (съ 1878) и А. А. Карбоньеръ (съ 1872 г.).

гимназіи, несетъ эту должность со дня открытія гимназіи по сіе время, воспитывая такимъ образомъ чуть-ли не третье поколѣніе. Это самая сложная и трудная задача не помѣшала Александрѣ Акимовнѣ принимать горячее участіе во всѣхъ благихъ предпріятіяхъ, возникавшихъ въ Екатеринославѣ за послѣднюю четверть вѣка; по ея-же почину и создалось Общество попечительства о женскомъ образованіи съ его филіальнымъ учрежденіемъ—*коммиссіи по устройству народныхъ чтеній*. Вѣрнымъ товарищемъ и сподвижницею ея является Елизавета Адріановна Грекова. Тридцать лѣтъ тому назадъ эта, тогда еще молодая, состоятельная, бездѣтная женщина обратилась къ А. А. Черновой (Рындовской) съ предложеніемъ поручить ей безвозмездно должность классной надзирательницы. Если и было въ началѣ сомнѣніе относительно того, будетъ-ли въ состояніи непривычный къ обязательной работѣ человѣкъ нести нелегкій трудъ классной дамы, то всѣ эти сомнѣнія исчезли сами собою съ первыхъ-же недѣль службы Елизаветы Адріановны: первою являлась она поутру въ гимназію и послѣднею оттуда уходила, служа примѣромъ для другихъ строгаго и безупречнаго выполненія служебныхъ обязанностей, отдаваясь дѣлу всею душою. Трудъ этотъ она несла до момента возникновенія Общества попечительства о женскомъ образованіи, основавшаго безплатную школу, куда она перенесла свою дѣятельность, гдѣ и продолжаетъ трудиться по сіе время на ряду съ А. А. Рындовскою.

Тридцать слишкомъ лѣтъ съ неустанною энергіею и неистощимою любовью работать на пользу молодого поколѣнія, являться поддержкою каждаго благого начинанія, зарождающагося въ окружающей средѣ, разливать вокругъ себя свѣтъ—не отрадное-ли это явленіе, достойное быть отмѣченнымъ въ хроникѣ нашей общественной жизни!

Возвращаемся къ исторіи возникновеніи Общества попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ. Примириться съ печальнымъ фактомъ закрытія по недостатку средствъ перваго народнаго женскаго училища не могли ни А. А. Рындовская, ни Е. А. Грекова. «Пожертвованіе, невозможное для одного лица, дѣлается необременительнымъ, разложенное на многихъ», — вотъ основная мысль, высказанная ими въ воззваніи, съ которымъ онѣ обратились къ мѣстному обществу, побуждая его организовать «Попечительство о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ».

Проектъ этотъ встрѣтилъ въ началѣ мало сочувствія: печальный примѣръ общественнаго равнодушія къ подобному вопросу былъ на глазахъ у всѣхъ—паденіе школы, нѣсколько лѣтъ существовавшей, только-что совершилось. Но лица, возымѣвшія мысль учредить по-

печительство о женскомъ образованіи, рѣшились попытаться. Изложивъ свои намѣренія письменно, они собрали около 50 подписей и занялись составленіемъ устава Общества, который и былъ утвержденъ, 2 октября 1870 года, г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Опуская тѣ параграфы этого устава, которые присущи уставамъ всѣхъ благотворительныхъ Обществъ вообще, приводимъ нѣкоторые изъ нихъ, составляющіе субъективную особенность даннаго Общества:

§ 1. Общество попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ имѣетъ цѣлью содѣйствовать распространенію образованія, преимущественно элементарнаго, въ средѣ *женскаго* населенія г. Екатеринослава. Для достиженія этой цѣли Обществу предоставляется: 1) устраивать на свой счетъ женскія училища, планъ преподаванія предметовъ въ которыхъ вырабатывается Обществомъ и утверждается г. попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, 2) съ разрѣшенія г. начальника губерніи открывать библіотеки и читальни и 3) устраивать, по испрошеніи каждый разъ надлежащаго разрѣшенія, чтенія по предметамъ общаго образованія.

. . . .

§ 2. Членами Общества могутъ быть лица всѣхъ сословій и обоего пола, но ближайшее завѣдываніе дѣлами Общества принадлежитъ *женщинамъ*.

. . . .

§ 4. Дѣлами Общества управляетъ: а) общее собраніе членовъ и б) распорядительный комитетъ.

§ 8. Дѣла, подлежащія рѣшенію общаго собранія: а) избраніе изъ среды своей семи лицъ *женскаго* пола въ члены распорядительнаго комитета и составленіе инструкцій комитету на каждый годъ, б)... в)... г)... д).... е)....

§ 9. Одинъ или два раза въ мѣсяцъ могутъ составляться частныя собранія членовъ Общества съ цѣлью большаго сближенія членовъ между собою при обсужденіи различныхъ вопросовъ, касающихся средствъ для достиженія главной цѣли Общества.

За порядкомъ въ частныхъ собраніяхъ наблюдаетъ одинъ изъ членовъ распорядительнаго комитета; онъ-же составляетъ и краткую записку о происходившемъ въ этомъ собраніи. Болѣе подробныя правила для частныхъ собраній устанавливаются общимъ собраніемъ.

Примѣчаніе. Въ частныхъ собраніяхъ членовъ могутъ происходить чтенія и устные доклады по вопросамъ, касающимся, вообще, женскаго образованія, равно мѣстныхъ условій и нуждъ его. Лица, желающія заявить что-либо въ частномъ собраніи, заявляютъ предварительно распорядительному комитету о своемъ

желаніи, равно и о сущности своего доклада (если-же это будетъ чтеніе какой-нибудь печатной статью, то заглавіе ея). Постороннія лица также могутъ принимать участіе въ частныхъ собраніяхъ членовъ, но они должны быть записываемы членами въ особую книгу.

2-го апрѣля 1872 г. Общество, въ числѣ 48 членовъ, имѣя во главѣ своей почетныхъ членовъ: преосвященнаго Θеодосія и г. начальника губерніи, начало свою дѣятельность и, послѣ многихъ затрудненій, наконецъ, 21 апрѣля 1874 г. открыло женское училище съ тремя отдѣленіями и шестилѣтнимъ курсомъ. Въ первое время школа помѣщалась въ домѣ одного изъ членовъ Общества, г-жи Жигачевой, но затѣмъ городская дума уступила ей домъ съ обширнымъ дворомъ, усаженнымъ деревьями. Домъ этотъ былъ очень ветхъ, и на поправку его, а также на необходимый школьный инвентарь, пришлось потратить довольно крупную сумму. Средства Общества состояли въ то время изъ членскихъ взносовъ, ежегодныхъ пособій въ 500 рублей отъ губернскаго земства и въ 100 руб. отъ городской управы, а также изъ случайныхъ доходовъ отъ любительскихъ спектаклей, концертовъ и т. п.

Какъ только вѣсть объ открытіи школы распространилась среди недостаточнаго населенія Екатеринослава, письменныя прошенія и словесныя заявленія посыпались со всѣхъ сторонъ въ распорядительный комитетъ. Школа была открыта при 88 ученицахъ; въ слѣдующемъ учебномъ году ихъ было уже 110, затѣмъ 135; въ настоящее время въ ней обучается 244 ученицы. Ихъ было-бы еще значительно больше, если-бы распорядительный комитетъ не былъ вынужденъ, по недостатку помѣщенія, отказывать многимъ родителямъ, желающимъ опредѣлить въ школу своихъ дочерей. Посѣщается безплатная школа преимущественно дочерьми бѣдныхъ ремесленниковъ, слугъ, поденныхъ рабочихъ и отставныхъ солдатъ.

Готовясь къ открытію школы, распорядительный комитетъ имѣлъ частыя засѣданія, на которыхъ вырабатывался планъ педагогической постановки ея и программы учебныхъ предметовъ. Протоколы этихъ засѣданій и проекты программъ, любезно предоставленные намъ распорядительнымъ комитетомъ, въ подлинникѣ передъ нами; Боже, чего тамъ только не понаписано! Физика, зоологія, отчизновѣдѣніе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, множество книгъ и учебныхъ пособій... Видно, не крохами знаній желало Общество питать юные умы своихъ питомицъ, а отсыпать имъ мѣрою утрясенною и нагнетенною. Много тутъ было, разумѣется, крайностей, увлеченія, непрактичности, но какъ симпатичны подобнаго рода увлеченія. Намъ живо представляется глухая провинція, а въ ней кружокъ женщинъ,

ушедшихъ отъ мелочей и дрязгъ сѣренькой будничной жизни, женщинъ мыслящихъ, стремящихся къ хорошей, свѣтлой цѣли, усердно для нея работающихъ, ведущихъ во имя нея упорную борьбу съ окружающимъ равнодушіемъ и обскурантизмомъ. Это-ли не отрадное явленіе, это-ли не примѣръ, достойный подражанія!

Тѣмъ не менѣе мы вполнѣ понимаемъ, что г. попечитель Одесскаго учебнаго округа отнесся нѣсколько критически къ посланному на его благоусмотрѣніе проекту программы для безплатной женской школы, составленному распорядительнымъ комитетомъ, и предложилъ послѣднему руководствоваться Положеніемъ о городскихъ училищахъ, «въ которомъ означены предметы преподаванія, удовлетворяющіе правильному устройству двухклассной школы».

Итакъ, машина была заведена; оставалось поддерживать и совершенствовать ее, чѣмъ и занялся съ горячею энергіей распорядительный комитетъ. Не вдаваясь въ подробную исторію дѣятельности Екатеринославскаго попечительства о женскомъ образованіи, отмѣтимъ лишь главные моменты, составляющіе какъ-бы эпохи его многолѣтняго существованія.

Открытая Обществомъ безплатная женская школа помѣщалась сначала, какъ уже было сказано, въ небольшомъ деревянномъ домѣ, уступленномъ ей городскою думою. Домъ этотъ былъ ветхъ и тѣсенъ; на ежегодный ремонтъ его затрачивались значительныя суммы; а между тѣмъ онъ имѣлъ все-таки крайне печальный видъ и представлялъ даже нѣкоторую опасность, такъ какъ потолки его во многихъ мѣстахъ были ненадежны. Все это вызывало настоятельную нужду въ постройкѣ новаго школьнаго дома, къ которой Общество и приступило въ 1883 г., при горячемъ содѣйствіи инженеровъ-строителей Екатерининской жел. дор., главнымъ образомъ—инженера Г. М. Будагова. Имъ была составлена смѣта и проектъ новаго зданія, а также пріобрѣтены по дешевымъ цѣнамъ у подрядчиковъ лѣсъ, служившій подмостьями при сооруженіи нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ зданій, и разные другіе строительные матеріалы. Постройка изящнаго деревяннаго зданія съ вышеупомянутою надписью: «Ученье—свѣтъ, неученье—тьма», имѣющаго 9 саженъ въ ширину и 12 саж. въ длину, обошлась въ 8 съ небольшимъ тысячъ рублей. Средства на это получились: 1) изъ основного капитала Общества, накопившагося за 10 лѣтъ и, по уставу, могущаго быть истраченнымъ только на пріобрѣтеніе недвижимой собственности, 2) изъ сборовъ съ концертовъ, спектаклей и т. п. предпріятій, устраиваемыхъ съ этою спеціальною цѣлью, и 3) изъ крупныхъ пожертвованій нѣсколькихъ частныхъ лицъ.

Постройка новаго школьнаго зданія совпала съ исполнившимся

десятилѣтіемъ существованія безплатной школы, скромно отпразднованнаго въ ея стѣнахъ 21 апрѣля 1884 г. Полезная дѣятельность Попечительства о женскомъ образованіи была къ этому времени, такъ сказать, оффиціально признана по представленіи г. директора народныхъ училищъ, «въ виду исполнившагося десятилѣтняго существованія безплатной женской школы, благодаря энергической дѣятельности Общества попечительства о женскомъ образованіи и особенно трудамъ и заботамъ распорядительнаго комитета, отличною постановкою учебно-воспитательнаго дѣла въ означенной школѣ, умѣвшаго привлечь общее вниманіе къ послѣдней и расположить екатеринославское земство, городское общество и частныхъ лицъ къ постояннымъ, крупнымъ въ пользу школы пожертвованіямъ», г. попечитель Одесскаго учебнаго округа поручилъ г. директору объявить всѣмъ членамъ распорядительнаго комитета означеннаго Общества, и особенно А. А. Рындовской-Черновой и Е. А. Грековой, искреннѣйшую благодарность за ихъ усердіе и труды на пользу женскаго образованія.

Старое зданіе школы не было заброшено, но, капитально отремонтированное, пріютило въ своихъ стѣнахъ открытое въ 1887 г. *профессіональное отдѣленіе*, другими словами, спеціально-рукодѣльный классъ для ученицъ, окончившихъ полный общеобразовательный курсъ безплатной школы, а также для окончившихъ курсъ въ женской прогимназіи или курсъ 4-хъ классовъ женской гимназіи. Открытіе профессіональнаго отдѣленія, состоявшееся 15 мая 1887 г., совпало со столѣтнимъ юбилеемъ г. Екатеринослава и было обставлено нѣкоторою торжественностью: рекреаціонный залъ былъ декорированъ цвѣтами и зеленью; на главномъ фонѣ красовался портретъ Императрицы Екатерины II; молебствіе совершалъ преосвященный Серапіонъ, предпославшій молебствію рѣчь, выяснившую почетнымъ гостямъ и членамъ Общества все значеніе этого событія для блага школы.

Профессіональное отдѣленіе начало быстро расширяться; старое-же помѣщеніе, не смотря на капитальный ремонтъ, продолжало быть холоднымъ и тѣснымъ, а потому и вполнѣ неудовлетворительнымъ. И вотъ на общемъ собраніи 26-го ноября 1889 г. распорядительный комитетъ выступаетъ съ проектомъ постройки новаго дома, спеціально приспособленнаго для рукодѣльныхъ классовъ. По приблизительному разсчету, такой домъ долженъ былъ обойтись въ 13.000 руб.; Общество-же располагало для этой постройки капиталомъ, приблизительно, въ 4.000 руб.; недостающую сумму предполагалось добыть устройствомъ предпріятій и путемъ сбора пожертвованій. Объ усердіи и энергіи распорядительнаго комитета свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что 29-го августа 1892 г. постройка была уже окончена и на мѣстѣ

полуразвалившейся лачуги,—стараго школьнаго зданія,—красовался просторный, удобный каменный домъ съ бездною воздуха и свѣта! Многое было сдѣлано въ кредитъ, многіе платежи были разсрочены, но къ концу *второго десятилѣтія* существованія безплатной школы, въ 1894 г., всѣ счеты были уплачены и прекрасное новое зданіе является въ настоящее время чистымъ отъ всякаго долга достояніемъ Общества попечительства о женскомъ образованіи.

Дома безплатной школы служатъ не ей одной: въ каменномъ зданіи пріютился, какъ уже было сказано, *вечерній рисовальный классъ*, а въ деревянномъ—*женская воскресная школа*.

Вечерній рисовальный классъ существуетъ съ 1894 года. Отзывчивый на всѣ вопросы дня, распорядительный комитетъ Общества попечительства о женскомъ образованіи задался цѣлью содѣйствовать распространенію художественно-ремесленнаго образованія въ городскомъ населеніи такого значительнаго промышленнаго центра, какъ Екатеринославъ. Что фабричные рабочіе и женщины-мастерицы нуждаются въ умѣніи рисовать и понимать нарисованное другими—это не подлежитъ сомнѣнію; они-то и имѣлись главнымъ образомъ въ виду при учрежденіи вечерняго рисовальнаго класса, посвященнаго преимущественно рисованію техническому (художественно-ремесленному). Новый видъ дѣятельности Общества прибавлялъ, разумѣется, не мало хлопотъ. Комитетъ зналъ, что въ новомъ его предпріятіи много риска, что первые шаги будутъ медленны; но и сама безплатная школа создалась не вдругъ, и не въ первые годы признали всю пользу ея существованія. Между тѣмъ, казалось, что въ виду стремленій и правительственныхъ, и частныхъ къ распространенію техническихъ и профессіональныхъ начальныхъ знаній, новому дѣлу предстоитъ будущность. Проектъ устава вечерняго рисовальнаго класса, выработанный комитетомъ совмѣстно съ преподавателемъ рисованія З. А. Стефанскимъ, былъ одобренъ дирекціею народныхъ училищъ и представленъ ею на утвержденіе г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, которое не замедлило воспослѣдовать. Средства на оборудованіе рисовальнаго класса получились, благодаря нѣсколькимъ частнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ съ этимъ спеціальнымъ назначеніемъ (въ томъ числѣ 500 руб. пожертвовала предсѣдательница комитета Ек. Ив. Мессарошъ въ память своей покойной матери, М. С. Кохъ, одной изъ учредительницъ Общества). Для покрытія расходовъ по веденію класса рѣшено было брать впослѣдствіи небольшую плату съ постороннихъ лицъ, не обучающихся въ безплатной школѣ, первое-же время обученіе вести безплатно, чтобъ ознакомить городское населеніе съ новымъ дѣломъ и пріохотить его къ послѣднему. Рисовальный классъ открылся 8-го февраля 1894 г. при 69 уча-

щихся. Число это значительно сократилось съ введеніемъ платы (10 руб. за полугодіе); теперь оно снова возрастаетъ, и надо надѣяться, что бойкій, промышленный Екатеринославъ съ теченіемъ времени съумѣетъ оцѣнить всю пользу новаго учрежденія.

Женская воскресная школа существуетъ съ 1888 года. Завѣдуетъ ею кружокъ лицъ, не принадлежащихъ непосредственно къ распорядительному комитету Попечительства о женскомъ образованіи, но находящихся въ близкомъ соприкосновеніи съ нимъ въ качествѣ членовъ его или лицъ, преподающихъ въ безплатной школѣ. Изъ послѣдняго отчета, опубликованнаго воскресною школою за 1893—1894 уч. годъ, мы видимъ, что всѣхъ поступившихъ въ этомъ году ученицъ было 212. По собраннымъ справкамъ, приблизительно, такое-же число, т.-е. 200 съ небольшимъ, поступало и въ прежніе годы.

По возрастамъ: отъ 10 до 12 лѣтъ было 52, отъ 12—15 лѣтъ—126, отъ 15—20 лѣтъ—31 и отъ 20—40 лѣтъ—3 человѣка. Неграмотныхъ поступило 76, малограмотныхъ 128 и грамотныхъ 8.

Всѣ поступившіе образовывали 17 группъ: 7 неграмотныхъ, 9 малограмотныхъ и 1 грамотную, отъ 7—15 человѣкъ въ каждой.

Занятія въ школѣ начинались съ 10 часовъ утра и распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: чтеніе и письмо 2 часа, ариѳметика—1 часъ и Законъ Божій—1 часъ.

Средства на содержаніе воскресной школы получались, главнымъ образомъ, отъ городской думы, ассигновавшей по 25 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, а также отъ частныхъ лицъ, дѣлавшихъ пожертвованія съ этимъ спеціальнымъ назначеніемъ.

Далѣе въ отчетѣ встрѣчаются сѣтованія на нѣкоторыя слабыя стороны, свойственныя всѣмъ воскреснымъ школамъ вообще: на пропускъ уроковъ ученицами, затрудняющій ходъ преподаванія, на неизбѣжность слишкомъ большихъ группъ, происходящую отъ недостатка учащихъ лицъ, на скудость матеріальныхъ средствъ, принуждающую учительницъ и учителей ограничиваться самыми необходимыми книгами и учебными пособіями. Тѣмъ не менѣе, благодаря дружнымъ усиліямъ руководителей воскресной школы, въ кассѣ ея образовался небольшой остатокъ (212 руб.), который рѣшено употребить на покупку нѣкоторыхъ, болѣе цѣнныхъ пособій, какъ-то: географическихъ и естественно-историческихъ атласовъ, картинъ по наглядному обученію и т. п., а также на расширеніе библіотеки. Такимъ образомъ, потихоньку да полегоньку, и это доброе дѣло идетъ впередъ.

Кромѣ вышепоименованныхъ, еще одно благое учрежденіе на пользу народа обязано своимъ существованіемъ Обществу попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ, а именно

Екатериновская коммиссія народныхъ чтеній. На основаніи пункта 3 § 1 устава Общества, предоставляющаго послѣднему право «устраивать чтенія по предметамъ общаго образованія», членъ Общества А. В. Дуровъ на общемъ собраніи 18 апрѣля 1882 г. предложилъ, въ числѣ прочихъ мѣръ расширенія дѣятельности Общества, открыть систематическія народныя чтенія. Собраніе отнеслось сочувственно къ этому предложенію и тутъ-же избрало изъ своей среды коммиссію для детальной разработки вопроса и изысканія средствъ на открытіе народныхъ чтеній. Коммиссія вошла съ ходатайствомъ по этому поводу къ попечителю Одесскаго учебнаго округа. Текстъ ходатайства былъ составленъ А. А. Рындовскою-Черновою, принимавшею самое дѣятельное участіе въ судьбахъ коммиссіи въ первые годы ея существованія до тѣхъ поръ, пока та не окрѣпла и не почувствовала твердой почвы у себя подъ ногами. Въ первые три года всѣ собранія коммиссіи, на которыхъ вырабатывались планы очередныхъ чтеній, происходили у нея на квартирѣ.

27-го января 1883 г. коммиссія получила разрѣшеніе отъ попечителя округа открыть чтенія подъ отвѣтственностью директора народныхъ училищъ, согласно правиламъ для народныхъ чтеній, Высочайше утвержденнымъ 24-го декабря 1876 г., а 13-го февраля 1883 года въ Екатеринославѣ состоялось первое народное чтеніе.

Открывая чтенія, коммиссія не располагала ни одной копѣйкой для дальнѣйшаго веденія дѣла, но она разсчитывала, что дѣло это само за себя постоитъ, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, готовыхъ придти на помощь благому начинанію, и не ошиблась въ разсчетѣ. Не смотря на большія трудности, которыя ей пришлось встрѣтить на своемъ пути, она съумѣла привлечь къ активному участію болѣе сотни лицъ, съумѣла завладѣть симпатіями если и не всего общества, то пробить по этому направленію значительную брешь, благодаря чему въ кассу ея поступаютъ отъ времени до времени значительныя денежныя пожертвованія.

Въ настоящее время коммиссія чувствуетъ себя настолько окрѣпнувшей, что хлопочетъ о самостоятельномъ существованіи, другими словами, не только о фактическомъ, но и о юридическомъ отдѣленіи отъ своей almae matris—Общества попечительства о женскомъ образованіи, чему послѣднее вполнѣ сочувствуетъ. Съ этою цѣлью ею вырабатывается отдѣльный уставъ съ болѣе широкою программою, который, надо надѣяться, будетъ своевременно утвержденъ.

Кромѣ того, 20-го августа 1895 г. коммиссія приступила къ осуществленію своей завѣтной мечты — закладкѣ собственной аудиторіи съ приспособленіемъ для устройства безплатной читальни и

сцены для народнаго театра на отведенномъ городскою думою участкѣ земли.

Эта многотысячная аудиторія, эта безплатная школа съ ея 300 учениць, возникшія, не смотря на первоначальное полное отсутствіе средствъ и затрудненія всякаго рода, не служатъ-ли онѣ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, чего можно достигнуть, благодаря настойчивости, твердости убѣжденій и терпѣнію горсти людей, безкорыстно работающихъ на пользу низшей братіи!

Тѣмъ не менѣе дѣятельность Екатеринославскаго Общества попечительства о женскомъ образованіи, не смотря на всю ея очевидную пользу, подвергается критикѣ со стороны нѣкоторыхъ представителей мѣстной интеллигенціи. La critique est aisée, l'art est difficile! Что-же мудренаго, что у насъ на одного дѣятеля приходится по полдюжинѣ критиковъ? Не вдаваясь въ подробности полемики между антагонистами Общества и ярыми его приверженцами, упомянемъ лишь объ одномъ, наиболѣе вѣскомъ возраженіи первыхъ: они ставятъ Обществу въ вину, что оно отдало большую часть своихъ силъ и заботъ *одному* излюбленному дѣтищу—безплатной школѣ, а не учредило серіи небольшихъ школъ грамотности; Общество-же утверждаетъ, что лучше поставить вполнѣ на ноги нѣсколько десятковъ дѣвочекъ, чѣмъ обучить въ узкомъ смыслѣ слова грамотѣ сотни и пустить ихъ затѣмъ на всѣ четыре стороны, не обезпечивъ даже отъ рецидивизма къ безграмотности. Предоставляемъ читателю стать на ту или другую сторону; замѣтимъ лишь, что Общество видимо стремится распространять свою дѣятельность среди народной массы. Доказательствомъ этому служитъ школа грамотности на одной изъ бѣднѣйшихъ фабричныхъ окраинъ Екатеринослава, въ такъ называемой Чечелевской слободкѣ. Иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежитъ предсѣдательницѣ Общества, извѣстной екатеринославской общественной дѣятельницѣ Е. И. Мессарошъ.

Вина-ли Общества, что сборы пожертвованій на новую школу идутъ туго, что въ то время, какъ населеніе самого Екатеринослава возрасло за послѣднюю четверть вѣка отъ 30.000 до 80.000, число членовъ Общества осталось при скромной цыфрѣ 168, что главная черновая работа въ распорядительномъ комитетѣ лежитъ по прежнему на Ал. Ал. Рындовской и Елиз. Адріан. Грековой, на смѣну которымъ не подоспѣлъ еще никто изъ молодого женскаго поколѣнія?

А. В. М.

Методическіе пріемы веденія письменныхъ работъ по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ октябрѣ 1892 г. послѣдовало открытіе педагогическаго отдѣла Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Не прошло и года, какъ отдѣлъ издалъ 1-й выпускъ своихъ «Трудовъ», въ видѣ небольшой книги, около семи печатныхъ листовъ. За исключеніемъ краткихъ отзывовъ, мнѣ не приходилось встрѣчать болѣе внимательнаго отношенія печати къ «Трудамъ» Харьковскаго педагогическаго отдѣла, а между тѣмъ какъ его дѣятельность, такъ и отношенія пріютившаго отдѣлъ подъ своею сѣнью историко-филологическаго Общества настолько почтенны и близки къ современной жизни средней школы, что остановиться болѣе подробно на нѣкоторыхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1-мъ выпускѣ «Трудовъ», мнѣ кажется, весьма желательно и поучительно. Это тѣ статьи, которыя затрогиваютъ важный, животрепещущій вопросъ современной школы, лучше сказать—больное мѣсто ея,—методическіе пріемы веденія письменныхъ работъ по русскому языку, преимущественно въ старшихъ классахъ. Стало быть, педагогическій отдѣлъ столь почтеннаго Общества, съ первыхъ-же шаговъ своей дѣятельности, обратилъ вниманіе на существенную сторону современнаго обученія въ средней школѣ, заслушалъ, подвергъ обсужденію и напечаталъ рефераты, представляющіе важныя свѣдѣнія о томъ, какъ въ практикѣ гимназическаго обученія поставлено дѣло пріобрѣтенія учениками навыковъ писанія сочиненій. Прежде чѣмъ познакомиться съ содержаніемъ этихъ статей, скажемъ о нѣкоторыхъ, особенно благопріятныхъ условіяхъ существованія Харьковскаго педагогическаго отдѣла.

Историко-филологическое Общество при Харьковскомъ университетѣ возникло еще въ 1876 году, но дѣятельность его стала особенно оживляться съ 1878 г., когда предсѣдателемъ молодого Общества былъ избранъ и оставался въ этой должности до самой смерти (въ 1891 г.) незабвенный профессоръ и знаменитый ученый Александръ

Аѳанасьевичъ Потебня. До 1893 г. Общество не выходило изъ научныхъ рамокъ, хотя многознаменательныя слова покойнаго А. А. Потебни намѣчали уже зародышъ будущей плодотворной дѣятельности Общества въ возможности проникновенія въ практическую жизнь, въ сферу прикасающейся къ нему педагогіи. «Успѣхи человѣческаго развитія,—говорилъ покойный профессоръ,—выражаются въ сознаніи, что чистыя науки, свободныя отъ какихъ-либо утилитарныхъ цѣлей, способны сами по себѣ удовлетворить человѣка, способны доставить ему такое удовольствіе, какое, напримѣръ, доставляетъ искусство; но въ то-же время нѣтъ знанія, которое рано или поздно не принесло-бы прямой ощутительной пользы» *).

И вотъ Историко-филологическое Общество, «вѣрное завѣтамъ своего учителя,—по словамъ предсѣдателя отдѣла, профессора Н. Ѳ. Сумцова,—не сходя съ научной почвы, подаетъ руку практической жизни, чтобы освѣтить и посильно расчистить одинъ изъ самыхъ трудныхъ ея путей—путь воспитанія» **).

При посредствѣ своей «метрополіи»—Филологическаго Общества—педагогическій отдѣлъ, естественно, сталъ носить филологическій характеръ, что доказываетъ и содержаніе перваго выпуска его «Трудовъ». Преподаватели филологическихъ предметовъ въ средней школѣ (русскій яз. со словесностью, исторія съ географіей, древніе и новые языки) имѣютъ, понятно, тѣсную связь черезъ Историко-филологическое Общество съ университетомъ, а тѣмъ самымъ поддерживается и крѣпнетъ научно-воспитательная университетская традиція, такъ часто разрываемая, къ сожалѣнію, питомцами со своей almae matris. Съ другой стороны, въ благопріятномъ случаѣ, такое рѣдкое и отрадное явленіе, какъ единеніе профессорскаго персонала съ преподавателями средне-учебныхъ заведеній, должно оказать благотворное вліяніе и на интеллигенцію провинціальнаго общества, въ смыслѣ возбужденія интереса къ педагогическимъ вопросамъ и, какъ прямое слѣдствіе отсюда, содѣйствовать сближенію семьи и школы. Нечего и говорить, что отдѣлъ, связанный съ университетомъ, является объединяющимъ центромъ педагогической корпораціи всего учебнаго округа. Это лабораторія дидактическихъ и методическихъ доктринъ, подсказанныхъ жизнью, провѣренныхъ опытомъ и укрѣпленныхъ живымъ обмѣномъ мыслей въ педагогическихъ засѣданіяхъ отдѣла. Особенно важно подспорье его для начинающихъ учителей: сюда понесутъ они свои мысли, сомнѣнія, промахи и въ бесѣдѣ съ опытными людьми, вооруженными знаніемъ, найдутъ под-

*) «Труды педагогическ. отдѣла». Вып. I, стр. 15.

**) Ibid., стр. 15.

держку и указанія, разрѣшеніе своихъ сомнѣній, и нравственно одобренные, освѣженные умственно, съ большею смѣлостью, безъ колебаній, пойдутъ по избранному ими тернистому пути.

Почетный предсѣдатель отдѣла, г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, присутствовавшій при чтеніи и обсужденіи рефератовъ въ засѣданіяхъ, выразилъ желаніе, чтобы сообщенія, особенно близкія къ школьной практикѣ, помѣщались, въ извлеченіи, въ циркулярахъ округа, для ознакомленія съ ними иногороднихъ преподавателей.

При началѣ-же своей дѣятельности отдѣлъ обнаружилъ большую энергію: въ теченіе полугода было семь засѣданій; обсуждалось 15 рефератовъ, изъ коихъ семь принадлежало профессорамъ и восемь— преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тринадцать изъ доложенныхъ сообщеній напечатаны въ первомъ выпускѣ «Трудовъ». Вотъ содержаніе этой интересной, на нашъ взглядъ, по участію сотрудниковъ книги: «Отчетъ о дѣятельности педагогическаго отдѣла за первое полугодіе».

«М. С. Дриновъ (*профессоръ и предсѣдатель Историко-филологическаго Общества*) *). Рѣчь при открытіи отдѣла».

«Н. Ѳ. Сумцовъ, *профессоръ*. Рѣчь при открытіи отдѣла».

«М. Е. Халанскій (*бывшій преподаватель словесности въ гимназіи, нынѣ профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ исторіи русскаго языка*). О методѣ обученія писанію сочиненій въ среднеучебныхъ заведеніяхъ».

«Н. С. Протопоповъ. Къ вопросу о сочиненіяхъ».

«С. А. Новицкій. Чтеніе и языкъ сочиненій».

«А. Г. Левандовскій. О чтеніи древнихъ авторовъ».

«А. В. Ветуховъ. Янъ Амосъ Коменскій».

«Н. И. Алякритскій. А. В. Кольцовъ».

«И. М. Собестіанскій. Отчетъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній за 1891 г.».

«Г. Ѳ. Шульцъ (*профессоръ греческаго языка и словесности*). Julius Keller, Die Grenzen der Uebersetzungskunst (Beilage zu dem Programm des Grossherzoglichen Gymnasiums zu Karlsruhe für das Schuljahr 1891—1892. Programm 1892, № 602)».

«В. П. Бузескулъ (*профессоръ всеобщей исторіи*). По поводу новыхъ учебниковъ по всеобщей исторіи».

«Н. И. Алякритскій. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой литературы съ библіографическими замѣчаніями. Дерптъ, 1892 г.»

«Н. Ѳ. Сумцовъ. М. Л. Песковскій. К. Д. Ушинскій. Біографическій очеркъ. 1892 г.».

---

*) Курсивомъ мною обозначены авторы-профессора.

«Его же. А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища (1790—1890). Изданіе Харьковскаго губернскаго статистич. комитета. Харьковъ, 1893 г.».

«Б. А. Краевскій. Объяснительная замѣтка къ таблицамъ спряженія и склоненія въ нѣмецкомъ языкѣ, составленнымъ Б. А. Краевскимъ».

Какъ видно изъ этого простого перечня нѣкоторыхъ почтенныхъ и извѣстныхъ въ наукѣ именъ и содержанія «Трудовъ»—книга достойна вниманія. Къ числу-же статей, имѣющихъ интересъ для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній по затронутымъ въ нихъ вопросамъ, относятся сообщенія гг. Халанскаго, Протопопова и Новицкаго.

Нельзя сказать, чтобы у насъ было сдѣлано очень много по методологіи русскаго яз. Методика обученія русскому яз. въ низшихъ классахъ средней школы, если еще и не достигла, по своей разработкѣ, надлежащей высоты, то, по крайней мѣрѣ, идетъ по тому пути, который приведетъ ее, даже и въ недалекомъ будущемъ, къ совершенно раціональнымъ пріемамъ обученія и грамматикѣ, и объяснительному чтенію и письму. Низшая народная школа давно уже пользуется такими усовершенствованными методами, и приводитъ учащихся къ блестящимъ результатамъ. Пріемы обученія въ низшей школѣ, разработанные К. Д. Ушинскимъ, барономъ Н. А. Корфомъ и др. педагогами, при современномъ пробужденіи въ обществѣ интереса къ распространенію грамотности въ народѣ, при толкахъ о всеобщемъ обученіи, еще болѣе будутъ развиваться, а затѣмъ, какъ это было и раньше, перейдутъ въ среднюю школу. Средніе классы гимназіи въ этомъ отношеніи также довольно счастливы: разработка методовъ анализа литературныхъ образцовъ, съ легкой руки покойныхъ Стоюнина, Водовозова и др., продолжаетъ занимать преподавателей словесности, и они работаютъ надъ развитіемъ и методовъ обученія теоріи и исторіи словесности. А что это такъ—доказываетъ, между прочимъ, чуть не ежедневное появленіе множества учебниковъ, руководствъ, всевозможныхъ пособій, съ руководящими статьями, и «опытовъ» разбора образцовыхъ произведеній литературы, указанныхъ министерскими программами. Среди никуда негоднаго хлама, все-таки, встрѣчаются и довольно цѣнные труды. Нельзя сказать того-же объ обученіи русской грамматикѣ: хорошаго учебника, вполнѣ удовлетворяющаго запросамъ школы, преимущественно для среднихъ классовъ ея, мы еще пока не дождались, и какъ проходить грамматику, практически или теоретически, до сихъ поръ еще споримъ. Еще того хуже стоятъ методическіе пріемы обученія церковно-славянскому языку: методы не выработаны, требованія недостаточно выяснены,

и въ преподаванiи царитъ большое свободомыслiе. Усвоивъ взглядъ на самостоятельность этого предмета, безъ отношенiя его къ русскому языку, нѣкоторые преподаватели основательно штудируютъ со своими учениками грамматическiя, въ особенности фонетическiя данныя (благо послѣднiя прекрасно разработаны) церковно-славянскаго языка, проходятъ его грамматику и разбираютъ Остромирово евангелiе, пожалуй, не менѣе серьезно, чѣмъ это дѣлается на историко-филологическомъ факультетѣ. Другiе видятъ въ церковно-славянской грамматикѣ только служебную роль, средство для болѣе устойчиваго усвоенiя явленiй русскаго языка, и проходятъ ее слегка, à vol d'oiseau. Тѣмъ не менѣе и въ этой области также замѣчается прогрессъ въ выборѣ методическихъ прiемовъ и сказывается стремленiе облегчить для учащихся усвоенiе поставленнаго на научную почву грамматическаго матерiала. По крайней мѣрѣ, замѣтна весьма существенная разница между учебниками церковно-славянской грамматики, вышедшими лѣтъ 15—20 назадъ, и появляющимися теперь. Сравните, напримѣръ, учебники Колосова и Смирновскаго: первый, при несомнѣнной научности своего изложенiя, менѣе доступенъ для учениковъ IV-го класса, по конспективности своей, чѣмъ второй.

Но крайне недостаточно разработана методика обученiя писанiю сочиненiй въ старшихъ классахъ гимназiи. Недаромъ столько упрековъ, къ сожалѣнiю, справедливыхъ, выпадаетъ на долю учителей русскаго языка и со стороны учебнаго начальства, и печати, и общества въ недостаточной грамотности, въ бѣдности содержанiя, въ неумѣломъ изложенiи «сочиненiй» гимназистовъ... Однакожъ «audiatur et altera pars». Дѣятельность преподавателя русской словесности замкнута опредѣленными рамками правительственныхъ программъ; объяснительныя записки съ должною полнотою указываютъ цѣли веденiя письменныхъ работъ, тщательно раздѣляя ихъ по видамъ и группируя по классамъ, и, все-таки, онѣ предоставляютъ заботамъ преподавателя выработать и примѣнить рацiональные прiемы для прiобрѣтенiя учащимися навыковъ въ развитiи темы, грамотнаго, послѣдовательнаго изложенiя, а также воспитать ихъ вкусъ къ правильной, литературной и изящной рѣчи. Въ указанiяхъ методологiи по этому вопросу преподаватель, при всемъ своемъ добромъ намѣренiи, найдетъ немного и volens-nolens остановится на книгѣ г. Бѣлявскаго: «Методъ веденiя сочиненiй въ старшихъ классахъ гимназiй». М. 1881 г. и «Сборникахъ темъ» Гаврилова, Холевiуса и Весина. Что-же касается примѣненiя на практикѣ въ высшей степени полезныхъ указанiй и задачъ, помѣщенныхъ въ книгѣ Стоюнина: «О преподаванiи словесности», въ его-же теоретическомъ и историческомъ учебникѣ и руководствѣ Водовозова, то, съ новымъ распредѣленiемъ

литературнаго матеріала по классамъ, не всегда возможно воспользоваться такими указаніями и задачами. Приходится, слѣдовательно, работать безъ поддержки и поступать «по собственному усмотрѣнію». Вотъ почему каждая статья, брошюра, книжка, трактующая этотъ вопросъ, производитъ впечатлѣніе оазиса въ пустынѣ, къ которому, заранѣе вознося благодарность небу, спѣшитъ блуждающій по безплодной почвѣ методическихъ противорѣчій преподаватель отечественнаго языка.

Г. Халанскій даетъ весьма полезныя указанія въ своей статьѣ: «О методѣ обученія писанію сочиненій въ средне-учебныхъ заведеніяхъ». Можно соглашаться или не соглашаться съ выводами почтеннаго автора, но познакомиться съ его взглядами въ спорномъ и мало разработанномъ вопросѣ положительно необходимо, тѣмъ болѣе, что эти взгляды отличаются нѣкоторою широтою. Авторъ ставитъ, напримѣръ, такую высокую цѣль веденія письменныхъ работъ въ средней школѣ: «Высшая задача гимназическаго обученія писанію сочиненій,—говоритъ онъ,—состоитъ не только въ томъ, чтобы научить учениковъ писать логически стройно, стилистически-правильно (и, разумѣется, грамотно), но и въ томъ, чтобы подружить ученика съ перомъ и бумагой, пріучить его съ любовью и охотой заниматься сочиненіями, сдѣлать для ученика это занятіе, по возможности, пріятнымъ, а не тяжелымъ и утомительно «труднымъ», не обузой, не повинностью, а въ значительной степени потребностью души» *). Такимъ образомъ, обученіе писать сочиненія преслѣдуетъ учебно-воспитательныя цѣли, что въ дѣйствительности, какъ извѣстно, часто упускается изъ виду, въ особенности въ старшихъ классахъ, какъ будто 17—18-лѣтніе юноши представляютъ уже вполнѣ сложившіеся характеры, типы, отлившіеся въ неизмѣнныя формы... На практикѣ это обученіе сводится къ тому, чтобы довести абитуріентовъ до умѣнья написать, во время испытанія зрѣлости, приличные отвѣты, хотя и шаблонные, сѣренькіе. Въ рѣдкихъ случаяхъ принимается еще, пожалуй, въ соображеніе умственная гимнастика; всѣ-же другія стороны педагогическаго воздѣйствія учебнаго предмета, при этомъ обученіи, устраняются, какъ излишній балластъ, мѣшающій преподавателю скорѣе приблизиться къ конечной цѣли.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Бѣлявскаго о необходимости заранѣе обдуманнаго учениками и одобреннаго учителемъ плана, г. Халанскій находитъ въ такомъ методическомъ требованіи много неудобствъ въ практическомъ примѣненіи его. «Главный недостатокъ,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, что онъ не соотвѣтствуетъ

*) «Труды», стр. 20.

психологическому процессу, наблюдаемому надъ самимъ собою всякимъ мыслящимъ и излагающимъ письменно, въ формѣ сочиненія, свои мысли. Планъ совершенно уясняется, опредѣляется и устанавливается всегда послѣ того, какъ готово и выяснено содержаніе... Поэтому антипсихологически и, слѣдовательно, антипедагогически заставлять учениковъ поступать вопреки здравому мышленію и требовать составленія подробнаго плана, съ подведеніемъ частныхъ сужденій подъ общія, установленіемъ логическихъ дѣленій и проч., и проч. То, что у образцоваго писателя является въ результатѣ работы, мы заставляемъ учениковъ продѣлывать съ невѣроятными усиліями въ началѣ»... *).

На этихъ соображеніяхъ г. Халанскаго позволимъ себѣ остановиться. Можно-ли согласиться съ авторомъ и признать составленіе плана передъ работой «антипсихологическимъ» процессомъ и «антипедагогическимъ» требованіемъ? Къ сожалѣнію, авторъ показываетъ свой пріемъ писанія сочиненій въ V классѣ на простой темѣ «Классная комната», гдѣ требовать планъ нѣтъ основанія, такъ-какъ описательный характеръ темы намѣчаетъ уже путь слѣдованія мыслей: стоитъ только обозначить точки зрѣнія, съ которыхъ будетъ разсматриваться описываемый предметъ. Гораздо важнѣе было-бы иллюстрировать примѣромъ разсужденія на отвлеченную тему, какъ авторъ обучалъ своихъ учениковъ составлять сочиненіе, подражая образцамъ, въ родѣ разсужденій Карамзина: «О любви къ отечеству и народной гордости», «О счастливѣйшемъ времени жизни», «О пользѣ исторіи» и разсужденію Павлова: «Различіе между изящными искусствами и науками». Въ виду отсутствія такого примѣра, самый пріемъ представляется необоснованнымъ, и потому не убѣдителенъ. Точно также мысль объ «антипсихологичности и антипедагогичности» составленія плана до того, какъ работа написана, требуетъ большей силы доказательствъ, иначе представляется, какъ увидимъ дальше, сомнительной, слишкомъ голословной. Мы, напримѣръ, убѣждены, что законы психологіи и логики въ процессѣ творчества взаимно переплетаются, и поставить рѣзкія границы тамъ, гдѣ оканчивается психологическое явленіе и начинается дѣйствіе логическаго закона— едва-ли возможно.

Возьмемъ простѣйшій актъ творчества, напримѣръ, ученическое разсужденіе на тему для VII класса: «Истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ для вѣчности» (Карамзинъ). У каждаго, вдумывающагося въ эту тему, совершается въ тайникахъ мыслительной дѣятельности нѣчто такое, что приводитъ сознаніе къ ряду комплексовъ

*) Ibid., стр. 19.

мысли, т.-е. къ содержанію будущаго разсужденія, скрытому въ тематическихъ элементахъ. Эти зародыши мысли еще не ясны, не приведены въ систему и представляютъ хаосъ. Что-же, тутъ дѣйствуютъ психологическіе или логическіе законы? Думается, тѣ и другіе, удачно сочетавшись волею мыслящаго субъекта, ведутъ сознаніе къ одной намѣченной цѣли—раскрытію темы. Въ дальнѣйшемъ процессѣ «проникновенія» въ тему, ученикъ, отправляясь отъ представленій и понятій, переходитъ къ ряду сужденій. И тутъ выдѣлить логическіе законы изъ самаго процесса мышленія нельзя. Логическая обоснованность сужденій находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ автора, его находчивостью умѣло пользоваться раньше извѣстнымъ (реминисценціи) и приводитъ данныя въ стройную систему. Въ такомъ процессѣ «обдумыванія» темы дѣйствуетъ и память, и воспоминаніе, т.-е. психическіе элементы, и имѣютъ широкое примѣненіе логическіе законы тожества и достаточнаго основанія. Гдѣ-же тутъ «антипсихологичность»? Съ того момента, какъ тема объявлена, до того, какъ ученикъ готовъ занести первую мысль плана, т.-е. время «обдумыванія» темы, для нормальнаго ученика VII класса, не превышаетъ 8—10 минутъ. Далѣе юные авторы приступаютъ къ набрасыванію своихъ мыслей не въ формѣ главныхъ предложеній, принимаемыхъ обыкновенно для плана, а однимъ—двумя словами, такъ сказать, намеками на будущія мысли, развивающія тему. По мѣрѣ того, какъ выясняется въ сознаніи содержаніе сочиненія, возможны, конечно, перестановки набросанныхъ въ планѣ мыслей, преимущественно въ подведеніи частныхъ мыслей подъ общія. Въ примѣненіи къ выбранной нами темѣ, остовъ будущаго плана можетъ быть изображенъ, приблизительно, въ такомъ видѣ: «Зависимость отъ эпохи. Сила таланта. Вѣчность высокихъ идей. Народность и общечеловѣческія идеи». Въ дальнѣйшемъ ходѣ работы этотъ скелетъ облекается мышцами, мускулами, и является въ слѣдующемъ видѣ: «Авторъ находится въ зависимости отъ своей эпохи (народность, общество, умственное и нравственное развитіе). Различіе въ силѣ таланта. Созданіе вѣчныхъ идей и образовъ. Творенія выдающагося писателя не забываются потомствомъ. Національное направленіе, принятое истиннымъ талантомъ, не мѣшаетъ ему проявить общечеловѣческія мысли и чувства». Такимъ планомъ и слѣдуетъ довольствоваться, какъ намѣчающимъ развитіе мыслей разсужденія и не требующимъ большой затраты времени для средняго ученика. Болѣе развитые и даровитые юноши не затруднятся черезъ полчаса или часъ представить вполнѣ стройный видъ плана:

1. Талантъ находится въ зависимости отъ эпохи:

а) вліяніе національныхъ чертъ;

б) общество, въ которомъ онъ живетъ:

«Въ заботахъ суетнаго свѣта
«Онъ малодушно погруженъ»,

в) умственное и нравственное развитіе его въ зависимости отъ среды.

2. Понятіе «истинный» талантъ:

а) широта творческаго замысла;

б) художественность образовъ и языка;

в) глубина идеи въ произведеніяхъ.

3. «Дань вѣку» и творчество «для вѣчности»:

а) отраженіе народности въ произведеніяхъ писателя;

б) субъективный элементъ произведенія возводитъ его къ вѣчнымъ, неизмѣннымъ сторонамъ человѣческаго духа (общечеловѣческія мысли и чувства).

4. «Истинный талантъ», при созданіи національныхъ произведеній, проявляетъ въ нихъ общечеловѣческія черты:

а) «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина;

б) «Мцыри» Лермонтова;

в) Чичиковъ и Хлестаковъ Гоголя;

г) Репетиловъ и Чацкій Грибоѣдова.

Въ каждомъ изъ этихъ типовъ, несмотря на глубоко-національныя черты характера, писатели дали и общечеловѣческія основы.

Заключеніе. Понимая подъ выраженіемъ «истинный талантъ» поэтическую дѣятельность великаго писателя, слѣдуетъ въ истинномъ, высокомъ творчествѣ, выражаемомъ въ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ, видѣть замыслы поэта на основѣ общечеловѣческихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій.

Понятно, планъ можетъ варіироваться на множество ладовъ, какъ и самое развитіе темы предполагаетъ различные пути. Такимъ образомъ, естественный ходъ писанія сочиненія таковъ: 1) выясненіе и «обдумываніе» тематическихъ данныхъ, скрывающихъ содержаніе; 2) составленіе плана въ видѣ набрасываемыхъ мыслей — работы, предшествующія писанію сочиненія. Далѣе остается связать и развить полнѣе намѣченныя мысли, въ чемъ особыхъ затрудненій ученики не встрѣтятъ, если они хотя немного подготовлены выражаться литературно. Такая работа мысли, думаю, не находится въ разногласіи съ психологіей.

На нашъ взглядъ, съ которымъ, вѣроятно, согласятся и многіе преподаватели отечественнаго языка, составленію плана въ классѣ, подъ руководствомъ учителя, какъ особому виду упражненій, слѣдуетъ посвящать въ старшихъ классахъ нѣсколько уроковъ (сокра-

тивъ, напримѣръ, время раздачи исправленныхъ учителемъ работъ). По этимъ планамъ можно, затѣмъ, предложить ученикамъ исполнить домашнюю работу. При этомъ, въ высшей степени полезномъ упражненіи, въ работѣ принимаетъ участіе весь классъ; есть интересъ, а потому интенсивнѣе работаетъ мысль его, и благородное соревнованіе побуждаетъ въ отдѣльности каждаго ученика серьезнѣе углубляться въ тему. Въ теченіе одного урока, помощью наводящихъ вопросовъ, можно развить темы двѣ средней трудности, и записать выработанные планы въ тетради съ должной полнотой, если только преподаватель не станетъ увлекаться дробленіемъ мыслей плана и останавливаться на выясненіи излишнихъ подробностей. Во время такой, въ строгомъ смыслѣ литературной бесѣды ученики припоминаютъ прочитанныя и усвоенныя свѣдѣнія и кстати пользуются ими. Тутъ ужъ и самъ преподаватель долженъ придти на помощь и навести учениковъ на извѣстную ассоціацію и указавъ, какъ примѣнять прочитанное раньше и усвоенное на урокахъ не только русской словесности, но и другихъ предметовъ, а этимъ поддерживается связь между отдѣльными предметами гимназической программы. Въ рукахъ опытнаго преподавателя составленіе плана—это тотъ моментъ, когда юноши учатся мыслить и разсуждать отвлеченно и усвоиваютъ привычку не пугаться темы и самого процесса писанія сочиненій, вдумываться въ свои мысли, подвергать ихъ критикѣ и такъ какъ эти мысли излагаются устно, то пріемъ такой способствуетъ пріобрѣтенію навыка въ «живомъ словѣ», развивается умѣнье говорить, а его-то и незамѣтно среди нашихъ гимназистовъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что совмѣстная работа сближаетъ преподавателя съ классомъ, а потому имѣетъ и другое педагогическое значеніе — умственный и нравственный престижъ личности учителя въ яркомъ его выраженіи. Приходится сожалѣть, что сложная программа курса словесности въ старшихъ классахъ не позволяетъ чаще прибѣгать къ этому виду работъ. «Естественная веселость», которую замѣтилъ г. Халанскій, при совмѣстной работѣ съ учениками V кл., составляя описаніе классной комнаты, и взаимная бодрость учащаго и учащихся наблюдается и въ старшихъ классахъ, при составленіи плана на любую тему. И здѣсь не слѣдуетъ подавлять эту веселость, и отъ педагогическаго такта и авторитета преподавателя зависитъ удержать ее въ границахъ, не допускать хаоса, хотя, конечно, обычная классная дисциплина, граничащая съ мертвой тишиной, тутъ и не должна быть. Иногда бесѣда и нарушитъ тишину: трудно сдержать заинтересованныхъ работой юношей и заставить ихъ соблюдать очередь въ устномъ изложеніи прошедшихъ имъ мыслей, но въ этомъ бѣды еще большой нѣтъ. Въ настоящее время для такой классической

бесѣды даютъ богатый матеріалъ темы, предложенныя за послѣднія пятнадцать лѣтъ на испытаніи зрѣлости въ различныхъ округахъ и напечатанныя въ «Жур. Мин. Нар. Просв.».

Подготовка учениковъ къ писанію сочиненій и, какъ вѣнецъ такого обученія, умѣнье развивать отвлеченныя темы, находится въ тѣсной зависимости отъ послѣдовательнаго веденія письменныхъ работъ, начиная съ I-го класса. Преподаватель, не упуская изъ виду конечной цѣли обученія, долженъ позаботиться о пріученіи учениковъ уже первыхъ двухъ классовъ составлять краткіе планы разученныхъ басенъ, стихотвореній и прочитанныхъ прозаическихъ статеекъ. Для этого необходимо завести особыя тетради, которыя и явятся хорошимъ подспорьемъ для повторенія пройденнаго курса. Въ III и IV классахъ къ диктовкамъ, списыванію съ книги, письму разученнаго наизусть матеріала, что составляетъ виды письменныхъ упражненій въ предыдущихъ классахъ, прибавляются новыя упражненія,—извлеченіе и пересказъ прочитанной учениками или преподавателемъ статьи. Матеріалъ для составленія плана теперь еще больше расширяется, и каждому изложенію предпосылается планъ. Въ IV классѣ нѣкоторые преподаватели даютъ уже и несложныя описанія, въ родѣ того, которое дѣлаетъ г. Халанскій въ V классѣ, и поступаютъ совершенно раціонально. Съ перенесеніемъ теоріи словесности въ программу VIII класса, объяснительная записка имѣетъ въ виду попутное выясненіе родовъ и видовъ прозы и поэзіи на проходимыхъ образцахъ, даже съ IV класса. Поэтому, и въ этомъ классѣ умѣстно выяснить ученикамъ теорію описанія. Держать-же ихъ въ невѣдѣніи по теоріи словесности до VIII класса едва-ли и возможно: въ V и VI классахъ имъ предстоитъ уже изучать образцы исторіи литературы, знакомиться съ лѣтописью, «Словомъ о полку Игоревѣ», съ сатирической дѣятельностью Кантемира, съ одами Ломоносова, трагедіями Сумарокова и проч., и потому изъ предшествующаго класса они должны придти въ V классъ съ такой подготовкой, чтобы не встрѣтить затрудненій въ курсѣ исторіи литературы. Заниматься-же въ V кл. описаніемъ классной комнаты поздно: тутъ въ пору управиться съ пріученіемъ учениковъ излагать современнымъ языкомъ содержаніе пройденныхъ образцовъ древней литературы, съ письменнымъ разборомъ ихъ, съ составленіемъ характеристикъ Владиміра Мономаха, Іоанна Грознаго, пѣвца «Слова» и съ другими особенностями литературнаго матеріала, положеннаго программою для этого класса.

Лѣса будущаго стройнаго зданія, составленіе плана, программы, словомъ—работа, предшествующая изложенію мыслей на извѣстную тему, занимала и нашихъ великихъ мастеровъ слова. А ужъ Пуш-

кинъ, Лермонтовъ и Гоголь могли-бы обойтись безъ плана! Если-же и они прибѣгаютъ къ нему, прежде чѣмъ приступить къ творчеству, то, стало быть, такой актъ не только не стѣсняетъ творчества и не противорѣчитъ психологическимъ явленіямъ, а, должно быть, облегчаетъ ихъ. Вотъ, напримѣръ, Пушкинъ такъ намѣчаетъ подготовительные отрывки изъ «Египетскихъ ночей»: 2. «Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о смерти — избираетъ теплыя ванны. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ оду. Описаніе приготовленій; онъ перевязываетъ рану и начинаетъ разсказъ. *Первый вечеръ*: о Клеопатрѣ—наши разсужденія о томъ» и проч. *).

У Лермонтова: «*Сюжетъ трагедіи*». Въ Америкѣ. Дикіе, угнетенные испанцы. Изъ романа французскаго Аттала» **).

У Гоголя: «Къ 1-й части. Идея города. Возникшая до высокой степени пустота. Пустословіе, сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья и приняло выраженіе смѣшное въ высшей степени. Какъ люди доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей. *Частности* въ разговорахъ дамъ. Какъ къ общимъ сплетнямъ примѣшиваются частныя сплетни. Какъ въ нихъ не щадятъ одна другую» и проч. ***).

Трудно себѣ и представить, какъ изъ этихъ ячеекъ возникаетъ цѣлое стройное твореніе, а, между тѣмъ, и стройностью-то своей оно до извѣстной степени обязано этимъ наброскамъ мысли, сдѣланнымъ рукою художника подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ творческаго замысла. Нѣтъ нужды, что иногда, уже въ самомъ актѣ творчества, писатель отступаетъ отъ плана, переставляетъ его части, кое-что дополнитъ, иное выброситъ, — сущность замысла отъ того не мѣняется. Что такіе общіе штрихи произведеній писателей напечатаны въ незначительномъ числѣ, объясняется вѣроятнымъ уничтоженіемъ черновыхъ набросковъ авторами, послѣ завершенія творчества въ окончательномъ видѣ.

Г. Халанскій справедливо замѣчаетъ: «приходилось выяснять ученикамъ, что составленный въ началѣ планъ или проектъ сочиненія при самомъ писаніи можетъ измѣняться въ подробностяхъ» ****). Иначе и быть не можетъ. И къ составленію плана сочиненія примѣнимо классическое правило «saepe stylum vertas» — въ болѣе широкомъ значеніи: исправленія не только внѣшности труда, его слога, но и внутренняго содержанія, мысли.

---

*) Сочинен. Пушкина, изд. Павленкова, 1887 г., стр. 992.

**) Сочинен. Лермонтова, 5 изд. Ефремова, 1882 г., т. II, стр. 640.

***) Сочинен. Гоголя, изд. 5, Москва. 1884 г., т. III, стр. 417.

****) «Труды», стр. 24.

Не будучи сторонникомъ составленія плана передъ работой, г. Халанскій совѣтуетъ въ иныхъ случаяхъ прибѣгать къ помощи *хріи*, какъ испытаннаго средства у педагоговъ глубокой древности, III в. до Р. Х. «Польза ея неоцѣнима,—говоритъ онъ,—при сочиненіяхъ на пословицы и изреченія, особенно когда нужно представить сочиненіе въ 3—5 часовъ» *). Снисходительное отношеніе къ покойницѣ хріи, вообще говоря, служитъ въ похвалу автору: «de mortuis aut bene, aut nihil», но вызывать изъ праха тлѣнія давно забытую хрію въ то время, когда г. Халанскій не видитъ необходимости даже и въ планѣ, чтобы не налагать, конечно, стѣснительныхъ методическихъ путъ на индивидуальность ученика и не подгонять всѣхъ подъ одинъ ранжиръ — такое заявленіе въ устахъ автора кажется намъ нѣкоторымъ противорѣчіемъ. Конечно, не все старое плохо, не все новое хорошо, но вѣдь хрія со своими exordium, conclusium, похвалами автору изреченія и проч. замѣчательными рубриками, имѣла смыслъ въ курсѣ риторики. Припоминая хрію и желая быть послѣдовательнымъ, нужно было-бы вспомнить и безцѣльное зубреніе риторики, а вызывая ее къ жизни, не слѣдуетъ-ли и нынѣшнихъ словесниковъ обратить въ старинныхъ профессоровъ элоквенціи? Развивать тему по хріи, топиками, можетъ ученикъ, не понимающій темы. Неужели верхоглядство и безсодержательная болтовня общими мѣстами могутъ быть присущи идеалу современнаго обученія? Слава Богу, такая «учёба» отошла въ область школьныхъ преданій и возродиться къ жизни вновь не можетъ...

Въ числѣ мѣръ, рекомендуемыхъ г. Халанскимъ для поднятія успѣшности сочиненій въ гимназіяхъ, указывается на необходимость привлечь къ веденію письменныхъ работъ преподавателей исторіи, географіи и древнихъ языковъ. Насколько намъ извѣстно, эти мѣры уже осуществляются: во многихъ гимназіяхъ преподаватели исторіи и географіи предлагаютъ ученикамъ VII и VIII классовъ темы по своимъ предметамъ. И эта мѣра, дѣйствительно, прекрасна, особенно при томъ широкомъ выборѣ темъ для испытанія зрѣлости, какой практикуется начальствомъ нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ. А вотъ нельзя согласиться съ г. Халанскимъ въ томъ, чтобы темы по древнимъ языкамъ развивались учениками VI и VIII классовъ на латинскомъ языкѣ. Безъ затраты громаднаго труда едва-ли могутъ выполнить это требованіе не только нынѣшніе гимназисты, но далеко не всѣ и преподаватели древнихъ языковъ.

Къ сообщенію г. Халанскаго тѣсно примыкаетъ, связанная съ нимъ по разработкѣ вопроса о методѣ писанія сочиненій и дающая

*) Ibid., стр. 27.

новыя указанія о чтеніи, статья г. Протопопова: «Къ вопросу о сочиненіяхъ». Авторъ видитъ въ чтеніи главное «условіе всесторонняго успѣха въ писаніи сочиненій» *). Современная школа, какъ извѣстно, мало заботится о развитіи любви къ чтенію у своихъ питомцевъ. А между тѣмъ, направленіе чтенія и развитіе вкуса къ нему г. Меньшиковъ, статью котораго «О чтеніи», напечатанную въ «Недѣлѣ», цитируетъ г. Протопоповъ, «поставляетъ задачею школы». По справедливому мнѣнію нашего автора, «чтеніе лучшихъ произведеній литературы, обогащая умъ юношей всесторонними свѣдѣніями изъ міра внѣшняго и внутренняго, даетъ разнообразный, живой и богатый матеріалъ для *содержанія* сочиненія; стройное мышленіе нерѣдко даже глубокій психологическій анализъ постепенно дисциплинируетъ мысль ученика, пріучаютъ его къ логическому раскрытію даннаго содержанія и такимъ образомъ содѣйствуютъ правильной выработкѣ того, что называется въ сочиненіи *планомъ*; наконецъ, литературный языкъ лучшихъ произведеній, облеченные въ изящный стиль, высокохудожественные образы способствуютъ тому, что мысль юноши отливается въ ясныя, точныя и даже изящныя формы, или что то-же, пріобрѣтается искусство говорить и писать точно, правильно и красиво, вырабатывается *слогъ* сочиненія» **).

Для осуществленія на практикѣ, въ школьной жизни, развитія любви къ чтенію, какъ такому важному подспорью для успѣшности сочиненій, предлагается болѣе серьезная постановка, чѣмъ теперь, руководства и контроля преподавателей. Каждый изъ нихъ, завѣдуя особымъ отдѣломъ ученической библіотеки, по своей спеціальности, выдаетъ книги ученикамъ и ведетъ точную запись прочитаннаго. Время отъ времени, на своемъ урокѣ, удѣляя изъ него нѣсколько минутъ, онъ контролируетъ чтеніе, убѣждаясь разспросами, что взятая изъ библіотеки книга прочитана ученикомъ толково, и отмѣчая результаты своего контроля въ соотвѣтствующей графѣ журнала или ученическаго дневника. Въ оправданіе скудной начитанности учениковъ гимназій, обыкновенно, приводятъ многопредметность программъ, заполняющую почти все учебное время, такъ что для чтенія его не остается вовсе. Г. Протопоповъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, довольно просто: стоитъ только каждому преподавателю, при назначеніи урока къ слѣдующему разу, пожертвовать $^{1}/_{4}$ часа на чтеніе, какъ въ распоряженіи ученика получится ежедневная экономія въ $1—1^{1}/_{4}$ часа свободнаго времени, которое онъ и долженъ удѣлить на чтеніе 20—30 страницъ.

*) «Труды», стр. 31.
**) «Труды», стр. 33.

Но одного домашняго чтенія, для выработки слога ученическихъ работъ, недостаточно, и потому авторъ рекомендуетъ чаще упражнять учениковъ въ чтеніи вслухъ на урокахъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній словесности и заучиваніи наизусть бо̀льшаго количества литературныхъ образцовъ.

Въ этомъ и состоитъ содержаніе статьи г. Протопопова. Вопросъ о чтеніи, разумѣется, такъ важенъ, что исчерпать его въ одной небольшой статьѣ нельзя. Спасибо и за то, что авторъ коснулся практическаго пути, возможнаго для осуществленія развитія любви къ чтенію въ средней школѣ. Если рефератъ г. Протопопова дополняетъ предыдущее сообщеніе г. Халанскаго, то въ отношеніи послѣдующей статьи г. Новицкаго: «Чтеніе и языкъ сочиненій» онъ является антиподомъ, такъ какъ послѣдняя, напротивъ, доказываетъ слѣдующее положеніе: «Созданіе языка обусловливается такими внутренними движеніями человѣческой души, на которыя знаніе или вовсе не дѣйствуетъ, или дѣйствуетъ весьма слабо и во всякомъ случаѣ черезъ рядъ посредствующихъ», и отсюда выводъ: «непосредственной связи между чтеніемъ и языкомъ сочиненій не существуетъ» *).

Если принять во вниманіе, что

«Мысль изрѣченная есть ложь»,

что между мыслью и языкомъ существуетъ постоянная борьба, то станетъ яснымъ и основное положеніе автора, и педагогическій выводъ, изъ него вытекающій: «Чтеніе и писаніе сочиненій въ преподаваніи суть два различныхъ предмета, какъ различны, напримѣръ, писаніе сочиненій и ариѳметика» **).

Хотя г. Новицкій и приходитъ къ нѣкоторымъ крайностямъ, все-таки поставленный имъ вопросъ имѣетъ значеніе и о рѣшеніи его, сообразно со взглядами автора, должно-бы существенно отразиться и на самомъ преподаваніи словесности и веденіи письменныхъ работъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, затрачивать такъ много времени на изученіе образцовъ наизусть, если оно вовсе не оказываетъ или оказываетъ едва замѣтное вліяніе на выработку слога? Во всякомъ случаѣ доказательствъ для поставленнаго вопроса еще подождемъ, а до тѣхъ поръ важное вліяніе чтенія на выработку слога остается, послѣ статьи г. Новицкаго, въ прежней силѣ.

На разборѣ трехъ рефератовъ харьковскихъ педагоговъ мы позволили себѣ остановиться не столько потому, что они блещутъ новизной мысли или даютъ неоспоримые совѣты дидактики и методики, сколько вслѣдствіе бѣдноты нашей методической литературы по за-

---

*) «Труды», стр. 42.

**) Ibid., стр. 39.

тронутымъ въ нихъ вопросамъ. Разобраться въ этихъ вопросахъ, намѣтить хотя-бы главные пути, по которымъ слѣдуетъ дружно идти преподавателямъ отечественнаго языка—дѣло нашихъ педагогическихъ журналовъ. Можетъ быть, дѣльныя указанія и мысли по интересующему преподавателей вопросу способствовали-бы раціональной постановкѣ веденія письменныхъ работъ въ гимназіяхъ, а черезъ то могли-бы возвыситься въ качественномъ отношеніи и сочиненія нашей учащейся молодежи.

К. Шульгинъ.

Замѣтка о чтеніи художественныхъ произведеній въ народной школѣ.

«Въ нашемъ крайне грубомъ и узко матеріальномъ обществѣ развитіе эстетическое, развитіе гуманности, сердечности, знаніе поэтовъ, считается пустою роскошью, а то и просто пустякомъ». Такъ говоритъ одинъ извѣстный педагогъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не менѣе извѣстный писатель. Обвиняя интеллигентное общество въ равнодушіи къ ознакомленію съ поэтами, онъ обвиняетъ его этимъ въ равнодушномъ отношеніи къ эстетическому развитію. Не падаетъ-ли, въ свою очередь, подобное обвиненіе и на тѣхъ, по милости которыхъ, люди, стоящіе еще у дверей просвѣщенія, на рубежѣ стремленія къ свѣту, совершенно лишены возможности наслаждаться всѣмъ тѣмъ, что доставляетъ ознакомленіе съ произведеніями писателей-художниковъ, родившихся, вскормленныхъ и вспоенныхъ родной землею; лишена возможности эстетическаго развитія. Причина столь печальнаго явленія заключается въ томъ, что въ нашей школѣ вообще, а въ народной въ особенности при чтеніи художественныхъ произведеній или отрывковъ изъ нихъ преслѣдуется, главнымъ образомъ, доступное только внѣшнему созерцанію, или, говоря иначе, разсматривается наружность предмета, а внутренняя сторона, въ которой-то и скрывается вся могучая сила, вся творческая особенность извѣстнаго произведенія, остается безъ всякаго вниманія. Какая жалкая иронія заключается въ подобномъ отношеніи къ дѣлу! Какую жалкую роль играютъ всѣ они въ глазахъ юноши и дитяти, этихъ представителей отрадной и незамѣнимой эпохи человѣческой жизни! Между тѣмъ, въ эту эпоху жизни ничто не въ состояніи сравниться съ тѣми впечатлѣніями, которыя доставляются музыкально-гармоническими созвучіями, пластичностью формъ, рельефностью очертаній, типичностью и вѣрностью изображаемыхъ предметовъ. Образцы, созданные такимъ путемъ, остаются надолго жить въ душѣ; можно даже рѣшительно сказать, они не умираютъ. Все возвышенное, все прекрасное, все великое, проявляющееся во всѣхъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ поступкахъ человѣка, не что иное, какъ неиз-

бѣжное слѣдствіе тѣхъ возвышенныхъ образовъ, сохранившихся въ душѣ. Лишать человѣка на зарѣ его жизни воспріятія столь благихъ ощущеній, опускать завѣсу на міръ его фантазіи, міръ его способности представленія, все равно, что низводить его на степень простѣйшаго существа, оставлять его, точно путника, бродить по невѣдомой и необозримой пустынѣ, и вмѣсто здоровой и питательной пищи, преподносить ему какіе-то неудобоваримые суррогаты. Глубоко ошибаются всѣ тѣ, которые изъ личныхъ взглядовъ, односторонне сложившихся понятій и убѣжденій намѣренно искажаютъ смыслъ лучшихъ поэтическихъ произведеній или рядомъ съ этими произведеніями помѣщаютъ такія творенія, отъ которыхъ далеко разносится запахъ мертвечины, гдѣ, вмѣсто животворной идеи, ясныхъ и рельефныхъ образовъ, являются куклы или шаблонные манекены. Составители подобныхъ статеекъ, разсказовъ и стихотвореній, яко-бы художественнаго содержанія, должно быть, забыли то основное положеніе, что невозможно статую, изваянную великимъ скульпторомъ, ставить на одинъ пьедесталъ со статуей, сдѣланной простымъ каменотесомъ, или картину великаго художника рядомъ съ картиной какого-нибудь маляра!.. Имъ, вѣроятно, неизвѣстно, что кому, какъ не ученику народной школы, должны быть близки, родственны, знакомы, тѣ могучіе гармоническіе напѣвы, тѣ дивные, живые образы, явившіеся изъ глубины души, изъ глубины чувства въ поэтическихъ произведеніяхъ народа и лучшихъ его представителей. Вопросъ заключается только въ томъ, какъ прочитать эти поэтическія произведенія. По поводу этого вотъ что говоритъ также извѣстный спеціалистъ-педагогъ и писатель: «Искусство выразительнаго чтенія не ограничиваетъ, однако, кругъ своихъ даровъ только эгоистическими личными наслажденіями чтеца-исполнителя, оно сильно еще и тою пользою, которую приноситъ всѣмъ соприкасающимся съ нимъ. Служа средствомъ могучей проповѣди высокихъ мыслей, прекрасныхъ образовъ и благороднѣйшихъ чувствъ, оно оказываетъ неотразимое вліяніе и кладетъ неизгладимые слѣды въ душахъ наиболѣе воспріимчивыхъ и чуткихъ, какъ души юношества и дѣтей въ воспитательной атмосферѣ семьи и школы. Сколько свѣтлыхъ понятій, прекрасныхъ наклонностей и чистыхъ идеаловъ можетъ зародиться въ молодой душѣ подъ обаяніемъ великихъ произведеній поэзіи, слышанныхъ въ яркомъ исполненіи искуснаго чтеца!» Не драпируясь въ тогу артиста исполнителя, не представляя себя такимъ искуснымъ чтецомъ, а только желая подѣлиться личнымъ наблюденіемъ, я, въ свою очередь, къ вышеприведенному мнѣнію, могу добавить вотъ что: мнѣ, въ многолѣтней моей практикѣ, много разъ случалось читать дѣтямъ произведенія нашихъ народныхъ писателей; для этой цѣли выбира-

лись такія стихотворенія, въ которыхъ, рядомъ съ довольствомъ, изображается неприглядная жизнь, тяжелый, непосильный трудъ, семейное горе и несчастье, безвыходное положеніе, нужда и самая горькая бѣдность; на этихъ стихотвореніяхъ намѣренно останавливался болѣе, чтобы рѣзче и яснѣе запечатлѣлись изображаемые образы, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣленнѣе явился-бы контрастъ между довольствомъ и бѣдностью. Признаюсь, чтеніе подобныхъ поэтическихъ произведеній имѣло настолько магическое дѣйствіе на дѣтей, что нерѣдко были случаи, когда молодыя души, подъ вліяніемъ гармонически-чарующихъ звуковъ, охватывающихъ ихъ, находились въ какомъ-то вдохновенномъ состояніи; въ это время чувствовалось что-то особенное, чего нельзя выразить словомъ — какая-то дивная сила приковывала вниманіе всѣхъ. Приходилось также читать тоже самое стихотвореніе, хотя и громко, и ясно, и правильно, и толково, но, вѣроятно, безъ того, что называется душою чтенія; въ такомъ случаѣ результатъ былъ другой,—всѣ скучали, какъ-будто заснули. Должно быть, отъ подобнаго чтенія получалось дѣтьми такое впечатлѣніе, какое получается взрослыми отъ гладкой, громкой и шумной музыки безъ внутренняго содержанія. Душѣ человѣка присущи музыкальныя звуки, а душѣ дитяти въ особенности, поэтому простое скандированіе, хотя и ясное, и точное, и правильное, и толковое, не производитъ на нихъ желаемаго впечатлѣнія. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе, въ подробный анализъ этого своего личнаго наблюденія, а основываясь исключительно на мнѣніи компетентныхъ лицъ, болѣе свѣдущихъ людей, скажу одно: при чтеніи художественныхъ произведеній только тогда возможно достигнуть цѣлостности впечатлѣнія, когда чтеніе самого учителя, самого иниціатора дѣла будетъ болѣе или менѣе художественно, будетъ болѣе или менѣе выразительно, чтобы самые образы, самые предметы являлись осязательнѣй, рельефнѣй; чтобы шевелились фибры души (если можно такъ выразиться), какъ клавиши фортепіано подъ рукой искуснаго музыканта; словомъ, было-бы полнѣйшее выраженіе извѣстнаго произведенія. Мнѣ могутъ возразить, что подобнымъ качествомъ можетъ отличаться чтеніе только немногихъ, исключительныхъ личностей; я съ этимъ согласенъ, потому что взялъ художественное чтеніе въ тѣсномъ значеніи этого слова, въ обширномъ—оно доступно большинству, для чего потребно побольше энергіи, побольше самодѣятельности, побольше усилій и дѣло подвинется хотя нѣсколько къ желаемой цѣли. Нужно только серьезно поработать надъ самимъ собою, не давать уснуть своимъ способностямъ, — трудиться и трудиться! Не даромъ-же говорится, что терпѣніе и трудъ—все побѣждаютъ! была-бы только любовь къ дѣлу, было-бы стремленіе, а осталь-

ное—все приложится. Хорошо также, и въ высшей степени полезно, если-бы всѣмъ, безъ изъятія, или многимъ учителямъ приходилось слышать художественное чтеніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, актеровъ, чтецовъ, а такъ какъ это зачастую бываетъ недоступно—или потому, что нѣтъ возможности пріѣхать въ столичный или ближайшій губернскій городъ, по отдаленности мѣста, по недостаточности средствъ, а то и по другимъ обстоятельствамъ, то не мѣшало-бы на учительскіе съѣзды, устраиваемые земствомъ или правительствомъ, для ознакомленія народныхъ учителей и учительницъ съ главнѣйшими пріемами художественнаго чтенія, приглашать какого-нибудь чтеца, ну, хоть, изъ извѣстныхъ по этой части учителей или другихъ лицъ, а затѣмъ, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, чтобы на слѣдующихъ съѣздахъ, между другими занятіями, сами учителя и учительницы практиковались передъ своими сотоварищами въ присутствіи того-же лица, которое было указателемъ на предъидущихъ собраніяхъ. Такое обширное понятіе о художественномъ чтеніи является потому, что это чтеніе совмѣстно съ объяснительнымъ чтеніемъ составляетъ главный основной предметъ воспитанія и обученія, и отъ времени, которое употребляютъ теперь на толковое чтеніе, есть возможность безъ ущерба отдѣлить часть его и на занятіе художественнымъ чтеніемъ. Не то мы видимъ въ современной школѣ, — въ ней отдается предпочтеніе объяснительному или толковому чтенію, оно даже занимаетъ первенствующее мѣсто, оказываетъ подавляющее вліяніе. По объяснительному чтенію издано множество учебниковъ, мало того, въ любомъ педагогическомъ журналѣ такъ и мелькаютъ передъ глазами статьи подъ разными заглавіями,—предварительныхъ бесѣдъ, предварительныхъ упражненій и т. п. Почти что всѣ стихотворенія извѣстныхъ народныхъ писателей прокатехизированы. Сыпятъ вопросами, какъ горохъ изъ мѣшка!.. Тогда какъ для художественнаго чтенія не сдѣлано ничего; хотя, конечно, художественное чтеніе есть дѣло полной и совершенной практики, дѣло опыта, дѣло навыка, но забывать о немъ, разумѣется, нельзя, потому что подобная забывчивость, подобная оплошность будетъ прямымъ противорѣчіемъ основнымъ началамъ дидактики, которая говоритъ, что всякій предметъ обученія долженъ имѣть свое опредѣленное мѣсто. Кромѣ того, забывая о существованіи художественнаго чтенія, не придавая ему никакого значенія, мы тѣмъ самымъ формируемъ плохихъ чтецовъ, которымъ будетъ доступенъ только остовъ, наружная форма извѣстнаго произведенія, а не внутреннее его содержаніе; да не только плохихъ чтецовъ, скажу болѣе—плохихъ людей, съ узкими утилитарными и меркантильными взглядами на жизнь, людей себялюбцевъ, безсердечныхъ торгашей,

къ которымъ вполнѣ могутъ быть примѣнены слова проповѣдника Са́ванароллы, чудно охарактеризованнаго въ не менѣе чудномъ стихотвореніи А. Майкова. Саванаролла, обличая людскіе пороки, говоритъ, между прочимъ, такъ: «А, вы (т.-е. люди) до знаній жадны, вѣрой скупы, понять вы тщитесь бытіе, анатомируете трупы.—А сердце знаете-ль свое?» Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Нужно помнить изреченіе: Omnia si perdas, animam servare memento, т.-е. помни, если все потеряешь, то сохрани душу!

А. Максимовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Дитя и уходъ за нимъ. Перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ д-ръ ***Л. М. Гурфинкель.***

Примѣняясь къ общепринятому дѣленію дѣтскаго возраста на періоды (грудной, младшій до 6-го года и старшій съ 6-го года), авторъ раздѣлилъ и свое сочиненіе на три части. Первая часть, посвященная грудному періоду, изложена довольно подробно, но въ ней встрѣчается не мало неточностей, изъ которыхъ укажемъ на нѣкоторыя. На 32-й стр. читаемъ: «Въ коровьемъ молокѣ *меньше* воды, *жира...*» На 33-й стр.: «Въ коровьемъ молокѣ мы далѣе находимъ *бóльшее* содержаніе *жира*, чѣмъ въ женскомъ». На стр. 35: «Нѣкоторые примѣшиваютъ салициловую кислоту, которая также предохраняетъ молоко отъ окисленія, причемъ вкусъ его остается одинаково пріятнымъ; однако подмѣшиваніе этой кислоты въ употребленіе не вошло». По тону этой фразы можно понять, что авторъ даже жалѣетъ, что это подмѣшиваніе не вошло въ употребленіе; ни единымъ словомъ, по крайней мѣрѣ, не сказано, какъ вредна эта кислота при постоянномъ употребленіи даже для взрослыхъ, не говоря уже о грудныхъ дѣтяхъ. На стр. 38-й дано невѣрное описаніе бутылочекъ для стерилизаціи молока: жестяныя предохранительныя гильзы уже вышли изъ употребленія и замѣнены каучуковыми колпачками. На стр. 39-й совѣтуется нагрѣвать аппаратъ до *сильнаго* кипѣнія. Каждый врачъ всегда твердитъ матерямъ какъ разъ обратное: иначе бутылочки лопаются ежедневно по нѣсколько штукъ. На стр. 33: «При поносахъ пробуютъ подмѣшивать *меньше* воды и *больше* молока, при запорахъ—наоборотъ». И теорія, и практика учитъ поступать какъ разъ противоположно. Мы сочли бы это за обмолвку, но на стр. 43-й читаемъ подобный-же совѣтъ относительно муки Нестле «Принято назначать густую смѣсь при поносахъ, а жидкую—при запорахъ». Не сочувствуемъ мы также рекомендаціи швейцарскаго молока (стр. 42), а равно и совѣту давать муку Нестле съ 3-го мѣсяца. Первое

лучше совсѣмъ изъять, а вторую дѣти начинаютъ переваривать гораздо позже. Глава объ отнятіи отъ груди изложена какъ-то сбивчиво и страдаетъ недостаткомъ опредѣленности. На стр. 56-й читаемъ: «Если мать правильно взвѣшиваетъ ребенка, то къ этому-же времени (отъ 9-го до 12-го мѣсяца) она замѣтитъ, что вѣсъ его сталъ уменьшаться». Въ первый разъ слышимъ, чтобы у дѣтей въ какомъ-бы то ни было періодѣ вѣсъ уменьшался, если только ребенокъ не боленъ. На стр. 73: «Дѣтская подушка дѣлается изъ пуха». Именно изъ пуха-то подушечка и вредна, такъ какъ располагаетъ головку къ потѣнію и вліяетъ даже на размягченіе затылочной кости.

Описаніе принадлежностей, какъ-то—пеленальнаго столика и др., слишкомъ кратко, а на эти вещи стоило-бы удѣлить больше мѣста.

Послѣ грудного періода слѣдуютъ періоды младшій и старшій. Но имъ у автора отведено слишкомъ мало мѣста, чтобы читатели могли извлечь для себя что-либо назидательное. Ну, что, напримѣръ, означаетъ такой общій совѣтъ: «Пища, которую ребенокъ начинаетъ употреблять послѣ прорѣзыванія зубовъ, въ противоположность прежней жидкой, теперь болѣе тверда и кашицеобразна?» Не въ правѣ-ли каждая читательница ожидать болѣе опредѣленныхъ указаній на счетъ пищи? Иначе не стоило и касаться этого вопроса. На стр. 119-й находимъ слѣдующій перлъ: «Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ съ большой осторожностью приходится прибѣгать къ ручной расправѣ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что надо щадить (!) голову, спину и руки». Хорошо сдѣлалъ переводчикъ, что скрылъ имя автора, который высказалъ такой гуманный взглядъ по отношенію къ дѣтямъ (кстати напомню, что рѣчь идетъ о возрастѣ 2—5 лѣтъ). Но вѣдь переводчикъ не просто переводилъ съ нѣмецкаго,—онъ дополнялъ изложеніе. Неужели-же онъ счелъ вполнѣ умѣстнымъ оставить вышеприведенное мѣсто во всей его циничной неприкосновенности? На стр. 133-й читаемъ: «Абсолютно вредны дерганія за уши и удары по области уха». Однако не высокаго мнѣнія авторъ о своихъ читательницахъ, которымъ преподаются такіе удивительные совѣты... Не дурно описаніе перехода къ возмужалости (стр. 134): «Къ этому времени у мальчика начинаетъ расти борода, голосъ его дѣлается глубже; самъ онъ дѣлается нервнѣе и возбудимѣе. У дѣвочки грудь округляется (?), сосудистая и нервная система въ большомъ возбужденіи». Неужели-же только въ этомъ состоитъ характеристика вышеупомянутаго возраста, столь интереснаго для всѣхъ, занимающихся воспитаніемъ?

На стр. 125-й авторъ совѣтуетъ давать дѣтямъ отъ 2-го до 5-го года немного чистаго пива или слабаго вина съ водой. На стр. 135-й читаемъ: «винъ, пива и др. возбуждающихъ напитковъ совсѣмъ не

слѣдуетъ давать (*старшій* возрастъ)». Глава о душевномъ развитіи ребенка (всего 6 страницъ) написана такъ поверхностно, что ее не стоитъ и цитировать. Страненъ высказанный на стр. 137-й взглядъ автора, будто въ младшемъ возрастѣ дѣло воспитанія сводилось только къ надзору за ребенкомъ, чтобы не допускать его къ различнаго рода *излишествамъ* (?). Намъ думается, что и въ младшемъ возрастѣ въ душѣ ребенка складываются всевозможные слѣды воспитательнаго вліянія и зарождаются и хорошіе, и дурные задатки. Послѣдняя *глава* посвящена оспопрививанію. Почему на 146 стр. авторъ совѣтуетъ прививать оспу во вторую половину перваго года жизни, намъ непонятно. Кто-же не знаетъ, что лучше всего прививать оспу раньше, пока ребенокъ еще не можетъ расцарапать себѣ оспинокъ ручками?

Итакъ, съ точки зрѣнія медицины въ книжкѣ не мало неточностей. Педагогическіе-же взгляды автора достаточно иллюстрируются его отношеніемъ къ тѣлесному наказанію.

Д-ръ С. А. Острогорскій.

Фирсовъ, П. Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Руководство къ самообразованію. Спб. 1895. Стр. IV ненум.+238+I ненум. Ц. 1 р.

«Опытъ» г. Фирсова состоитъ изъ введенія, занимающаго около 23 страницъ, и четырехъ частей, изъ которыхъ въ первой излагаются «предварительныя основныя понятія логики», во второй разсматриваются «шесть основныхъ алгебраическихъ дѣйствій», третья посвящена теоріи соединеній и биному Ньютона, а четвертая—рѣшенію уравненій и «общему заключенію». Авторъ, безспорно, поработалъ надъ литературою, относящейся къ вопросамъ логики, при чемъ предпочтеніе имъ оказано англійской школѣ: Спенсеру, Миллю, Джевонсу; нѣкоторое вліяніе оказали на него также Контъ и Дюгамель, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно, изъ философовъ континента болѣе другихъ примыкаетъ къ англійской философской школѣ. Надо также отдать справедливость г. Фирсову въ томъ, что, пока онъ стоитъ на почвѣ обще-философскихъ или обще-логическихъ соображеній, книга его читается съ интересомъ и способна навести читателя на многія здравыя мысли о процессахъ мышленія и его законахъ.

Меньше, повидимому, знакомство автора съ литературою по предмету элементарной алгебры, и вслѣдствіе этого очень многія изъ его точекъ зрѣнія на самые основные вопросы этого предмета не встрѣтятъ сочувствія среди тѣхъ, кому извѣстны точки зрѣнія современ-

ной науки на эти вопросы. Достаточно ознакомиться съ исходною точкою автора при установленіи представленія о положительныхъ и отрицательныхъ числахъ, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Взявъ «равенство» или, вѣрнѣе, тожество

$$x+c-c=x,$$

авторъ говоритъ: «Мы видимъ въ первой его части, что къ числу x прибавлено число c и затѣмъ (изъ полученнаго?) отнято то-же число c, и въ результатѣ получилось то-же самое число x. Результатъ получился-бы тотъ-же самый, если-бы мы къ x прибавили 0, ничего:

$$x+0=x.$$

Изъ этого слѣдуетъ, что:

$$+c-c=0,$$

т.-е. *два равныхъ числа съ противоположными знаками* ($+$ и $-$), *если ихъ совокупить вмѣстѣ* (что это значитъ?), *взаимно уничтожаются*... При этомъ числа со знакомъ ($+$) будемъ называть положительными, а со знакомъ ($-$) отрицательными» (стр. 94). Само собою разумѣется, что эта точка зрѣнія на положительныя и отрицательныя числа подаетъ поводъ думать, что представленія о положительныхъ и отрицательныхъ числахъ вытекаютъ изъ *разсужденій*, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ эти представленія являются только результатомъ нѣкотораго условія, по которому *считаютъ существующимъ* равенство

$$a-b=c-d$$

при *всякихъ* значеніяхъ a, b, c и d, если только справедливо равенство:

$$a+d=b+c.$$

Дѣйствительно, что это значитъ «прибавить къ x ничего»? Развѣ «ничего» можно прибавлять? Развѣ изъ существованія совокупности равенствъ:

$$x+c-c=x \text{ и } x+0=x$$

можно, въ самомъ дѣлѣ, логически вывести, что

$$+c-c=0?$$

Покуда $c>d$, можно утверждать, на основаніи извѣстныхъ ученій ариѳметики, что

$$(x+c)-d=x+(c-d);$$

но какъ только число c дѣлается равнымъ числу d или больше, чѣмъ d, это равенство становится символическимъ, и утверждать, что изъ одновременнаго существованія равенствъ:

$$x+c-c=0 \text{ и } x+0=x$$

«*слѣдуетъ*, что $+c-c=0$», значитъ пытаться путемъ разсужденія выводить нѣчто такое, что лежитъ въ самой основѣ этого разсуж-

денія. Такихъ мнимыхъ доказательствъ того, что доказательству не подлежитъ и доказано быть не можетъ, у г. Фирсова великое множество. Такъ, напр., полагая, что

$$b = a + m,$$

г. Фирсовъ говоритъ: «Допустимъ, что изъ a нужно вычесть b; но такъ какъ b, по условію, равно $a + m$, то, вычитая $a + m$, мы, на основаніи принципа замѣщенія равныхъ, получимъ тотъ-же самый результатъ, какъ если-бы вычли b; итакъ, имѣемъ:

$$a - b = a - a - m = 0 - m.$$

И такъ, какъ остатокъ, очевидно (!!), тѣмъ меньше, чѣмъ больше вычитаемое при томъ-же уменьшаемомъ, то, представляя себѣ мысленно предъ всякимъ отрицательнымъ числомъ 0, какъ уменьшаемое, мы должны (!) будемъ признать, что чѣмъ *абсолютное* значеніе отрицательнаго числа больше, тѣмъ оно *меньше»* (стр. 96). Далѣе авторъ, правда, ослабляетъ впечатлѣніе, которое производится этимъ мнимымъ доказательствомъ,—указаніемъ на то, что этотъ «парадоксальный» выводъ происходитъ отъ того взгляда на отрицательное число, по которому послѣднее есть остатокъ, и даже старается выяснить цѣль этого «несообразнаго съ дѣйствительностью положенія». Но все-таки читатель, въ особенности пользующійся книгою г. Фирсова, какъ «руководствомъ къ самообразованію», можетъ вынести изъ всего этого такое впечатлѣніе, будто алгебра *доказываетъ*, что есть числа, меньшія нуля, признавая въ то-же время это положеніе несообразнымъ съ дѣйствительностью... Вся бѣда отъ подобныхъ доказательствъ въ томъ именно и состоитъ, что они, опираясь на очевидность и на истины, точно установленныя только для случаевъ одного рода, ничтоже сумняся, распространяютъ, безъ всякаго на то логическаго права, эту очевидность и эти истины на случаи, вовсе не лежащіе въ предѣлахъ ихъ доказательной силы. Г. Фирсовъ, напр., говоритъ, что «такъ какъ остатокъ, очевидно, тѣмъ меньше, чѣмъ больше вычитаемое при одномъ и томъ-же уменьшаемомъ, то и т. д.»; но въ томъ-то и бѣда вся, что о сравненіи двухъ остатковъ, при одномъ и томъ-же уменьшаемомъ, рѣчь можетъ быть только тогда, когда въ обоихъ случаяхъ уменьшаемое *больше* вычитаемаго, и что только тогда *очевидно*, который изъ двухъ остатковъ больше. Результатомъ подобныхъ взглядовъ на алгебраическіе символы является то, что на страницѣ 167 авторъ *доказываетъ*, что

$$a^{-k} = \frac{1}{a^k}$$

притомъ слѣдующимъ якобы логическимъ образомъ: «1) Показатели одинаковыхъ буквъ вычитаются при дѣленіи. 2) Показатель выра-

женія a^{-k} получился отъ вычитанія большаго показателя числа a^n изъ меньшаго показателя числа a^m. 3) Слѣдовательно, выраженіе a^{-k} есть частное, полученное отъ раздѣленія числа a^m на число a^n». Но въ томъ-то и дѣло, что показатель дѣлителя *слѣдуетъ* вычитать изъ показателя дѣлимаго только въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній больше перваго, по крайней мѣрѣ, на двѣ единицы; въ остальныхъ-же случаяхъ это вычитаніе не необходимо и даже недозволительно, если на этотъ счетъ не сдѣлано соотвѣтствующихъ условій. Такъ-же неправильно обоснованы дѣйствія надъ отрицательными числами, ученіе о радикалахъ, о дробномъ показателѣ и т. д. Ученіе объ ирраціональныхъ числахъ, нынѣ представляющее собою одно изъ центральныхъ ученій въ математикѣ, въ «Опытѣ» г. Фирсова совершенно отсутствуетъ: для автора, повидимому, не существуетъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми въ настоящее время тѣснѣйше связаны ученія о предѣлѣ, объ ирраціональномъ числѣ, о теоріи дѣйствій надъ числами. Это очень легко сказать, что

$$«\sqrt{a^6} = a^{\frac{6}{2}} = a^3,$$

или вообще:

$$\sqrt[m]{a^n} = a^{\frac{n}{m}},$$

т.-е. чтобы извлечь корень данной степени изъ числа показательнаго, слѣдуетъ показателя степени даннаго числа раздѣлить на показателя корня» (стр. 149). Но *вообще* послѣднее равенство безсмысленно, и этой безсмыслицы не устранитъ даже замѣчаніе автора, утверждающаго далѣе, что «мы выражаемъ искомый результатъ только символически:

$$\sqrt[3]{(a^5)} = (\sqrt[3]{a^5}) = a^{\frac{5}{3}}».$$

«Такія выраженіе принято называть,—продолжаетъ авторъ,—ирраціональными, въ противоположность (?) числамъ, составленнымъ посредствомъ (?) умноженія и возвышенія въ степень простыхъ чиселъ, называемыми раціональными». Дѣло не въ томъ, какъ называются числа, которыя у г. Фирсова—вовсе и не числа, а въ томъ—что собственно разумѣютъ подъ словами «ирраціональное число»? А этого-то читатель «Опыта» г. Фирсова именно и не разберетъ. Формально-схоластическія точки зрѣнія, на которыхъ стоитъ г. Фирсовъ въ математической части своего «Опыта», такимъ образомъ, явно противорѣчатъ тѣмъ логическимъ ученіямъ, которыя у того-же автора проникнуты духомъ эмпирической и индуктивной логики въ философской части его труда.

«Какъ это случилось?» спроситъ, можетъ быть, иной читатель. Отнюдь не желая сказать что-либо непріятное по адресу почтеннаго автора, показавшаго своимъ «Опытомъ», что онъ можетъ поработать надъ компиляціею чужихъ взглядовъ на вопросы логики, мы должны однако-же замѣтить слѣдующее: какъ для желающаго учить другихъ, плаванію недостаточно знать законъ Архимеда и др. ученія физики, объясняющія законы плаванія тѣлъ, а надо умѣть плавать и умѣть учить этому искусству, такъ и для автора, пожелавшаго связать ученія элементарной алгебры съ логикой, надо было поработать не только надъ изученіемъ нѣкоторыхъ ученій этой послѣдней, но также и надъ изученіемъ литературы по предмету алгебры, нынѣ уже навсегда оставившей схоластическія точки зрѣнія, господствовавшія въ этой литературѣ въ теченіе многихъ десятилѣтій и въ настоящее время господствующія только въ нѣкоторыхъ русскихъ учебникахъ алгебры.

Вредъ отъ этихъ точекъ зрѣнія, приводящихъ къ quasi-доказательствамъ недоказуемаго, очень великъ: они прививаютъ математическому мышленію тѣ особенности, благодаря которымъ Милль считаетъ извѣстную ему и въ то время господствовавшую теорію отрицательныхъ чиселъ — «стыдомъ» для науки. Эти точки зрѣнія, которымъ въ «Опытѣ» г. Фирсова отведено очень большое мѣсто, не имѣетъ ничего общаго ни съ математикою, ни съ логикою математическихъ наукъ. Сочувствовать можно только намѣреніямъ почтеннаго автора, но отнюдь не ихъ выполненію въ чисто алгебраической части его труда.

С. Шохоръ-Троцкій.

Конспектъ географіи всеобщей, русской и элементарной математической, составленный по новѣйшимъ учебнымъ географическимъ изданіямъ, одобреннымъ для духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній. Съ удареніями на всѣхъ русскихъ и многихъ иностранныхъ географическихъ именахъ по мѣстному произношенію и справочными таблицами. Пособіе при изученіи и повтореніи учебнаго курса географіи. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Составилъ *Александръ Ильинскій*. Воронежъ. 1896 г. Стр. IV + 136. Ц. 80 к.

Книга г. Ильинскаго предназначена служить «пособіемъ при изученіи и повтореніи учебнаго курса географіи». Къ сожалѣнію, въ предисловіи къ книгѣ авторъ не говоритъ, какъ именно ученики должны пользоваться этимъ пособіемъ, т.-е. должно-ли оно замѣнять собою учебникъ, или-же служить только для повторенія пройденнаго. Судя по объему (136 стр. очень мелкой печати) и содержанію «Конспекта», можно предположить, что онъ, главнымъ образомъ, имѣетъ

назначеніе замѣнить собою учебникъ. Фактическій матеріалъ и система «Конспекта» не представляютъ почти никакихъ отличій отъ нѣкоторыхъ наиболѣе распространенныхъ учебниковъ. Наиболѣе существенными его особенностями являются сжатое изложеніе и нѣсколько лишнихъ подробностей въ отдѣлѣ математической географіи. Итакъ, трудъ г. Ильинскаго представляетъ по своему содержанію и изложенію конспективный учебникъ, составленный по другимъ учебникамъ неконспективнаго характера. Raison d'être этого «Конспекта» заключается въ преимуществахъ конспективнаго изложенія предъ обыкновеннымъ. Но дѣйствительно-ли конспектъ, при элементарномъ обученіи географіи, имѣетъ преимущество надъ распространеннымъ (въ извѣстныхъ предѣлахъ) изложеніемъ, — это вопросъ спорный, на который теорія и практика высказываются не всегда въ пользу конспекта.

Въ первой части «Конспекта» г. А. Ильинскаго содержатся элементарныя свѣдѣнія изъ математической географіи. Ознакомясь съ этимъ отдѣломъ, всякій преподаватель придетъ въ недоумѣніе и задастъ вопросъ, для кого-же именно предназначается трудъ г. Ильинскаго? Въ старшихъ классахъ средней школы проходится космографія, на урокахъ которой астрономическія свѣдѣнія трактуются полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ въ «Конспектѣ»; что-же касается учениковъ младшихъ классовъ, то для нихъ онъ совершенно недоступенъ по своему содержанію и формѣ. Въ гимназіяхъ элементарныя свѣдѣнія по математической географіи проходятся въ 1-мъ классѣ и повторяются въ 3-мъ. Но, конечно, немыслимо предположить, чтобы ученики не только 1-го, но 3-го классовъ могли сознательно усвоить и заучить тѣ астрономическія свѣдѣнія и опредѣленія, какія имъ предлагаетъ авторъ «Конспекта». Такъ, напр., на 3-й стр. находится опредѣленіе истиннаго горизонта: «Истинный горизонтъ — большій кругъ въ небесной сферѣ, параллельный плоскости видимаго горизонта и проходящій черезъ центръ земли...» Всякій, кому приходилось преподавать географію, знаетъ, что ученики съ трудомъ усваиваютъ понятіе и о видимомъ горизонтѣ, и едва-ли рѣшится объяснять имъ о небесной сферѣ и истинномъ горизонтѣ, такъ какъ самыя идеальныя разъясненія такихъ понятій ничего не дадутъ ученикамъ младшихъ классовъ. Но авторъ, очевидно, держится другого взгляда на умственныя способности учащихся, и потому далѣе въ его «Конспектѣ» говорится о солнцестояніяхъ, эклиптикѣ, равноденственныхъ точкахъ, магнитныхъ полюсахъ, астрономическихъ способахъ опредѣленія широты и долготы, астрономическомъ календарѣ, объ отношеніи луннаго пути къ плоскости эклиптики, лунныхъ узлахъ и пр. Само собою разумѣется, что все это не соотвѣтствуетъ не только

силамъ учащихся, но и задачамъ элементарнаго обученія географіи. Физическая географія, составляющая, какъ извѣстно, основу и живой нервъ географическаго обученія, въ конспектѣ почему-то отсутствуетъ.

Конспектъ общей и русской географіи, представляя сжатый сводъ того, что содержится въ нашихъ учебникахъ извѣстнаго типа и что предлагается ученикамъ для заучиванія, производитъ удручающее впечатлѣніе. Вслѣдствіе сжатаго объема конспекта, недостатки нашихъ учебниковъ и общей постановки курса географіи сразу бросаются въ глаза. Прежде всего вы поражаетесь множествомъ географическихъ названій рѣкъ, городовъ, горныхъ вершинъ и т. п. Неужели въ распоряженіи школы такъ много времени, чтобы заставлять заучивать имена рр. Вей-хэ, Ялунь-цзянъ (стр. 17), Кефисъ, Ири, Барровъ, Бойнъ, Бёнъ, Лиффи, или городовъ, какъ, напр., Байона, Монпелье, Кроазикъ, Эпернэ и т. п.? Какое общеобразовательное значеніе имѣетъ эта тма лишнихъ названій, полный списокъ которыхъ занялъ-бы очень много мѣста? Кромѣ безполезныхъ названій, въ нашихъ учебникахъ много такихъ свѣдѣній, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ развитію учащихся, или-же, по существу своему, ничтожныхъ. Къ чему, напр., упоминать, что абиссинцы и копты монофизиты, что основой англійской конституціи служитъ Великая хартія вольностей, что корундъ и яшма добываются въ Уральскихъ и Сибирскихъ горахъ, что въ Каирской академіи 11.000 учащихся и 325 чел. учащихъ? Наконецъ, эти безконечные перечни городовъ съ краткими упоминаніями ихъ историческихъ и промышленныхъ достопримѣчательностей,—перечни, въ которыхъ, какъ въ калейдоскопѣ, мелькаютъ соборы, одеколонъ, пушки, кильки, сало, пшеница, монументы и пр. и пр., представляютъ такое наслѣдіе старины, которое держится только по традиціи, но съ которымъ давно пора разстаться. На заучиваніе этого винегрета словъ тратится много времени и усилій самымъ непроизводительнымъ образомъ, все это забывается въ самый непродолжительный срокъ и, слѣдовательно, не имѣетъ образовательной цѣнности. Фактическія ошибки, встрѣчающіяся въ нашихъ учебникахъ, также нашли себѣ мѣсто и въ «Конспектѣ» г. А. Ильинскаго; кое-что исправлено, но далеко не все. Такъ, напр., длина прибрежной полосы государства Конго не 50 в. (стр. 30), а значительно меньше—37 километровъ *). Восточная оконечность Америки не мысъ Бланко (343°), а Бранко; кромѣ того, теперь долготу принято считать въ одну сторону только до 180°.

*) *F. Schrader.* «F. Prudent.-E. Anthoine. Atlas de Géographie moderne». Paris. 1894 года.

Западная оконечность Австраліи не мысъ Кювье, а мысъ Стипъ. На стр. 60-й: о-ва Фарёръ, тогда какъ есть о-ва Фаръ, а «ёръ» значитъ острова. На стр. 95: «четыре судоходныя системы» (Южн. Прибалт. простр.) имѣютъ весьма важное значеніе»... — правильнѣе три. Казанскую губернію нельзя называть горнозаводской (стр. 102). Но мы не будемъ выписывать всѣхъ ошибокъ, занесенныхъ г. Ильинскимъ въ свой конспектъ со страницъ учебниковъ, такъ какъ фактическіе промахи не имѣютъ того значенія, какъ недостатки принципіальнаго свойства. Тотъ типъ учебныхъ руководствъ, отраженіемъ котораго служитъ «Конспектъ» г. Ильинсквго, во всякомъ случаѣ не удовлетворяетъ педагогическимъ требованіямъ вообще и цѣлямъ элементарнаго географическаго обученія въ частности.

Конспектовъ, подобныхъ «Конспекту» г. Ильинскаго, въ нашей литературѣ существуетъ нѣсколько. Всѣ они очень мало отличаются другъ отъ друга по содержанію и всѣ предназначены служить пособіемъ при повтореніи. Удовлетворяютъ-ли они этому назначенію? Нѣтъ. Учить по конспекту, до мельчайшихъ подробностей воспроизводящему учебникъ, нисколько не легче, чѣмъ по учебнику, такъ какъ предполагается, что ученики должны заучивать не слова, а мысли и факты. Пользы и даже необходимости повторительнаго конспекта вообще отрицать нельзя. Но облегчить повтореніе и принести дѣйствительную пользу можетъ не сжатый и мелко напечатанный пересказъ учебника, а систематическій сводъ обобщеній, добытыхъ изъ фактическаго матеріала учебнаго курса. Такъ, напр., вмѣсто перечня горъ и плоскогорій какой-либо части свѣта въ такомъ конспектѣ должна находиться общая характеристика ея рельефа сравнительно съ другими частями свѣта. Къ сожалѣнію, такого конспекта въ нашей литературѣ пока еще не имѣется.

«Конспекту» г. А. Ильинскаго, сравнительно съ нѣкоторыми другими однородными изданіями, все-таки слѣдуетъ отдать предпочтеніе, такъ какъ онъ составленъ съ бо̀льшею тщательностью и знаніемъ дѣла и снабженъ весьма недурно составленными справочными таблицами. Кромѣ того, «Конспектъ» этотъ представляетъ интересъ для педагоговъ въ томъ отношеніи, что въ немъ на всѣхъ русскихъ и на многихъ иностранныхъ географическихъ именахъ проставлены ударенія по *мѣстному* произношенію. Вопросъ о правильномъ произношеніи географическихъ именъ, имѣющій немаловажное значеніе въ школьной практикѣ, не принадлежитъ къ числу рѣшенныхъ, и потому сдѣланная авторомъ попытка его разрѣшенія заслуживаетъ сочувственнаго одобренія. Поработать надъ этимъ вопросомъ автору, вѣроятно, пришлось не мало, такъ какъ справки о всѣхъ русскихъ географическихъ именахъ собирались имъ непосредственно отъ ту-

земцевъ и кромѣ того подвергались тщательной провѣркѣ. Въ произношеніи географическихъ именъ у насъ царитъ большой произволъ, конечно, нежелательный, а потому предлагаемыя авторомъ поправки должны обратить на себя вниманіе педагоговъ.

Я. Рудневъ.

Краткій очеркъ римскихъ древностей, согласно съ гимназическими учебными планами и правилами для испытаній (§ 69). Составилъ *Н. Санчурскій*, окружной инспекторъ Спб. учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янка—директоровъ Спб. гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и I. Сѣдлатаго—инспекторовъ Спб. гимназій и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей Спб. гимназій. IX+170. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Краткій очеркъ римскихъ древностей», какъ трудъ отчасти переводный, отчасти компилятивный, да притомъ еще и коллективный, подлежитъ оцѣнкѣ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія примѣнимости и пригодности его для школы, а также своевременности его появленія. Съ этой стороны книга заслуживаетъ одобренія, отличаясь, сравнительно съ существующими пособіями по римскимъ реаліямъ, большею стройностью, полнотою содержанія и обиліемъ сообщаемыхъ свѣдѣній. Да и своевременность появленія «Краткаго очерка» едва-ли можно оспаривать въ виду замѣтнаго пробѣла по этой части въ школьной литературѣ. «Бытъ грековъ и римлянъ» Велишскаго и «Реальный словарь» Любкера неудобны для гимназистовъ какъ по своему объему и дороговизнѣ, такъ и по цѣлямъ своимъ, выходящимъ за предѣлы потребностей средней школы; «Греко-римскія реаліи» г. М. Георгіевскаго—работа спѣшная, поверхностная и мало пригодная для пользованія; пособіе г. Земберга представляетъ собою сухой конспектъ, нерѣдко сбивающійся на простую номенклатуру; наконецъ, московскія изданія Зиновьева довольно-таки устарѣли.

Есть, впрочемъ, еще одно соображеніе, въ силу котораго, по нашему мнѣнію, нельзя не желать и не привѣтствовать появленія книгъ, подобныхъ разбираемой. Быть можетъ, такія пособія сослужатъ хорошую службу дѣлу если не окончательнаго устраненія, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго ослабленія того зла, которое уже успѣло пустить глубокіе корни въ преподаваніе древнихъ языковъ. Мы говоримъ о наводнившихъ въ послѣднее время наши гимназіи комментированныхъ изданіяхъ, пышныхъ, цвѣтистыхъ, ослѣпительныхъ—съ картами, планами, снимками, иллюстраціями, съ разнообразными «экскурсами», гдѣ можно найти все, что угодно, кромѣ чувства мѣры, пониманія натуры ученика и условій гимназическаго преподаванія.

Въ этихъ изданіяхъ текстъ, сдавленный между обширнымъ введеніемъ и объемистымъ «комментаріемъ», занимаетъ самое скромное мѣсто. Къ этому дѣлу зачастую привлекаются филологи, правда, весьма ученые, но порою совершенно лишенные педагогическаго такта; претенціозные стилисты, сплошь да рядомъ, впрочемъ, благоразумно обходящіе дѣйствительно трудныя для перевода мѣста. При такихъ условіяхъ, самодѣятельности ученика оставляется очень мало мѣста; живое слово преподавателя нерѣдко парализуется въ виду подавляющаго обширностью матеріала, находящагося въ распоряженіи ученика. Послѣдствія такого порядка вещей не замедлили сказаться краснорѣчивымъ и недвусмысленнымъ образомъ. Лица, близко стоящія къ дѣлу, съ тревогой отмѣчаютъ фактъ несомнѣннаго пониженія познаній по древнимъ языкамъ въ нашихъ гимназіяхъ, указывая въ то-же время на полную невозможность, въ отношеніи количества прочитываемаго, дойти до нормъ, установленныхъ программами 1890 года. Вотъ почему, повторяемъ, толковое пособіе по древностямъ пріобрѣтаетъ въ настоящее время особенное значеніе и цѣнность. Въ качествѣ настольной книги для ученика, такой курсъ реалій долженъ служить могучимъ подспорьемъ грамматикѣ и словарю при разрѣшеніи всѣхъ существенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ отчетливымъ пониманіемъ древняго текста. Да и работа ученика при этихъ условіяхъ представляется намъ болѣе интересною, осмысленною и плодотворной.

Что касается содержанія «Краткаго очерка», то едва-ли можно согласиться съ цѣлесообразностью многочисленныхъ примѣчаній, фигурирующихъ почти на каждой его страницѣ и вносящихъ въ книгу излишнюю пестроту и даже нѣкоторую расплывчатость. Отъ доброй половины этихъ примѣчаній можно было-бы, безъ ущерба полнотѣ, совершенно отказаться, остальное-же—перенести въ текстъ, напечатавъ хотя-бы петитомъ. Здѣсь составители не въ мѣру подчинились пріемамъ Вагнера, руководство котораго «принято въ основаніе» (см. предисловіе) при составленіи «Краткаго очерка».

Приходится также пожалѣть о томъ, что авторы не сочли возможнымъ включить въ книгу главу о римской литературѣ съ краткой характеристикой главнѣйшихъ ея періодовъ и представителей. Дѣло въ томъ, что въ *гимназическомъ пособіи*, имѣющемъ цѣлью нарисовать картину древней жизни и *облегчить пониманіе* древней культуры, краткій обзоръ литературы и искусства является элементомъ болѣе желательнымъ, пожалуй, болѣе важнымъ, чѣмъ, напр., подробное описаніе Марсова поля (стр. 8), длинное разсужденіе о fasces (стр. 30), легенды о сивиллиныхъ книгахъ (стр. 79), цѣлая почти страница объ обрядахъ похоронъ и погребенія (стр. 88), раз-

ныя мелочи относительно построенія войска, вооруженія, осады и проч. (гл. о военномъ дѣлѣ, стр. 90—122), сообщенія о раскопкахъ въ Помпеяхъ (стр. 131), описаніе игры въ бабки и въ кубики (стр. 151) и нѣк. др.

Матеріалъ расположенъ въ обычномъ порядкѣ. Слѣдуетъ только замѣтить, что небольшую статью о финансахъ (§ 91) естественнѣе было-бы помѣстить рядомъ съ главою о государственномъ устройствѣ. Опредѣленія и описанія, во многихъ случаяхъ заимствованныя изъ Целлера (пер. Семенова, Москва), Любкера и Велишскаго, или переведенныя изъ упомянутаго уже руководства Вагнера, отличаются точностью, ясностью и мѣстами даже изобразительностью. Однако и тутъ попадаются погрѣшности: напр., «...свободны отъ всѣхъ *прямыхъ* налоговъ»... (стр. 20): ученику этотъ терминъ самъ по себѣ ничего не выясняетъ; «*законный* бракъ» (тамъ-же) выраженіе не вполнѣ удобное, да и неточное, не взирая на помѣщенную ссылку на другой §; «*удаленіе* изъ отечества» (§ 9)—насильственное (т.-е. изгнаніе) или добровольное? Слово это принадлежитъ къ категоріи тѣхъ, которыя употребляются въ значеніи и переходномъ, и среднемъ.

Въ числѣ рисунковъ, удачно и тщательно выполненныхъ, находятся нѣсколько снимковъ съ предметовъ, хранящихся въ Спб. Эрмитажѣ. Планъ города Рима слѣдовало-бы, въ интересахъ зрѣнія учащихся, приложить въ нѣсколько увеличенномъ масштабѣ.

Въ общемъ, «Краткій курсъ римскихъ древностей», отличающійся еще и изящной внѣшностью, нельзя не признать весьма хорошимъ пріобрѣтеніемъ для гимназій. Р.

Для дѣтей старшаго возраста. Стихотворенія *Петра Вейнберга.* Съ рисунками Е. М. Бёмъ, Н. Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. С. Соломка. Спб. 1896. Стр. 84. Цѣна 1 руб.

Появленіе книги г. Вейнберга должно быть отмѣчено съ живымъ сочувствіемъ: и въ педагогическомъ, и въ литературномъ отношеніи это, положительно, выдающаяся книга, и среди сборниковъ стихотвореній для дѣтей она займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Маститый поэтъ и переводчикъ, лауреатъ Академіи наукъ, г. Вейнбергъ и въ этой дѣтской книжкѣ является вѣрнымъ всѣмъ особенностямъ своего обширнаго и разнообразнаго дарованія. Книга состоитъ изъ блестящихъ по содержанію и по стиху переводовъ (изъ Виктора Гюго, Франсуа Коппѐ, Генриха Гейне, Адальберта Шамиссо, Ады Кристенъ и др.) и нѣсколькихъ оригинальныхъ стихотвореній, въ которыхъ г. Вейнберга не покидаетъ его юморъ, столь удающійся ему и вообще отличающій перо извѣстнаго псевдонима *Гейне изъ*

Тамбова. Въ одномъ изъ стихотвореній, посвященныхъ его маленькому другу Вадиму, онъ проводитъ мысль, которая яркою нитью проходитъ по всей его книжкѣ:

Даря тебѣ разсказы Верна,
Желаю, чтобъ была безмѣрна
Игра фантазіи твоей
При чтеньи ихъ: воображенье
Приводитъ въ теплое движенье
Всѣ чувства лучшія людей.
Пускай на вещи трезвымъ взглядомъ
Глядитъ всегда холодный разумъ:
Онъ — драгоцѣнный Божій даръ.
Но жалокъ тотъ (будь старъ иль молодъ),
Въ комъ благотворно въ этотъ холодъ
Не проникаетъ чувства жаръ.

Эта мысль, такъ игриво выраженная здѣсь, сказывается во всѣхъ лирическихъ произведеніяхъ г. Вейнберга, желающаго юношѣ, чтобы его ни на минуту ни покидала совмѣстная работа ума и чувства. Онъ увѣренъ, что когда юноша читаетъ поэтовъ, то самъ въ душѣ становится поэтомъ, и слова поэта не только пройдутъ *въ его умъ*, но, внимая имъ, онъ и самъ откликнется на нихъ душой своей живою,

и чище и теплѣй
Жизнь явится ему хотя-бы на мгновенье,
И вѣра въ лучшее печальныя сомнѣнья
Развѣетъ, разнесетъ...

Эта-то мысль, неуклонно проводимая въ книгѣ, и обращаетъ ее въ живую поэтическую проповѣдь, которая придаетъ настоящему труду г. Вейнберга педагогическую силу. Онъ напоминаетъ юношѣ,

Что Господь далъ человѣку
Умъ и сердце для того,
Чтобъ работалъ онъ на пользу
Человѣчества всего,

а потому желаетъ ему

Все впередъ идти, впередъ
Чистой, свѣтлою дорогой
Правды, чести и добра,
Помня то, что жизнь не шутка
И не праздная игра.

Включенныя въ книжку переводныя произведенія г. Вейнберга также всѣ носятъ эту-же свѣтлую, благородную мысль, и такимъ образомъ отнюдь не отличаются случайностью выбора. Пусть это, если хотите, нѣсколько однообразно, но у маститаго поэта для про-

веденія этой мысли есть разнообразіе формы: то высказываетъ онъ ее въ видѣ элегическаго стихотворенія, то въ формѣ шутки, то подъ видомъ разсказа или сказки. Эти послѣднія у него всѣ переводныя. И какъ онѣ всѣ хороши! Можно быть увѣреннымъ, что многія произведенія будутъ заучены наизусть. Хотя-бы вотъ эта остроумная сказочка: «Игрушка великановъ», полная глубокаго и благороднаго смысла. Дѣвочка-великанша увидѣла какъ-то разъ земледѣльца, пахавшаго въ полѣ. «Вотъ прелесть-то игрушка! возьму ее съ собою!» Веселая, радостная, прячетъ она его вмѣстѣ съ лошадью и съ плугомъ себѣ въ платокъ, приноситъ домой, разставляетъ ихъ на столѣ, показываетъ отцу и хлопаетъ въ ладоши и прыгаетъ кругомъ... Но старикъ объясняетъ дочери, что земледѣлецъ не игрушка, онъ Богомъ міру данъ: «не будь его на свѣтѣ, сидѣла-бъ ты безъ хлѣба!» Вотъ еще прелестная сказочка «Василекъ» (изъ Коппѐ). Дочери скряги-барона фея дала даръ обогащать въ одно мгновеніе бѣдныхъ, которымъ раньше отецъ не давалъ ей помогать. Тогда отецъ упрашиваетъ ее эксплоатировать этотъ даръ въ его пользу; но волшебная медалька, попавъ ему въ руки, въ одно мгновеніе обращается въ чудовищную рыбу, поганую и злющую...

Задумался надъ этимъ всѣмъ баронъ,
И Васильку на утро далъ въ подарокъ
Наполненный монетой кошелекъ.

Также наказанъ феей и грозный фогтъ въ шварцвальдской сказкѣ «Бабушка-Скалиха», и старшія сестры красавицы Зоди въ новогреческой народной сказкѣ. И при чтеніи всѣхъ этихъ произведеній у читателя слагается убѣжденіе,

Что надо всѣмъ, что было, есть и будетъ,
Для всѣхъ равно невыблемымъ судьей
Свой вѣчный путь свершаетъ справедливость.

Думаемъ, что на этомъ мы можемъ покончить нашъ разборъ сборника г. Вейнберга, который, какъ намъ кажется, намъ удалось достаточно охарактеризовать какъ въ отношеніи его педагогическаго, такъ и литературнаго значенія. Нелишнимъ, впрочемъ, будетъ прибавить, что книжка и въ отношеніи внѣшности представляетъ образецъ изящества, а приложенный къ ней портретъ автора чрезвычайно похожъ. **Н. П.**

Новыя иллюстрированныя дѣтскія книги, изд. Т—вомъ И. Д. Сытина: 1) «Игры звѣрей», ц. 50 коп.; 2) «Изъ жизни животныхъ», ц. 50 коп.; 3) «Маленькія кошечки», ц. 50 коп.; 4) «Для забавы», ц. 50 коп.; 5) «Горе и радость», ц. 50 коп.; 6) «Всего понемногу», ц. 50 коп.; 7) «Косматое чудовище», ц. 50 коп.; 8) «Золушка»,

ц. 50 коп.; 9) «Спящее царство», ц. 50 коп.; 10) «Котъ въ сапогахъ», ц. 30 коп.; 11) «Дѣтская забава», ц. 30 коп.; 12) Милымъ дѣтямъ», ц. 30 коп.; 13) «Маленькимъ дѣтямъ», ц. 30 коп.; 14) «Наши друзья», ц. 25 коп.; 15) «Гумпти-Думпти», ц. 25 коп.; 16) «Пернатое царство», ц. 25 коп.; 17) «Красная шапочка», ц. 25 коп.

Всѣ перечисленныя здѣсь книжки предназначаются, главнымъ образомъ, для дѣтей младшаго возраста, а частью и для неграмотныхъ, въ возрастѣ отъ 5—7 лѣтъ. Нужно-ли говорить о томъ, какъ бѣдна у насъ литература для дѣтей именно этого возраста? Съ другой стороны, всѣмъ хорошо извѣстно, съ какою радостью дѣти набрасываются всегда на картинки, особенно, если содержаніе этихъ послѣднихъ взято изъ дѣтской жизни или изъ міра животныхъ, представляющаго такой захватывающій интересъ для ребенка. «На книжку для малютокъ,—читаемъ въ отчетѣ особой коммиссіи «Родительскаго Кружка»,—нужно смотрѣть, какъ на *умную игрушку*. Такая книга должна состоять изъ ряда картинокъ, при которыхъ могутъ быть текстъ или подписи, чтобы устранить неправильное истолкованіе ихъ няньками и другими несвѣдущими лицами. Перелистывая такую книгу, дѣти, во-1-хъ, увеличатъ свой запасъ словъ путемъ заучиванія названій нарисованныхъ предметовъ и разговора о нихъ со взрослыми; во-2-хъ, пополнятъ свои свѣдѣнія объ окружающемъ, расширяя ихъ до знакомства съ предметами и явленіями родины и чужихъ странъ; въ-3-хъ, пріучатся къ наблюдательности, сопоставленію и сравненію, столь необходимымъ при занятіяхъ нѣкоторыми реальными науками; въ-4-хъ, понемногу научатся понимать рисунокъ со стороны его содержанія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на немъ изображены малознакомыя имъ сцены; въ-5-хъ, получатъ начала эстетическаго образованія; въ-6-хъ, будутъ имѣть матеріалъ для дѣтской фантазіи или, точнѣе, точку отправленія для нея». Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ почтенной коммиссіи, мы добавимъ лишь слѣдующее: книги подобнаго рода должны быть безупречны со стороны внѣшности, чтобы такимъ образомъ съ самаго ранняго возраста вліять на развитіе вкуса у ребенка; во-вторыхъ, чтобы при сохраненіи внѣшнихъ достоинствъ, книга по цѣнѣ была доступна возможно большему кругу дѣтей. Названныя нами изданія Сытина, думается намъ, вполнѣ удовлетряютъ этимъ условіямъ. Текстъ ихъ состоитъ или изъ отрывковъ и небольшихъ разсказовъ нашихъ писателей, или стишковъ, поговорокъ и шутокъ, составленныхъ примѣнительно къ дѣтскому пониманію. Нѣкоторый упрекъ составителямъ можно развѣ сдѣлать за то, что въ иныхъ мѣстахъ текстъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ картинкамъ, но такихъ мѣстъ мы насчитали очень немного: во всей серіи книжекъ два, три мѣста. За-то книжки стоятъ выше всякой похвалы со сто-

роны внѣшности, онѣ именно представляютъ *умную* и вмѣстѣ съ тѣмъ *въ высшей степени изящную* игрушку. Сюда прежде всего должны быть отнесены «Маленькія кошечки» и «Игры звѣрей»; обѣ книжики состоятъ изъ ряда картинокъ съ очень короткими подписями, сдѣланными крупнымъ, четкимъ шрифтомъ. Нѣсколько больше текста находимъ въ книжкахъ» Для забавы», «Горе и радость» и «Всего понемногу». Но и здѣсь текстъ назначенъ не для самостоятельнаго чтенія ребенка, а какъ помощь для того, подъ чьимъ руководствомъ ребенокъ смотритъ книжку. Въ остальныхъ книжкахъ текстъ преобладаетъ предъ картинками, и онѣ могутъ быть назначены для самостоятельнаго чтенія. Въ книжкахъ «Изъ жизни животныхъ» и «Наши друзья» находимъ нѣсколько короткихъ разсказовъ, посвященныхъ характеристикѣ животныхъ; разсказы составлены умѣлою рукою, просто, ясно, занимательно и прочтутся дѣтьми съ большимъ интересомъ. «Золушка», «Котъ въ сапогахъ» и «Красная шапочка» представляютъ прекрасно сдѣланный пересказъ всѣмъ извѣстныхъ сказокъ того-же имени. «Косматое чудовище»—недурной пересказъ прелестной сказки Аксакова—«Аленькій цвѣточекъ»; занимательность содержанія въ соединеніи съ роскошными рисунками, несомнѣнно, помогутъ этой книжкѣ пріобрѣсти многочисленныхъ друзей среди маленькихъ читателей. Недуренъ также разсказъ, изданный подъ заглавіемъ «Гумпти-Думпти». Остальныя книжки—«Пернатое царство», «Маленькимъ дѣтямъ», «Милымъ дѣтямъ» и «Дѣтская забава»—представляютъ собою сборникъ мелкихъ стихотвореній и басенъ.

До сихъ поръ на книжномъ рынкѣ для маленькихъ дѣтей предлагались или дорогія изданія Битепажа, Девріена и другихъ, доступныя лишь для богатыхъ семей, или-же глупыя «Степки-растрепки» и «Вани-сладкоѣжки»; настоящая серія книжекъ представляетъ, такимъ образомъ, первую попытку дать маленькимъ читателямъ изящную по внѣшности и безупречную по внутреннему достоинству книжку. Будемъ надѣяться, что эта попытка со стороны фирмы Сытина не останется безъ подражанія, и маленькій читатель за недорогую цѣну будетъ имѣть здоровый матеріалъ для чтенія.

Н. Т.

Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть *Немировича-Данченка.* Изъ временъ кавказской войны. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1896. 183 стр. Цѣна 65 к.

Тяжело жилось русскимъ солдатамъ въ это боевое время. Изъ укрѣпленій опасно было выходить, сообщеніе между ними было весьма затруднительно; почта, транспорты съ хлѣбомъ, съ оружіемъ доставлялись съ оказіей, подъ сильнымъ прикрытіемъ, и всякій разъ стоили

жертвъ, такъ какъ черкесы окружали крѣпости и подстерегали солдатъ изъ засады. Въ одномъ изъ такихъ укрѣпленій жилъ солдатъ Сергѣй Лоповъ и маленькій сынъ его Гаврюшка; единственный ребенокъ въ крѣпости, онъ былъ общимъ баловнемъ гарнизона, начиная съ суроваго коменданта. Однажды вооруженный отрядъ солдатъ отправленъ былъ за дровами; цѣлый день работали они въ лѣсу подъ выстрѣлами и вернулись поздно, потерявъ убитыми и ранеными нѣсколькихъ товарищей; Сергѣй Лоповъ пропалъ безъ вѣсти. Долго горевалъ бѣдный мальчикъ, долго разузнавалъ и разспрашивалъ объ отцѣ и узналъ, наконецъ, что онъ отведенъ въ отдаленный горный аулъ, въ плѣнъ къ такому дикому племени горцевъ, которое не возвращаетъ своихъ плѣнныхъ, не обмѣнивается ими съ русскими. Гаврюшка рѣшился на смѣлое дѣло: отыскать отца и выручить его изъ плѣна. Ночью, когда выпускали за ворота сторожевой отрядъ, Гаврюшкѣ удалось убѣжать изъ крѣпости, и онъ направился въ ту сторону, гдѣ долженъ быть расположенъ аулъ Саласку. Два дня и двѣ ночи шелъ мальчуганъ, натерпѣлся страху въ лѣсу, обходилъ аулы и на третій день самъ очутился въ плѣну; одинъ изъ лезгинъ замѣтилъ ребенка, посадилъ съ собою на коня и привезъ въ свой аулъ. Сначала Гаврюшка боялся и маленькихъ горцевъ, и старухи-хозяйки, которая чуть не зарѣзала его, узнавъ о плѣнѣ одного изъ сыновей; но потомъ онъ привыкъ къ хозяевамъ и вмѣстѣ съ ними обдумывалъ, какъ-бы увести отца отъ салаксуйцевъ и размѣнять на плѣнныхъ горцевъ. Между тѣмъ Сергѣй Лоповъ томился въ плѣну и обдумывалъ планъ побѣга. Ему удалось бѣжать, уйти отъ погони, переправиться черезъ рѣку; но добраться домой онъ уже не могъ и, обезсиленный, съ опухшими ногами, свалился на краю утеса, невдалекѣ отъ того аула, гдѣ жилъ его сынъ. Тутъ и нашелъ его Гаврила, созвалъ народъ, и горцы принесли солдата въ аулъ, лечили и берегли его, а черезъ нѣсколько недѣль онъ вмѣстѣ съ сыномъ возвращенъ былъ въ свою крѣпость, въ обмѣнъ на лезгина, брата хозяина.

Разсказъ написанъ увлекательно, хорошо знакомитъ съ природой и жизнью Кавказа; Гаврюшка—этотъ маленькій герой—возбуждаетъ искреннее сочувствіе и самый живой интересъ въ читателѣ.

Находка. Разсказъ для дѣтей. *Е. Поливановой.* Москва.

Семья Болтовыхъ, отправясь въ лѣсъ на веселую ботаническую экскурсію, вмѣсто рѣдкихъ растеній, нашла необыкновенную находку. Всклокоченная, исхудалая собаченка настойчивымъ лаемъ и ясно выраженнымъ безпокойствомъ заставила дѣтей пойти за собой и привела къ блѣдному, больному мальчику, лежавшему безъ чувствъ въ

чащѣ лѣса. Болтовы взяли мальчика къ себѣ, заботились о немъ, лечили его. Когда мальчикъ поправился, онъ разсказалъ свою необыкновенную исторію. Онъ отсталъ отъ партіи переселенцевъ, отправившейся изъ Симбирской губерніи искать счастья на новыхъ мѣстахъ. Дорогой отецъ и мать его умерли, и мальчику, выросшему въ заботливой, ласковой семьѣ, тяжело было привыкать къ сиротской долѣ. Къ тому-же, дядя его единственный родственникъ, не заботился о немъ нисколько. Предоставленный себѣ, мальчикъ, во время остановки партіи на ночлегъ, пошелъ побродить по лѣсу, проспалъ тамъ ночь, а когда вернулся, то оказалось, что переселенцы уже снялись и ушли, забывъ о немъ. Его пріютилъ старикъ-лѣсникъ, у котораго мальчикъ прожилъ зиму и подружился съ Жучкой. Но добрый старикъ умеръ, мальчикъ снова сталъ скитаться по лѣсу и безъ участія Болтовыхъ погибъ-бы голодной смертью. Добрая семья оставила у себя свою находку, и Ваня зажилъ счастливою жизнью у своихъ новыхъ друзей.

Разсказъ написанъ просто, доступнымъ дѣтямъ языкомъ и долженъ заинтересовать ихъ своимъ содержаніемъ.

Маминъ-Сибирякъ. На вольномъ воздухѣ (На волѣ). Разсказъ для дѣтей съ рисунками. М. 1895 г. Ц. 30 к.

Разсказъ производитъ странное впечатлѣніе: и содержаніе странное, и тонъ какой-то искусственный. Пріѣзжаетъ юноша-гимназистъ 7-го класса на каникулы къ отцу на золотые пріиски, наслаждается природою и всѣмъ привольемъ жизни, но въ головѣ у него бродятъ идеи о долгѣ интеллигенціи заниматься наукою, насаждать просвѣщеніе. Онъ пробуетъ заниматься зоологіею, ботаникою и просвѣщать молоденькую дѣвушку—Шурочку; но вся его дѣятельность ограничивается приготовленіемъ скелета змѣи, черепа рябчика да составленіемъ программы самообразованія женщины. Подходитъ конецъ каникулъ и юноша съ ужасомъ видитъ, что ничего не сдѣлано, въ особенности для просвѣщенія Шурочки, и онъ совершенно неожиданно рѣшаетъ выйти изъ гимназіи, поступить на службу и жениться на Шурочкѣ. О своемъ рѣшеніи юноша объявляетъ отцу; тотъ дѣлаетъ видъ, что соглашается и, подъ предлогомъ приготовленій къ свадьбѣ, увозитъ сына въ городъ и оставляетъ въ гимназіи.

Такому странному содержанію соотвѣтствуетъ и странный насмѣшливо-снисходительный тонъ,—тонъ, которымъ многіе взрослые имѣютъ обыкновеніе говорить съ дѣтьми.

Такого рода книги едва-ли будутъ читаться юношествомъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія въ Западной Европѣ.

Вечерніе курсы для взрослыхъ и народныя чтенія во Франціи.—Дополнительныя народныя школы въ Швейцаріи и Германіи.—Вопросъ объ обязательности дополнительнаго обученія.

Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ журнала «Revue pédagogique» помѣщено окончаніе въ высшей степени интереснаго доклада, представленнаго г. Пети министру народнаго просвѣщенія—о веденіи курсовъ для взрослыхъ и народныхъ чтеній во Франціи за 1894 — 1895 учебный годъ. Эта часть доклада указываетъ—кѣмъ и на какія средства велись эти курсы.

Для начала дѣла, чтобы имѣть необходимыя для устройства курсовъ пособія, нужно было собрать хотя небольшую сумму, которая составила-бы первоначальный фондъ. По подписнымъ листамъ, сборами на школьныхъ празднествахъ при помощи пожертвованій частныхъ лицъ и учительскаго персонала собрана была первоначальная сумма въ 145.000 франковъ, вполнѣ достаточная для начала дѣла.

Въ дружной, оживленной работѣ на пользу народнаго образованія принимали участіе различныя силы. Представители администраціи, сенаторы, депутаты устраивали подписки, содѣйствовали организаціи курсовъ и нерѣдко принимали личное участіе въ веденіи ихъ. Конечно, не всѣ одинаково отнеслись къ этому дѣлу. Между отвѣтами мэровъ на циркуляръ министра, приглашавшій ихъ содѣйствовать введенію курсовъ для взрослыхъ, попадаются и такіе, въ которыхъ муниципалетъ отказывается принять участіе въ новомъ дѣлѣ, ссылаясь на то, что начальное образованіе и безъ того поставлено достаточно прочно и хорошо и продолженіе его было-бы излишнею роскошью; что учителя слишкомъ обременены, чтобы вести еще вечерніе курсы; что рабочіе слишкомъ утомлены за день и не въ состояніи будутъ участвовать въ вечернихъ занятіяхъ; что бюджетъ общины не позволяетъ лишнихъ расходовъ на эти курсы. Но число подобныхъ отвѣтовъ очень незначительно. Большая-же часть, напротивъ, съ глубокимъ и полнымъ участіемъ относится къ дѣлу и констатируетъ полное сочувствіе населенія, выражающееся даже въ добровольныхъ затратахъ на поддержку курсовъ. Содѣйствіе курсамъ оказывали и благотворительныя учрежденія, и частныя лица, казалось-бы, не имѣвшія отношенія къ дѣлу народнаго образованія. Отдѣльныя чтенія (conférences) въ различныхъ мѣстностяхъ велись случайными лекторами, между которыми были и инженеры, и лѣсничіе, и мировые судьи, и доктора, и духовныя лица.

Конечно, самое дѣятельное и постоянное участіе принимали все-же педагоги-спеціалисты, отъ профессоровъ университетовъ до учителей начальныхъ школъ. Многіе профессора увлекались мыслью о народномъ университетѣ. Въ Нанси, напр., и профессора, и студенты работали заодно—и тѣ, и другіе читали лекціи, а студенты, кромѣ того, организовали спектакли для народа. Преподаватели лицеевъ и колледжей, такъ-же какъ и частные учителя, помогали въ выработкѣ программъ курсовъ и чтеній и читали лекціи, хотя многіе преподаватели средне-учебныхъ заведеній стѣснялись принимать участіе, вслѣдствіе министерскаго циркуляра, разрѣшавшаго имъ чтеніе лекцій только въ обществахъ, утвержденныхъ правительствомъ.

Особенную пользу дѣлу принесли профессора техническихъ учебныхъ заведеній, которые дѣлились съ народомъ своими спеціальными знаніями, имѣющими для многихъ изъ слушателей-рабочихъ большое значеніе. При нѣкоторыхъ учительскихъ семинаріяхъ (écoles normales) были устроены курсы и отдѣльныя чтенія для народа, на которыхъ пробовали свои силы будущіе народные учителя. Но большая часть этихъ добровольныхъ работниковъ дѣйствовала въ городахъ и ихъ окрестностяхъ. Въ деревняхъ вся тяжесть труда ложилась на народныхъ учителей, и такъ уже обремененныхъ работой. Ихъ энергіи и безкорыстію отчетъ отдаетъ полную справедливость, указывая, что въ нынѣшній учебный годъ 18.530 учителей и учительницъ устроили при своихъ школахъ вечерніе курсы для взрослыхъ. Они не ограничивались при этомъ только личнымъ трудомъ, но затрачивали часто свои небольшія сбереженія на покупку необходимыхъ пособій. Они не дожидались, говоритъ докладчикъ, пока дѣло окрѣпнетъ, окончательно станетъ на ноги, пока будетъ опредѣлено прочное и достаточное вознагражденіе за новую усиленную работу, они просто и прямо, не колеблясь, взялись за дѣло, которое считали своимъ, которое должно укрѣпить и продолжить то, что уже сдѣлано ими для своихъ школъ.

Выражая свое полное уваженіе и благодарность безкорыстнымъ работникамъ, докладчикъ все же считаетъ нужнымъ поставить на видъ министру, что подобные труды должны быть вознаграждаемы, и указываетъ на тѣ способы, которыми можетъ быть достигнуто это вознагражденіе.

Во-1-хъ, конечно, неизбѣжныя медали, почетные отзывы и т. п. Трудно себѣ представить, что эти тысячи людей, отдававшіе послѣ тяжелой дневной работы свои часы досуга на новый упорный трудъ, могутъ быть вознаграждены ленточкой или похвальнымъ листомъ, но авторъ доклада смотритъ на дѣло иначе. Кромѣ этого легкаго способа вознагражденія за работу, въ докладѣ указывается еще и на возможность установленія платы за веденіе курсовъ. Во-2-хъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ небольшая плата можетъ быть взимаема съ самихъ слушателей. Опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ потребность къ пополненію образованія велика, населеніе охотно вноситъ эту плату. Въ 73-хъ департаментахъ Франціи въ отчетномъ учебномъ году существовали платные народные курсы. Введеніе платы за обученіе вызывало много препятствій со стороны администраціи, казалось людямъ, близко принимающимъ къ сердцу дѣло народнаго образованія, не желательнымъ, не согласнымъ съ принципомъ безплатности обученія, но практика показала, что слушатели—крестьяне и рабочіе—очень охотно уплачивали свои 5 франковъ за зимній курсъ и что платные курсы посѣщались правильнѣе и манкировокъ было меньше, чѣмъ на безплатныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ муниципалитетъ платилъ учащимъ, но суммы, ассигнованныя на этотъ предметъ, поразительно

неравномѣрны: доходя до 51.000 фр. въ однѣхъ общинахъ, они спускаются до 42-хъ фр. въ другихъ.

Указывая на случайность и неопредѣленность подобнаго вознагражденія, докладчикъ предлагаетъ правительству оказать свое содѣйствіе и указываетъ на то, что вознагражденіе могло-бы быть выражено, во-1-хъ, уменьшеніемъ времени занятій въ дневной школѣ, во-2-хъ, опредѣленной платой за вечернія занятія, на что парламентомъ должна быть ассигнована добавочная сумма. Уменьшеніе времени занятій можетъ быть достигнуто, во-1-хъ, увеличеніемъ вакансій на двѣ лишнихъ недѣли въ тѣхъ школахъ, гдѣ учащими ведутся вечерніе курсы, а во-2-хъ, сокращеніемъ ежедневныхъ учебныхъ часовъ, что вполнѣ возможно, по словамъ директора, если очистить нѣсколько программу народныхъ школъ, загроможденную многими ненужными предметами. Что-же касается до участія государства въ расходахъ, то хотя главный принципъ лиги образованія—веденіе внѣшкольнаго народнаго образованія при помощи частной иниціативы—этотъ принципъ не будетъ нарушенъ, если государство придетъ на помощь только тѣмъ общинамъ, гдѣ или по равнодушію населенія, или по недостатку средствъ частная иниціатива окажется безсильной. Да и поддержка, предлагаемая докладомъ, не очень обременительна. Она не превышаетъ въ этомъ году 200.000 фр., а въ будущемъ 350.000 фр. дополнительныхъ расходовъ на народное образованіе.

Какъ разнообразны способы, которыми общество принимаетъ участіе въ работѣ на пользу народнаго образованія и какъ изъ маленькихъ отдѣльныхъ попытокъ частнаго лица разростается большое дѣло, наглядно показываетъ небольшое сообщеніе директриссы нормальной школы (école normale—учительской семинаріи) въ городѣ Пюи, въ департаментѣ de la Haute Loire, г-жи Лекомтъ. По ея иниціативѣ, при семинаріи возникли общество покровительства работницамъ и дѣвушкамъ, находящимся въ ученьи (Patronage des ouvrières et appenties) и образовались постоянные курсы (скорѣе—воскресная школа) при завѣдываемой ею женской учительской семинаріи. Дѣло началось очень просто и скромно. Испросивъ разрѣшеніе инспектора, г-жа Лекомтъ обратилась къ двумъ учительницамъ городскихъ начальныхъ школъ, прося ихъ извѣстить своихъ бывшихъ учеництъ, что всякое воскресенье, въ 4 часа, въ семинаріи будутъ происходить собранія, на которыхъ ихъ приглашаютъ участвовать. Объявленіе о собраніяхъ было вывѣшено въ единственной находящейся въ этомъ городѣ шляпной фабрикѣ, директоръ которой съ сочувствіемъ отнесся къ задуманному дѣлу.

Въ первое-же воскресенье, 1 мая 1895 года, собралось около восьмидесяти молодыхъ дѣвушекъ. На первой разъ дѣло ограничилось простой бесѣдой на прекрасной террасѣ школы, ведущей въ хорошенькій садикъ, и скромнымъ угощеніемъ. Затѣмъ хоръ семинаристокъ пропѣлъ своимъ гостямъ нѣсколько пѣсенъ. Съ тѣхъ поръ начались правильныя воскресныя посѣщенія. Дѣло уже не ограничивалось пѣніемъ и угощеніемъ, хотя и пѣніемъ, и угощеніемъ сопровождалось каждое собраніе. Начались занятія по выработанной заранѣе программѣ. Въ программу входило объяснительное чтеніе, письмо, ариѳметика, бесѣды по вопросамъ нравственности, домашняго хозяйства, гигіены и «домашней медицины» (médecine domestique). Усердными помощницами директриссы явились воспитанницы второго курса семинаріи. Участіе ихъ не было обязательнымъ, но всѣ занимались неуклонно и съ жаромъ, съ увлеченіемъ. Послѣ каникулярнаго перерыва занятія возобновились и продолжаются регулярно каждое воскресенье, отъ 4-хъ до 7-ми часовъ. Уча-

щіяся раздѣлены на 5 группъ. Кромѣ учебныхъ занятій, главное мѣсто между которыми занимаетъ объяснительное чтеніе и бесѣды, въ воскресной школѣ ведется еще обученіе шитью (въ городѣ всѣ дѣвочки рано попадаютъ на фабрику и большинство женщинъ, въ семьяхъ рабочихъ, совсѣмъ не умѣетъ шить). Между ученицами попадаются и безграмотныя, которыя составляютъ особую группу. Кромѣ воскресеній, желающія собираются еще по вторникамъ, вечеромъ, для полученія книгъ изъ бѣдной пока еще библіотеки и для дружескихъ бесѣдъ съ основательницей курсовъ.

Муниципальный Совѣтъ пришелъ на помощь г-жѣ Лекомтъ и дѣло стало прочно на ноги. Но устройствомъ курсовъ энергичная директрисса не ограничилась. Ей удалось подобрать кружокъ сочувствующихъ ей дамъ-патронессъ и организовать Общество попеченія о работницахъ, доставляющее имъ поддержку во время болѣзни, медицинскую помощь и т. п. При семинаріи-же организуется и бюро для ищущихъ работы.

Громадное значеніе подобной воскресной школы, конечно, въ томъ, что она сближаетъ молодыхъ дѣвушекъ, стремящихся посвятить себя учительской дѣятельности, съ рабочимъ классомъ, даетъ будущимъ народнымъ учительницамъ возможность еще на школьной скамьѣ попробовать свои силы въ занятіяхъ со взрослыми дѣвушками, могущими быть ихъ подругами по возрасту, возбуждаетъ и поддерживаетъ энтузіазмъ молодежи къ хорошему дѣлу.

Дѣлу сближенія много содѣйствуютъ, конечно, школьные праздники, устраиваемые при семинаріи. Такъ, въ нынѣшнемъ учебномъ году было три подобныхъ праздника. На Рождествѣ воспитанницы семинаріи давали спектакль для своихъ ученицъ-работницъ; по окончаніи второй трети учебнаго года былъ тоже устроенъ праздникъ въ стѣнахъ семинаріи, а передъ началомъ каникулъ—прогулка съ завтракомъ на свѣжемъ воздухѣ въ сосѣдней долинѣ.

Подобныя, единичныя пока, попытки обратили на себя вниманіе, и министръ народнаго просвѣщенія въ циркулярѣ своемъ отъ 11 ноября 1896 г. обращаетъ вниманіе ректоровъ на желательность участія учащейся молодежи въ дѣлѣ внѣшкольнаго народнаго образованія. Онъ рекомендуетъ имъ указывать студентамъ, что помощь рабочему классу въ его стремленіи къ продолженію образованія составляетъ нравственный долгъ учащейся молодежи. Далѣе, указывая на то, что занятія со взрослыми требуютъ другой подготовки и другого метода, онъ проситъ озаботиться, чтобы ученики нормальныхъ школъ получали теоретическую и практическую подготовку и для этого рекомендуетъ устраивать вечерніе курсы для взрослыхъ при учительскихъ семинаріяхъ. Въ этомъ-же циркулярѣ, говоря объ организаціи чтеній для народа, министръ указываетъ на художественныя произведенія великихъ писателей Франціи, какъ на самый желательный матеріалъ для чтеній. Викторъ Гюго, Додэ, Мишле—вотъ авторы, способные производить наибольшее впечатлѣніе на аудиторію.

Вопросъ о расширеніи и пополненіи народнаго образованія всюду выдвигается впередъ. Въ іюнѣ нынѣшняго года въ Женевѣ состоялся общешвейцарскій школьный конгрессъ, на которомъ впервые собрались школьные учителя французской, нѣмецкой и итальянской части Швейцаріи. До 1.700 человѣкъ отозвалось на призывъ организаціоннаго комитета.

Въ программѣ занятій этого конгресса на первомъ мѣстѣ были поставлены слѣдующіе два вопроса: 1) воспитательный характеръ обученія (L'enseignement educatif) и 2) дополнительныя школы (École complèmentaire). По

этому послѣднему вопросу конгрессомъ были приняты слѣдующія постановленія: 1) Курсъ въ дополнительныхъ народныхъ школахъ долженъ продолжаться 3 года. 2) Посѣщеніе дополнительной школы обязательно для всѣхъ юношей и молодыхъ дѣвушекъ, не получающихъ средняго образованія, и 3) въ дополнительныя народныя школы учащіеся поступаютъ въ возрастѣ 13—14 лѣтъ и остаются до 16—17 лѣтъ.

Эти дополнительныя школы существуютъ уже почти во всей Швейцаріи, но нѣкоторые кантоны не рѣшаются еще сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе ихъ для дѣвушекъ.

То-же мнѣніе о необходимости обязательнаго посѣщенія дополнительныхъ народныхъ школъ выражено и общимъ собраніемъ Общества распространенія народнаго образованія, происходившемъ въ Барменѣ, въ іюнѣ 1896 г. (Pädagogische Reform, № 30). Докторъ Пахникъ изъ Берлина представилъ собранію свой рефератъ о сельскихъ дополнительныхъ народныхъ школахъ (Fortbildungschule). Говоря о значеніи дополнительныхъ школъ, референтъ указываетъ на особенность культуры нашего времени, которая отличается отъ культуры древнихъ государствъ именно тѣмъ, что не остается привиллегіей одного класса, а все болѣе и болѣе распространяется въ глубину народной среды. Главнымъ проводникомъ культуры является народная школа, необходимымъ помощникомъ и продолженіемъ которой и должны служить дополнительныя школы. Эти школы пока еще слабо развиты въ Германіи, въ особенности сельскія школы. Число школъ и учащихся въ нихъ недостаточно велико, средства, отпускаемыя правительствомъ, тоже недостаточны, обученіе не совсѣмъ правильно поставлено. Главнымъ недостаткомъ, по мнѣнію референта, слѣдуетъ считать отсутствіе преподаванія сельскаго хозяйства въ большинствѣ сельскихъ дополнительныхъ школъ. Главныя выводныя положенія реферата слѣдующія:

1) Развитіе сельскихъ дополнительныхъ школъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи очень отстало и должно быть усилено всевозможными средствами.

2) Преподаваніе въ этихъ школахъ не только должно укрѣплять и расширять общія познанія, пріобрѣтенныя въ начальныхъ школахъ, но и давать учащимся практическія знанія, необходимыя для ихъ сельско-хозяйственныхъ занятій.

3) Къ участію въ этихъ спеціальныхъ занятіяхъ желательно привлечь умѣлыхъ сельскихъ хозяевъ изъ землевладѣльцевъ.

4) Учителя дополнительныхъ сельскихъ школъ должны получать спеціальную подготовку на особыхъ курсахъ при сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Профессоръ Бремертъ, соглашаясь вполнѣ съ референтомъ, предложилъ прибавить къ его тезисамъ еще выраженіе желанія, чтобы обученіе въ дополнительныхъ школахъ было признано обязательнымъ. Собраніе единодушно согласилось съ этимъ.

Такимъ образомъ, пока у насъ еще горячо обсуждается вопросъ о желательности и возможности обязательнаго обученія грамотѣ, въ западныхъ государствахъ назрѣлъ уже вопросъ о недостаточности обязательнаго школьнаго обученія (6—8-ми-лѣтняго школьнаго обученія, остающагося для насъ недосягаемымъ идеаломъ!) и объ обязательномъ для всѣхъ продолженіи школьнаго ученія въ юношескіе годы.

Е. Р.

Школьные нормы

Хроника народнаго [illegible]

Въ октябрѣ 1896 года, въ маленьком[illegible]берніи, Мензелинскѣ, была произведена закладка здан[illegible] въ которомъ будутъ помѣщаться также библіотека, чит[illegible]ь объ устройствѣ подобнаго зданія возникла въ средѣ [illegible]омитета трезвости, который ассигновалъ на постройку [illegible]гѣмъ, на тотъ-же предметъ ассигновано городомъ три ты[illegible]ымъ земствомъ тысяча рублей. Всего, такимъ образомъ, с[illegible] Суммы этой, конечно, недостаточно для осуществленія п[illegible]но мензелинскіе дѣятели, очевидно, не сомнѣваются, ч[illegible] начато, оно привлечетъ и средства, почему смѣло и п[illegible]ствленію задуманнаго предпріятія.

Въ г. Кинешмѣ, Костромской губерніи, [illegible]лось постановленіе мѣстной думы объ устройствѣ теа[illegible]. Н. Островскаго. Иниціатива выходила отъ группы л[illegible]музыкально-драматическій кружокъ имени А. Н. Остров[illegible]тъ возбудилъ передъ думою ходатайство объ устройствѣ [illegible]уступкѣ подъ него пустого городского зданія, причемъ ре[illegible] зданія, равно какъ и веденіе дѣла въ теченіе первыхъ деся[illegible]ралъ на себя. Это ходатайство думою уважено и такимъ [illegible]омъ городкѣ, какимъ является Кинешма, возникаетъ народ[illegible] театръ, т.-е. учрежденіе, какого нѣтъ даже въ столицахъ.

Провинція въ данномъ дѣлѣ вообще идетъ впереди столицы. Въ то время, какъ въ столицахъ дѣлались и продолжаютъ дѣлаться только опыты надъ устройствомъ народныхъ театровъ и, притомъ, опыты, нельзя сказать, чтобы удачные (исключеніе составляетъ лишь театръ «Невскаго Общества народныхъ развлеченій», работающій уже много лѣтъ съ такимъ успѣхомъ, но могущій быть относимымъ къ «столичнымъ» учрежденіямъ лишь съ извѣстнаго рода натяжкою, такъ какъ онъ находится хотя и подъ самымъ Петербургомъ, но, во всякомъ случаѣ, внѣ его), въ провинціи возникаютъ съ каждымъ годомъ все новые и новые народные театры. Такимъ образомъ, въ настоящее время уже имѣется рядъ деревенскихъ народныхъ театровъ, хотя и существующихъ рѣшительно безъ всякихъ гарантій ихъ прочности, тѣмъ не менѣе работающихъ уже большее или меньшее число лѣтъ. Что касается городовъ, то, помимо указанныхъ выше случаевъ основанія народныхъ театровъ въ Мензелинскѣ и Кинешмѣ, мы встрѣчаемъ народные театры въ Пензѣ, Орлѣ, Одессѣ и Екатеринославѣ. Въ Пензѣ и Орлѣ народные театры основаны мѣстными Обществами любителей изящныхъ искусствъ, основаны очень недавно (въ Пензѣ въ прошломъ сезонѣ, а въ Орлѣ даже только въ настоящемъ), но за-то ведутся съ такимъ успѣхомъ, который не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что народные театры представляютъ собою учрежденія, потребность въ которыхъ давно назрѣла и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть прекрасно поставлены частными обществами, въ родѣ названныхъ Обществъ любителей изящныхъ искусствъ. Опытъ подобнаго театра, и притомъ съ громаднымъ успѣхомъ, былъ сдѣланъ года два назадъ въ Саратовѣ тамошнимъ Обществомъ любителей изящныхъ искусствъ, но затѣмъ намъ не встрѣчалось извѣстій о томъ, продолжалось-ли это дѣло и въ послѣдующіе годы. Въ Одессѣ народный театръ организуется, подъ покровитель-

ствомъ мѣстнаго городского управленія, въ огромномъ зданіи народной аудиторіи, выстроенной городомъ. Пока объ этомъ опытѣ народнаго театра нельзя сказать ничего, такъ какъ дѣло въ самомъ началѣ. Наконецъ, въ Екатеринославѣ зданіе для народнаго театра выстроено мѣстною коммиссіей народныхъ чтеній, которая, собравъ нѣкоторую сумму, далеко недостаточную для осуществленія дѣла, тѣмъ не менѣе довела дѣло до конца, войдя въ долги, на погашеніе которыхъ можно быстро разсчитывать въ виду того, что зданіе театра сдается коммиссіей частному антрепренеру за весьма солидную сумму, причемъ, коммиссія выговорила себѣ право пользованія зданіемъ для своихъ цѣлей (чтенія и народные спектакли).

Разумно поставленный театръ, конечно, можетъ быть причисленъ къ числу просвѣтительныхъ учрежденій, и въ этомъ смыслѣ представляетъ утѣшительное явленіе постепенное возникновеніе у насъ народныхъ театровъ. Но, конечно, еще болѣе утѣшительнымъ является возникновеніе новыхъ учрежденій, просвѣтительныхъ по преимуществу. Къ числу такихъ учрежденій прежде всего должны быть причислены народныя библіотеки, которыя появляются, наконецъ, въ такихъ мѣстностяхъ Россіи, въ такихъ уголкахъ ея, гдѣ еще недавно о нихъ и не слышали. Такъ, недавно военнымъ Совѣтомъ разрѣшенъ расходъ въ 5.400 рублей изъ войскового капитала Уральскаго казачьяго войска на устройство 27-ми станичныхъ безплатныхъ читаленъ при войсковыхъ народныхъ школахъ. Завѣдываніе читальнями возложено на особую коммиссію, съ участіемъ представителей войска, Министерства Народнаго Просвѣщенія и духовнаго вѣдомства; выдача книгъ поручается учителямъ народныхъ школъ; библіотеки должны быть открыты съ 1-го января 1897 года. На дальнѣйшее ихъ развитіе испрашивается изъ того-же источника ежегодный кредитъ въ 675 рублей, т.-е. по 25 рублей на каждую библіотеку въ годъ. Другимъ относящимся сюда фактомъ является устройство въ тюрьмахъ Харьковскаго округа, по почину мѣстнаго тюремнаго инспектора, Харьковскимъ Обществомъ грамотности библіотекъ для арестантовъ. Этотъ послѣдній фактъ заслуживаетъ повсемѣстнаго подражанія со стороны лицъ, близко стоящихъ къ тюрьмамъ.

Къ сожалѣнію, дѣло народныхъ библіотекъ, какъ и всякое у насъ хорошее дѣло, начинаетъ встрѣчать разнаго рода препоны, которыя всего менѣе должны-бы быть въ такомъ со всѣхъ точекъ зрѣнія симпатичномъ начинаніи. Недавно, напр., въ газетахъ разсказывалась грустная исторія о томъ, какъ одну библіотеку, основанную вятскимъ губернскимъ земствомъ, мѣстный урядникъ, по распоряженію станового, просто-на-просто отобралъ цѣликомъ у завѣдующаго ею лица. Конечно, въ концѣ концовъ окажется, что это было только «недоразумѣніе» и библіотека будетъ водворена на мѣсто. Но, спрашивается, къ чему-же долженъ переносить непріятности, сопряженныя съ инцидентами, подобными разсказанному, тотъ, кто безкорыстно, изъ благородныхъ побужденій, бралъ на себя не легкое дѣло завѣдыванія народной библіотекой, и къ чему дискредитировать подобными инцидентами въ глазахъ народа учрежденіе, къ которому, напротивъ, необходимо всячески привлекать симпатіи населенія? Не пора-ли озаботиться о томъ, чтобы «недоразумѣнія» этого рода не только не оставались безнаказанными, какъ это бываетъ у насъ теперь, а напротивъ, чтобы они влекли самую суровую кару для виновныхъ въ нихъ, потому что трудно представить себѣ болѣе вредное въ общественномъ смыслѣ преступленіе, какъ это неразумное противодѣйствіе просвѣщенію народа и развитіе аль-

труистическихъ привычекъ въ интеллигенціи, берущейся безкорыстно за нелегкій трудъ по народному просвѣщенію?

Вотъ еще образчикъ тѣхъ препонъ, совершенно неожиданныхъ по своей безцѣльности, которыя встрѣчаются на пути каждаго благороднаго дѣла, возникающаго въ нашихъ захолустьяхъ. Въ г. Новороссійскѣ мѣстное благотворительное общество исходатайствовало у сухумскаго епископа разрѣшеніе на открытіе воскресной школы и приступило къ осуществленію этого благого дѣла. Осуществить его оказалось однако далеко не такъ легко, какъ это могло казаться сначала. Прежде всего вышло затрудненіе съ помѣщеніемъ для школы. Но, наконецъ, послѣ разныхъ странствованій по мытарствамъ и хлопотъ, это затрудненіе было устранено и городское управленіе уступило подъ школу помѣщеніе городской управы. Тогда приступили къ печатанію объявленій объ открытіи школы, но такъ и не могли напечатать. Мѣстный полиціймейстеръ, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе печатанія объявленій, нашелъ, что недостаточно того, что школа разрѣшена сухумскимъ епископомъ, и требовалъ, чтобы ему было доставлено еще разрѣшеніе начальника Кубанской области. Почему понадобилось поліціанту именно разрѣшеніе начальника Кубанской области, а не Ставропольской губерніи, и почему именно начальника области, а не управляющаго акцизными сборами—это остается неизвѣстнымъ, а тѣмъ не менѣе, благодаря этой нелѣпости, открытіе школы пришлось отложить.

Но чѣмъ больше встрѣчаютъ затрудненій на своемъ пути люди, работающіе на пользу народнаго просвѣщенія, тѣмъ больше чести дѣлаетъ этимъ людямъ то обстоятельство, что они не смущаются встрѣчаемыми препятствіями, не падаютъ духомъ, а неуклонно идутъ по разъ избранному пути и такъ или иначе добиваются намѣченныхъ себѣ цѣлей. Необычайно отрадное впечатлѣніе выносишь изъ знакомства съ подобною неустанною дѣятельностью поборниковъ свѣта и тружениковъ народнаго просвѣщенія. Именно такое отрадное впечатлѣніе производитъ изданная недавно въ Тифлисѣ брошюра: «Отчетъ о дѣятельности Тифлисской 1-й частной женской воскресной школы за 11 лѣтъ существованія (1885—1896)». Знакомство съ этимъ отчетомъ положительно необходимо каждому, кто работаетъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, да и всѣмъ не работающимъ въ этой области членамъ нашей интеллигенціи: во-первыхъ, этотъ «отчетъ» ободритъ въ ихъ не легкой дѣятельности, а во-вторыхъ, онъ долженъ навести на мысль объ обязательности каждаго, считающаго себя представителемъ интеллигенціи, такъ или иначе содѣйствовать просвѣщенію простого народа. И такъ какъ отчетъ Тифлисской школы можетъ быть доступенъ только немногимъ изъ нашихъ читателей, то мы считаемъ своею обязанностью остановиться на немъ подробно.

«Въ 1884 году,—читаемъ мы въ «Отчетѣ»,—въ Тифлисской женской гимназіи окончилъ курсъ кружокъ молодыхъ дѣвушекъ съ стремленіемъ къ саморазвитію и жаждою дѣятельности. Усиленныя чтенія, бесѣды приняли опредѣленный характеръ, благодаря встрѣчѣ ихъ А. П. Мичуринымъ, горячимъ сторонникомъ народнаго образованія, полагавшимъ все благо Россіи въ ея всеобщей грамотности... Мы, дѣти города, знали народъ лишь со страницъ Григоровича, Тургенева и другихъ нашихъ писателей. Книжка указывала намъ, что сознаніе народа и сумма его знаній гораздо ниже того, что необходимо для болѣе сносной жизни. А горячія рѣчи А. П. о томъ, что грамота и знаніе подымутъ это сознаніе, а слѣдовательно и улучшатъ жизнь

народа, что каждый интеллигентный человѣкъ обязанъ дать, что можетъ, народу,—вдохновили насъ на работу... Оставалось рѣшить вопросъ, какъ идти и помогать, работать. Задумываясь надъ формой дѣятельности, мы случайно, разбираясь въ старыхъ журналахъ, натолкнулись на статью Миропольскаго «Школа и общество», посвященную Харьковской женской воскресной школѣ. Увлекательно написанная статья, картинно изображающая это симпатичное учрежденіе, произвела на насъ неотразимое впечатлѣніе; явилось желаніе осуществить нѣчто подобное на дѣлѣ. Кромѣ того, условія города, наша семейная обстановка, нѣкоторыя обязательства, наконецъ, наша малая подготовка клонили къ тому, чтобы остановиться именно на этой формѣ дѣятельности. Итакъ, вопросъ былъ рѣшенъ, мы открываемъ воскресную школу. А. П. благословилъ насъ на это дѣло. Подали прошеніе. Со стороны попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго мы встрѣтили полное сочувствіе и разрѣшеніе на школу было получено нами очень скоро—черезъ десять дней. Между тѣмъ какъ мы готовились къ открытію школы, насъ осаждалъ цѣлый рядъ вопросовъ относительно этой будущей школы; насъ охватывало весьма понятное волненіе передъ началомъ дѣла, еще невѣдомаго для насъ самихъ. Никто изъ насъ не видѣлъ на дѣлѣ веденія занятій въ воскресной школѣ, а потому она представлялась въ мечтахъ громадной аудиторіей изъ взрослыхъ, которые пришли получить недостающія имъ знанія, послушать книжку, взять ее домой и, между прочимъ, научиться грамотѣ. Мы представляли себѣ ихъ быстрые успѣхи, разрушеніе ихъ суевѣрій подъ вліяніемъ школы, вліяніе школы на среду; однимъ словомъ, мечты самыя радужныя и смѣлыя. Дѣйствительность, какъ это всегда бываетъ, оказалась ниже этихъ мечтаній. Но сильная жажда работать не дала намъ разочароваться и мы взялись за занятія въ той формѣ, какую представила намъ дѣйствительность. Мы открывали школу безъ всякаго торжества; у насъ, собственно говоря, даже не было открытія: еще до полученія разрѣшенія, мы понемногу набирали ученицъ, знакомились съ ними. Всѣ мы, учительницы, были молоды, неопытны, боялись говорить о своей школѣ, не рѣшались даже просить для школы нигдѣ помѣщенія и устроились въ одномъ частномъ домѣ, гдѣ намъ уступили одну комнату во флигелѣ, одну въ домѣ, а потомъ еще прачечную».

Школа была открыта при самыхъ скромныхъ средствахъ, вѣрнѣе, безъ всякихъ средствъ. Да и впослѣдствіи средства школы были всегда крайне скромны. Годовой бюджетъ школы постоянно состоялъ всего изъ 150—200 рублей, собиравшихся путемъ частныхъ пожертвованій. А между тѣмъ чрезъ школу за 11 лѣтъ ея существованія прошло 1.101 учащаяся. И вотъ для обученія всей этой тысячи лицъ понадобилось всего какихъ-нибудь двѣ тысячи рублей! Объясняется эта скромность средствъ, необходимыхъ для веденія такого большого дѣла, тѣмъ, что для него всегда находилось даровое помѣщеніе, а главное—даровые работники. Всего за время существованія школы въ ней работали 92 учительницы, 25 ученицъ педагогическаго класса женской гимназіи, 4 законоучителя и 4 учителя пѣнія, всего 125 человѣкъ. И всѣ эти работники школы трудились безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія, довольствуясь лишь тѣмъ вознагражденіемъ, которое даетъ сознаніе причастности къ доброму дѣлу и исполненнаго долга.

Трудно было молодымъ дѣвушкамъ вести на первыхъ порахъ дѣло, которое было совершенно новымъ не только для нихъ самихъ, но и рѣшительно для всѣхъ въ Тифлисѣ, такъ что имъ никто не могъ дать никакихъ полез-

ныхъ указаній, ни руководить ихъ первыми шагами. Приходилось самимъ вырабатывать всю постановку дѣла во всѣхъ ея деталяхъ. А тутъ еще разныя внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства, неизбѣжно появляющіяся у насъ на сценѣ при каждомъ хорошемъ начинаніи. Страницы отчета, на которыхъ излагается ходъ дѣла въ школѣ за первый годъ ея существованія, очень интересны и мы приведемъ эти страницы цѣликомъ.

«Подготовка и возрастъ учелицъ были до того разнообразны, что ихъ пришлось разбить на группы, сообразуясь, главнымъ образомъ, съ ихъ возрастомъ. При распредѣленіи группъ сказалась наша неопытность: за однимъ столомъ очутились ученицы разныхъ ступеней познанія: одна едва-едва читала и при письмѣ ставила «ъ» въ концѣ каждаго слова; другая бойко читала, сносно писала и пришла за дальнѣйшими свѣдѣніями; третья только читала и совсѣмъ не умѣла писать, и т. п. Насъ это, однако, мало смущало: дѣло въ томъ, что мы не задавались цѣлью правильно вести обученіе чтенію, письму, ариѳметикѣ; объ этомъ мы мало думали, такъ какъ горѣли желаніемъ дать ученицамъ какъ можно больше знаній, разбить ихъ суевѣрія. На урокахъ объяснительнаго чтенія, какъ это всегда почти бываетъ съ молодыми, начинающими учительницами, мы увлекались и въ своихъ разъясненіяхъ уходили далеко въ сторону. Теперь, оглядываясь на это прошлое, мы узнаемъ себя въ юмористическомъ описаніи молодого учителя у Успенскаго:

«Лекціи мои были настоящей энциклопедіей. Вотъ буква А. Чтобъ ее запомнили, я говорю, что она похожа, напр., на крутую, хорошую дугу; чтобъ не терять времени, которое дорого, я тотчасъ, придравшись къ дугѣ, заводилъ рѣчь объ экипажахъ, объ ѣздѣ, откуда недалеко до желѣзныхъ дорогъ, до пароходовъ, потомъ паръ, потомъ вода, изъ которой дѣлается паръ и въ которой живутъ рыбы; отъ рыбъ перехожу къ устройству вселенной и т. д.».

«Но тогда мы не замѣчали своего увлеченія. Такія занятія не казались намъ ненормальными, такъ какъ сообщеніе полезныхъ знаній было, по нашему мнѣнію, выше какого-нибудь механизма чтенія или правильности письма, въ чемъ, однако, нуждались многія изъ нашихъ ученицъ. Еслибъ явился въ нашу школу посторонній наблюдатель, то онъ увидѣлъ бы тѣсно поставленные столы. скамьи и старыя парты (взятыя изъ женской гимназіи); на нихъ стиснутыхъ одна другою ученицъ и 4, 5 учительницъ, стоящихъ между ними (сидѣть учительницамъ отъ тѣсноты было негдѣ). Надъ всѣмъ этимъ стоялъ почти гамъ отъ голосовъ учительницъ, увлекавшихся своими объясненіями. Въ отвѣтъ имъ—устремленные и внимательные взоры ученицъ; искренняя нотка зажгла и въ ученицахъ огонекъ и возбудила въ нихъ вниманіе настолько сильно, что оно не отвлекалось въ сторону сосѣдней учительницы, которая сообщала своей группѣ не менѣе интересныя вещи. И такъ занятія длились четыре часа сряду, безъ перемѣны, въ одной коннатѣ, гдѣ шумъ и духота могли утомить болѣе, чѣмъ самыя занятія; но утомленія никто не чувствовалъ. Такъ продолжалось нѣсколько учебныхъ дней, которыя бывали не только по воскресеньямъ, но и по праздникамъ. Ученицы и ученики прибывали (хотя школа предназначалась быть женскою, но приходили и мальчики, просили и ихъ принимали). Благодаря тому, что школа открылась недалеко отъ молоканской слободки, учащіеся первое время состояли исключительно изъ молоканъ. Это обстоятельство имѣло свои положительныя стороны: школа имѣла единообразный видъ; запросы ученицъ, отношеніе ихъ къ школѣ, учительницамъ, домашняя обстановка—во всемъ этомъ ученицы проявляли

нѣчто общее, что было легче понять и удовлетворить, чѣмъ если-бы элементъ былъ разнообразный.

«Послѣ нѣсколькихъ уроковъ пришлось расширить помѣщеніе; одна группа ученицъ перешла въ прачечную, которая находилась въ томъ-же домѣ. Въ прачечной, съ деревяннымъ бѣлымъ поломъ, однимъ окномъ, въ углу стояла печь, съ вмазаннымъ въ нее котломъ для воды; тутъ-же были поставлены длинныя парты, за которыми сидѣли дѣвушки 8 лѣтъ по 15, 16, 18. Занятія въ этой прачечной связаны съ самыми пріятными воспоминаніями: тутъ было и свободнѣе, и тише; ученицы не напрягали своего вниманія. Первый годъ каждая учительница вела свои занятія по программѣ, ею самой составленной; тутъ въ прачечной проходилось то, что впослѣдствіи было названо міровѣдѣніемъ: вода, паръ, дождь, снѣгъ, градъ, громъ, радуга, части свѣта, животныя, растенія разныхъ странъ и т. д. Ученицы хоть и умѣли кое-какъ читать, но никогда не задумывались надъ тѣмъ, что эти явленія можно объяснять иначе, какъ то извѣстно по традиціи. Тутъ на вопросъ: «откуда берется дождь?» получались такіе отвѣты: «ангелъ трясетъ крыльями, вотъ и дождикъ капетъ...» «Изъ радуги идетъ», а «сама радуга — дорога въ рай, къ Богу». А о громѣ и говорить нечего—въ этомъ явленіи у всѣхъ дѣйствующимъ лицомъ считался Илья; земля, сообщали намъ ученицы,—держится на китѣ, а китъ на лягушкѣ, а лягушка на черепахѣ. Когда-же на эти явленія слѣдовали объясненія учительницы, то удивленіе ихъ было настолько сильно, что въ перемѣну онѣ бѣгали къ своимъ товаркамъ въ другой группѣ и сообщали: «намъ говорили о парѣ, о дождѣ». Тѣ сообщали если не съ удивленіемъ, то не съ меньшимъ восторгомъ: «а намъ разсказывали о Гуттенбергѣ, какъ онъ придумалъ буквы печатать». Такой обмѣнъ замѣчался первые годы; дальше это явленіе перестало замѣчаться или ослабѣло.

«Идеи братства и равноправности молоканской секты были воспитаны на нашихъ ученицахъ съ первыхъ дней сознанія, а потому въ ихъ отношеніяхъ къ учительницамъ никогда не проглядывало ни подобострастія, ни приниженности; напротивъ, придя въ школу, ученицы всѣхъ возрастовъ здоровались съ учительницами, протягивая имъ руку. Смущенія предъ старшими или начальствомъ никогда не замѣчалось за ними; свойственная имъ простота была такъ сильна, что бывали даже и такіе случаи: ученица, войдя въ классъ и поздоровавшись съ учительницей, подавала за одно руку и директору или инспектору народныхъ училищъ, которые время отъ времени посѣщали школу. Еще одна оригинальная черта наблюдалась въ отношеніяхъ ученицъ и учительницъ: если ученица приводила съ собой новую ученицу, то она непремѣнно подсаживала ее въ свою группу, къ своей учительницѣ, хотя-бы она совсѣмъ не подходила къ ней по своимъ познаніямъ. Деликатность и нежеланіе съ нашей стороны обидѣть ихъ создали то, что у каждой учительницы создалась группа изъ нѣсколькихъ отдѣленій, соединить которыя было невозможно, а потому приходилось одновременно вести занятія съ нѣсколькими группами; неудобствъ отъ этого разсѣянія силъ и времени было много, но мы находили и это нормальнымъ при существовавшихъ между нами отношеніяхъ. Кромѣ вышеуказанной программы, проходили ариѳметику и учились писать, причемъ у ученицъ одной и той-же группы орѳографія была самая различная: были и сносно пишущія, но были и такія, письмо которыхъ разобрать было невозможно: нѣсколько словъ сливались въ одно, съ ошибками орѳографическими и звуковыми; не только учительница, но и сама написавшая не могла разобрать своего письма. Такіе-же недочеты

были въ чтеніи: наряду съ быстро и сознательно читающими попадались такія, которыя едва-едва разбирали слова, причемъ успѣвали совершенно забыть первое, пока трудились надъ вторымъ. Останавливаться и вырабатывать механизмъ чтенія было немыслимо. даже при желаніи, при такомъ составѣ группъ. Но за-то онѣ довольно сносно излагали устно обо всемъ пройденномъ изъ курса міровѣдѣнія. Послѣ занятій устраивались чтенія: учительницы читали вслухъ ученицамъ лучшія литературныя произведенія, чтобы развить въ нихъ вкусъ къ художественному, а еще больше для того, чтобы имѣть возможность еще побесѣдовать съ ними. Для этого всю школу собирали послѣ уроковъ нъ одну комнату.

«На эти чтенія оставались желающія. Нѣкоторыя уходили раньше; другія вставали и уходили во время чтенія, прослушавъ часть книги; эти выходы, иногда во время самаго интереснаго и сильнаго момента, очень смущали читающую учительницу, слова замирали на языкѣ, но ученицы спокойно вставали, подавали на прощанье руку и уходили, увлекая за собою еще нѣсколькихъ. Сложившіяся у насъ отношенія съ ученицами не позволяли намъ сдѣлать какое-либо замѣчаніе о неудобствахъ такихъ выходовъ, но мы всѣ страдали отъ ихъ повторенія. Однако на ряду съ ними были и утѣшительныя явленія: внимательно устремленные взоры, въ которыхъ ясно отражались всѣ переживаемыя ими чувства, вызываемыя чтеніемъ.

«По окончаніи чтенія книжка мгновенно шла нарасхватъ: «дайте мнѣ на домъ почитать ее», «и мнѣ, и мнѣ», слышалось нѣсколько голосовъ. Библіотечка состояла изъ сотни, приблизительно, книжекъ для народнаго чтенія; она была перечитана всѣми грамотными ученицами. Годъ открытія школы—1885—былъ годомъ начала развитія дешевой народной литературы: каждая вновь выходящая книжка «Посредника» прочитывалась съ интересомъ, какъ новинка, учительницами и немедленно попадала въ воскресную школу. Нашими книгами стали пользоваться не только ученицы, но и ихъ родные, такъ что спросъ на книги возрасталъ...

«Такъ мы довели годъ и весною устроили экзаменъ, на который пригласили А. П. Мичурина. Но представленія наши объ экзаменѣ и его были различны. Мы полагали провѣрить, насколько ими усвоены знанія, которыя сообщались имъ цѣлый годъ; А. П. смотрѣлъ на экзаменъ иначе: онъ полагалъ необходимымъ каждому грамотному «проложить путь къ книгѣ», т.-е. достичь того, чтобы каждый грамотный могъ читать и понимать прочитанное. Исходя изъ этого, онъ открылъ книгу «Нашъ другъ» Корфа и первую попавшуюся статью предложилъ прочесть ученицамъ и передать своими словами. Эту статью («Новый Годъ») пыталось читать и разсказывать ученицъ 20, но ни одна изъ нихъ не могла передать того, о чемъ она прочла. Правда, статья написана тяжелымъ языкомъ, тѣмъ не менѣе причина крылась еще въ томъ, что мы своими «объясненіями» и «дополненіями» совсѣмъ не развили въ ученицахъ умѣнья самостоятельно добираться до смысла читаемаго. Это было очень горько, но за-то весьма поучительно; каждая изъ насъ поняла, что нельзя въ центрѣ занятій ставить сообщеніе знаній, въ полный ущербъ механизму чтенія и пониманія прочитаннаго, что должно идти рука объ руку. Итакъ, опытъ перваго года натолкнулъ насъ на мысль нѣсколько измѣнить свой взглядъ на веденіе дѣла въ воскресной школѣ. Онъ указалъ намъ на несоотвѣтствіе между нашимъ направленіемъ и вопросами ученицъ; тогда какъ мы стремились дать имъ больше знаній, онѣ, интересуясь всѣмъ этимъ, выражали, однако, главнымъ образомъ же-

ланіе научиться читать, писать «по мелкому», пройти побольше по ариөметикѣ. Бывали въ школьной жизни и такіе случаи: въ то время, какъ учительница съ увлеченіемъ разсказывала о чемъ-нибудь ученицамъ, послѣднія прерывали ее въ самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа, напоминая: «а мы сегодня будемъ писать?»

«Послѣ экзамена на другой день въ школѣ было устроено чтеніе съ туманными картинами; ученицамъ разрѣшено было привести съ собою родныхъ и знакомыхъ. Народу собралась бездна. Большая комната, въ которой происходило чтеніе, не вмѣстила всѣхъ явившихся на чтеніе, такъ что значительная часть слушателей стояла на балконѣ, на дворѣ. Восторгъ былъ полный; каждую картину просили показать еще и еще разъ; больше всего производили впечатлѣнія красивые виды городовъ и различныхъ мѣстностей...

«Разставаясь передъ каникулами съ ученицами, мы условились писать другъ другу (что и исполнили); чувствовалось, что школа уже стала чѣмъ-то дорогимъ для обѣихъ сторонъ, чувствовалась связь, установившаяся между нами. Таня С., взволнованная, раскраснѣвшаяся, благодарила учительницъ; глаза у нея блестѣли особеннымъ оживленіемъ, когда заговаривали о продолженіи занятій на будущій годъ. Катя Б., измѣнивъ немного своей обычной веселости, говорила, однако, подшучивая: «Ну, чего вы всѣ такія вдругъ скучныя стали? Вѣдь только лѣто пройдетъ—и опять всѣ увидимся...» И дѣйствительно, осенью большинство ученицъ явилось въ школу для продолженія занятій...»

Такъ прошелъ первый годъ существованія школы, въ теченіе котораго учились не столько ученицы, сколько учительницы. Для послѣднихъ годъ этотъ не прошелъ даромъ. Изъ молодыхъ, неопытныхъ, въ сущности мало что знающихъ дѣвушекъ, выработались лица, понявшія всю важность задачи начальнаго образованія большинства населенія и понявшія, что это дѣло нужно вести серьезно и систематически. Послѣдующіе годы въ жизни школы были похожи на первый лишь тѣмъ духомъ живымъ, который царилъ въ школѣ, тѣмъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу, которое проявляли обѣ стороны, и тою нравственною связью между учащими и учащимися, которая установилась въ первомъ году. Что-же касается самой организаціи дѣла и веденія преподаванія, то то и другое рѣзко измѣнилось, благодаря чему безформенное собраніе ученицъ и учительницъ, какимъ являлась школа въ первый годъ, обратилось въ серьезное учебное заведеніе, являющееся одною изъ лучшихъ воскресныхъ школъ въ Россіи. Мѣстное учебное начальство, въ лицѣ попечителя округа, оцѣнило школу по достоинству, неоднократно выражая свое одобреніе и свою благодарность руководительницамъ школы. Мѣстное городское управленіе признало полезность школы для населенія, назначивъ ей, по случаю десятилѣтія существованія школы, постоянную субсидію, достаточную для покрытія расходовъ по школѣ. Наконецъ, на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ школа получила высшую награду—почетный дипломъ. Выше уже было упомянуто, что чрезъ школу за 11 лѣтъ ея существованія прошло болѣе тысячи ученицъ. Конечно, не всѣ онѣ вынесли изъ школы одинаковыя пріобрѣтенія; но нѣтъ сомнѣнія, что для большинства изъ нихъ школа осталась однимъ изъ лучшихъ воспоминаній на всю жизнь, что всѣ онѣ получили отъ школы формальное знаніе въ большемъ или меньшемъ объемѣ, такъ и извѣстнаго рода нравственное воздѣйствіе и что, наконецъ, школа несомнѣнно отразилась на всей ихъ послѣдующей жизни. И если вспомнить, что школа создана и велась въ теченіе

11 лѣтъ исключительно усиліями частныхъ лицъ, взявшихся за это дѣло лишь изъ сознанія своего долга предъ народомъ, то нельзя не признать, что лица, создавшія и поддерживавшія Тифлисскую женскую воскресную школу, сдѣлали крупное общественное дѣло.

Вотъ какъ опредѣляютъ значеніе школы сами участвующія въ ней, опредѣляютъ съ обычною имъ скромностью:

«Если вспомнить ту сумму знаній, которая вкраплена въ кругозоръ болѣе 1.000 будущихъ матерей, если вспомнить, что въ обиходъ будничной, шаблонной, узкой жизни вводилась книжка, которая берется изъ библіотеки ученицами и послѣ выхода изъ школы, если вспомнить сумму часовъ, проведенныхъ ими не такъ, какъ они проводятся ими обыкновенно въ праздникъ на улицѣ съ сѣмячками и разговорами на житейскія темы, не перелетающія за предѣлы ихъ улицы или города, если вспомнить, сколько разъ ихъ духовный міръ переносили въ художественныя сферы нашихъ и иностранныхъ классиковъ путемъ чтенія имъ произведеній или посѣщенія литературныхъ утръ, если вспомнить и то, хоть небольшое вліяніе, которое оказывали учительницы своимъ отношеніемъ къ нимъ, то все это и многое такое-же, хоть и мелкое и мало уловимое, составитъ то положительное, что даетъ школа и что двигаетъ жизнь впередъ».

Конечно, тому, кто посмотритъ на школу и достигнутые ею результаты со стороны, значеніе школы представится несравненно болѣе важнымъ, нежели какимъ оно рисуется скромнымъ участницамъ школы. Я не буду излагать здѣсь того впечатлѣнія, которое произвелъ одиннадцатилѣтній отчетъ на меня самого а вмѣсто того представлю читателю для сужденія по данному вопросу чисто объективный матеріалъ въ видѣ трехъ писемъ учениць школы къ своей учительницѣ, выбравъ эти письма изъ тѣхъ, которыя приложены къ отчету. Изъ писемъ этихъ читатель всего лучше увидитъ, какъ цѣнятъ школу сами учащіяся въ ней и какое вліяніе она оказала на нихъ.

«Милая и дорогая, О. В.! Получила я ваше письмо, за которое очень, очень благодарю васъ. Счастливѣе той минуты у меня не бываетъ все лѣто, когда я получаю ваше письмо. Оно такъ меня ободряетъ, такъ много придаетъ силы и терпѣнья на то желанье, о которомъ я ни одной минуты не перестаю думать. Милая моя, О. В.! Двѣ мысли не выходятъ у меня изъ моей головы: поѣхать въ деревню и открыть тамъ школу. Хотя я еще очень мало знаю, но все-таки у меня сильная любовь къ этому дѣлу. Хотя я и не сдамъ экзамена на сельскую учительницу, но все-таки поѣду въ деревню учить дѣтей. Счастливѣе учительницъ и учителей я не нахожу въ мірѣ людей. Когда онъ учитъ дѣтей, онъ находится между хорошими, добрыми, которые еще не знаютъ ненависти другъ къ другу, какъ взрослые. Долженъ только самъ тотъ человѣкъ быть такимъ: добрымъ, научать ихъ хорошему, а не такъ, чтобы еще больше испортить ребенка. Долженъ научить своихъ учениковъ и учениць думать не только о себѣ, но и объ окружающихъ».

«Милая вы моя! Вы спрашиваете, читала-ли я книжку про ученіе грамотѣ и родному языку (Паульсона)? Да, я читаю. Она мнѣ очень нравится, только однимъ не нравится, что въ ней очень много повтореній одного и того-же. Развѣ это можно дѣлать въ деревнѣ, гдѣ учатъ дѣтей 3 мѣсяца, не болѣе 4-хъ? Тамъ нужно стараться поскорѣе научить читать, писать и ариѳметикѣ, а не то, чтобъ 1 мѣсяцъ прошелъ только такъ, въ расспросахъ,

гдѣ онъ живетъ? кто его отецъ? и т. п. Я съ нимъ (Паульсономъ) не согласна, я думаю вотъ что сдѣлать: взять изъ всѣхъ его бесѣдъ и уроковъ написать самое нужное кратко, чтобъ можно было захватить два дня не больше. Не правда-ли, хорошо будетъ? Не знаю, что вы на это скажете; пишите, когда прочтете, свое мнѣніе: хорошо или нѣтъ?»

«Ахъ, милая О. В.! Какъ здѣсь хорошо! Какіе здѣсь лѣса и сколько ихъ здѣсь! Гдѣ ни взглянешь—вездѣ лѣса. Я каждый день гуляю въ нихъ: воздухъ чистый, прохладный, свѣжій. Я познакомилась здѣсь съ одной здѣшней дѣвушкой, съ ней мы ходили въ лѣсъ за грибами, много мы нарвали грибовъ и долго мы съ ней гуляли, я ей пѣла свои (школьныя) пѣсни и ей онѣ очень нравились; она меня просила, чтобъ я ее научила пѣть. Я ей разсказала про нашу воскресную школу, про учеництъ и учительницъ, она съ такою жадностью слушала и сказала: ахъ, какія вы счастливыя, что у васъ есть школа! Какъ-бы я была рада, еслибъ у насъ была такая школа! И вздохнула. Немного спустя, она сказала: если я когда-нибудь поѣду въ Тифлисъ, то непремѣнно схожу въ воскресную школу, а потомъ вдругъ спросила: а сколько вы платите за школу? Я сказала, что ничего не платимъ, она такъ удивилась. Она молоканка, она очень развитая дѣвочка, она мнѣ очень понравилась; мы съ ней вмѣстѣ читаемъ, играемъ, поемъ. Дорогая О. В.! знаете—18 іюня я, можетъ быть, уѣду въ деревню Н—ку; за мной уже пріѣзжали. Тамъ я, можетъ быть, буду учить. Радость моя, прощай».

Намъ остается выразить пожеланіе, чтобы у насъ на Руси возникало побольше такихъ просвѣтительныхъ учрежденій, какъ Тифлисская частная женская воскресная школа, и чтобы они процвѣтали и встрѣчали поменьше препятствій на пути своего возникновенія и процвѣтанія.

Я. Абрамовъ.

Хроника профессіональнаго образованія.

Проекты учрежденія высшихъ техническихъ школъ въ Кіевѣ и Екатеринбургѣ.—Высшія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія.—Низшія техническія школы.—Курсы и лекціи для рабочихъ.

Изъ многочисленныхъ, выдвинутыхъ теперь на очередь проектовъ учрежденія новыхъ высшихъ профессіональныхъ школъ, наиболѣе близокъ, повидимому, къ практическому осуществленію проектъ объ учрежденіи политехническаго института въ Кіевѣ. Какъ сообщаютъ кіевскія газеты, мѣстный городской голова обратился къ Лаз. Изр. Бродскому отъ имени городской финансовой коммиссіи съ просьбой оказать свое содѣйствіе въ дѣлѣ учрежденія высшаго техническаго учебнаго заведенія въ Кіевѣ и войти по этому вопросу въ переговоры съ бюро представителей сахарозаводчиковъ,—не найдутъ-ли послѣдніе возможнымъ оказать матеріальную поддержку столь важному для города и края дѣлу. Г. Бродскій, вполнѣ сознавая необходимость высшаго техническаго института въ Кіевѣ и желая выяснить, какого типа институтъ является наиболѣе желательнымъ, а также—гдѣ найти средства къ осуществленію такого учрежденія, пригласилъ къ себѣ на частное засѣданіе нѣсколько лицъ, компетентныхъ въ обсужденіи связанныхъ съ

этимъ вопросовъ. На засѣданіи этомъ присутствовали: городской голова С. М. Сольскій, профессора Н. А. Бунге, М. Н. Бубновъ, Г. Г. де-Метцъ, Д. И. Пихно и Н. К. Ренненкампфъ, начальникъ Юго-западныхъ дорогъ К. С. Немѣшаевъ, инженеры: А. А. Абрагамсонъ, Н. Ф. Барсуковъ и фонъ-Гершельманъ, а также Б. И. Ханенко, Левъ Изр. Бродскій, К. В. Фишманъ и М. С. Бродскій. Приглашенные также Н. Г. Хряковъ и Н. В. Самофаловъ на собраніи присутствовать не могли. Изъ весьма оживленнаго обмѣна мыслей выяснилось всеобщее горячее сочувствіе дѣлу организаціи въ Кіевѣ высшаго техническаго образованія, показывающее, насколько потребность въ немъ назрѣла и всѣми сознается. Наиболѣе совершеннымъ типомъ, по мнѣнію присутствовавшихъ, въ настоящее время является политехническій институтъ, причемъ на первое время слѣдовало-бы ограничиться тремя особенно необходимыми отдѣлами, а именно: механическимъ, химическимъ и сельско-хозяйственнымъ. Сооруженіе зданій такого института, при отведенной городомъ безвозмездно землѣ, должно обойтись тысячъ въ пятьсотъ, а оборудованіе его тысячъ въ двѣсти. Иниціативу долженъ, конечно, взять на себя городъ. Если-бы городское управленіе нашло возможнымъ ассигновать на это дѣло значительную сумму, примѣрно, тысячъ около трехсотъ, то съ большой долей вѣроятности можно предсказать, что остальные 400.000 р. будутъ собраны по подпискѣ среди представителей промышленности и сельскаго хозяйства, которые больше всего страдаютъ отъ отсутствія основательно подготовленныхъ техниковъ и агрономовъ. При такой постановкѣ вопроса, т.-е. при сооруженіи института на городскія и частныя средства, можно надѣяться, что правительство возьметъ на себя содержаніе института. Собранію было доложено, что предсѣдатель биржевого комитета Н. Г. Хряковъ въ письмѣ на имя городского головы заявилъ, что биржевой комитетъ готовъ предоставить на дѣло учрежденія высшаго техническаго института въ Кіевѣ капиталъ въ 72.000 р. Г. Хряковъ вошелъ въ бюро представителей сахарозаводчиковъ съ запиской, въ которой предлагаетъ значительно уменьшить расходы бюро и значительную часть находящихся въ распоряженіи послѣдняго средствъ употребить на устройство техническаго института. Н. Ф. Барсуковъ напомнилъ о долгѣ Министерства Финансовъ сахарозаводчикамъ въ 240.000 р., полученныхъ въ видѣ перебора при начисленіи на заводы по разверсткѣ уплаченныхъ правительствомъ въ свое время вывозныхъ премій. Эти 240.000 руб. подлежатъ распредѣленію между заводчиками, но послѣдніе давно уже списали со счетовъ причитающіяся на ихъ долю части этой суммы и, вѣроятно, согласятся на отчисленіе капитала этого на столь полезное и важное для нихъ-же самихъ учрежденіе, какъ политехническій институтъ, разсадникъ ученыхъ техниковъ, химиковъ и агрономовъ. Затѣмъ, городская дума постановила принять участіе со стороны города въ расходахъ на устройство зданій института въ размѣрѣ 300 тыс. р. посредствомъ облигацій 5 проц. займа, при томъ, между прочимъ, условіи, чтобы реализація сего займа была произведена по собраніи необходимой остальной суммы на постройку упомянутыхъ зданій между землевладѣльцами, фабрикантами и другими учрежденіями, заинтересованными въ открытіи въ Кіевѣ института. О такомъ постановленіи думы городской голова вмѣстѣ съ ходатайствомъ по этому предмету обратился къ начальнику губерніи, который, какъ передаетъ «Кіевлянинъ», призналъ нужнымъ предварительно, чѣмъ дать дальнѣйшее направленіе этому дѣлу, потребовать свѣдѣнія о томъ, какія имѣются данныя о готовности владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и дру-

гихъ лицъ принять участіе въ собраніи необходимой суммы, кто завѣдываетъ этимъ сборомъ и какъ велика «остальная необходимая сумма», а также какія имѣются данныя о средствахъ на содержаніе названнаго института. Одновременно весьма дѣятельно обсуждается и вопросъ объ учрежденіи въ Екатеринбургѣ высшей горной школы. Подробный докладъ по этому поводу составленъ особой коммиссіей, образованной при Уральскомъ Обществѣ любителей естествознанія. Затѣмъ докладъ обсуждался земствомъ, городскою думою и самимъ обществомъ, съ участіемъ представителей отъ города и земства. Учрежденіе высшаго учебнаго заведенія въ Екатеринбургѣ, какъ центрѣ горнозаводской промышленности Урала, говорится въ докладѣ, оказало-бы благотворное вліяніе на увеличеніе образованныхъ техниковъ въ краѣ. Оно привлекло-бы оканчивающихъ курсъ въ уральскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Уральскомъ краѣ 5 гимназій, съ 2.000 чел. учащихся, 5 реальныхъ училищъ съ 1.000 чел. учащихся, 1 уральское горное училище (100 ч.), два кадетскихъ корпуса (605 ч.) и 3 семинаріи (585 ч.). Для того, чтобы будущему практику-инженеру сообщать все то, что отъ него потребуется впослѣдствіи, необходимо поставить дѣло изученія спеціальныхъ предметовъ отдѣльно отъ потребности данной минуты. Для болѣе успѣшнаго прохожденія курса выгодно было-бы вести распредѣленіе занятій по семестрамъ, сократить курсы математики, физики, химіи, сводя ихъ къ тѣмъ-же отдѣламъ, которые проходятся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Типомъ упрощенной высшей технической школы въ докладѣ указывается Императорское Московское инженерное училище вѣдомства путей сообщенія, только съ измѣненіями, обусловливаемыми потребностями уральскаго горнаго дѣла. Въ программу курса должны войти только такіе предметы, которые безусловно необходимы для научнаго изслѣдованія края въ геологическомъ отношеніи и для промышленныхъ цѣлей. Изъ естественныхъ наукъ должны преподаваться: минералогія и геологія, неорганическая и аналитическая химія; изъ прикладныхъ: металлургія, горное искусство, электротехника, прикладная и горнозаводская механика, техническое черченіе и бухгалтерія. Изъ наукъ соціальныхъ — политическая экономія и законодательство; затѣмъ, необходимо основательное знакомство съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ. Чтобы ученіе не затягивалось настолько, какъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, курсъ ученія долженъ быть четырехлѣтній: 3 года теорія и 1 годъ практическихъ работъ. Это дастъ возможность учащимся узнать не многое, но основательно. Проектируемое горное училище не должно разбрасываться и выходить за предѣлы, обусловливаемые цѣлью училища.

Такимъ образомъ, уральской горной промышленности необходимы горные инженеры-практики, способные руководить горнопромышленными предпріятіями. Эти предпріятія нуждаются также въ спеціалистахъ-техникахъ, уже стоящихъ на практическомъ дѣлѣ, но не получившихъ своевременно необходимыхъ имъ знаній. Для нихъ предполагается устраивать особыя воскресныя лекціи на заводахъ, руководителями которыхъ явятся будущіе инженеры. Потребность подробнаго изслѣдованія минеральныхъ богатствъ края, могущаго вмѣстѣ съ широкимъ распространеніемъ техническихъ знаній, открыть широкую дорогу будущему благосостоянію Урала, все это убѣждаетъ членовъ коммиссіи въ томъ, что Екатеринбургу необходимо высшее учебное заведеніе.

Докладъ этотъ былъ одобренъ земствомъ и думою. Но, при обсужденіи его въ Обществѣ любителей естествознанія, весьма энергичнымъ противни

комъ его выступилъ г. Сиговъ. Онъ доказывалъ, что проектируемая горная школа не можетъ удовлетворить насущной потребности Урала, который, главнымъ образомъ, нуждается въ геологическихъ изслѣдованіяхъ: Богатства Урала лежатъ втуне, ибо до сихъ поръ не было еще ни одной научной развѣдки ископаемыхъ богатствъ Урала. Для Урала необходимъ университетъ съ естественнымъ факультетомъ и горнозаводской школой при немъ. Только университетское образованіе можетъ дать научно подготовленныхъ и образованныхъ дѣятелей для горнозаводской промышленности Урала.

Само собой разумѣется, возраженіе г. Сигова вызвало горячія и продолжительныя пренія. Въ концѣ концовъ вопросъ былъ поставленъ на баллотировку и большинствомъ голосовъ постановлено возбудить ходатайство объ открытіи въ Екатеринбургѣ университета съ естественнымъ факультетомъ, типъ-же упрощенной горной школы—отвергнуть.

Такимъ образомъ, Уральское Общество любителей естествознанія возбудитъ совершенно самостоятельное отъ города и земства ходатайство объ открытіи въ Екатеринбургѣ университета. Докладъ по этому поводу въ томъже засѣданіи поручено составить особой коммиссіи и, по возможности, въ непродолжительномъ времени. Средства на устройство и содержаніе университета предполагается собрать установленіемъ ничтожнѣйшаго налога отъ 1/4 до 1/2 коп. съ пуда выплавляемыхъ чугуна, мѣди и желѣза. Этотъ налогъ, сдѣлавшись обязательнымъ для уральскихъ промышленниковъ, ни мало не отягчая ихъ бюджета, далъ-бы ежегодный доходъ до 200.000 рублей.

Изъ другихъ вопросовъ, касающихся высшаго профессіональнаго образованія, слѣдуетъ отмѣтить проектъ нижегородскаго дворянства о преобразованіи мѣстнаго дворянскаго института въ сельско-хозяйственный лицей. Въ запискѣ Ф. Н. Шипова, представленной на разсмотрѣніе послѣдняго дворянскаго собранія, между прочимъ, предлагается преобразовать институтъ въ учебное заведеніе, состоящее изъ семи классовъ: изъ нынѣшней его программы исключается греческій языкъ, но латинскій сохраняется. Институтъ не утрачиваетъ, такимъ образомъ, вполнѣ характера классической школы. Главная часть проекта г. Шипова заключается въ томъ, что при институтѣ должны быть учреждены три высшихъ класса, представляющіе собою агрономическій институтъ. Такимъ образомъ, г. Шиповъ предлагаетъ учредить въ Нижнемъ высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе. По разсчетамъ автора проекта, для агрономическаго института понадобится особое зданіе, 1.000 десятинъ земли для опытнаго поля и ежегодный расходъ въ 140.000 руб. По слухамъ, Министерство Финансовъ уже освѣдомлено объ этомъ проектѣ и относится къ нему вполнѣ сочувственно. Если общественныя учрежденія отнесутся также сочувственно къ этому проекту, то въ Поволжьѣ будетъ открыто первое высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе.

Точно также возбужденъ вопросъ и объ учрежденіи высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія въ Кіевѣ. По словамъ мѣстныхъ газетъ, кіевскій городской голова обратился къ предсѣдателю Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности, князю Н. В. Репнину, съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Г. Кіевъ, соединенный воднымъ сообщеніемъ по Днѣпру съ центральною Россіею, а также съ Балтійскимъ и Чернымъ морями и главными пунктами фабричной, заводской и сельско-хозяйственной производительности Юго-западнаго края, пользуется весьма выгоднымъ географическимъ и экономическимъ положеніемъ для широкаго развитія въ немъ торговли и промышленности. При такомъ выдаю-

щемся положеніи Кіева, ставшаго вмѣстѣ съ тѣмъ научно-учебнымъ и административнымъ центромъ обширнаго края, учрежденіе въ этомъ городѣ высшаго или на первое время хотя-бы средняго сельско-хозяйственнаго училища, было-бы дѣломъ весьма полезнымъ не только для мѣстнаго населенія, но и для окружающаго Кіевъ на значительномъ пространствѣ сельскаго населенія, крайне нуждающагося въ подобномъ учебномъ заведеніи. Для удовлетворенія этой уже давно назрѣвшей потребности, Кіевская гор. дума, въ засѣданіи 20 іюня 1896 г., рѣшила уполномочить городского голову обратиться къ предсѣдателю Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства съ просьбою о присоединеніи къ ходатайству города Кіева объ открытіи въ чертѣ послѣдняго высшаго или средняго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія, при чемъ городской голова, увѣдомляя кн. Н. В. Репнина о такомъ рѣшеніи думы, проситъ оказать поддержку ходатайству города».

Наконецъ, въ послѣднее время вновь указывается на возможность преобразовать въ сельско-хозяйственное учебное заведеніе существующій въ Нѣжинѣ историко-филологическій институтъ. Мнѣніе, говорятъ по этому поводу «Новости», что институтъ уже выполнилъ свою миссію, наиболѣе наглядно доказывается послѣднимъ отчетомъ о состояніи сосѣдняго съ Нѣжинскимъ институтомъ Кіевскаго университета. Изъ него видно, что при 1.200 слушателяхъ на юридическомъ факультетѣ и 1.150—на медицинскомъ, филологическій факультетъ привлекъ всего 52 слушателей. По отдѣленіи-же древнихъ языковъ было всего два слушателя и шесть преподавателей, изъ которыхъ три занимаютъ должности профессоровъ. Въ какую-же сумму обходится правительству «производство» каждаго «древне-язычника»?

Одинаково малолюдны, какъ извѣстно, филологическіе факультеты и въ другихъ университетахъ. При такихъ условіяхъ расходы на содержаніе еще особыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, подготовляющихъ филологовъ, нужно признать для настоящаго времени совершенно непроизводительными.

Между тѣмъ мысль о преобразованіи Нѣжинскаго филологическаго института въ высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе встрѣчена мѣстнымъ населеніемъ весьма сочувственно. Это сочувствіе проявилось въ выраженной со стороны нѣкоторыхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ готовности оказать правительству весьма солидную матеріальную поддержку. Въ числѣ такихъ условныхъ пожертвованій особенно важное значеніе имѣетъ сдѣланное однимъ землевладѣльцемъ заявленіе о предоставленіи имъ въ собственность будущаго высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія очень крупнаго имѣнія.

17-го ноября Министромъ Финансовъ утвержденъ уставъ торговыхъ классовъ, учрежденныхъ Обществомъ распространенія коммерческаго образованія въ Кіевѣ. Согласно основной идеѣ этого устава, предполагается сообщать лицамъ всѣхъ возрастовъ, не моложе 12 лѣтъ и преимущественно состоящимъ на службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, начальныя коммерческія познанія, необходимыя въ торговомъ дѣлѣ. Для достиженія намѣченной цѣли въ «торговыхъ классахъ» предполагается преподавать, кромѣ Закона Божія, русскаго языка и ариѳметики, бухгалтерію съ торговой корреспонденціей, коммерческую ариѳметику въ связи съ общей и каллиграфію, при чемъ курсъ каждаго изъ преподаваемыхъ предметовъ продолжается не болѣе 2 лѣтъ. Отъ поступающихъ въ торговые классы требуются познанія въ объемѣ начальнаго или церковно-приходскаго, или однокласснаго сельскаго, или городского приходскаго училищъ, а въ приготовительные классы,

въ случаѣ ихъ открытія, могутъ быть принимаемы и совсѣмъ неграмотныя лица. Успѣшно выдержавшіе окончательное испытаніе изъ Закона Божія, русскаго языка и ариѳметики съ коммерческими вычисленіями, ученики «торговыхъ классовъ» получаютъ право на льготу III разряда по отбыванію воинской повинности. Сверхъ того, для поощренія учащихся, комитету Общества распространенія низшаго коммерческаго образованія въ Кіевѣ предоставляется право выдавать наилучшимъ ученикамъ награды, похвальные листы, отзывы и рекомендаціи. Общее завѣдываніе «торговыми классами» возлагается на комитетъ Общества, предсѣдатель и члены котораго, а также и почетные блюстители пользуются правами государственной службы, кромѣ правъ на пенсію, присвоенными, по положенію о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, должностямъ предсѣдателя, членамъ попечительнаго Совѣта и почетнымъ блюстителямъ.

Мѣстный сахарозаводчикъ Н. А. Терещенко заявилъ, что онъ жертвуетъ 100.000 руб., какъ неприкосновенный фондъ, на % съ котораго должны содержаться торговые классы въ Кіевѣ; если-же Комитетъ Общества для распространенія коммерческаго образованія признаетъ осуществимымъ учрежденіе въ Кіевѣ торговой школы, то изъ жертвуемаго капитала могутъ быть употреблены на эту школу % съ 50 тыс. руб., а % съ остальныхъ 50 тыс. руб. должны идти на содержаніе торговыхъ классовъ; весь-же капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ и храниться въ Государственномъ банкѣ въ процентныхъ бумагахъ.

Затѣмъ, Кіевское купеческое общество учреждаетъ коммерческое училище. Оно первое время будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій, приготовительнаго и перваго класса. Смѣта расходовъ будущаго училища выражается въ слѣдующихъ цыфрахъ. Въ 5 общеобразовательныхъ, 2-хъ спеціальныхъ и 2-хъ приготовительныхъ классахъ будутъ читаться 254 урока еженедѣльно, что составляетъ $21^1/_6$ преподавательскаго оклада въ 900 руб., т.-е. на содержаніе педагогическаго персонала потребуется 19.050 руб. Кромѣ того, на уплату за 38 часовыхъ уроковъ по спеціальнымъ предметамъ—5.700 руб., жалованья директору—3.200 руб., инспектору—2.400 руб., письмоводителю—500 руб., врачу—400 руб., преподавателямъ гимнастики—1.000 руб., расходъ на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій—2.000 руб., жалованье и квартирныя 9-ти наблюдателямъ—9.900 руб., содержаніе 5-ти сторожей—1.200 руб., ремонтъ, страховка зданія училища, отопленіе, освѣщеніе и т. д.—6.000 руб., добавочныя библіотекарю, жалованье лаборантамъ, канцелярскіе расходы и т. д.—4.000 руб. Такимъ образомъ, расходы по содержанію училища выразятся въ суммѣ 53.350 руб. Приходъ училища выразится слѣдующими цыфрами: предполагается, что въ каждомъ изъ 9 классовъ будетъ въ среднемъ по 30 чел. штатныхъ воспитанниковъ, или всего въ училищѣ 270 чел., то доходъ отъ учащихся составитъ около 27.000 руб., слѣдовательно, на содержаніе училища купечеству придется доплачивать ежегодно 30.000 руб.

По словамъ «Южнаго Края», мысль объ открытіи въ Харьковѣ торговой школы Общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ г. Харькова близка къ осуществленію. Уставъ школы, выработанный коммиссіею совмѣстно съ правленіемъ и комитетомъ Общества, при участіи близко стоящаго къ дѣлу коммерческаго образованія Н. В. Орлова, полученъ правленіемъ Общества отъ Министерства Финансовъ нѣсколько измѣненнымъ. Коммиссія, правленіе и комитетъ Общества въ совмѣстномъ засѣданіи разсматривали присланный

уставъ школы и, не находя въ немъ существенныхъ измѣненій, постановили принять сказанный уставъ въ такомъ видѣ, въ какомъ полученъ онъ изъ Министерства Финансовъ, поручивъ правленію Общества ходатайствовать передъ Министерствомъ Финансовъ о скорѣйшемъ его утвержденіи и о разрѣшеніи Обществу открыть школу. Въ этомъ-же засѣданіи участвовавшіе единогласно рекомендовали правленію теперь-же заняться организаціею школы, т.-е. пріискать приличное помѣщеніе для школы, которое, какъ выяснилось, потребуется не менѣе, какъ въ 12 комнатъ и, кромѣ того, озаботиться приглашеніемъ учебнаго персонала и инспектора школы.

Осенью открыто Нижне-тагильское горнозаводское училище, преобразованное изъ мѣстнаго реальнаго заводскаго училища. Училище будетъ содержаться всецѣло на счетъ заводовладѣльцевъ. Главная цѣль училища—подготовлять свѣдущихъ работниковъ для горнозаводской промышленности въ ея разныхъ отрасляхъ. Въ курсѣ наукъ училища преобладаютъ спеціально-техническія. Курсъ 4-хъ-лѣтній. Приниматься въ училище будутъ воспитанники городскихъ (по положенію 1872 г.) и народныхъ двухклассныхъ (по положенію 1872 г.) училищъ. Директоромъ училища состоитъ главноуправляющій Нижне-тагильскими заводами; почетнымъ попечителемъ—одинъ изъ заводовладѣльцевъ. Ближайшее руководство и надзоръ за воспитанниками возлагается на инспектора училища (бывшій директоръ реальнаго училища). Преподаватели реальнаго училища перейдутъ почти всѣ на соотвѣтствующія должности въ горнозаводское. Уставъ училища въ общемъ настолько своеобразенъ, что Нижне-тагильское горнозаводское училище будетъ по своему типу пока единственнымъ въ Россіи.

Потребность въ подобныхъ школахъ доказывается усиленнымъ спросомъ на окончившихъ курсъ въ Уральскомъ горномъ училищѣ, вслѣдствіе того, что таковые могутъ руководить горными работами; въ 1894 году, напримѣръ, какъ сообщаетъ «Волж.-Кам. Вѣстн.», окончило курсъ 22 человѣка, число-же предложеній на мѣста превысило 40. Поэтому число желающихъ поступить въ училище также возрастаетъ; къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, многимъ приходится отказывать въ пріемѣ. Въ училищѣ два класса съ двухгодовымъ курсомъ. Въ 1895 году учащихся было 87 чел., къ 1-му января 1896 году 89 чел., цыфра, по словамъ отчета, значительно больше той, норма которой признана практикой за maximum, какой можно допустить въ классѣ безъ ущерба для дѣла. Училище постепенно развиваетъ свою дѣятельность: такъ, до 1896 г. давались только теоретическія свѣдѣнія по бурильному дѣлу, между тѣмъ для горнозаводчиковъ особенно важно, чтобы окончившіе курсъ могли руководить и буровыми работами. Училищемъ было возбуждено ходатайство объ ассигнованіи средствъ для образованія спеціалистовъ по бурильному дѣлу и въ настоящее время ходатайство это, по слухамъ, удовлетворено. Постепенно расширяются и мастерскія училища; къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ служитъ сильнымъ тормазомъ въ этомъ развитіи. На содержаніе училища въ 1895 году по смѣтѣ было ассигновано 20.554 руб., на содержаніе пансіонеровъ 1.800 руб. и на исполненіе частныхъ заказовъ 1.000 рублей. Движимое имущество училища къ 1-му января 1896 года исчислено было въ суммѣ 35.401 руб. 58 коп.

По словамъ «Кіев. Сл.», двѣ дѣвицы К. и С., желая способствовать развитію ткацкаго промысла въ Полтавской губ., ходатайствуютъ предъ Министерствомъ Земледѣлія о разрѣшеніи имъ открыть въ г. Полтавѣ школу

ткачества и утвердить выработанныя ими для этой школы правила. Министерство передало эти правила въ губернскую земскую управу съ просьбой высказаться: представляется-ли цѣлесообразнымъ учрежденіе въ Полтавѣ школы ткачества, и если да, то не требуется-ли сдѣлать въ этихъ правилахъ какихъ-либо измѣненій. Управа, зная, что ткацкій промыселъ распространенъ по всей губерніи, нашла учрежденіе проектируемой школы въ высшей степени желательнымъ, а правила—соотвѣтствующими общимъ требованіямъ учебно-ткацкаго дѣла, въ виду того, что правила эти составляютъ почти копію правилъ Сычевской ткацкой мастерской.

На состоявшемся 13-го декабря, подъ предсѣдательствомъ г. Неболсина, годовомъ собраніи постоянной коммиссіи по техническому образованію при Императорскомъ .Техническомъ Обществѣ былъ доложенъ отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ за истекшій годъ; изъ отчета этого видно, что въ теченіе года поступило разныхъ суммъ 104.459 руб. 38 коп., израсходовано-же на содержаніе школъ, вечернихъ и ремесленныхъ классовъ, братской школы, курсовъ книгопродавческаго дѣла и на пополненіе школьныхъ библіотекъ 85.727 руб. 93 коп.; на административные расходы по школамъ и коммиссіи—3.732 руб., на общіе расходы по коммиссіи—1.788 руб. 53 коп., на непредвидѣнные расходы—1.174 руб. 55 коп., на ссуды учащимся и служащимъ при школахъ — 2.260 руб., на награды — 1.150 руб.; на пособія—250 руб.; на изданіе журнала «Техническое Образованіе»—4.139 руб. 68 коп., а всего 101.677 руб. 39 коп., такъ что къ началу 1896 года капиталовъ коммиссіи состояло 84.413 руб. 24 коп. Отчетъ этотъ былъ единогласно утвержденъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ доложенъ проектъ программы дѣятельности постоянной коммиссіи по техническому образованію; коммиссіей намѣчены слѣдующіе вопросы: a) по управленію школами и административными дѣлами коммиссіи: 1) Выдѣленіе научной дѣятельности и административныхъ обязанностей коммиссіи по управленію школами въ особые органы; 2) пересмотръ вопроса о существующей организаціи инспекціи училищъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества; 3) учрежденіе попечительства объ училищахъ Императорскаго Техническаго Общества; 4) направленіе резолюцій съѣзда русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу; 5) направленіе резолюцій 2-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію; 6) устройство библіотекъ при школахъ Общества; 7) устройство музея учебныхъ пособій для промышленныхъ школъ. b) По разработкѣ вопросовъ, касающихся техническаго и промышленнаго образованія: 8) ремесленное ученичество на заводахъ и въ мастерскихъ; 9) устройство выставокъ работъ ремесленныхъ учениковъ; 10) детальная разработка программъ преподаванія естествознанія, графическихъ искусствъ и другихъ спеціальныхъ предметовъ обученія въ школахъ Общества; 11) выработка, по соглашенію съ с.-петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, типа школъ для дѣтей, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ; 12) выработка программы для собиранія свѣдѣній по школьной статистикѣ; 13) устройство техническихъ бесѣдъ и сообщеній. c) По учрежденію новыхъ школъ: 14) устройство курсовъ и лекцій по спеціальнымъ предметамъ для взрослыхъ рабочихъ при нѣкоторыхъ школахъ Общества; 15) устройство низшей кузнечно-слесарной школы при Путиловскомъ заводѣ; 16) устройство школъ для подмастерьевъ часового дѣла; 17) устройство низшей химико-технической школы для рабочихъ; 18) устройство курсовъ для кочегаровъ. d) Изданіе журнала «Техническое Образованіе».

По поводу сдѣланныхъ постоянной коммиссіи по техническому образованію нѣкоторыми членами упрековъ, что коммиссія отклоняется отъ прямой своей задачи распространенія среди рабочихъ техническихъ знаній за счетъ общаго образованія, предсѣдатель коммиссіи по техническому образованію А. Г. Неболсинъ представилъ общему собранію пояснительный докладъ.

Въ своемъ докладѣ А. Г. Неболсинъ говоритъ, что, несмотря на все желаніе сообщать рабочимъ спеціальныя техническія знанія, которыя могли-бы быть для нихъ полезны и имѣть практическое примѣненіе въ избранной ими дѣятельности, до сихъ поръ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, коммиссія вынуждена бываетъ устраивать преимущественно общеобразовательные классы, потому что фабричные рабочіе въ большинствѣ почти безграмотны, а потому не можетъ быть и рѣчи о преподаваніи имъ какихъ-либо спеціальныхъ техническихъ предметовъ, требующихъ для усвоенія извѣстнаго умственнаго развитія и хотя-бы самыхъ элементарныхъ познаній по физикѣ, химіи и механикѣ. Въ то время, какъ въ школу является множество рабочихъ, желающихъ научиться читать и писать, число рабочихъ, которые могутъ поступить въ спеціальные классы, настолько незначительно, что каждый разъ невольно рождается вопросъ, стоитъ-ли затрачивать тѣ скудныя средства, которыми коммиссія располагаетъ, на устройство спеціальныхъ классовъ для такого незначительнаго числа учениковъ, когда большинство рабочихъ не умѣетъ даже читать и писать?

Изъ послѣдняго отчета видно, что въ вечерніе классы для взрослыхъ рабочихъ записалось 1.076 человѣкъ, но ни въ одинъ изъ учебныхъ мѣсяцевъ классы не были посѣщаемы этимъ количествомъ сполна. Высшая цыфра посѣщеній въ сентябрѣ 886 (т.-е. 82 проц.) каждый мѣсяцъ, затѣмъ, падаетъ и доходитъ въ маѣ до 354 (т.-е. 31 проц.), а въ среднемъ за девять мѣсяцевъ выходитъ, что классы взрослыхъ рабочихъ посѣщаетъ 671 человѣкъ (т.-е. 62 проц. записавшихся), причемъ изъ этой цыфры только 266 посѣщеній приходится на спеціальные классы. Изъ числа-же 266 на долю перваго спеціальнаго класса приходится 177 и только 89 на долю второго, а между тѣмъ, этотъ послѣдній и заключаетъ въ себѣ нѣкоторые элементы профессіональныхъ знаній, такъ какъ здѣсь преподаются механика и химія, а въ предшествующемъ классѣ постановка преподаванія носитъ общеобразовательный характеръ. Вотъ тотъ ничтожный процентъ рабочихъ изъ числа приходящихъ учиться, съ которыми можно заниматься спеціальными предметами: 89 изъ 1.076, т.-е. всего 8 проц.

Въ послѣднее время, въ виду громаднаго значенія образованія рабочихъ, не только для поднятія умственнаго и нравственнаго ихъ уровня, но и для успѣшнаго поднятія фабрично-заводской промышленности и для техническаго усовершенствованія производства, на этотъ предметъ уже обращено вниманіе правительства включеніемъ въ общій планъ промышленнаго образованія въ Россіи устройства вечернихъ и воскресныхъ классовъ для рабочихъ при промышленныхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ничего не сдѣлано для практическаго осуществленія благихъ предначертаній законодательства объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ; что-же касается взрослыхъ рабочихъ, то Министерство Народнаго Просвѣщенія издало циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ объ открытіи воскресно-вечернихъ курсовъ профессіональныхъ знаній при общеобразовательныхъ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ. Въ циркулярѣ этомъ указывается на подобные курсы профессіональныхъ знаній въ Англіи, способствующіе широ-

кому и быстрому развитію профессіональнаго образованія въ этой странѣ. Въ доказательство-же возможности устройства подобныхъ курсовъ въ Россіи, Министерство ссылается на 25-ти-лѣтнюю дѣятельность Техническаго Общества и производимые имъ въ этомъ дѣлѣ опыты. Поэтому Министерство Народнаго Просвѣщенія признаетъ необходимымъ оказать содѣйствіе устройству курсовъ по спеціальнымъ предметамъ, начиная съ тѣхъ, которые лежатъ въ основѣ каждаго спеціальнаго знанія, полагая, что при дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла и по мѣрѣ подготовленія преподавателей, возможно будетъ открыть курсы и по болѣе спеціальнымъ отраслямъ различныхъ производствъ: на первый разъ слѣдовало-бы озаботиться устройствомъ воскресныхъ и вечернихъ занятій по рисованію и черченію для ремесленниковъ и заводскихъ рабочихъ въ примѣненіи къ тѣмъ ремесламъ, какими они занимаются, и курсовъ по технологіи этихъ ремеслъ. Но... для посѣщенія этихъ курсовъ рабочими, опять-таки, нужна грамота... Въ заключеніе своего сообщенія А. Г. Неболсинъ справедливо замѣчаетъ: что касается лицъ, для которыхъ дороги успѣхи спеціальнаго техническаго образованія, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, не заботятся объ общемъ образованіи или относятся къ нему даже несочувственно, то ихъ можно уподобить сѣятелямъ, запасшимся очень хорошими и плодоносными сѣменами, но собравшимся сѣять ихъ на невспаханной и неудобренной почвѣ, а потому и посѣянныя ими сѣмена едва-ли дадутъ ожидаемые плоды.

Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія выработала планъ организаціи курсовъ и лекцій для рабочихъ. При этомъ предположено устраивать: 1) спеціальные систематическіе курсы, имѣющіе цѣлью сообщать техническія знанія по разнымъ спеціальнымъ отраслямъ промышленнаго труда; 2) систематическіе общіе курсы для умственнаго развитія, необходимые для общаго образованія и представляющіе общій интересъ для всѣхъ рабочихъ, и, наконецъ, 3) общедоступныя отдѣльныя чтенія по предметамъ, имѣющимъ общій интересъ. Въ программу курсовъ двухъ первыхъ категорій входятъ: ариѳметика, алгебра, геометрія, физика, химія, минералогія, ботаника, зоологія, географія, астрономія, русскій языкъ, письмо и гигіена, а также механика теоретическая и практическая. Что касается 3-ей группы чтеній, то онѣ разсчитаны на большинство слушателей, и каждое чтеніе имѣетъ цѣлью давать нѣчто законченное. Въ отношеніи формы изложенія для отдѣльныхъ чтеній коммиссія находитъ болѣе подходящею излагательную форму, а для систематическихъ курсовъ первыхъ двухъ категорій, въ интересахъ наибольшей успѣшности занятій,—смѣшанную, т.-е. допускаются вопросы со стороны учениковъ. При этомъ признано полезнымъ при чтеніяхъ спеціальныхъ курсовъ раздавать слушателямъ краткіе конспекты чтеній и сопровождать изложеніе иллюстраціями при помощи волшебнаго фонаря и демонстрированіемъ разныхъ пособій и приборовъ. Въ интересахъ доставленія возможности пользоваться чтеніями наибольшему числу рабочихъ, предполагается большую часть ихъ устраивать безплатно, взимая незначительную плату, не болѣе 15 к. каждый разъ, за слушаніе спеціальныхъ лекцій. Для работницъ также имѣется въ виду устройство чтеній по гигіенѣ и физіологіи, причемъ признано желательнымъ устраивать ихъ не на фабрикахъ, а при школахъ Техническаго Общества. Переходя отъ теоріи къ практикѣ, коммиссія произвела опытъ организаціи подобныхъ чтеній, кромѣ послѣднихъ, причемъ почимъ въ этомъ дѣлѣ былъ положенъ самими рабочими: около 50 рабочихъ одного изъ заводовъ артиллерійскаго вѣдомства обратились къ члену коммиссіи г.

Попову съ просьбой о прочтеніи имъ ряда лекцій по технологіи. Г. Поповъ исполнилъ ихъ просьбу и прочелъ имъ въ залѣ Васильеостровской школы Техническаго Общества рядъ лекцій о нарѣзкѣ винтовъ и разсѣчкѣ колесъ; аудиторія г. Попова совершенно переполнилась слушателями, которые отнеслись къ лекціямъ съ полнымъ вниманіемъ, и обращались къ лектору за разными разъясненіями. Замѣчательно, что рабочихъ интересовала въ этихъ лекціяхъ не только практическая, но и теоретическая сторона, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ связи съ лекціей пробудился интересъ къ разрѣшенію вопроса о законахъ вѣчнаго движенія. Подобный-же опытъ былъ сдѣланъ г. Гессе на Путиловскомъ заводѣ: рабочимъ этого завода былъ прочитанъ цѣлый курсъ изъ 15 лекцій по технологіи желѣза; многіе слушатели оказались настолько подготовленными къ усвоенію этого труднаго предмета, что прослушали полный курсъ, занимаясь очень усердно.

Рядъ опытовъ убѣдилъ коммиссію въ полной своевременности организаціи систематическихъ чтеній для рабочихъ, но въ этомъ случаѣ громадное затрудненіе для коммиссіи представляетъ выборъ самыхъ чтеній, такъ какъ въ спискѣ чтеній, разрѣшенныхъ для произнесенія въ народныхъ аудиторіяхъ, не значится почти ни одной книжки по предметамъ предполагающихся лекцій, поэтому коммиссія, по словамъ «Русск. Вѣд.», возбуждаетъ ходатайство предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о томъ, чтобы разрѣшено было постоянной коммиссіи по техническому образованію утверждать тексты чтеній по спеціальнымъ отраслямъ техническихъ знаній, представляемые на разсмотрѣніе этой коммиссіи.

Въ той-же области предпринятъ рядъ мѣръ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Такъ, оно предложило начальствамъ учебныхъ заведеній представить проекты организаціи воскресно-вечернихъ курсовъ профессіональныхъ знаній для рабочихъ при учебныхъ заведеніяхъ Министерства. Министерство признаетъ необходимость оказать содѣйствіе устройству курсовъ по спеціальнымъ предметамъ, начиная съ тѣхъ, которые лежатъ въ основѣ каждаго спеціальнаго знанія, полагая, что при дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла и по мѣрѣ подготовленія преподавателей, возможно будетъ открывать курсы и по болѣе спеціальнымъ отраслямъ различныхъ производствъ; на первый-же разъ, по мнѣнію Министерства, слѣдовало-бы озаботиться устройствомъ воскресныхъ школъ.

Затѣмъ Учебнымъ Комитетомъ Министерства Путей Сообщенія выработанъ проектъ устройства курсовъ для рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Проектъ составленъ по мысли Министра Путей Сообщенія и до утвержденія разосланъ, по словамъ «Русск. Вѣд.», на предварительное разсмотрѣніе въ управленія желѣзныхъ дорогъ и нѣкоторымъ компетентнымъ лицамъ. Продолжительность курсовъ предполагается двухлѣтняя; кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, рабочимъ будутъ сообщать спеціальныя свѣдѣнія по технологіи дерева, обработкѣ металла и пр. Въ слушатели предполагается допускать лишь рабочихъ въ возрастѣ до 21 года, между тѣмъ какъ главный контингентъ рабочихъ составляютъ лица въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ.

Въ началѣ декабря послѣдуетъ открытіе художественно-ремесленныхъ классовъ (мастерскихъ) Императорскаго Общества поощренія художествъ. Въ настоящемъ учебномъ году (съ января 1897 года) будутъ открыты только два отдѣленія: художественно-малярное и скульптурное, а затѣмъ, по мѣрѣ возможности, будутъ открываться и другія: керамика, живопись по стеклу, ковка и гравировка металловъ и др. При пятилѣтнемъ курсѣ занятія будутъ

производиться: зимою теоретическія, а лѣтомъ практическія на постройкахъ. Въ число учениковъ этихъ классовъ будутъ приниматься мальчики, начиная отъ 12-лѣтняго возраста съ платой по 6 руб. въ годъ, причемъ при переходѣ на старшее отдѣленіе ученики будутъ участвовать въ прибыляхъ съ каждой поступающей въ мастерскія частной заказной работы. Смотрителемъ художественно-ремесленныхъ мастерскихъ назначенъ Н. Н. Рубцовъ.

Съ осени-же истекшаго года при Нарвской мужской гимназіи состоялось открытіе курсовъ черченія и рисованія. Цѣль этихъ курсовъ—ознакомить ремесленниковъ и мастеровыхъ города Нарвы и рабочихъ Кренгольмской мануфактуры съ элементарными пріемами черченія и рисованія и довести ихъ до отчетливаго пониманія чертежей и рисунковъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло по роду своихъ занятій. **Б—чъ.**

Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ.

Въ декабрѣ, съ обычною торжественностью, состоялся годовой актъ. Послѣ краткаго молебствія, директоръ курсовъ, д. с. с. Раевъ, ознакомилъ собраніе съ дѣятельностью курсовъ въ истекшемъ 1895—1896 академическомъ году.

Въ истекшемъ году на курсахъ прибавились двѣ новыя каѳедры: зоологіи и исторіи педагогики. Послѣдняя каѳедра учреждена, главнымъ образомъ, въ виду того, что оканчивающимъ курсъ предстоитъ, по преимуществу, педагогическая дѣятельность въ ихъ семьяхъ или женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, этимъ будетъ пополненъ существенный пробѣлъ: какъ извѣстно, въ русскомъ обществѣ педагогическія воззрѣнія слагаются случайно, въ университетахъ нѣтъ каѳедры педагогики и преподавателя. Упомянувъ затѣмъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ личномъ составѣ педагогическаго персонала и попечительнаго Совѣта курсовъ, г. Раевъ подробно остановился на потерѣ, понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ скончавшейся В. Е. Поповой, рожденной Богдановской, бывшей на курсахъ ассистенткой при каѳедрѣ химіи. «Намъ остается,—сказалъ г. Раевъ,—глубоко скорбѣть объ этой прекрасной жизни, такъ много обѣщавшей и такъ неожиданно прекратившейся. Имя ея сохранится въ исторіи просвѣщенія русскихъ женщинъ».

Къ началу минувшаго года на курсахъ было 695 слушательницъ и вольнослушательницъ (на историко-филологическомъ отдѣленіи 506 слушательницъ и 56 вольнослушательницъ и на физико-математическомъ 122 слушательницы и 11 вольнослушательницъ), выбыло по разнымъ причинамъ въ теченіе года 101 слушательница и окончили курсъ 80. Пріемъ прошеній о пріемѣ начался уже съ ноября прошлаго года, число ихъ къ 1-му октября прошлаго года достигло 559, между тѣмъ можно было принять лишь 150. Въ виду этого Совѣтъ рѣшилъ принимать только окончившихъ курсъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ золотыми медалями или съ званіемъ классной наставницы. Тѣмъ не менѣе пришлось отказать въ пріемѣ 409 желавшихъ поступить на курсы, изъ которыхъ многія пріѣхали изъ отдаленныхъ окраинъ Россіи и даже изъ Болгаріи, а многія тщетно пытались поступить уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ разрѣшенія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, оказалось возможнымъ принять еще 76 слушательницъ. Вновь принятыя 213 слушательницъ и 13 вольнослушательницъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ отдѣленіи 108 и на физико-

математическомъ 46. Въ настоящее время на курсахъ 741 слушательница. Въ числѣ ихъ: 581 окончившихъ курсъ женскихъ гимназій, 78—институтовъ, 19—епархіальныхъ женскихъ училищъ и т. д.

Подробно ознакомивъ собравшихся съ ходомъ преподаванія и самостоятельными занятіями слушательницъ въ минувшемъ году, г. Раевъ указалъ на то сочувствіе, какое встрѣчаютъ курсы. Е. И. В. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна милостиво назначила стипендію одной слушательницѣ въ размѣрѣ 400 руб. Отъ неизвѣстнаго поступило черезъ г. Министра Нар. Просв. 300 р., отъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ 1.700 р. на стипендіи, отъ Общества для вспомоществованія нуждающимся сибирякамъ 4.660 руб., отъ казанскаго губернатора 1.534 р., отъ спб. купеческой управы 120 р., отъ иркутскаго городского управленія 300 р., отъ славянскаго благотворительнаго Общества 1.100 р., отъ саратовскаго дворянскаго собранія 125 р., отъ туркестанскаго генералъ-губернатора 555 р., отъ Уфимскаго Общества любителей пѣнія 51 р., отъ проф. О. Д. Хвольсона (сборъ съ лекціи) 458 р. и т. д. Всѣ эти деньги израсходованы безъ остатка.

Въ заключеніе г. Раевъ обратился къ окончившимъ курсъ съ напутственной рѣчью, въ которой сказалъ, приблизительно, слѣдующее: «Вы получили достаточно знанія и способности къ самостоятельному труду. Мы твердо увѣрены въ томъ, что вы мечтаете по мѣрѣ силъ быть полезными семьѣ и обществу пріобрѣтенными знаніями. Курсы напутствуютъ васъ на самостоятельную счастливую и плодотворную дѣятельность. Пожелайте-же, чтобы двери курсовъ не затворялись передъ тѣми несчастными, которымъ пришлось отказать въ пріемѣ». Рѣчь эта была покрыта шумными аплодисментами. Затѣмъ проф. С. Ѳ. Платоновъ произнесъ блестящую рѣчь «Объ Императрицѣ Екатеринѣ II», по случаю исполнившагося 6-го ноября столѣтія со дня ея кончины.

Въ годовомъ собраніи Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, состоявшемся 22-го декабря, чествовалась память В. Е. Поповой, рожденной Богдановской. Собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ г. Картавцева. Членамъ былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности комитета Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за истекшій академическій годъ.

Изъ отчета о движеніи денежныхъ средствъ Общества видно, что по смѣтѣ 1895—1896 г. ожидалось на приходъ 123.345 руб., а въ дѣйствительности поступило 156.755 руб., благодаря щедрымъ пожертвованіямъ. Въ настоящее время Общество состоитъ изъ 750 членовъ: 69 почетныхъ и 681 дѣйствительныхъ. Расходъ составилъ 162.210 руб., на 28.219 руб. болѣе предположеннаго по смѣтѣ. Такъ какъ въ настоящее время закончены всѣ расходы по возведенію памятника на могилѣ С. В. Ковалевской, то комитетъ вмѣстѣ съ денежнымъ отчетомъ представилъ также общій обзоръ суммъ, поступившихъ какъ на возведеніе памятника, такъ и на образованіе фонда ея имени; за расходами на памятникъ, осталось 2.931 р. 76 к., которые образуютъ капиталъ для выдачи стипендіи имени Ковалевской. Далѣе изъ отчета видно, что, не смотря на то, что поступленія значительно превысили смѣтныя предположенія, денежныя средства, которыми располагаетъ въ настоящее время Общество, не только не увеличились къ началу новаго учебнаго года, но еще уменьшились. Комитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ на то, что въ недалекомъ будущемъ потребуются новыя значительныя затраты на расширеніе

помѣщенія курсовъ, что дѣлается все болѣе и болѣе необходимымъ въ виду увеличенія числа слушательницъ, расширенія преподаванія и значительнаго усиленія библіотекъ и учебныхъ кабинетовъ. На необходимость увеличенія средствъ комитетъ считаетъ своею обязанностью обратить вниманіе не только членовъ Общества, но и всѣхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу высшаго женскаго образованія. Что касается стипендій, выдаваемыхъ слушательницамъ, то число ихъ увеличилось до 17, такъ какъ въ текущемъ году, кромѣ 12 опредѣленныхъ по смѣтѣ, выданы 2 стипендіи имени барона В. И. Икскуль, стипендія имени Н. В. Стасовой, имени С. В. Ковалевской и проф. И. И. Карѣева.

Предсѣдательница комитета Е. І. Лихачева сдѣлала сообщеніе, посвященное памяти покойной Поповой. Охарактеризовавъ въ весьма теплыхъ словахъ симпатичную личность покойной, г-жа Лихачева прочла заявленіе отъ имени мужа покойной, артиллерійскаго генерала Я. К. Попова, который предлагаетъ комитету принять отъ него 15 т. р. государственными процентными бумагами съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ оставался неприкосновеннымъ и назывался «капиталомъ имени Вѣры Евстафьевны Богдановской», а проценты съ него выдавались нуждающимся слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ въ видѣ безпроцентныхъ ссудъ, на условіяхъ, указанныхъ покойной въ письмѣ отъ 26-го августа 1884 года, гдѣ она говоритъ: «Капиталъ этотъ буду отдавать нуждающимся съ тѣмъ, чтобы онѣ возвращали его, если могутъ это сдѣлать, не утруждая себя непосильными работами и новыми долгами. Если не могутъ, пусть не отдаютъ: деньги не мои, деньги нуждающихся. Это дѣло ихъ совѣсти разсудить, нуждаются-ли онѣ болѣе, чѣмъ другія». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Я. К. Поповъ проситъ комитетъ сообщить ему, желательно-ли курсамъ получить въ свою библіотеку принадлежавшія В. Е. книги по химіи на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и химическіе журналы за нѣсколько лѣтъ. Въ настоящее время и денежныя бумаги, и книги уже переданы жертвователемъ комитету, по предложенію котораго общее собраніе выразило глубокую признательность Я. К. Попову и избрало его въ почетные члены Общества. Память В. Е. Богдановской, портретъ которой будетъ помѣщенъ въ химическомъ кабинетѣ курсовъ, собраніе почтило вставаніемъ. Произведенные въ томъ-же засѣданіи выборы дали слѣдующіе результаты: въ члены комитета избраны: баронесса В И. Икскуль, О. К. Нечаева, П. А. Корсаковъ, Е. П. Султанова и А. С. Фаминцынъ; въ кандидаты къ нимъ—г-жи Корсакова, Калмыкова и Карѣева. Въ ревизіонную коммиссію избраны: гг. Плетневъ, Кремлевъ, Введенскій, Мушкетовъ и г жа Дехтерева.

Женскій медицинскій институтъ.

Общество для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института обратилось въ московскую думу съ ходатайствомъ о выдачѣ Обществу денежнаго пособія отъ города. Просьба эта передана была на предварительное разсмотрѣніе коммиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ. Въ своемъ докладѣ указываетъ, что бывшіе въ Петербургѣ женскіе медицинскіе курсы пріобрѣли всеобщее уваженіе и симпатіи; учившіяся на нихъ женщины оказали важныя услуги русскому обществу уже во время турецкой войны и теперь съ успѣхомъ трудятся на пользу страждущихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. И на службѣ московскаго городского управленія состояло

и состоитъ не мало лицъ, получившихъ свое медицинское образованіе на курсахъ. Вслѣдствіе этого закрытіе курсовъ вызвало большое сожалѣніе, и возобновленіе ихъ подъ названіемъ медицинскаго института вездѣ привѣтствуется съ большимъ сочувствіемъ. Поэтому, считая назначеніе денежнаго пособія общеполезному, хотя и иногородному учрежденію вполнѣ умѣстнымъ, коммиссія признаетъ наиболѣе цѣлесообразной формой пособія учрежденіе стипендій при медицинскомъ институтѣ для лицъ, родившихся въ Москвѣ или окончившихъ курсъ въ одномъ изъ московскихъ учебныхъ заведеній. Въ виду необходимости платы въ институтъ и расходовъ на учебныя пособія, стипендія для лицъ, вполнѣ недостаточныхъ, опредѣляется коммиссіей въ 400 р. въ годъ. Въ заключеніе коммиссія предлагаетъ думѣ вносить ежегодно въ городскія смѣты, начиная съ 1898 года, по 2 тыс. руб на пять стипендій московской городской думы при С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Право на стипендіи предполагается предоставлять лишь лицамъ, перешедшимъ съ успѣхомъ на второй курсъ медицинскаго института.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, директоръ института, профессоръ Анрепъ, какъ сообщаютъ газеты, возбудилъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать преимущества, предоставленныя Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о женскомъ медицинскомъ институтѣ окончившимъ высшіе женскіе курсы, при пріемѣ ихъ въ институтъ: распространяется-ли это преимущество на всѣхъ, вообще, окончившихъ филологическое отдѣленіе курсовъ, или оно должно быть оказываемо только начиная съ извѣстнаго выпуска. По этому поводу было запрошено мнѣніе директора высшихъ женскихъ курсовъ, г. Раева, который высказался за предоставленіе такого преимущества курсисткамъ всѣхъ выпусковъ. По мнѣнію-же попечителя Петербургскаго учебнаго округа, преимущество должно быть оказываемо курсисткамъ, начиная лишь съ выпуска 1895 г., т.-е. того года, когда было утверждено положеніе объ институтѣ; курсистки-же прежнихъ выпусковъ должны приниматься на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими претендентками.

О реформѣ конкурсныхъ экзаменовъ.

При Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ прошломъ году была образована коммиссія для выработки новыхъ правилъ для пріема поступающихъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Совѣщаніями этой коммиссіи руководилъ товарищъ Министра Путей Сообщенія, генералъ лейтенантъ Н. П. Петровъ; цѣлью совѣщаній было—устранить несовершенства существующей системы вступительныхъ экзаменовъ. По словамъ «Нов. Врем.», обсужденіе привело къ слѣдующимъ предположеніямъ. Для достиженія однообразія въ порядкѣ пріема во всѣ высшія спеціальныя учебныя заведенія, испытанія должны производиться въ общей коммиссіи, предсѣдатель которой назначается Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Что касается экзаменаторовъ, то, такъ какъ ими должны быть, очевидно, люди, имѣющіе большую опытность и много поработавшіе и въ среднихъ, и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—ихъ слѣдуетъ избирать изъ числа профессоровъ и другихъ опытныхъ лицъ, производящихъ и въ настоящее время испытанія въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Назначеніе такихъ экзаменаторовъ могло-бы быть предоставлено Министру Народнаго Просвѣщенія по соглашенію съ заинтересованными вѣдомствами. Для производства экзаменовъ по каждому отдѣлу

предположено шесть экзаменаторовъ, которые подраздѣляются на три группы; кромѣ того, по каждому отдѣлу, сверхъ шести младшихъ экзаменаторовъ. предположенъ еще одинъ, старшій, обязанный слѣдить за единствомъ направленія испытаній. Экзамены могли-бы начинаться въ двадцатыхъ числахъ августа и продолжаться не болѣе двухъ недѣль. Вознагражденіе предсѣдателю и экзаменаторамъ предположено производить въ такомъ размѣрѣ: по 15 рублей въ день для младшихъ экзаменаторовъ. 25—для старшихъ и 50 за то же время для предсѣдателя. Такимъ образомъ, общая сумма расхода на коммиссію опредѣляется въ 10 тысячъ рублей (за двѣ недѣли экзаменовъ), а именно: 5.400 руб. младшимъ экзаменаторамъ, 1.500 руб. старшимъ и 600 .руб. предсѣдателю; остатокъ-же распредѣлился-бы между 3—4 преподавателями, приглашенными для производства экзаменовъ по новымъ языкамъ и рисованію, и канцеляріею, которая должна быть устроена при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Эти необходимые 10.000 руб. могли-бы отпускаться изъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ, что въ рессурсы казны будетъ обращаться вся сумма, собираемая за право подвергаться испытаніямъ. Мѣстомъ производства экзаменовъ можетъ служить одно изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, которое для этого будетъ признано удобнымъ.

Переходя затѣмъ къ производству самихъ экзаменовъ въ предположенной коммиссіи, совѣщаніе остановилось на томъ, что ихъ слѣдуетъ производить по программамъ, составленнымъ для поступленія въ Институтъ путей сообщенія. Такое рѣшеніе принято вслѣдствіе того, что, по разсмотрѣніи этихъ программъ, онѣ оказались не имѣющими существенной разницы съ программами среднихъ учебныхъ заведеній, а только болѣе подробными. Подробность ихъ полезна, такъ какъ она ограничиваетъ рядъ вопросовъ, входящихъ въ общую статью предмета испытаній, и дѣлаетъ ихъ болѣе опредѣленными. На экзаменахъ по каждому изъ предметовъ должна быть выставляема отъ каждаго изъ двухъ экзаменаторовъ особая отмѣтка, причемъ отмѣтки слѣдуетъ выставлять по пятибалльной системѣ съ половинами. Выставленіе двухъ отмѣтокъ необходимо въ виду того, что это увеличиваетъ данныя для сужденія объ экзаменующемся, для распредѣленія экзаменующихся по старшинству и по отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ. Пятибалльную систему слѣдуетъ принять на томъ основаніи, что для многихъ экзаменаторовъ было бы трудно привыкать къ новой для нихъ двѣнадцатибалльной системѣ, а между тѣмъ существеннаго вліянія на исходъ экзаменовъ для экзаменующихся и распредѣленіе ихъ по учебнымъ заведеніямъ ни та, ни другая система имѣть не будетъ. Полученная по одному изъ предметовъ или отдѣловъ математики неудовлетворительная отмѣтка (2) лишаетъ права поступленія въ высшія спеціальныя заведенія. Переэкзаменовки ни въ какомъ случаѣ не допускаются. До сихъ поръ на пріемныхъ испытаніяхъ (напримѣръ, въ горномъ институтѣ) требовались удовлетворительныя отмѣтки по русскому языку, физикѣ и математикѣ. При этомъ экзаменъ производился отдѣльно изъ алгебры, геометріи и тригонометріи и ставились отмѣтки отдѣльно по каждому изъ этихъ отдѣловъ, изъ которыхъ потомъ выводилась общая отмѣтка по математикѣ. Такимъ образомъ, въ виду требованія удовлетворительнаго балла лишь вообще по математикѣ, являлась возможность получить неудовлетворительную отмѣтку по одному изъ отдѣловъ ея, при условіи удовлетворительнаго средняго вывода. Между тѣмъ очевидно, что въ нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія невозможно принимать молодыхъ

*

людей, удовлетворительно знающихъ, напримѣръ, алгебру и геометрію, но плохо знакомыхъ съ тригонометріей. А такъ какъ пріемные экзамены, по существующимъ положеніямъ большинства высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, являются не только конкурсными, но и повѣрочными, то необходимо, чтобы неудовлетворительная отмѣтка по одному изъ предметовъ испытанія, т.-е. и по каждому отдѣлу математики, лишала права продолжать экзамены. Такова сущность предположеній, выработанныхъ совѣщаніемъ.

Нижегородское дворянство о средней школѣ.

На обсужденіе бывшаго въ концѣ прошлаго года нижегородскаго губернскаго дворянскаго собранія поступила обширная записка П. П. Михайлова, посвященная вопросу о необходимости преобразованія нашей средней школы. Авторъ ея, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на непосильность того труда, которымъ обременяются теперь дѣти въ нашихъ школахъ. «Мы,—говоритъ по этому поводу г. Михайловъ,—соболѣзнуемъ о малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, мы привѣтствуемъ законодательные акты, ограничивающіе число рабочихъ часовъ для нихъ; ну а скажите, наши дѣти въ гимназіяхъ развѣ многимъ меньше работаютъ нашихъ заводскихъ малолѣтнихъ рабочихъ? Наши дѣти 10—12 лѣтъ бываютъ въ классѣ отъ 5¹/₂—6¹/₂ часовъ, да дома на приготовленіе уроковъ употребляютъ отъ 3 до 5 часовъ, итого ежедневно они заняты отъ 8¹/₂ до 11¹/₂ часовъ усидчивымъ трудомъ, съ полнымъ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ. И такъ не годъ и не два, а 7, 8 и даже 9 лѣтъ. Къ этому еще прибавьте тѣсноту помѣщеній въ нашихъ гимназіяхъ и тотъ воздухъ, которымъ они дышатъ въ классахъ. У насъ, нижегородцевъ, въ этомъ отношеніи составляетъ отрадное исключеніе реальное училище, образцовое по своему помѣщенію, но за-то вотъ что мы находимъ въ отчетѣ врача Золотницкаго, изслѣдовавшаго гигіеническія условія Маріинской женской гимназіи: воздухъ, которымъ дышатъ воспитанницы гимназіи, гораздо хуже того воздуха, которымъ пользуются посѣтители ночлежнаго дома Бугрова. Въ мужской гимназіи такихъ изслѣдованій не было, но есть основанія думать, что и тамъ воздухъ немногимъ лучше, чѣмъ въ женской гимназіи. Но даже и при хорошемъ воздухѣ можетъ-ли не отозваться на здоровьи дѣтей ежедневная работа въ теченіе 8—11 час. и что-же мудренаго, что какъ промышленные фабрики и заводы выбрасываютъ изъ себя молодежь физически изуродованную, такъ и наши педагогическія фабрики-гимназіи выпускаютъ молодежь болѣзненную, малокровную, нервную, да вдобавокъ ничего путемъ не знающую, совершенно безпомощную, неспособную къ труду, неспособную вступить въ жизнь и быть полезною себѣ и людямъ. Для этого имъ еще нужно продолжать свое образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а иначе весь восьмилѣтній трудъ оказывается совершенно безплоднымъ».

Затѣмъ г. Михайловъ останавливается на судьбѣ злополучныхъ реалистовъ, изъ которыхъ только немногіе счастливцы попадаютъ въ высшія учебныя заведенія. Въ результатѣ вышедшая изъ реальныхъ училищъ молодежь «разсыпается по всей матушкѣ Руси, не зная, что съ собой дѣлать, къ чему приложить тѣ убогія знанія, которыя получила она въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. И приходитъ она къ горькому сознанію, что

многому ее учили, даже черезчуръ многому, и не научили только самой простой, но въ то-же время самой необходимой вещи: какъ полезнымъ трудомъ добывать хлѣбъ, не подготовили быть полезнымъ членомъ общества, а сочинили какого-то никому ненужнаго и ни къ чему непригоднаго, да еще къ тому-же и больного человѣка. Ежегодно тысячи молодыхъ силъ, готовыхъ идти на борьбу съ тьмою и невѣжествомъ народныхъ массъ, готовыхъ по мѣрѣ силъ своихъ принести пользу — остаются не у дѣлъ, увеличивая собою контингентъ праздношатающихся, недовольныхъ, потерявшихъ вѣру въ себя, во все хорошее, во все святое и изъ элементовъ полезнаго превращаясь въ безспорно вредный для государства».

Съ другой стороны, г. Михайловъ выражаетъ недоумѣніе относительно достоинства того матеріала, надъ усвоеніемъ котораго переутомляются воспитанники средней школы. Если-бы представить себѣ ученика, который нигдѣ не бывалъ далѣе Нижняго, то такой ученикъ, руководствуясь свѣдѣніями, почерпнутыми имъ изъ учебниковъ, можетъ очутиться въ весьма комичномъ положеніи. Напр., руководясь этими свѣдѣніями, онъ можетъ отправиться въ г. Балахну, чтобы полюбоваться на солеварни (Учебная книга географіи, Е. А. Лебедева стр. 77—78), уничтоженныя, какъ извѣстно, много лѣтъ тому назадъ и, не найдя ихъ, по дорогѣ въ Нижній будетъ удивленъ, увидя громадный сормовскій заводъ, о которомъ въ его учебникѣ ничего нѣтъ; онъ поѣдетъ въ Арзамасъ въ надеждѣ найти тамъ громадную торговлю льнянымъ масломъ, такъ какъ въ учебникѣ онъ училъ, что въ Арзамасъ свозятъ такъ много льняного масла и сѣмени, что отъ арзамаскихъ цѣнъ на эти продукты зависятъ цѣны во всей Россіи, и, къ стыду своему, онъ долженъ будетъ вернуться вспять, не найдя въ Арзамасѣ ничего подобнаго. Не подумайте, что я взялъ какой-нибудь старый учебникъ географіи. Нѣтъ, это 19-е изданіе географіи Лебедева (курсъ гимназическій), появившееся въ 1894 году въ значительно исправленномъ и дополненномъ видѣ, какъ гласитъ надпись на обложкѣ этого изданія. Въ этомъ-же значительно исправленномъ произведеніи г. Лебедева есть и такія свѣдѣнія, что въ Архангельской губ. свозятъ съ полей снѣгъ, такъ какъ онъ слишкомъ долго на нихъ лежитъ, что цѣны на хлѣбъ въ Москвѣ устанавливаютъ не кто иной, какъ тульскіе мужики (тамъ-же, стр. 49 и 86). И такой учебникъ выдерживаетъ 19 изданій! Если въ значительно исправленномъ видѣ онъ представляетъ изъ себя рядъ небылицъ, то можете думать, что-же представляли собою первыя изданія, еще неисправленныя? А вѣдь и ихъ преподносили нашимъ дѣтямъ!

«Да, милостивые государи, много, очень много лишняго, очень много ненужнаго и, даже странно сказать, нелѣпаго преподается у насъ нашимъ дѣтямъ»,—резюмируетъ г. Михайловъ.

Для устраненія всѣхъ этихъ недостатковъ средней школы г. Михайловъ признаетъ желательнымъ: I. Сравнять программы всѣхъ среднеучебныхъ заведеній, чтобы не было той разницы, которая существуетъ теперь между гимназіями и реальными училищами; чтобы воспитанники всѣхъ среднеучебныхъ заведеній имѣли право поступать безъ экзаменовъ въ любое изъ высшихъ учебныхъ заведеній, сообразно съ выяснившимися въ нихъ наклонностями и способностями, и тѣмъ избавить: родителей—отъ необходимости разрѣшать неразрѣшимую для нихъ задачу, какой путь избрать для ребенка въ 10-лѣтнемъ его возрастѣ, и отъ несчастія видѣть сыновей своихъ, лишенныхъ возможности не только быть кормильцами своихъ стариковъ-родителей, но и самихъ себя, а государство избавить отъ вреднаго элемента—людей безъ опредѣленныхъ заня-

тій, взамѣнъ которыхъ дать людей со спеціальною подготовкою, а слѣдовательно, людей, полезныхъ для государства, для семьи и матеріально обезпеченныхъ. II. Увеличить числомъ или расширить существующія среднеучебныя заведенія настолько, чтобы всѣ желающіе, безъ конкурсныхъ экзаменовъ, могли поступать въ нихъ. III. Чтобы всѣ учебники были строго просмотрѣны съ цѣлью, во-1-хъ, сократить ихъ, оставивъ только то, что дѣйствительно нужно, и выкинуть весь тотъ вздоръ, которымъ теперь набиваютъ головы нашихъ дѣтей и, во-2-хъ, совсѣмъ изъять изъ обращенія учебники, подобные учебнику географіи Лебедева. IV. Увеличить число среднихъ техническихъ училищъ, въ которыхъ-бы менѣе состоятельные люди могли давать своимъ дѣтямъ вполнѣ законченное техническое образованіе и V. Для того, чтобы всѣ желающіе могли безпрепятственно поступать въ избранное ими высшее учебное заведеніе, увеличить также и число послѣднихъ. («Ниж. Лист»).

О реформѣ преподаванія новыхъ языковъ.

1-го и 8-го декабря, въ залѣ Николаевскаго сиротскаго института были прочитаны приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета Ѳ. А. Брауномъ двѣ лекціи о необходимости преобразованія въ преподаваніи иностранныхъ языковъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Лекціи эти были устроены спеціально для преподавателей и преподавательницъ иностранныхъ языковъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и привлекли многочисленныхъ слушателей. Первая лекція была посвящена доказательству несостоятельности существующаго грамматическаго метода преподаванія; во второй лекторъ бѣгло, насколько позволялъ объемъ двухчасовой лекціи, начертилъ программу, отвѣчающую новому, рекомендуемому имъ методу.

Цѣлью преподаванія живыхъ иностранныхъ языковъ, по мнѣнію г. Брауна, должно быть практическое знаніе, а этого существующія системы не даютъ. Институтка, на которую тратится такъ много въ этомъ направленіи стараній, пробывъ 8 лѣтъ въ институтѣ, умѣетъ говорить только самыя обыкновенныя фразы, разговора-же вести не можетъ; о гимназистахъ, не пользующихся преимуществами интерната съ французскими и нѣмецкими классными дамами, и говорить нечего: онѣ совсѣмъ не говорятъ на иностранныхъ языкахъ, а между тѣмъ знаютъ грамматику и заучиваютъ бездну словъ.

Затѣмъ лекторъ указалъ на то, что основой изученія иностраннаго языка должно служить изученіе духа этого языка, что возможно только при совершенно правильной постановкѣ изученія произношенія звуковъ, составляющихъ элементы иностранныхъ словъ.

При этомъ лекторомъ было обращено вниманіе на то, что русскій языкъ особенно склоненъ къ воспріятію произношенія звуковъ чужого языка. По усвоеніи звуковъ, начинается собственно преподаваніе, чисто практическое, языка.

Требованія преподаванія сводятся, по мнѣнію г. Брауна, къ слѣдующимъ положеніямъ:

Ребенокъ долженъ говорить только то, что думаетъ. Вслѣдствіе этого его нужно учить произносить только тѣ слова, которыя выражаютъ знакомое ему понятіе; отсюда—первый запасъ словъ небольшой; новыя понятія вводятся постепенно: отъ простого переходится къ болѣе сложному; слова говорятся на иностранномъ языкѣ, отнюдь не переводятся на родной; если слово не понятно, преподаватель долженъ его объяснить на томъ-же языкѣ, прибѣгая,

въ нужныхъ случаяхъ къ мимикѣ; необходимо въ ребенкѣ вызвать безсознательное сочетаніе между идеями и звуками. Матеріаломъ для этого долженъ служить окружающій міръ. Слѣдующимъ матеріаломъ являются картины съ доступными для дѣтей сюжетами, а затѣмъ уже и отвлеченныя представленія: фразы дѣлаются все сложнѣе. Изъ примѣровъ и фразъ, систематично подобранныхъ, безсознательно создается грамматика, которая не является сухимъ закономъ, а вытекаетъ изъ фразъ; эта грамматика скрытая, какъ ее назвалъ лекторъ.

Послѣ того, какъ ученикъ овладѣлъ достаточнымъ количествомъ фразъ, можно приступить къ чтенію, долженствующему быть двоякимъ: статарное (съ остановками, объясненіями) и курсорное (бѣглое), при которомъ схватывается только смыслъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаяхъ переводъ на родной языкъ не допускается. Переводы съ родного языка на иностранный отрицаются какъ ненужная роскошь, не удовлетворяющая духу языка. Чтеніе до 5-го класса гимназіи ведется съ цѣлью усвоенія языка. Только въ трехъ старшихъ классахъ вводится историческая грамматика; послѣдніе два года посвящаются литературѣ, изучаемой на образцахъ. Изученіе второго иностраннаго языка можетъ быть начато на 3-мъ году изученія перваго. («Нов.»).

Вопросъ о законоучителяхъ въ народныхъ школахъ.

«Кіевлянинъ» обращаетъ вниманіе на одно явленіе, стоящее въ зависимости отъ распространенія церковно-приходскихъ школъ. Дѣло въ томъ, что школы эти могутъ затруднить отысканіе законоучителя для земской школы. Газета указываетъ, что въ Переяславскомъ уѣздѣ одно земское училище, вслѣдствіе отказа священника, совсѣмъ осталось безъ законоучителя. Отмѣчая этотъ фактъ, земская управа находитъ, что онъ, въ связи съ наблюдаемымъ нынѣ быстрымъ увеличеніемъ числа церковныхъ школъ, очень настойчиво насаждаемыхъ въ послѣднее время духовнымъ вѣдомствомъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ уже существуютъ въ достаточномъ количествѣ земскія школы, внушаетъ серьезныя опасенія за то, что въ будущемъ эти послѣднія могутъ остаться совсѣмъ безъ законоучителей изъ священниковъ, такъ какъ, по закону, завѣдываніе церковно-приходскими школами и школами грамоты возложено всецѣло на мѣстные причты, вслѣдствіе чего священники, обремененные, кромѣ того, многочисленными обязанностями по требоисполненію, фактически будутъ лишены возможности преподавать Законъ Божій въ земскихъ школахъ. Обстоятельство это, по словамъ отчета, указываетъ земству на необходимость возбудить ходатайство передъ правительствомъ о предоставленіи учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ права преподавать Законъ Божій подъ наблюденіемъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, какъ это допущено по отношенію къ учителямъ школъ грамоты, образовательный цензъ которыхъ несравненно ниже учителей земскихъ школъ, и въ школахъ Воспитательныхъ домовъ.

Публичныя лекціи въ Одессѣ.

«Одес. Листокъ» приводитъ свѣдѣнія объ успѣхахъ, которыми пользуются организованныя Новороссійскимъ Обществомъ естествоиспытателей пуб-

личныя лекціи. Газета приходитъ къ выводу, что число лицъ, могущихъ и желающихъ слушать публичныя лекціи у насъ, хотя и менѣе значительно, нежели на Западѣ, но все-таки довольно велико, и лица эти принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ среднему классу. На публичныхъ лекціяхъ по естествознанію, организованныхъ въ Одессѣ Новороссійскимъ Обществомъ естествоиспытателей, большинство слушателей принадлежитъ къ числу получившихъ извѣстную предварительную подготовку. Здѣсь преобладали женщины, преимущественно изъ окончившихъ курсъ женскихъ гимназій; были и народныя учительницы, фельдшерицы, акушерки, сестры милосердія и т. д. Среди мужчинъ также были и народные учителя, были лица, побывавшія въ гимназіи, даже въ университетѣ. Наконецъ, среди тѣхъ и другихъ находились лица, получившія слабую предварительную подготовку и стремящіяся увеличить свои знанія путемъ самообразованія. Среди слушателей можно было замѣтитъ нѣсколько студентовъ, офицеровъ; можно было видѣть также трехъ—четырехъ простыхъ ремесленниковъ и ремесленницъ. На истекшемъ 14-го декабря третьемъ семестрѣ, на лекціяхъ по психологіи и физіологіи, были заняты всѣ мѣста въ аудиторіи и многимъ, желавшимъ слушать эти лекціи, приходилось отказывать по недостатку мѣстъ. Мало оставалось свободныхъ мѣстъ на лекціяхъ по астрономіи и физикѣ. Затѣмъ, по количеству слушателей идутъ зоологія, ботаника, химія; меньше всего слушателей было на лекціяхъ по техникѣ и высшей математикѣ. Изъ этого видно, что больше всего слушателей было на лекціяхъ по предметамъ, не требовавшимъ большой предварительной подготовки, причемъ слушатели наиболѣе заинтересовывались предметами, непосредственно касающимися человѣка, его физической и психической организаціи. Не малое значеніе имѣлъ въ данномъ случаѣ и талантъ изложенія лектора. Въ этомъ отношеніи наибольшій успѣхъ имѣли лекціи проф. Б. Верига по физіологіи и проф. Н. Ланге по психологіи. Лекціи проф. Б. Верига представляли въ истекшемъ полугодіи блестящій и содержательный курсъ растительной физіологіи. Въ систематическомъ изложеніи лекторъ изложилъ ученіе о крови, дыханіи, пищевареніи, изложилъ общепонятно, иллюстрируя свои чтенія многочисленными демонстраціями и опытами. Плавно и хорошо читалъ свой предметъ проф. Н. Ланге, но курсъ его лекцій былъ недостаточно систематиченъ, носилъ нѣсколько отрывочный характеръ, а нѣкоторые взгляды почтеннаго профессора (напр., въ вопросѣ объ инстинктѣ и привычкахъ) представляются спорными. Въ общемъ, лекціи Н. Ланге дали слушателямъ довольно ясное представленіе объ ощущеніяхъ, о мозгѣ и о функціяхъ, о сознаніи, отчасти о личности, хотя, въ виду отвлеченности предмета, кое-что, повидимому, оставалось не совсѣмъ усвоеннымъ слушателями. Въ чтеніяхъ проф. Н. Пильчикова о теплотѣ, кромѣ самаго предмета, слушатели съ особеннымъ интересомъ отнеслись къ многочисленнымъ и весьма удачнымъ опытамъ лектора. Проф. В. Зеленскій продолжалъ свои чтенія по зоологіи, излагая анатомію и біологію ракообразныхъ, паукообразныхъ, насѣкомыхъ и моллюсковъ. Какъ всегда, лекціи этого профессора были полны содержанія и интереса. Проф. И. Слешинскій продолжалъ свои блестящія лекціи по высшей математикѣ; прив.-доц. Х. Гохманъ читалъ по механикѣ; проф. Ф. Каменскій—по ботаникѣ и проф. С. Танатаръ—по органической химіи. Проф. А. Кононовичъ читалъ лекціи по астрономіи, носившія, къ сожалѣнію, нѣсколько поверхностный характеръ.

Больше всего привлекали слушателей лекціи по предметамъ, касавшимся

человѣка. Это указываетъ на существующую огромную потребность въ ознакомленіи съ человѣкомъ, его потребностями, его жизнью. Между тѣмъ,—говоритъ газета, — публичныя лекціи въ Одессѣ удовлетворяютъ этой потребности относительно въ слабой степени. Пока совершенно не устроено лекцій по исторіи, литературѣ, философіи, политической экономіи, юриспруденціи, тогда какъ въ Казани и Кіевѣ, кромѣ публичныхъ лекцій по естествознанію, существуютъ лекціи по общественнымъ наукамъ пользующіяся большимъ успѣхомъ. Въ Кіевѣ, между прочимъ, имѣются публичныя лекціи по исторіи и философіи, организованныя «Обществомъ лѣтописца Нестора». Надо надѣяться, что существующимъ при Новороссійскомъ университетѣ историко-филологическимъ обществомъ, а также отдѣльными профессорами, будутъ организованы публичныя лекціи по общественнымъ наукамъ.

Нежелательное соперничество.

Существующее въ Уржумѣ, Вятской губ., благотворительное Общество еще въ 1895 г. возбудило ходатайство о разрѣшеніи ему организовать публичныя чтенія для народа. Недавно на это ходатайство изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, чрезъ г. губернатора, полученъ отвѣтъ, въ которомъ сообщается, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія затрудняется удовлетворить ходатайство благотворительнаго Общества. Въ объясненіе этого отказа въ оффиціальномъ увѣдомленіи сообщается, что поводомъ къ нему послужилъ отзывъ бывшаго преосвященнаго вятскаго Сергія, по мнѣнію котораго для города Уржума достаточно уже открытыхъ уржумскимъ отдѣленіемъ Вятскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта народныхъ чтеній. Это ходатайство благотворительнаго Общества, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 11 октября 1894 г. правилъ, восходило на разсмотрѣніе Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и духовнаго вѣдомства, причемъ послѣднее въ лицѣ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева, принявъ во вниманіе отзывъ преосвященнаго Сергія, не изъявило своего согласія на открытіе народныхъ чтеній.

Благотворительное Общество вновь возбуждаетъ ходатайство о разрѣшеніи народныхъ чтеній и надѣется, что на этотъ разъ оно будетъ удовлетворено. Въ своемъ вторичномъ хотатайствѣ благотворительное Общество выясняетъ недостаточность тѣхъ чтеній, которыя ведетъ епархіальное отдѣленіе. У послѣдняго, собственно говоря, нѣтъ своихъ чтеній, такъ какъ оно не располагаетъ ни собственнымъ фонаремъ, ни книгами и брошюрами для чтенія и чтенія происходятъ не регулярно, а находятся въ зависимости отъ времени присылки принадлежностей чтенія изъ сосѣдняго города. Вслѣдствіе этого въ теченіе года состоялось всего шесть чтеній, тогда какъ потребность въ нихъ довольно значительна, о чемъ говорятъ сами цыфры. На каждомъ изъ чтеній бывало отъ 200 до 400, а иногда и до 600 посѣтителей и было-бы гораздо больше, если-бы выборъ темъ былъ разностороннѣе и чтенія не носили-бы характера чисто случайнаго. Лекторами на этихъ чтеніяхъ обязаны быть только члены отдѣленія, потому что преосвященный Сергій не разрѣшилъ допустить другихъ лицъ, но это все таки не избавило отдѣленіе отъ необходимости прибѣгать къ помощи постороннихъ лицъ для устройства чтеній. Чтенія, устраиваемыя епархіальнымъ отдѣленіемъ, происходятъ въ разныхъ помѣщеніяхъ: въ уѣздномъ съѣздѣ или въ казармахъ, что вызываетъ каждый разъ лишнія хлопоты. Благотворительное Общество спеціально для народныхъ чтеній и на-

родныхъ спектаклей перестроило прежнее помѣщеніе «Дома призрѣнія малолѣтнихъ дѣтей». Съ этой цѣлью устроена подписка, по которой собрано 326 р., разрѣшена лотерея въ 1.000 р., уѣздное земство ассигновало 500 р. и городская дума 150 р., а многіе изъ интеллигенціи приняли на себя трудъ лекторовъ. Въ этомъ помѣщеніи было уже дано два общедоступныхъ спектакля (28-го іюля и 4-го августа) съ платою отъ 5 к. до 1 р. вмѣстѣ съ марочнымъ благотворительнымъ сборомъ. Оба спектакля привлекли массу публики, особенно изъ «простого» народа, такъ что не хватило мѣстъ. Возбуждая вновь свое ходатайство, Общество надѣется, что г. вятскій губернаторъ и преосвященный Алексій признаютъ необходимость для Уржума съ его $6^1/_2$-тысячнымъ населеніемъ народныхъ чтеній и окажутъ свое просвѣщенное содѣйствіе для удовлетворенія этого ходатайства. («Волж.-Кам. Кр.»).

Просвѣтительная дѣятельность одного сельскаго Братства.

Въ селѣ Озерскомъ, Перемышльскаго уѣзда, существуетъ съ 1893 года одно общество, дѣятельность котораго заслуживаетъ вниманія всякаго интересующагося дѣломъ народнаго просвѣщенія. Это Общество—Братство св. Николая, находящееся при мѣстной сельской церкви. Возникло оно по иниціативѣ мѣстнаго священника П. И. Сперанскаго и землевладѣлицы Е. О. Писаревой съ весьма широкими задачами: вести борьбу съ умственнымъ невѣжествомъ, пьянствомъ и другими пороками прихожанъ, оказывать посильную помощь нуждающимся въ ней, и вообще тѣми или другими мѣрами содѣйствовать улучшенію матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія прихожанъ. Такое широко задуманное дѣло требовало, безъ сомнѣнія, и большихъ средствъ для своего осуществленія. Иниціаторами этого дѣла былъ составленъ уставъ вновь открываемаго Братства и по утвержденіи Калужской духовной консисторіей онъ былъ разосланъ нѣкоторымъ лицамъ, интересующимся дѣломъ народнаго просвѣщенія. Гуманныя цѣли Братства привлекли къ себѣ многихъ членовъ, какъ изъ числа мѣстныхъ жителей, такъ, главнымъ образомъ, и изъ другихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, изъ Калуги, Петербурга и др. Всѣхъ членовъ Братства въ настоящее время 114 лицъ. Изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій и составились первыя средства Братства. Активнымъ его дѣятелемъ былъ избранъ Совѣтъ изъ 6 членовъ Братства—мѣстныхъ жителей, во главѣ съ предсѣдателемъ свящ. Сперанскимъ. Первымъ проявленіемъ дѣятельности новаго Общества было устройство библіотеки-читальни. Въ лицѣ этого учрежденія Братство создавало такой пріютъ, который, давая окрестнымъ крестьянамъ разумное развлеченіе, доставлялъ-бы вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе духовнымъ потребностямъ и отвлекалъ-бы ихъ отъ кабаковъ и трактировъ. Крестьяне отзывчиво отнеслись къ новому для нихъ учрежденію. Сначала изъ любопытства, а затѣмъ уже сознательно, съ цѣлью научиться «уму-разуму», охотно стали посѣщать читальню, такъ что въ праздники число посѣтителей ея доходило до 80 человѣкъ; явились и постоянные абоненты, бравшіе книги на домъ; во второй годъ ихъ было 253 человѣка. Ежедневно, когда въ читальнѣ набиралось въ разъ болѣе 10 человѣкъ, библіотекаршей велись чтенія вслухъ, такъ что и неграмотные могли принять участіе вмѣстѣ съ другими въ разумномъ препровожденіи времени. Но въ особенности привлекали къ себѣ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. Домъ Братства тогда переполнялся и не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ войти.

Чтенія были какъ духовно-нравственнаго характера, такъ и историческаго, географическаго и вообще просвѣтительнаго содержанія. Наибольшее число посѣтителей читальни было въ зимніе мѣсяцы и особенно въ мартѣ (1.532 человѣка), а наименьшее въ апрѣлѣ (66 человѣкъ). По отдѣламъ взятыя книги распредѣляются такъ: изъ духовно-нравственнаго отдѣла прочитано съ сентября 1894 г. по сентябрь 1895 г.—1.152 книги, историческаго—242, сельско-хозяйственнаго—98 и разнаго содержанія—754 книги; число посѣтившихъ читальню въ этотъ періодъ времени составило цыфру въ 5.693 человѣка. Въ первый годъ существованія читальни женщины совсѣмъ не ходили слушать; во второй-же годъ онѣ постепенно привыкли къ ней, стали интересоваться чтеніемъ и въ теченіе великаго поста свящ. И. И. Сперанскимъ были два раза устроены чтенія исключительно для женщинъ (одинъ разъ съ волшебнымъ фонаремъ).

Затѣмъ, по ходатайству Братства, была командирована Министерствомъ Земледѣлія извѣстная спеціалистка по обученію ткачеству, г-жа Доливо-Добровольская. При домѣ Братства была открыта ткацкая мастерская. Всѣхъ обучавшихся было 26 крестьянскихъ женщинъ, которыя всѣ научились тканью на станкѣ самолетѣ. По окончаніи обученія, десяти обучавшимся были выданы безвозмездно принадлежности самолетнаго ткачества: батаны, берды, челноки, а двумъ крестьянамъ приспособленія для тканья подпругъ и вожжей за половинную цѣну ихъ стоимости, съ тѣмъ, чтобы они поучили впослѣдствіи всѣхъ, кто пожелаетъ у нихъ учиться. Кромѣ того, завѣдывающая братской читальней г-жа Щеголева выучилась тканью холста и узорчатыхъ тканей на столько, что на будущее время можетъ самостоятельно обучать желающихъ работать на станкѣ самолетѣ. Къ чести двухъ крестьянъ, научившихся ткать безшовные мѣшки, вожжи и подпруги, служитъ то обстоятельство, что они получили на калужской выставкѣ сельскаго хозяйства награды за выставленныя ими свои работы. Всѣ расходы по обученію, т.-е. устройство ткацкихъ станковъ, покупка пряжи и другихъ принадлежностей были сдѣланы г-жей Доливо-Добровольской на счетъ Министерства. Станки, сновальня и прочія принадлежности тканья оставлены ею въ мастерской Братства. («Калужскій Вѣстникъ»).

Школьное дѣло въ Кіевѣ.

Инспекторъ народныхъ училищъ Кіева вошелъ въ мѣстную думу съ ходатайствомъ объ устройствѣ при нѣсколькихъ школахъ параллельныхъ отдѣленій. Ходатайство это вызвано крайнимъ переполненіемъ городскихъ школъ учащимися, причемъ многія изъ дѣтей все-же въ школы не попадаютъ и остаются безъ начальнаго образованія. Явленіе это, какъ извѣстно, повторяется изъ года въ годъ. Въ текущемъ учебномъ году въ городскія начальныя школы не принято 708 дѣтей. «На число это, по выраженію ходатайства, надо смотрѣть, какъ на минимумъ, болѣе или менѣе отдаленный отъ дѣйствительности», потому что далеко не всѣ нуждающіеся въ школахъ обращаются къ учителямъ съ просьбами о пріемѣ ихъ дѣтей, зная, что школы переполнены; иные-же, получивши отказъ, фамилій своихъ дѣтей записывать не желаютъ и уходятъ, наговоривши завѣдывающимъ грубостей. Всѣхъ учащихся въ настоящее время въ 37 училищахъ и 5 параллельныхъ отдѣленіяхъ 2.437 (1.408 мальч. и 1.029 дѣвоч.), изъ которыхъ вновь поступило 802 (453 м.

и 349 д.); слѣдовательно, ко времени пріема въ нихъ было уже 1.635 дѣтей. Нормальный комплектъ по установленной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія нормѣ 40 учащихся на классъ, такъ что, если-бы завѣдывающіе училищами строго придерживались министерской нормы, пріема въ этомъ году въ училище не было-бы сдѣлано и число 708 непринятыхъ дѣтей возрасло-бы тогда до 1.500. Въ Кіевѣ, согласно думскому постановленію, за норму принято число 50. Норма эта, однако, остается мертвой буквой: сверхъ этой нормы въ общемъ принято въ настоящее время болѣе трехсотъ дѣтей, въ среднемъ—въ каждой школѣ учится около 60 д. и въ частностяхъ есть нѣсколько школъ, изъ которыхъ въ каждой число учащихся достигаетъ 70—74. «Ко дню пріема,—говоритъ инспекторъ,—въ настоящемъ учебномъ году четвертая часть всѣхъ училищъ была укомплектована вполнѣ, принимая во вниманіе думскую норму (50); тяжелыя сцены объясненій съ родителями заставили учителей и учительницъ этихъ училищъ принимать дѣтей сверхъ комплекта; предѣломъ пріема въ этомъ случаѣ служила полная невозможность посадить ребенка на скамью. Такое состояніе школьнаго дѣла нормальнымъ признать, конечно, невозможно».

Неудачный опытъ.

Переяславское земство сдѣлало опытъ установленія платы за ученье въ народныхъ школахъ. Недавнимъ постановленіемъ очереднаго собранія рѣшено безплатное доселѣ обученіе въ земскихъ школахъ уѣзда сдѣлать съ нынѣшняго учебнаго года платнымъ, въ размѣрѣ одного рубля съ учащагося. Эта мѣра мотивирована тѣмъ, что сельскому населенію нужны профессіональныя знанія, которыя «могутъ представлять для него гораздо большій интересъ, чѣмъ знанія общеобразовательныя»; поэтому слѣдуетъ насадить въ уѣздѣ ремесленныя школы; а такъ какъ «при нынѣшнемъ напряженномъ состояніи платежныхъ средствъ населенія внесеніе въ смѣту этого новаго расхода увеличило-бы и безъ того уже высокій размѣръ земскаго обложенія», то и сочтено было возможнымъ для покрытія части расходовъ по содержанію проектируемыхъ ремесленныхъ школъ ввести въ начальныхъ земскихъ школахъ плату за ученіе. При разсмотрѣніи этого вопроса въ послѣднемъ очередномъ земскомъ собраніи тщетно возвышались нѣкоторые единичные голоса, предсказывая дурныя послѣдствія, связанныя съ устанавливаемой мѣрой въ смыслѣ неизбѣжнаго вліянія ея на значительное сокращеніе числа учащихся. Напрасно ссылались при этомъ на аналогичный примѣръ—на плату за лѣкарства, введенную здѣсь съ 1893 года и повлекшую за собою уменьшеніе ровно на половину числа лицъ въ уѣздѣ, искавшихъ въ предшествовавшемъ году врачебной помощи. Ни къ чему не привели и указанія на то, что если крестьяне отказываются отъ леченія изъ-за необходимости платить всего только пять копѣекъ за лѣкарства, то много-ли найдется такихъ родителей, которые станутъ посылать свою дѣтвору въ школу, не стѣсняясь рублевой платой за ученіе. Какъ уже сообщено было раньше, налогъ этотъ вызвалъ сильнѣйшее неудовольствіе среди сельскихъ обществъ, результатомъ коего явился отливъ учащихся, при чемъ однѣ изъ земскихъ школъ и совѣмъ опустѣли, а другія хотя и посѣщаются дѣтьми, но посѣщаются лишь немногими. Нынѣ мѣстная земская управа, видимо серьезно озабоченная этимъ столь неожиданнымъ для нея оборотомъ дѣла, циркулярно обратилась во волостныя правленія уѣзда, предписывая имъ разъяснить на

сельскихъ сходахъ истинную цѣль, какую земское собраніе имѣло въ виду, устанавливая сказанный школьный налогъ. «Съ текущаго учебнаго года,—говорится въ циркулярѣ,—земскимъ собраніемъ установлена плата за право ученія со всѣхъ учащихся въ общественно-земскихъ школахъ Переяславскаго уѣзда. Мѣру эту, какъ оказывается нынѣ, населеніе уѣзда встрѣтило не совсѣмъ сочувственно, результатомъ чего явилось то, что въ настоящее время число учащихся въ названныхъ школахъ сократилось противъ прежняго болѣе, чѣмъ на половину». Полагая, что это явленіе вызвано не самимъ фактомъ назначенія платы, а лишь неправильнымъ толкованіеми цѣли ея, земская управа въ означенномъ циркулярѣ своемъ занялась изложеніемъ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ «явствуетъ, что установленная плата за ученіе введена на пользу самихъ-же крестьянъ и вызвана исключительно заботами земства объ улучшеніи ихъ быта въ будущемъ». Быть можетъ, желанія земства самыя благія, но разъ они даютъ такой результатъ, то отъ нихъ нужно отказаться. («Кіевл.»).

Родительскій Кружокъ.

Засѣданіе 19-го октября 1896 года.

Первое засѣданіе «Родительскаго Кружка» нынѣшняго уч. года было открыто чтеніемъ годового отчета о дѣятельности «Кружка» за истекшій годъ и о приходѣ и расходѣ суммъ, поступившихъ въ «Кружокъ». Въ «Кружкѣ» нѣтъ установленныхъ членскихъ взносовъ, а время отъ времени, по мѣрѣ надобности, члены вносятъ извѣстную сумму на текущія надобности. Въ прошломъ году, кромѣ собранныхъ членскихъ взносовъ въ количествѣ 20 руб., на приходъ «Кружка» поступило пожертвованіе отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Милицы Николаевны 100 р. Изъ общей суммы прихода—120 р.—произведены слѣдующіе расходы: на пріобрѣтеніе экспонатовъ на Нижегородскую выставку 55 р. 80 к. и на печатаніе докладовъ коммиссіи по вопросу объ отношеніи семьи и школы, почтовые расходы и праздничные служителямъ 25 р. 15 к. Всего израсходовано 80 р. 95 к. Въ остаткѣ къ 19 октября 1896 г. состояло въ наличности 39 р. 5 к.

Составитель годового отчета Н. С. Карцевъ указалъ, что доклады «Родительскаго Кружка» въ истекшемъ году не носили случайнаго характера, а группировались около опредѣленныхъ вопросовъ или-же находились въ связи съ переживаемыми фактами педагогическаго дѣла на Руси.

Наибольшее число засѣданій было посвящено вопросу объ отношеніяхъ семьи и школы. По этому вопросу, кромѣ того, работала отдѣльная коммиссія, доклады которой представлялись на обсужденіе общихъ собраній «Кружка». Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ разбирались доклады особой коммиссіи по вопросамъ объ обученіи дѣтей до-школьнаго возраста въ семьѣ. Коммиссія эта выработала общую программу обученія въ семьѣ дѣтей до-школьнаго возраста; программа представлена была на Нижегородскую выставку.

Въ то-же засѣданіе г-жа Поворинская прочитала свой докладъ, озаглавленный: «Ошибки родителей,—картинки изъ жизни».

Въ первой общей части своего доклада г-жа Поворинская указала на ту разницу въ положеніи дѣтей въ семьяхъ, которая произошла за послѣдніе годы. Дѣти заняли первое, господствующее мѣсто, стали центромъ вниманія

и самоотверженныхъ заботъ родителей. Все лучшее въ обстановкѣ и во всѣхъ условіяхъ жизни—на долю дѣтей. Сами родители отошли на второй планъ.

Каковыми-же вышли эти дѣти, на которыхъ положено столько любви, заботъ и вниманія?

И въ литературѣ, и въ обществѣ за послѣдніе годы постоянно раздаются жалобы на молодежь, далеко не соотвѣтствующую тѣмъ идеаламъ, которые ставились ихъ воспитателями.

Представители жесткости или узкой практичности и разсчета, погони за внѣшнимъ блескомъ при отсутствіи идеаловъ—вотъ каковы въ большинствѣ типы молодежи, представляемые современной литературой. Въ жизни тоже нерѣдко приходится встрѣчать то безсердечно холодныхъ, то грубо чувственныхъ, то небрежно лживыхъ, то просто больныхъ представителей молодежи.

Не касаясь общихъ внѣшнихъ условій жизни, совокупность которыхъ отражается на всемъ складѣ молодежи, а равно и вліянія наслѣдственности и прирожденныхъ свойствъ, докладчица подробно остановилась на ближайшемъ, болѣе непосредственномъ вліяніи,—вліяніи семьи и семейнаго воспитанія на образованіе того или другого характера, и представила нѣсколько картинъ, какъ результатъ собственныхъ наблюденій надъ многими семьями.

Первою обрисована семья, гдѣ все направлено къ наибольшему удобству и здоровому комфорту дѣтей. Во внѣшней обстановкѣ рѣзко бросается въ глаза контрастъ между обстановкой дѣтей и обстановкой родителей. На долю дѣтей—все лучшее: свѣтлыя, просторныя комнаты, наилучше расположенныя; все предусмотрѣно для ихъ удобства; ничего не забыто изъ того, что надо для ихъ здоровья; занятія организованы такъ, чтобы не утомлять дѣтей; не забыты и развлеченія. На долю родителей — худшія, маленькія, наименѣе свѣтлыя и удобныя комнаты; работа—безъ отдыха, отсутствіе спокойствія, непрерывныя заботы и вниманіе къ дѣтямъ.

Дѣти принимаютъ все, что для нихъ дѣлается, за должное, ничуть не стараясь отвѣтить заботой за заботу. Кромѣ того, они не знаютъ, что значитъ критически отнестись къ самимъ себѣ, и если является какая-либо погрѣшность въ ихъ поведеніи—у нихъ одно объясненіе: «это вызвано необходимостью».

Вторымъ у г-жи Поворинской представленъ типъ семьи, которая поставила своимъ девизомъ культъ здоровья, съ одной стороны, съ другой—нравственное, тихое, безмятежное спокойствіе и жизнь для себя, для своей семьи, удаленіе отъ всего, что за предѣлами этой семьи. Въ основѣ физической жизни—послѣднее слово науки; одежда, пища, вся обстановка—все по строгимъ правиламъ гигіены. Обращеніе другъ съ другомъ нѣжное и кроткое; не допускаются никакія неровности, не слышно споровъ, возвышеннаго голоса. Среди такой обстановки, изолированной отъ внѣшняго міра, выростаетъ дѣвочка кроткая, нѣжная, полная ласки и любви, честная идеалистка, но молчаливая, вялая, неподвижная и ко всему равнодушная; братъ ея—атлетъ по сложенію, первый въ играхъ и физическихъ упражненіяхъ; но учится плохо, равнодушенъ къ какимъ-бы то ни было умственнымъ и нравственнымъ интересамъ.

Третья картинка озаглавлена: «Предъявленіе къ дѣтямъ требованій, несоотвѣтствующихъ ихъ возрасту».

Семья П.—люди особенной, рыцарской честности, люди сильной воли и труда. Вся жизнь ихъ была «борьбой за идеалъ добра и красоты». Вырастить дѣтей честными людьми въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—

было цѣлью и задачей родителей. Строго относясь къ своей задачѣ, родители въ обращеніи съ дѣтьми брали однако слишкомъ высокую, непонятную дѣтямъ ноту, говорили съ дѣтьми непонятнымъ для дѣтскаго возраста теоретическимъ языкомъ. Дѣтскіе промахи не останавливались просто, а дѣтямъ въ каждомъ случаѣ читалось наставленіе на тему о честности, уваженіи къ чужой собственности, уваженіи къ личности.

Сынъ г. П., способный по натурѣ, вышелъ мальчикомъ ученымъ, развитымъ, но не похожимъ на отца по своимъ нравственнымъ правиламъ. Онъ только внѣшнимъ образомъ подчинялся нравственнымъ требованіямъ отца, не вникая въ его идеалы, да по и самому возрасту онъ не былъ въ состояніи понять и оцѣнить воззрѣнія и правила отца. Онъ отличался рѣдкимъ пониманіемъ людей и удивительнымъ умѣньемъ примѣнять свои поступки къ вкусамъ тѣхъ, кому желалъ быть пріятнымъ. Онъ умѣлъ быть беззавѣтно веселымъ, гдѣ это было нужно, проливалъ слезы тамъ, гдѣ это требовалось обстоятельствами. Великодушіе, смѣлость, даже нѣкоторая доля дерзости; ангельская кротость, желѣзная настойчивость—все чередуется у него по мѣрѣ надобности. Взрослые отъ него въ восторгѣ, но дѣти его не любятъ. Съ ними онъ не таковъ, какъ съ взрослыми; съ младшими онъ повелителенъ, себялюбивъ и неуступчивъ.

Въ четвертой и послѣдней картинкѣ докладчица представила семью, которая поставила своимъ девизомъ: «дисциплина — вотъ спасеніе». Считая распущенность самымъ великимъ грѣхомъ въ людяхъ, г-жа Н. признавала, что воля матери священна и всѣ въ семьѣ должны безусловно и безпрекословно повиноваться ей. «Слушай и не разсуждай»—вотъ была несложная формула ея требованій къ дѣтямъ. Вся жизнь въ домѣ была разсчитана по часамъ; строгости въ исполненіи ежедневнаго росписанія могъ позавидовать любой институтъ. Занятія, игры, домашнія работы—все по росписанію, все подъ руководствомъ и по указаніямъ старшихъ. Не оставлено мѣста для проявленія дѣтской индивидуальности, дѣтской воли; въ домѣ не слышно веселаго дѣтскаго шума и беззаботнаго смѣха, никогда не видно дѣтскихъ шалостей, свободнаго, непринужденнаго веселья.

Въ методахъ занятій та-же неумолимая строгость и дисциплина. Ребенку не подъ силу заданная задача—все равно, онъ не долженъ отказываться рѣшать ее. Отказъ, хотя-бы вызванный и законными причинами, признается за проявленіе своеволія, каприза.

Не смотря на хорошія гигіеническія условія, дѣти росли блѣдными, вялыми, худыми и болѣзненными. Повидимому, постоянный нравственный гнетъ наложилъ печать и на физическую организацію дѣтей.

Такимъ образомъ, какъ слишкомъ большая, заботливая предупредительность, желаніе охранить дѣтей отъ всякаго, такъ сказать, дуновенія вѣтерка, какъ мы видѣли въ первыхъ двухъ картинкахъ, такъ и слишкомъ большая требовательность, превышающая дѣтскія силы,—двѣ послѣднія картинки,—приводятъ къ нежелательнымъ результатамъ въ воспитаніи.

Докладъ г-жи Поворинской былъ выслушанъ съ большимъ интересомъ присутствующими членами.

Д-ръ Маляревскій, выразивъ привѣтствіе докладчицѣ за то, что она такъ хорошо съумѣла стать на объективную точку зрѣнія въ вопросахъ наблюденія надъ дѣтьми, замѣтилъ, что въ докладѣ больше всего обращено вниманія на недостатки родителей, какъ будто ошибки родителей—единственная причина въ недостаткахъ дѣтей. Докладъ выигралъ-бы въ полнотѣ и цѣль-

ности, если-бы обращено было вниманіе на индивидуальныя свойства дѣтей, на связь, которая неизбѣжно существуетъ между направленіемъ и природой ребенка.

Д-ръ Нижегородцевъ, присоединяясь къ высказанному мнѣнію, заявилъ, что докладъ въ яркихъ картинахъ изображаетъ отдѣльныя идеи, рисуетъ въ собирательной формѣ извѣстныя черты. Надо смотрѣть на представленные типы, какъ на иллюстраціи. Намъ обрисованы въ беллетристической формѣ ложныя тенденціи веденія дѣтей. Въ одной семьѣ мы видимъ родителей, приносящихъ себя въ жертву дѣтямъ—это собственно разновидность маменекъ, создававшихъ въ прежнее время Митрофанушекъ. Затѣмъ, въ другой семьѣ мы видимъ предъявленіе не соотвѣтственныхъ требованій, далѣе—стремленіе ломать натуру ребенка. Но непреклонная тенденціозность родителей все-же не можетъ считаться исключительною причиной развитія въ ту или другую сторону характеровъ дѣтей.

Г. Ремизовъ также замѣтилъ, что представленный типъ юноши съ стремленіемъ лишь къ атлетическимъ упражненіямъ, выросшій въ семьѣ «Маниловыхъ», легко могъ сложиться подъ вліяніемъ какихъ-либо постороннихъ теченій, товарищества, напр., а не исключительно подъ вліяніемъ семейныхъ условій.

Д-ръ Виреніусъ высказалъ сожалѣніе, что г-жа Поворинская не изложила въ концѣ доклада своихъ выводовъ, не подвела итоговъ своихъ наблюденій и просилъ докладчицу составить такіе тезисы. Въ одномъ изъ такихъ тезисовъ слѣдовало-бы упомянуть, что роль воспитателя заключается въ наблюденіи надъ дѣтьми, въ общемъ руководительствѣ ими, а не командованіи. Во всѣхъ представленныхъ картинкахъ родители всецѣло царятъ въ той или другой формѣ въ жизни дѣтей.

Г-жа Лашкевичъ замѣтила, что во всѣхъ обрисованныхъ семьяхъ видна слишкомъ большая прямолинейность въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ. Такая прямолинейность уничтожаетъ дружбу въ отношеніяхъ. Стремленія у родителей хорошія, но, въ погонѣ за своими тенденціями, они не вникали въ жизнь дѣтей. Явилась одна теорія, порождавшая взаимное непониманіе, а гдѣ пониманіе отсутствуетъ, тамъ никогда не можетъ быть истинной дружбы. А между тѣмъ такая дружба родителей съ дѣтьми—единственный путь къ сохраненію вліянія родителей на дѣтей въ болѣе старшемъ возрастѣ, когда это вліяніе такъ необходимо.

Г. Протекинскій замѣтилъ, что во всѣхъ обрисованныхъ семьяхъ вовсе отсутствуетъ сознательное отношеніе родителей къ дѣтямъ. Родители являются или слѣпыми рабами, безпрекословными слугами дѣтей, или прямыми, непреклонными деспотами, или теоретиками и моралистами. Но во всѣхъ случаяхъ какъ будто вполнѣ отсутствуетъ всякое соображеніе со стороны родителей своихъ поступковъ съ характеромъ и условіями развитія ребенка.

Г. предсѣдатель, въ заключеніе преній, выражая благодарность г-жѣ Поворинской, замѣтилъ, что всѣ высказанныя при обсужденіи доклада требованія и пожеланія показываютъ только, какой живой интересъ вызвалъ докладъ среди слушателей.

На предложеніе г. предсѣдателя—представить по прочитанному докладу тезисы къ одному изъ слѣдующихъ засѣданій—г-жа Поворинская выразила согласіе.

Засѣданіе 9-го ноября 1896 г.

А. Н. Альмедингенъ познакомилъ членовъ «Кружка» съ дѣятельностью «Московскаго педагогическаго кружка», возникшаго въ 1890 году по иниціативѣ Е. И. Мамонтовой. Работавшій первые годы безъ опредѣленной программы, «Кружокъ» этотъ въ 1893 году выработалъ программу занятій и организацію «Кружка».

Цѣль «Кружка»—взаимопомощь при воспитаніи.

Въ рефератахъ разбираются теоретическіе вопросы педагогики и психологіи и излагаются личныя наблюденія надъ дѣтьми, разсматриваются ошибки и недоумѣнія и рекомендуются удачные пріемы воспитанія.

Дѣлами «Кружка» завѣдуетъ Совѣтъ, состоящій изъ 20 лицъ.

А. Н. Альмедингенъ сообщилъ также перечень рефератовъ, читанныхъ въ «Московскомъ педагогическомъ кружкѣ». Большинство рефератовъ касалось самыхъ интересныхъ и живыхъ вопросовъ воспитанія и многіе изъ членовъ высказали желаніе ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Постановлено было достать черезъ посредство г. Альмедингена самые доклады и протоколы.

Съ неменьшимъ интересомъ былъ выслушанъ членами «Кружка» второй докладъ этого засѣданія. Въ этомъ докладѣ Н. Ѳ. Арепьевъ ознакомилъ присутствовавшихъ съ дѣятельностью англійскихъ и американскихъ обществъ, задачи и дѣятельность которыхъ аналогичны съ цѣлями и дѣятельностью и «Петербургскаго родительскаго» и «Московскаго педагогическаго кружковъ».

Какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ дѣло это поставлено несравненно шире и интересы его захватываютъ несравненно большее число людей, чѣмъ у насъ въ Россіи.

Въ 1887 году, въ Лондонѣ, среди небольшого кружка лицъ, по иниціативѣ Шарлотты Масонъ, былъ основанъ «Родительскій національно-воспитательный союзъ». Въ настоящее время Союзъ этотъ охватываетъ всю Англію. Лучшія педагогическія силы оказываютъ ему свое содѣйствіе. Общество имѣетъ свой органъ «Родительское обозрѣніе», редактируемый основательницей Союза.

Въ Америкѣ давно уже существовали маленькіе кружки, такъ называемые «Материнскіе совѣты», «Материнскіе клубы», гдѣ разбирались вопросы семейнаго воспитанія дѣтей самаго ранняго возраста.

Возникшее по образцу англійскаго «Родительскаго національно-воспитательнаго союза», Общество «Родительская ассоціація» имѣетъ въ виду объединить всѣ эти мелкіе, разбросанные по разнымъ мѣстамъ кружки. Въ виду этого «Ассоціація» состоитъ изъ Центральнаго общества въ Нью-Іоркѣ и мѣстныхъ отдѣленій.

Общество также имѣетъ свой органъ «Дѣтство», въ которомъ печатаются протоколы засѣданій, резюме докладовъ и наиболѣе интересные доклады—цѣликомъ; темы для докладовъ и обсужденій. Журналъ разсылается членамъ безплатно.

Закончивъ сообщеніе объ «Ам. ассоціаціи», Н. Ѳ. Арепьевъ выступилъ съ предложеніемъ, чтобы «Пет. р. кружокъ», выяснилъ болѣе опредѣленно задачи и цѣли своихъ работъ. До сихъ поръ работы его носили большею частью случайный характеръ, не имѣли опредѣленнаго плана. Между тѣмъ, для большей прочности и расширенія дѣла, весьма важно было-бы «Кружку» имѣть болѣе опредѣленную организацію, намѣтить задачи и цѣли и выработать средства, которыми можно достигать намѣченной цѣли.

Н. С. Карцевъ добавилъ къ этому, что было-бы весьма важно болѣе

оформить дѣятельность бюро «Род. кружка» и выработать правила и инструкціи для бюро.

Большинство присутствующихъ членовъ присоединилось къ высказанному докладчикомъ рѣшенію и была избрана коммиссія для составленія правилъ, инструкцій и программы занятій «Кружка». Въ составъ коммиссіи вошли: г-жи Корсакова и Поворинская и гг. Альмедингенъ, Арепьевъ, Каптеревъ, Литвинскій, Нижегородцевъ и Ремизовъ. **Е. К.**

Памяти Т. С. Кривцовой.

Считая долгомъ всякаго человѣка, не относящагося безразлично къ своей родинѣ, отмѣчать всѣ болѣе или менѣе выдающіеся въ повседневной жизни случаи, я не могу не подѣлиться со всѣми, кому дорого образованіе народа въ Россіи, однимъ фактомъ, на который я натолкнулся въ своей жизни.

Судьба сталкивала меня довольно близко со многими изъ добровольныхъ дѣятелей и дѣятельницъ на почвѣ народнаго образованія. Я видѣлъ, чѣмъ они живутъ, какъ дороги имъ интересы народнаго просвѣщенія, сколько они убиваютъ силъ на свою добровольную, часто подвижническую службу народу. Ихъ дѣятельность такъ скромна, что общество рѣдко замѣчаетъ какъ пополненіе, такъ и убыль въ ихъ рядахъ. Меня удивляетъ, почему русская ежедневная печать, съ такимъ усердіемъ отмѣчающая всевозможныя мелочи иностранной жизни, не считаетъ нужнымъ, не говорю уже собирать, а хотя распространять въ читающей публикѣ тѣ факты, которые собраны менѣе распространенными толстыми журналами. Въ девятой книжкѣ «Русской Мысли» за 1896 годъ отмѣченъ рядъ незамѣтныхъ дѣятелей на пользу народа. Этотъ рядъ такъ малъ пока, что всякій новый фактъ, всякій новый человѣкъ, удлиняющій его, заслуживаетъ тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, которыя я хочу посвятить свѣжей еще могилѣ Т. С. Кривцовой, одной изъ выдающихся, по моему мнѣнію, добровольныхъ дѣятельницъ народнаго образованія.

Общественная мысль и вниманіе настолько уже привыкли къ «воскресной школѣ», что всякій новый фактъ открытія еще одной такой школы такъ мало бросается въ глаза, что въ большинствѣ случаевъ проходитъ незамѣченнымъ. Его отмѣтятъ одна, много двѣ газеты; поговорятъ о немъ тѣ, кто особенно близко стоитъ къ дѣлу воскресныхъ школъ, да и то не всегда (примѣры этому находятся въ той-же книжкѣ «Русской Мысли»),—и только. Если-же я подчеркиваю открытіе воскресной школы въ станицѣ Ладожской, Кубанской области, такъ только потому, что появленіе этой школы не совсѣмъ обычно какъ по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ оно состоялось, такъ и по той энергіи, которую пришлось затратить ея учредительницѣ, чтобы сдѣлать существованіе этой школы прочнымъ.

Станица Ладожская отличается отъ всѣхъ другихъ станицъ только тѣмъ, что въ ней временно находится учительская семинарія. Учителя, ихъ семьи и священники представляютъ ея единственную интеллигенцію. Три года тому назадъ, былъ перемѣщенъ туда изъ Ставрополя-Кавказскаго на должность директора семинаріи С. П. Кривцовъ, дочь котораго, Татьяна Саввишна Кривцова, работала раньше въ Ставропольской воскресной школѣ со времени ея открытія, въ 1889 году. Преданная дѣлу воскресныхъ школъ, отдавъ ему всѣ свои силы и чуткое, отзывчивое на все доброе сердце, молодая дѣвушка уже не могла отказаться отъ любимаго дѣла. Приглядываясь къ жизни

станицы, она естественно пришла къ тому заключенію, что воскресная школа тамъ, какъ менѣе культурномъ пунктѣ, еще болѣе необходима, чѣмъ въ любомъ городѣ. Положеніе ея отца облегчало отчасти ея задачу, устраняя вопросъ о помѣщеніи. Но, съ устраненіемъ этого затрудненія, оставались другія, еще болѣе серьезныя: предстояло вести школу почти одной, такъ какъ женскій элементъ ладожской интеллигенціи, по условіямъ своей жизни, не могъ оказать достаточной помощи. И вотъ въ теченіе одного мѣсяца Т. С. Кривцова создаетъ себѣ помощницъ и помощниковъ для веденія школы, навербовавъ ихъ изъ мѣстныхъ молодыхъ дѣвушекъ и воспитанниковъ старшаго класса семинаріи. Ознакомить ихъ съ дѣломъ, вдохнуть въ нихъ ту любовь къ народу, которою было согрѣто ея собственное сердце, развить въ нихъ стремленіе къ сознательному служенію народу для такой самоотверженной, забывающей себя для другихъ личности, какою была покойная, было дѣломъ уже не труднымъ. Поборовъ всѣ эти препятствія, Т. С. Кривцова добилась того, что 21 ноября 1893 года школа начала свое существованіе. Черезъ мѣсяцъ школу уже посѣщало до ста женщинъ и дѣвушекъ не моложе 12 лѣтъ.

Но здѣсь на сцену выступаютъ тѣ темныя силы нашей жизни, какими такъ богаты наши медвѣжьи углы. Является на сцену недовѣріе жителей, которые никакъ не могли освоиться съ мыслью, что имъ дѣлаютъ добро и за это добро ничего не берутъ. Начинаютъ циркулировать слухи, что это только завлекаютъ, чтобы потомъ начать брать деньги. Начинаются насмѣшки надъ взрослыми дѣвушками, пошедшими учиться въ школу, и, наконецъ, учащіяся на первыхъ-же порахъ разочаровываются въ своемъ обольщеніи научиться скоро, въ 2—3 воскресенья. Передъ ихъ глазами проносится картина цѣлаго ряда воскресеній, которыя нужно учиться и учиться. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій школа начала пустѣть. И нужна была та выдающаяся любовь къ дѣлу и энергія, которыми обладала покойная, чтобы побороть всѣ эти препятствія, чтобы заставить недоброжелателей и насмѣшниковъ измѣнить свои мысли и чувства и явиться съ повинною головой, прося принять своихъ дочерей и сестеръ въ школу.

Такимъ образомъ, благодаря настойчивой волѣ покойной и ея умѣнью поставить школьное дѣло, разсѣялись мало-по-малу всѣ эти пугала, и школа начала правильно дѣйствовать, пріобрѣтая съ каждымъ новымъ праздникомъ все болѣе и болѣе ученицъ.

Подошедшіе праздники, давшіе ученицамъ школы рядъ разумныхъ и полезныхъ развлеченій, организованныхъ Т. С. Кривцовой, окончательно завоевали школѣ симпатіи станичнаго населенія. Мѣстные жители, быть можетъ, ея прежніе враги, стали приносить школѣ свою посильную лепту и тѣмъ облегчили, хотя немного, правда, семьѣ молодой дѣвушки содержаніе школы, которое всецѣло лежало на ея плечахъ.

Безплатная раздача учебныхъ пособій и письменныхъ принадлежностей окончательно подорвала недовѣріе къ безкорыстію тѣхъ, кто являлся помочь народу научиться грамотѣ. И все это было сдѣлано энергіею одной молодой дѣвушки... Слабое здоровье, просьбы близкихъ поберечь себя не останавливали покойной въ ея самоотверженномъ часто служеніи дѣлу образованія народа. Больная, почти лишенная уже способности къ усидчивому, напряженному труду, она съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ отдается любимому дѣлу и съ лихорадочною поспѣшностью принимается за составленіе карты воскресныхъ школъ въ Кубанской области, возникшихъ по примѣру Ладож-

-ской школы при 52 училищахъ въ станицахъ и городахъ *). Эта карта да брошюра о воскресныхъ школахъ Кубанской области были ея послѣдними работами и обратили на себя вниманіе всѣхъ интересующихся успѣхами частнаго почина въ дѣлѣ народнаго образованія, занявъ видное мѣсто на Нижегородской всероссійской выставкѣ, въ павильонѣ воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской. Внезапная смерть на 26-мъ году, послѣдовавшая 11 іюня 1896 года, отъ паралича сердца,—болѣзни, которою много лѣтъ страдала покойная,—положила предѣлъ ея 7-лѣтней плодотворной дѣятельности. Эта смерть, причинившая чувствительную, незамѣнимую потерю для Ладожской воскресной школы, вмѣстѣ съ тѣмъ показала, какую любовь въ народѣ къ школѣ создала покойная и какою любовью пользовалась она сама. Ученицы школы бросили полевыя работы, чтобы проводить въ послѣдній пріютъ ту, которая вдохнула въ нихъ жажду знанія, которая разорвала ту завѣсу тьмы, которая такъ долго закрывала глаза женской молодежи глухой станицы. «Останется-ли школа? кто-же сможетъ замѣнить Татьяну Саввишну?»—вотъ вопросы, прорывавшіеся среди плача и причитаній провожавшихъ ея останки ученицъ школы. Пишущему эти строки пришлось, полтора мѣсяца спустя, прожить около двухъ мѣсяцевъ въ этой станицѣ, и всякій разъ, когда я заходилъ въ ограду старой церкви, я находилъ на могилѣ Т. С. простенькіе вѣнки изъ полевыхъ и скромныхъ садовыхъ цвѣтовъ. Но не одну любовь въ своихъ бывшихъ ученицахъ и Ладожскую школу оставила послѣ себя покойная Т. С. Кривцова. Она оставила послѣ себя и другой, болѣе крупный памятникъ своей дѣятельности, а именно вызванный ея успѣшною дѣятельностью въ Ладожской воскресной школѣ упомянутый выше циркуляръ попечителя Кавказскаго учебнаго округа отъ 10-го марта 1895 года, создавшій въ самое незначительное время 52 новыхъ воскресныхъ школы въ Кубанской области. Воскресныя школы появились всюду, гдѣ при станичномъ училищѣ было не менѣе двухъ-трехъ учителей.

Мнѣ хочется сказать еще нѣсколько словъ о томъ, что давнымъ-давно всѣмъ извѣстно, но о чемъ, по моему мнѣнію, нужно все-таки говорить, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Что дастъ воскресная школа со своею, хотя и небольшою, но хорошо подобранною всегда библіотекою въ деревнѣ и станицѣ? Гдѣ ея культурная роль важнѣе и плодотворнѣе: въ городѣ или деревнѣ? Вотъ тѣ вопросы, которые мнѣ хочется поставить.

Давая народу грамоту и книгу, воскресная школа развиваетъ въ немъ любовь къ чтенію и къ знанію, увеличиваетъ процентъ грамотности, и въ этомъ ея громадная, неизмѣримая заслуга. За книгой идутъ всѣ, часто и не однѣ ученицы. Служа народу безкорыстно, не за деньги, воскресная школа въ деревнѣ заставляетъ народъ съ меньшимъ недовѣріемъ относиться къ привиллегированному классу. Ни одно училище въ деревнѣ не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать воскресная школа, соприкасаясь главнымъ образомъ съ болѣе взрослымъ населеніемъ.

Быть можетъ, поставленные мною вопросы, отвѣтить на которые болѣе подробно каждый съумѣетъ самъ, приведутъ къ тому-же дѣлу тѣхъ, кого случай такъ-же, какъ и покойную Т. С. Кривцову, забросить въ деревню.

---

*) Успѣхъ Ладожской воскресной школы вызвалъ циркуляръ попечителя Кавказскаго учебнаго округа отъ 10-го марта 1895 года къ директору народныхъ училищъ Кубанской области, результатомъ котораго и были эти 52 школы, возникшія осенью того-же 1895 года.

Какъ велико въ народѣ желаніе учиться, видно изъ того, что на четвертый годъ существованія воскресной школы въ станицѣ Ладожской изъ общаго числа явившихся записаться (135) въ началѣ учебнаго года, въ сентябрѣ, за недостаткомъ мѣста и учащихъ, пришлось принять только 85 учениць.

Дай-же Богъ, чтобы больше и чаще появлялись въ нашей сѣрой жизни люди съ такимъ ярко-горѣвшимъ любовью къ ближнимъ сердцемъ, какимъ обладала покойная. Мнѣ хочется вѣрить, что такихъ глухихъ уголковъ, какъ Ладожская станица, съ такими-же безвѣстными труженицами и тружениками на благо народа не мало. В. И—ъ.

Августъ Адольфовичъ Гофманъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Скончавшійся въ ночь на 3 января директоръ Спб. 7-й гимназіи Августъ Адольфовичъ Гофманъ родился въ 1829 г. въ Германіи, въ провинціи Ганноверѣ; образованіе получилъ въ Оснабрюкенской гимназіи и въ университетахъ Геттингенскомъ и Эрлангенскомъ. Получивъ степень доктора филологіи, началъ преподавать древніе языки. Въ 1859 г. приглашенъ былъ преподавателемъ въ Выборгъ, въ гимназію Бема, а въ слѣдующемъ году сдѣлался воспитателемъ дѣтей знаменитаго Пирогова, бывшаго тогда попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, и прожилъ годъ въ его имѣніи, въ Подольской губерніи. Въ 1861 г. короткое время читалъ лекціи нѣмецкаго языка въ Нѣжинскомъ институтѣ. Въ 1862 г. получилъ степень кандидата филологіи въ университетѣ св. Владиміра и началъ преподавать древніе языки въ Кіевской 1-й гимназіи. Въ 1868 г. былъ переведенъ въ Петербургъ въ 3-ю гимназію, а въ 1873 г. назначенъ инспекторомъ 2-й прогимназіи; по преобразованіи ея въ 1879 г. въ 7-ю гимназію, онъ оставался въ ней директоромъ до самой своей смерти. Кромѣ того, былъ много лѣтъ предсѣдателемъ Совѣта въ гимназіи Стоюниной и преподавалъ нѣмецкій языкъ въ Рождественской женской гимназіи.

Покойный былъ знатокомъ филологіи: онъ извѣстенъ въ учебной литературѣ многочисленными трудами, въ особенности комментированными изданіями рѣчей Цицерона и составленіемъ весьма распространенной грамматики нѣмецкаго языка. Незадолго до своей смерти покойный трудился надъ составленіемъ нѣмецкой хрестоматіи.

Какъ педагогъ, покойный пользовался всеобщимъ уваженіемъ за многолѣтнюю опытность и серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ: преподаватели и ученики сохранятъ о немъ память, какъ о труженикѣ, выше всего ставившемъ интересы преподаванія, строгомъ къ себѣ и снисходительномъ къ другимъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Страховская библіотека. Наслѣдница имущества покойнаго Николая Николаевича Страхова, его племянница, г-жа Матченко всю оставшуюся послѣ дяди драгоцѣнную библіотеку въ количествѣ 14 тысячъ томовъ принесла въ даръ Спб. университету, съ тѣмъ условіемъ, чтобы эта библіотека была названа «Страховскою», чтобы всѣ оказавшіеся среди книгъ рукописи и писанные документы, замѣтки, письма и т. п. были возвращены ей, а учебники для среднеучебныхъ заведеній были переданы въ библіотеку гимназіи Историко-филологическаго института. Благодаря столь щедрому пожертвованію, библіотека Спб. университета получила возможность пополнить цѣлый рядъ существенныхъ пробѣловъ по всѣмъ отдѣламъ, а особенно отдѣлъ русскихъ книгъ, въ которомъ недоставало многихъ капитальныхъ сочиненій. Отдѣлъ народнаго творчества значительно обогатился также, благодаря пожертвованію академика и проф. ботаники А. Н. Фаминцына, который подарилъ библіотекѣ всѣ оставшіяся послѣ смерти его брата, А. Н. Фаминцына (композитора и музыкальнаго критика), книги по миѳологіи и пѣсенному творчеству славянъ и другихъ народовъ. Книги-же о музыкѣ подарены имъ библіотекѣ консерваторіи. («Нов.»).

Обществу распространенія между образованными женщинами практическихъ занятій назначено отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ пособіе въ три тысячи руб. («Н. Вр.»).

Климатическая гимназія. Въ Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ возникла мысль о созданіи на югѣ Россіи, въ тепломъ климатѣ, близъ моря, изъ казенныхъ дачъ южнаго берега Крыма или Черноморскаго побережья Кавказа, спеціальнаго учебнаго заведенія для слабыхъ и болѣзненныхъ дѣтей, обставленнаго надлежащимъ медицинскимъ персоналомъ и обладающаго всѣми потребными терапевтическими средствами, согласно требованіямъ современной науки. Необходимость такого заведенія обусловливается поступающими въ Министерство многочисленными просьбами родителей слабосильныхъ или болѣзненныхъ дѣтей о помѣщеніи ихъ въ Никитское училище садоводства, чтобы дать имъ возможность поправиться въ хорошемъ климатѣ и въ то-же время получить обезпечивающее въ будущемъ спеціальное образованіе. Удовлетворять эти просьбы не представляется возможнымъ въ силу практическихъ неудобствъ, возникающихъ отъ помѣщенія дѣтей болѣзненныхъ и слабосильныхъ съ дѣтьми вполнѣ здоровыми. Между

тѣмъ удовлетвореніе указанной насущной потребности является необходимымъ, и спеціальное лечебно-воспитательное заведеніе, связанное съ сельскимъ хозяйствомъ, садоводствомъ и винодѣліемъ, требующими работъ на воздухѣ, всего ближе можетъ содѣйствовать этой цѣли. Въ это заведеніе могли-бы также быть переводимы, хотя-бы на время, слабосильныя дѣти изъ другихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ могло-бы быть спасено не мало молодыхъ жизней.

Для подробной разработки проекта Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, съ Высочайшаго соизволенія, образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ директора Департамента земледѣлія съ участіемъ представителей Министерствъ Внутр. Дѣлъ и Нар. Просв. («Нов. Вр.»).

Реальное училище въ Кутаисѣ. Мин. Нар. Просв. испрошено разрѣшеніе на постепенное образованіе съ начала 1897—1898 учебнаго года Кутаисской четырехклассной прогимназіи въ реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ. Съ 1-го іюля 1897 года будутъ закрыты приготовительный, I и II классы прогимназіи и взамѣнъ ихъ открыты соотвѣтствующіе классы реальнаго училища, а въ послѣдующіе годы будутъ закрываться по одному классу прогимназіи, до окончательнаго ея упраздненія и прибавляться по одному слѣдующему классу реальнаго училища, впредь до полнаго сформированія послѣдняго. Согласно тому-же законоположенію, изъ 60-ти казенныхъ стипендій, учрежденныхъ въ 1867 году при Кутаисской гимназіи, 30 должны быть переведены, по мѣрѣ ихъ освобожденія, въ Кутаисское реальное училище, причемъ всѣ эти стипендіи будутъ распредѣлены такимъ образомъ, чтобы по двадцати пяти изъ нихъ въ томъ и другомъ учебномъ заведеніи были предоставляемы дѣтямъ князей и дворянъ Кутаисской губерніи, а по пяти стипендій—дѣтямъ русскихъ чиновниковъ, служащихъ или служившихъ въ классныхъ должностяхъ на Сѣверномъ Кавказѣ или въ Закавказьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, размѣръ стипендій будетъ увеличенъ съ 200 до 240 рублей, на счетъ суммы въ 2.400 рублей, отпускаемой теперь изъ казны на 30 стипендій при Кутаисской прогимназіи.

Общество рисовальщиковъ. Бывшіе ученики центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица возбуждаютъ ходатайство о разрѣшеніи образовать Общество ученыхъ рисовальщиковъ, имѣющее цѣлью содѣйствіе дальнѣйшему художественному усовершенствованію окончившихъ курсъ центральнаго училища. («Нов.»).

Учительская церковно приходская школа въ г. Винницѣ. Городъ обогатился новымъ разсадникомъ просвѣщенія. Недавно здѣсь окончена постройкою и освящена первая въ епархіи второклассная церковно-приходская школа съ ремесленными при ней отдѣленіями и классами садоводства и огородничества. Прекрасное въ архитектурномъ отношеніи, составляющее украшеніе г. Винницы, двухъ-этажное зданіе школы расположено на мѣстѣ, отведенномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ для духовнаго училища, невдалекѣ отъ вокзала желѣзной дороги. Весь участокъ земли (4 десятины), отведенной подъ школу, обнесенъ оградою и представляетъ большое удобство для устройства на немъ сада и огорода. Благодаря стараніямъ умѣлыхъ и добросовѣстныхъ строителей школы, подрядчиковъ гг. братьевъ Пираки, школьное зданіе является вполнѣ хорошо устроеннымъ и приспособленнымъ для своей

цѣли. Стоимость постройки простирается до 35.000 р. Эта сумма составилась частью изъ средствъ, отпущенныхъ епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ (10.000 р.), изъ общеепархіальныхъ суммъ (7.000 р) и единовременнаго взноса отъ приходскихъ церквей уѣзда и частныхъ пожертвованій (1.500 р.); частью-же изъ взносовъ отъ волостей 1 мирового участка, съ тѣмъ, чтобы каждая волость имѣла право представить въ училище по три стипендіата изъ крестьянскихъ мальчиковъ, окончившихъ курсъ въ церковно-приходской или министерской школѣ. По первоначальному проекту, новоустроенная школа должна была быть двухклассною церковно-приходскою школою съ учительскими курсами садоводства и огородничества. Согласно Высочайше утвержденнымъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1896 г. правиламъ о церковно-приходскихъ школахъ, эта школа причислена къ разряду такъ называемыхъ «второклассныхъ» церковно-приходскихъ школъ. Курсъ ученія въ ней будетъ пятилѣтній; послѣдній годъ учащіеся будутъ практически заниматься, подъ руководствомъ особаго учителя, для ознакомленія съ пріемами преподаванія въ первомъ классѣ школы. При этой школѣ будетъ устроена примѣрная школьная библіотека. («Жизнь и Иск.»).

Общество взаимопомощи нар. учителей въ Балашовѣ. Въ «Сарат. Дн.» сообщаютъ, что недавно одобренъ весьма симпатичный проектъ, выработанный трудами учителей г. Балашова вмѣстѣ съ инспекторомъ народныхъ училищъ, а именно, предположено открыть для учителей Общество взаимнаго вспомоществованія. Цѣль этого Общества—«оказывать денежную помощь и помощь другихъ видовъ крайне нуждающимся учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Балашовскаго уѣзда». Предварительное собраніе учащихъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ предположило ежегодный взносъ членовъ—дѣйствительныхъ (учащихъ) и членовъ-соревнователей (не учащихъ) въ три рубля, а для членовъ пожизненныхъ—въ 30 рублей; § 21 нормальнаго устава выразить такъ: единовременныя пособія выдаются при крайней въ томъ нуждѣ члена Общества, происшедшей отъ потери занятій, болѣзни, чрезвычайныхъ расходовъ по воспитанію дѣтей и другихъ причинъ; § 40 выразить такъ: общее собраніе считается состоявшимся, если на немъ присутствуетъ 1/5 всѣхъ членовъ, и § 47: если признано будетъ необходимымъ приступить къ закрытію Общества, то по постановленію о томъ общаго собранія въ составѣ не менѣе 1/2 всѣхъ членовъ и т. д.

Новое отдѣленіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Изъ Вильны пишутъ въ варшавскую газету «Hazefirah». что нѣсколько почтенныхъ дѣятелей, изъ числа тамошней еврейской общины, возбудили недавно ходатайство объ открытіи въ этомъ городѣ отдѣленія «Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи», и что съ этой цѣлью оттуда былъ командированъ въ С.-Петербургъ, гдѣ имѣетъ пребываніе комитетъ Общества, присяжный повѣренный Д. Слонимскій, который возвратился изъ столицы, полный надеждъ на успѣхъ дѣла. Названное Общество пока имѣетъ только одно отдѣленіе въ Одессѣ, такъ что проектированное виленское отдѣленіе явится вторымъ отдѣломъ этого симпатичнаго просвѣтительнаго учрежденія.

Каталоги книгъ для сельскихъ библіотекъ. По словамъ «Од. Нов.», Министерство Народнаго Просвѣщенія, имѣя въ виду неполноту и несоотвѣтствіе съ запросами читателей каталога книгъ и списка періодическихъ изданій, допущенныхъ къ обращенію въ названныхъ читальняхъ и библіотекахъ, обратилось къ инспекторамъ народныхъ училищъ съ предложеніемъ—дополнить, при содѣйствіи подчиненныхъ имъ преподавателей, списокъ и каталогъ тѣми книгами и газетами, которыя или признаны будутъ полезными и желательными къ допущенію въ народныя читальни и библіотеки. Въ тоже время кіевская газета «Жизнь и Искусство» сообщаетъ, что въ Черниговѣ скоро выйдетъ изъ печати «Примѣрный каталогъ книгъ для сельскихъ и школьныхъ библіотекъ», надняхъ разрѣшенный мѣстной цензурой. Названный каталогъ составленъ, по порученію Черниговской губернской земской управы прежняго состава, группой мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ. Прежде чѣмъ занести ту или другую книгу въ упомянутый каталогъ, составители послѣдняго обязательно прочитывали неизвѣстныя имъ книги, писали о нихъ рецензіи, каковыя затѣмъ читались въ общемъ собраніа составителей, и только по общемъ одобреніи данной книги, послѣдняя заносилась въ каталогъ. Благодаря такому добросовѣстному отношенію составителей къ взятому ими на себя доброму дѣлу, въ «примѣрный каталогъ книгъ для сельскихъ и школьныхъ библіотекъ» не могли попасть книги деморализующаго содержанія. Въ каталогъ внесено 593 названія книгъ на сумму 346 р. 79 к., одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для народныхъ общественныхъ библіотекъ; при чемъ особымъ знакомъ отмѣчены тѣ книги, которыя допущены и въ школьныя библіотеки. Эта особенность каталога весьма умѣстна, такъ какъ не всѣ книги, допущенныя въ сельскія библіотеки, можно имѣть въ школьныхъ библіотекахъ. Для болѣе удобнаго пользованія каталогомъ лицу, мало знакомому съ народной литературой, и для внесенія нѣкоторой систематичности въ народное чтеніе, всѣ рекомендуемыя книги расположены въ каждомъ отдѣлѣ по степени увеличивающейся трудности ихъ пониманія или сложности ихъ содержанія. Затѣмъ, кромѣ того, всѣ книги разгруппированы на три «круга», соотвѣтственно «тремъ нормальнымъ группамъ народныхъ читателей: первый кругъ включаетъ дѣтей и школьниковъ, еще не пріобрѣвшихъ привычки къ самостоятельному чтенію, въ возрастѣ, приблизительно, отъ 9 до 13 лѣтъ, второй кругъ—оканчивающихъ курсъ и подростковъ отъ 13 до 17 лѣтъ и третій кругъ, включающій въ себѣ все взрослое грамотное населеніе». Въ предисловіи къ «примѣрному каталогу» говорится, что «предлагаемая систематизація народнаго чтенія является одной изъ первыхъ попытокъ подобнаго рода, а потому, конечно, не имѣетъ никакихъ притязаній на законченность и удовлетворительность выполненія».

Полезное разъясненіе о народныхъ библіотекахъ. Въ «Вят. Губ. Вѣд.» напечатанъ слѣдующій циркуляръ г. губернатора уѣзднымъ исправникамъ: «До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые становые пристава, при исполненіи распоряженія о повѣркѣ библіотекъ-читаленъ (циркуляръ 16-го сентября 1896 г. № 6731), распространяютъ это распоряженіе и на библіотеки при училищахъ, состоящія въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія и подлежащія исключительно надзору учебнаго начальства: нѣкоторые—требуютъ библіотеки, для повѣрки ихъ, къ себѣ на домъ, иные—привлекаютъ въ дѣлѣ надзора за библіотеками, въ качествѣ исполнительныхъ лицъ, нижнихъ чиновъ полиціи.

«Для устраненія такого недоразумѣнія, предлагаю гг. начальникамъ полиціи принять къ руководству и исполненію слѣдующее: 1) повѣркѣ и, вообще, надзору полиціи подлежатъ лишь народныя библіотеки-читальни, открытыя съ разрѣшенія губернскаго начальства, на основаніи утвержденныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 15-го мая 1890 года правилъ о безплатныхъ народныхъ читальняхъ, а также библіотеки, хотя и состоящія при училищахъ, но находящіяся въ отдѣльныхъ отъ классныхъ комнатъ помѣщеніяхъ и не соединенныя съ ученическими библіотеками; о разрѣшеніи открытія всѣхъ такихъ библіотекъ начальники полиціи каждый разъ извѣщаются; 2) библіотеки должны быть провѣряемы на мѣстѣ; 3) повѣрка библіотекъ и надзоръ за ними отнюдь не должны быть ввѣряемы нижнимъ чинамъ полиціи; 4) при предъявленіи требованій объ изъятіи изъ обращенія въ библіотекахъ книгъ или періодическихъ изданій, не вошедшихъ въ изданные, по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія, каталогъ книгъ, для безплатныхъ народныхъ читаленъ и списокъ періодическихъ изданій (разосланные при означенномъ циркулярѣ за № 6731), допускаемыхъ къ обращенію въ этихъ читальняхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ библіотекахъ этихъ могутъ обращаться книги и изданія, представленныя наблюдающимъ за читальнею лицомъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Министерства Нар. Просв. и допущенныя послѣднимъ къ употребленію въ данной читальнѣ».

Чтенія по медицинѣ для народа. По постановленію херсонскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшемуся въ ноябрѣ 1894 г., губернскою управою возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи земскимъ врачамъ вести чтенія и собесѣдованія для крестьянъ по вопросамъ санитарнымъ, гигіеническимъ и, вообще, медицинскимъ. Ходатайство прошло по разнымъ инстанціямъ, и только теперь, черезъ два года, учебнымъ вѣдомствомъ дано знать, что при ходатайствѣ объ устройствѣ вышеупомянутыхъ народныхъ чтеній по медицинѣ необходимо выполнить такія требованія: 1) указать мѣстности и въ мѣстностяхъ помѣщенія, гдѣ именно будутъ производиться чтенія; 2) поименовать лицъ духовнаго или учебнаго вѣдомства, которымъ въ каждой отдѣльной мѣстности предполагается предоставить непосредственное и отвѣтственное наблюденіе за чтеніями; 3) объяснить, кто, именно, будетъ устроителемъ чтеній въ той или другой мѣстности и въ чьемъ ближайшемъ завѣдываніи будетъ находиться матеріальная сторона дѣла; 4) кѣмъ именно изъ земскихъ врачей будутъ производиться чтенія въ той или другой мѣстности, и 5) по какимъ именно книгамъ и брошюрамъ будутъ ведены чтенія по гигіенѣ и, вообще, по медицинѣ. Далѣе поясняется, что такъ какъ выполнить такія требованія ближе всего могутъ уѣздныя земскія управы Херсонской губерніи, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ земскія училища, гдѣ могутъ быть введены чтенія, и земскіе врачи, то уѣздныя управы и должны-бы непосредственно отъ себя внести въ установленномъ порядкѣ ходатайство о чтеніяхъ. Въ заключеніе своего сообщенія инспекторъ народныхъ училищъ предлагаетъ: дѣло объ устройствѣ въ уѣздахъ Херсонской губерніи сказанныхъ чтеній для крестьянъ передать для дальнѣйшаго его направленія въ уѣздныя земскія управы губерніи, съ тѣмъ, чтобы управы непосредственно отъ себя внесли въ установленномъ порядкѣ ходатайства о чтеніяхъ. Губернской земской управѣ пришлось съ этимъ согласиться.

Народныя чтенія въ г. Камышинѣ. Чтенія стали организовываться земствомъ въ уѣздѣ со свѣтовыми картинами. На пріобрѣтеніе картинъ и волшебныхъ фонарей израсходовано 1.190 руб. На открытіе библіотекъ въ 1897 году ассигновано 800 руб. и на устройство народныхъ чтеній—200 руб. До послѣдняго времени при уѣздной управѣ находилось отдѣленіе книжнаго склада саратовскаго губернскаго земства. Такъ какъ большая часть книгъ, присылаемая губернской управой, для народнаго чтенія совершенно непригодна, а торговля учебниками обставлена затруднительными условіями, то уѣздное собраніе постановило открыть съ 1897 г. при управѣ собственный книжный складъ и ассигновать на его операціи 1.000 р. («Рус. Вѣд.»).

Отклоненное ходатайство. Псковское губернское земское собраніе возбудило ходатайство о томъ, чтобы родители не брали своихъ дѣтей безъ уважительныхъ причинъ изъ начальныхъ училищъ ранѣе окончанія ими годового курса ученія. Мин. Нар. Просв., до разсмотрѣнія котораго доходило это ходатайство, нашло, что какія-либо принудительныя и стѣснительныя мѣры въ дѣлѣ народнаго образованія были-бы нынѣ не только несвоевременны, но даже положительно вредны, такъ какъ онѣ могли-бы поколебать сочувствіе, питаемое населеніемъ къ школамъ, которыя настолько переполнены учащимися, что приходится отказывать значительному числу желающихъ поступить въ школу. По всѣмъ этимъ основаніямъ Министерство Народнаго Просвѣщенія полагало оставить это ходатайство безъ послѣдствій, и въ такомъ видѣ дѣло это поступило на разсмотрѣніе Комитета Министровъ («Рус. Вѣд.»).

О надѣленіи народныхъ школъ землею. Для подробнаго разсмотрѣнія этого предмета, по словамъ «Русск. Вѣд.», организовано особое совѣщаніе, которому предположено дать на разрѣшеніе слѣдующіе вопросы: 1) какія изъ существующихъ начальныхъ школъ желательно надѣлять земельными отъ казны участками; 2) всѣмъ-ли школамъ извѣстнаго типа и вѣдомства, не имѣющимъ своего (дарового или покупного) достаточнаго участка земли, должно быть предоставлено право на надѣлъ или лишь тѣмъ изъ нихъ, которыя будутъ удовлетворять условіямъ, обезпечивающимъ удобства и пользу надѣленія; 3) кто имѣетъ право ходатайствовать о надѣленіи школы земельными отъ казны участками и кому принадлежитъ окончательное право разрѣшать удовлетвореніе этого ходатайства или въ удовлетвореніи его отказывать; 4) какую цѣль должно имѣть въ виду при надѣленіи школъ земельными участками и, согласно съ этою цѣлью, какого размѣра должны быть эти участки. Сверхъ того, выставлены на разрѣшеніе совѣщанія еще слѣдующіе три дополнительныхъ вопроса: 1) на какія именно мѣстности дѣйствіе закона распространяется; 2) слѣдуетъ-ли надѣлять земельными участками тѣ школы, гдѣ учатъ священно-церковно-служители, имѣющіе свои надѣлы; 3) при болѣе обширныхъ надѣлахъ, не слѣдуетъ-ли надѣломъ замѣнять часть получаемаго учителями денежнаго содержанія.

Далѣе возбужденъ также вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли прежде выработки подробнаго и окончательнаго закона о надѣленіи низшихъ школъ земельными отъ казны участками, предоставить: а) Мин. Нар. Просв. озаботиться выработкою плана подготовленія сельскихъ учителей къ веденію на школьныхъ участкахъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства и б) Министерству Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, не ограничиваясь приведеніемъ

валовыхъ цыфръ о количествѣ и пространствѣ оброчныхъ статей хозяйственнаго вѣдомства, изъ коихъ могли-бы быть отведены школьные надѣлы, собрать и представить подробныя свѣдѣнія о томъ, въ какой именно мѣстности, какія именно оброчныя статьи и въ какомъ размѣрѣ могли-бы быть нынѣ, съ удобствомъ для школы, безъ неудобствъ для казны, пожертвованы на дѣло школьнаго образованія. Выработанъ даже предположительный планъ надѣленія народныхъ школъ землею; по плану этому: 1) предоставляется Министру Земледѣлія, по ходатайству подлежащихъ вѣдомствъ, отводить низшимъ школамъ, преимущественно двухклассным,—какъ образцовымъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и церковно-приходскимъ, равно какъ и школамъ второклассным,—участки казенной земли въ тѣхъ случаяхъ, когда школа удовлетворяетъ поставленнымъ ей для этого условіямъ, и, по расположенію удобныхъ для таковаго отвода казенныхъ земель, не встрѣчается къ тому препятствій. 2) Условія, при коихъ школа имѣетъ право ходатайствовать о надѣленіи ея землею, слѣдующія: а) во главѣ школы долженъ стоять учитель (или учительница), подготовленный къ веденію той или другой отрасли сельскаго хозяйства и имѣющій желаніе заняться этимъ дѣломъ; б) школа должна быть окончательно устроена, имѣть свое постоянное помѣщеніе и достаточныя средства для веденія предположенной отрасли сельскаго хозяйства, а также въ теченіе нѣкотораго время (не менѣе года или двухъ лѣтъ) успѣшно уже дѣйствовать. Школы, надѣленныя уже достаточнымъ количествомъ земли отъ частныхъ лицъ, сельскихъ обществъ или различныхъ учрежденій, а равно имѣющія купленную землю, на надѣлъ землею отъ казны права не имѣютъ.

Фабричная школа при народномъ училищѣ. Съ разрѣшенія попечителя Кіевскаго учебнаго округа, съ 27 ноября открыты при Дитятковскомъ народномъ училищѣ, Радомысльскаго уѣзда (Кіевской губ.), вечернія занятія со взрослыми. Желающихъ учиться записалось свыше 40 душъ взрослыхъ; всѣ записавшіеся—рабочіе мѣстной писчебумажной фабрики, которыхъ работаетъ на фабрикѣ свыше 1.000 человѣкъ. На вечернихъ занятіяхъ преподаютъ пока учитель и законоучитель, съ января-же примутъ участіе въ занятіяхъ инженеръ-технологи фабрики: И. С. Хряковъ, М. Г. Бяликъ, А. Ѳ. Левашевъ и Ф. Я. Мельниковъ; всѣ они приглашены училищемъ съ вѣдѣнія попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Стремленіе къ начальному образованію выражается въ нижеслѣдующемъ: въ Дитятковскомъ училищѣ учатся только дѣти фабричныхъ, коихъ въ настоящемъ году 104 человѣка, изъ нихъ 46 дѣвочекъ. Окончило курсъ ученія въ прошломъ учебномъ году 15 чел., готовится къ выпуску 17. Въ нынѣшнемъ году училище заново отремонтировано, классъ представляетъ большую свѣтлую комнату, освѣщаемую по вечерамъ тремя электрическими лампами, въ 100 свѣчей каждая. Классъ выкрашенъ масляными красками. Учительская, гдѣ помѣщается библіотека, просторная комната. Библіотека училища обладаетъ 720 томами учебниковъ, 363 томами для чтенія; кромѣ этого, училище имѣетъ 80 картинъ изъ священной исторіи, 45 картинъ изъ русской исторіи, 8 геометрическихъ фигуръ, 1 глобусъ, 1 теллурій и фисъ-гармонію. Учащіеся пользуются всѣми необходимыми учебными пособіями безплатно. Училище содержится на счетъ фабрики. Жалованье законоучителю, учителю и помощницѣ учителя платится фабрикой. Въ этомъ году введено преподаваніе рукодѣлія для дѣвочекъ. Окончившіе курсъ принимаются на фабрику; всѣ несовершеннолѣтніе, не окон-

чившіе курса, на фабрику не принимаются; окончившимъ курсъ училища и поступившимъ на фабрику даются администраціей фабрики нѣкоторыя льготы. Фабрика имѣетъ свои прекрасно поставленныя мастерскія—столярную, слесарную и кузнечную, куда окончившіе курсъ принимаются въ ученье. Привлеченіе гг. инженеръ-технологовъ къ участію въ вечернихъ занятіяхъ имѣетъ цѣлью ознакомить рабочихъ со свѣдѣніями, полезными для ихъ работъ. Потребность въ такихъ занятіяхъ давно ощущалась. Сталкиваясь постоянно на фабрикѣ со сложными машинами и инструментами, безъ теоретической подготовки рабочему очень трудно оріентироваться, а уроки гг. технологовъ, безъ сомнѣнія, будутъ весьма полезны. («Кіевл.»).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

О ПОДПИСКѢ НА 1897 Г.

(седьмой годъ изданія)

НА

„МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ

подъ редакціею **А. И. Воейкова и І. Б. ШПИНДЛЕРА.**

Журналъ выходитъ въ 1897 г. ежемѣсячно, въ объемѣ отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ, съ рисунками и чертежами.

Цѣль журнала—вводить постепенно въ кругъ метеорологическихъ знаній неспеціалистовъ рядомъ популярныхъ общедоступныхъ статей по разнымъ отдѣламъ метеорологіи, не отставая въ то-же время отъ важнѣйшихъ вопросовъ дня и отъ ученыхъ новостей въ Россіи и за границею, и содѣйствовать, между прочимъ, развитію у насъ народной и сельско-хозяйственной метеорологіи. Это первый и пока единственный въ Россіи научно-популярный журналъ по метеорологіи. Изученіе климатовъ различныхъ мѣстъ нашего обширнаго отечества, вопросы о предсказаніи погоды, организація наблюденій для цѣлей сельскаго хозяйства, гигіены и др., описаніе инструментовъ, новости русской и иностранной литературы, ежемѣсячные обзоры погоды и сопоставленіе послѣдней съ развитіемъ растительности, урожаемъ и т. п.—все это находитъ себѣ мѣсто на страницахъ журнала.

Сообразно съ намѣченными задачами журналъ подраздѣляется на пять отдѣловъ: I. Научныя и популярныя статьи по всѣмъ частямъ метеорологіи, по гидрологіи и земному магнетизму. II. Разныя извѣстія. III. Обзоръ русской и иностранной литературъ. IV. Ежемѣсячные обзоры погоды съ картою. V. Вопросы и отвѣты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкою во всѣ города Россіи **5** р.; за границу—**6** р. Допускается разсрочка подписной платы по соглашенію съ редакціею. Подписка принимается въ **Имераторскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ** (С.-Петербургъ, у Чернышева моста), въ будніе дни отъ 12-ти до 4-хъ часовъ дня. Иногородные адресуются въ *С.-Петербургъ, Императорское Русское Географическое Общество въ редакцію «Метеорологическаго Вѣстника»*.

По этому же адресу высылаются и статьи для помѣщенія въ журналѣ. Перечень статей, поступившихъ въ редакціи, будетъ сообщаться въ отдѣлѣ корреспонденціи съ указаніемъ, какія статьи предполагается напечатать. Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ высылать обратно статьи, почему-либо не напечатанныя.

За перемѣну адреса платится **20** к. Жалобы на неисправность достатки слѣдуетъ направлять въ редакцію журнала и согласно объявленія отъ Почтоваго Департамента не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

Полные экземпляры «Метеорологическаго Вѣстника» за 1892—1896 г. могутъ быть высылаемы наложеннымъ платежемъ за 15 р.

1—3

27.X.32.